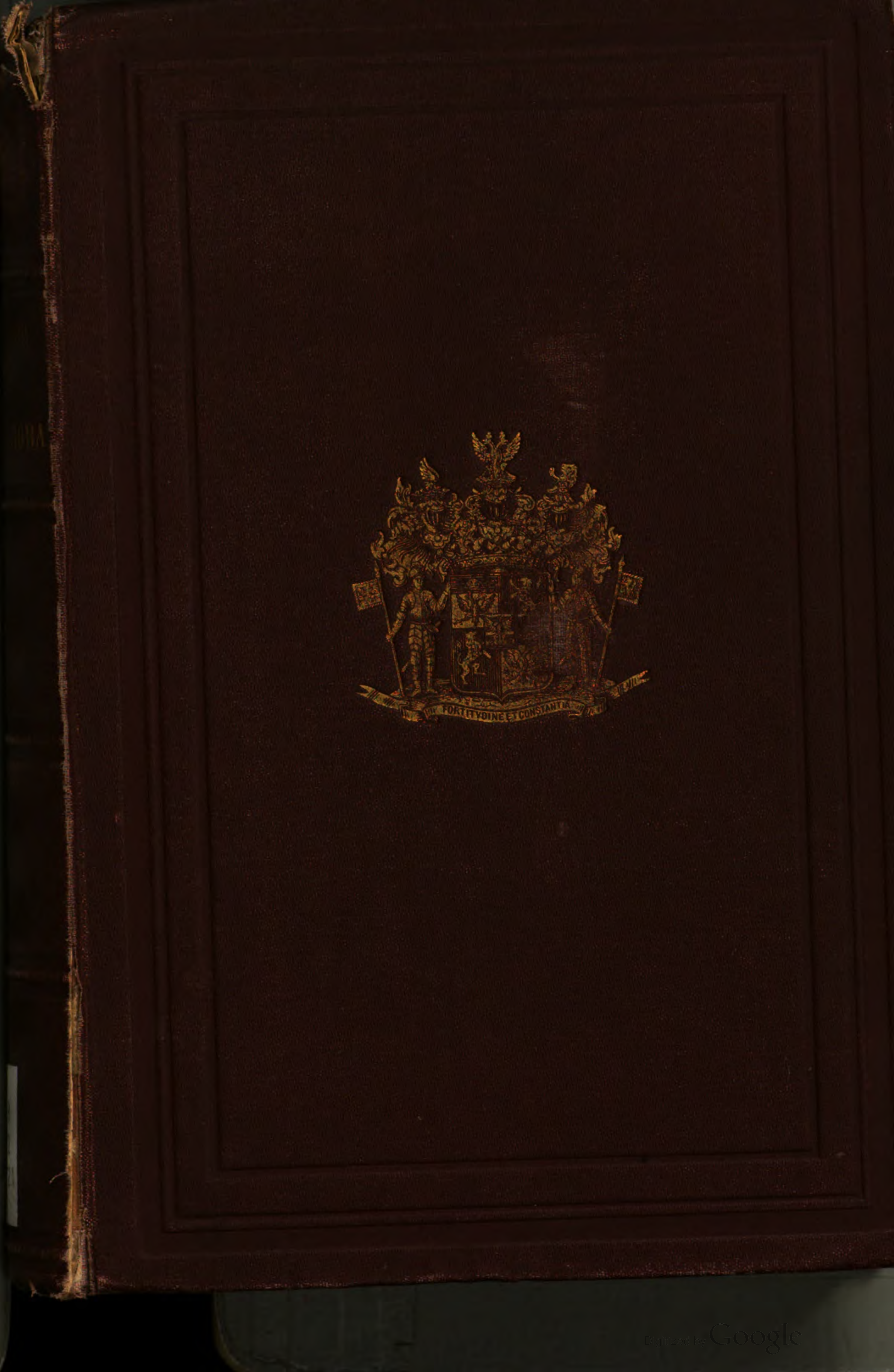
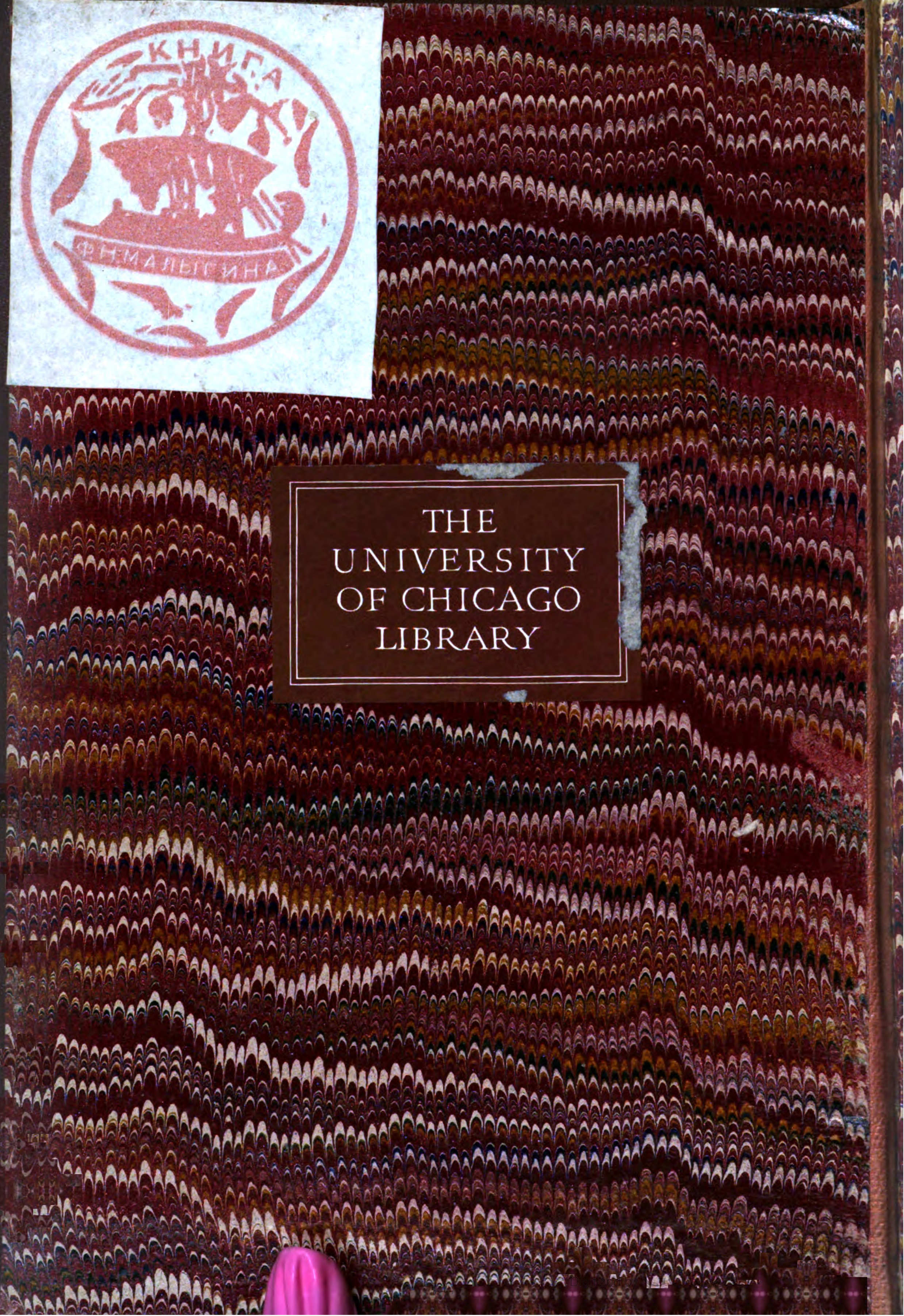
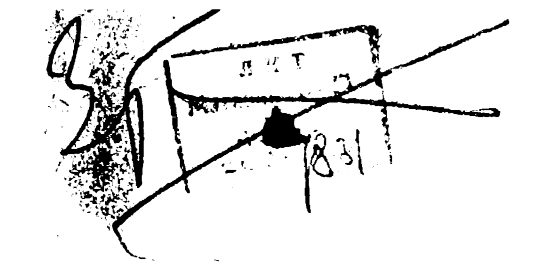
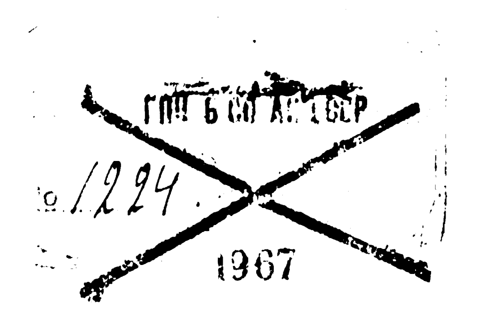

FORTITVDINE ET CONSTANTIA

КНИГА
Ф.Н.МАЛЫГИНА
THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

1831

1224
1967

Лампи пис. Леополдъ Фламенгъ грав.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

ГРАФА ВЛАДИМІРА ГРИГОРЬЕВИЧА

ОРЛОВА.

СОСТАВЛЕНЪ ВНУКОМЪ ЕГО,

ГРАФОМЪ ВЛАДИМІРОМЪ ОРЛОВЫМЪ-ДАВЫДОВЫМЪ.

ТОМЪ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

MDCCCLXXVIII.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

Въ нашемъ обществѣ, за послѣднее время, съ особенною силою проявилось расположенiе знакомиться съ мельчайшими подробностями, касающимися частной жизни людей, имена коихъ связаны съ исторiею осьмнадцатаго вѣка. Этихъ людей мы долго знали не иначе, какъ по офицiальнымъ даннымъ служебной ихъ дѣятельности на Государственномъ поприщѣ, — по Высочайшимъ рескриптамъ, или по собственной ихъ перепискѣ, носящей на себѣ болѣе или менѣе академическiй оттѣнокъ и какъ бы предназначенной для печати. Очевидно, такое внѣшнее знакомство съ историческими лицами не могло удовлетворять любознательности ихъ соотечественниковъ.

Собиратели историческихъ матерiаловъ не разъ просили меня сообщить имъ письма и документы, хранящiеся въ моемъ семейномъ Отрадинскомъ архивѣ и могущiе содержать въ себѣ интересныя данныя касательно фамилiи Графовъ Орловыхъ. По двумъ причинамъ я не считалъ удобнымъ удовлетворить эти просьбы.

Первая — та, что бумаги, оставшіяся послѣ Графа Владиміра Григорьевича, только косвенно касаются современныхъ политическихъ событій; а вторая, — что я самъ намѣревался собрать и составить изъ нѣкоторыхъ писемъ и дневниковъ нѣчто цѣлое, представляющее болѣе интереса, чѣмъ разбросанные отрывки, появляющіеся въ періодическихъ изданіяхъ. Въ настоящее время я привелъ въ исполненіе свое намѣреніе.

Человѣкъ, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящемъ очеркѣ, былъ членомъ семьи, занимавшей одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи царствованія Императрицы Екатерины Великой. Графъ Владиміръ Григорьевичъ замѣчателенъ особенностями, которыя отличаютъ людей самостоятельныхъ, твердыхъ и не гоняющихся за извѣстностью. Онъ жилъ въ обществѣ, преисполненномъ не только самыхъ разнообразныхъ, но и самыхъ противуположныхъ мнѣній и правилъ. Принадлежа, по своему рожденію и воспитанію, къ высшему общественному и придворному кругу, онъ имѣлъ, однако, болѣе влеченія къ жизни деревенской и къ сельской средѣ; западная цивилизація сливалась въ немъ съ величіемъ національныхъ чувствъ.

Радостныя и горестныя событія его жизни какъ бы отражаются на спокойной поверхности чистой совѣсти. Мы видимъ его поочередно на берегахъ Эльстера, Невы, Волги. Темзы, пока наконецъ его дѣятельность не сосредоточивается въ Москвѣ и въ подмосковномъ его имѣніи — Отрадѣ.

Между Графомъ Владиміромъ и его четырьмя старшими братьями было много единства, хотя въ то же время и большая противуположность въ нравахъ.

Письма Графа Владиміра Григорьевича бросаютъ яр-

кій свѣтъ на домашнюю жизнь и характеръ каждаго изъ членовъ семейства. По нимъ любопытно прослѣдить отношенія Графа къ ученымъ, братьямъ и своимъ дѣтямъ. Въ своемъ взглядѣ на жизнь и въ своихъ дѣйствіяхъ онъ былъ ближе многихъ своихъ современниковъ къ нашему времени.

Меня будутъ упрекать, можетъ быть, въ томъ, что я привелъ слишкомъ много писемъ, носящихъ отпечатокъ чисто семейнаго интереса; но я хотѣлъ этимъ дать читателю возможность составить себѣ самостоятельное мнѣніе о характерѣ человѣка, проявившаго себя преимущественно въ частной жизни.

Хотя дѣятельность Графа Орлова, какъ Директора Академіи Наукъ, была весьма замѣчательна по той энергіи, съ какою онъ отдавался дѣлу науки, по важности экспедицій, предпринятыхъ по его почину и подъ его руководствомъ, по значительному числу иностранныхъ ученыхъ, привлеченныхъ имъ въ Россію, — но онъ обращаетъ на себя вниманіе особенно какъ типъ русскаго богатаго и знатнаго домовода XVIII и XIX столѣтій.

Часть представляемыхъ здѣсь писемъ была сообщена мнѣ по обязательному распоряженію Г. Президента Академіи Наукъ, Графа Ѳ. Ѳ. Литке; нѣкоторыя письма сообщены мнѣ правнукою Графа Владиміра Григорьевича, Кн. Маріею Александровною Мещерской, рожденной Гр. Паниной; но большая часть переписки взята мною изъ Отрадинскаго фамильнаго архива.

Читатели справедливо замѣтятъ, что было бы болѣе связи въ моемъ разсказѣ, если бы онъ не прерывался пространными письмами самого Графа Владиміра Григорьевича и его корреспондентовъ; но я рѣшился внести ихъ именно въ текстъ книги потому, что собственныя

слова человѣка имѣютъ для читателя гораздо болѣе значенія, чѣмъ всякая изъ нихъ выписка. Цѣль моя въ настоящемъ сочиненіи была — пополнить моими личными воспоминаніями сохранившіяся о Графѣ Владимірѣ Григорьевичѣ письменныя свѣдѣнія, и я въ этомъ дѣлѣ много обязанъ содѣйствію моей сестры, Кн. Елисаветы Петровны Долгорукой, которая одна со мною изъ всѣхъ внуковъ и внучекъ Графа Орлова осталась еще въ живыхъ.

Было бы лишнимъ, даже неумѣстнымъ представлять въ предисловіи характеристику моего дѣда.

Самъ читатель, ознакомясь съ сгруппированными здѣсь матеріалами, сдѣлаетъ заключеніе о характерѣ и всей жизни Графа Владиміра Григорьевича Орлова.

Въ приложеніяхъ я помѣстилъ нѣкоторыя подробности, служащія пополненіемъ тексту, но не относящіяся прямо къ личности Графа Владиміра Григорьевича.

I.

Родословная фамиліи Орловыхъ. — Свѣдѣнія о дѣдѣ и отцѣ Графа Владиміра Григорьевича. — Свѣдѣнія о братьяхъ Графахъ Орловыхъ: о Графѣ Иванѣ, Князѣ Григорьѣ, Графѣ Алексѣѣ Чесменскомъ и Графѣ Өедорѣ.

Фамилія Орловыхъ принадлежитъ къ числу старинныхъ дворянскихъ фамилій. Возведенные Императрицею Екатериною II въ Графское достоинство, пять братьевъ Орловыхъ составляли четырнадцатое колѣно потомства нѣкоего *Льва*, „мужа честна“, пришедшаго въ Россію изъ Прусской земли, при Великомъ Князѣ Василіи Дмитріевичѣ (сынѣ Дмитрія Донскаго), въ XIV столѣтіи, какъ видно изъ рукописи, хранящейся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.*) Происхожденіе Льва отъ иностранной фамиліи не подтверждается никакимъ стариннымъ актомъ. Оно могло быть вымышлено составителемъ родословной росписи, желавшимъ, какъ часто случалось, подольститься сильнымъ людямъ, производя ихъ отъ знаменитыхъ иностранцевъ, тогда какъ

*) См. Приложеніе I.

большая часть этихъ дворянскихъ родовъ была чисто русскаго происхожденія. — Послѣдовательное преемство отъ родоначальника Льва до Графовъ Орловыхъ доказывается родословною и писцовыми книгами по имѣнію Бѣжецкаго уѣзда — сельцу Люткину, которое названо въ писцовой книгѣ 7120 (1612) г. *старымъ* помѣстьемъ Орловыхъ, и не выходило изъ владѣнія ихъ фамиліи до смерти Графа Владиміра Григорьевича*).

Въ погостѣ Бѣжецахъ, близъ самаго Люткина, въ особой каменной усыпальницѣ около церкви, сохранились надгробные памятники дѣда, бабки и прабабки Графовъ Орловыхъ. На нѣсколько поврежденныхъ надгробныхъ камняхъ легко можно еще разобрать древнія надписи вязью: 1) „Лѣта 7201 (1693) Іюня въ 10 преставился рабъ Божіи Стряпчей Іоа^{н} Іоа^{н}но^{в} сы Орловъ. 2) „.... раба Бжія Марія Ма^{к}симо^{в}на жена Ивана Ивановича О^{р}лова житія ея 61 го^{д}“. 3) „Лѣта 7206 (1698) го^{ду} Марта въ 20^{де} престави^{ся} раба Бжія Наталия Никити^{ш}на Иванова жена....“ Съ этихъ надписей прилагаются точные снимки.

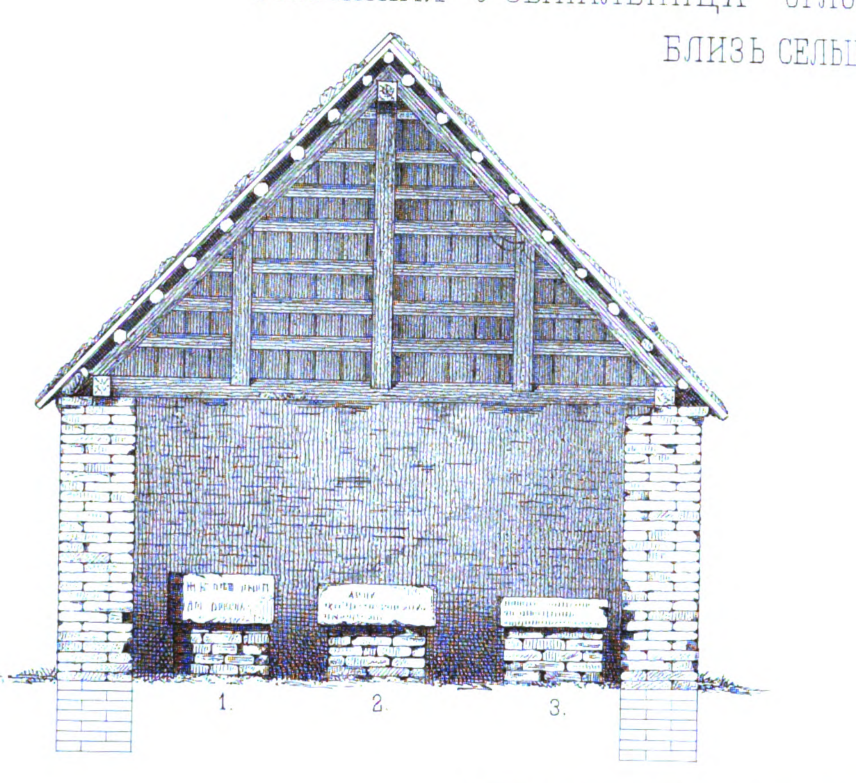
При разборѣ Орловскихъ семейныхъ бумагъ обращаетъ на себя вниманіе, такъ сказать, родовая черта цѣлыхъ поколѣній — домовитость и умѣнье распорядиться своимъ достояніемъ. До возвышенія своего при Екатеринѣ, Орловы безпрестанно прикупаютъ къ большимъ уже своимъ вотчинамъ другія у Щербатовыхъ, Хованскихъ, Долгоруковыхъ, Юсуповыхъ и проч. Въ 1768

---

*) Это имѣніе поступило, по завѣщанію, второй дочери Графа Владиміра Григорьевича, Графинѣ Софьѣ Владиміровнѣ Паниной, и въ настоящее время принадлежитъ его правнукѣ, Княгинѣ Маріи Александровнѣ Мещерской, рожденной Графинѣ Паниной.

СТАРИННАЯ УСЫПАЛЬНИЦА ОРЛО…
БЛИЗЬ СЕЛЬЦ…

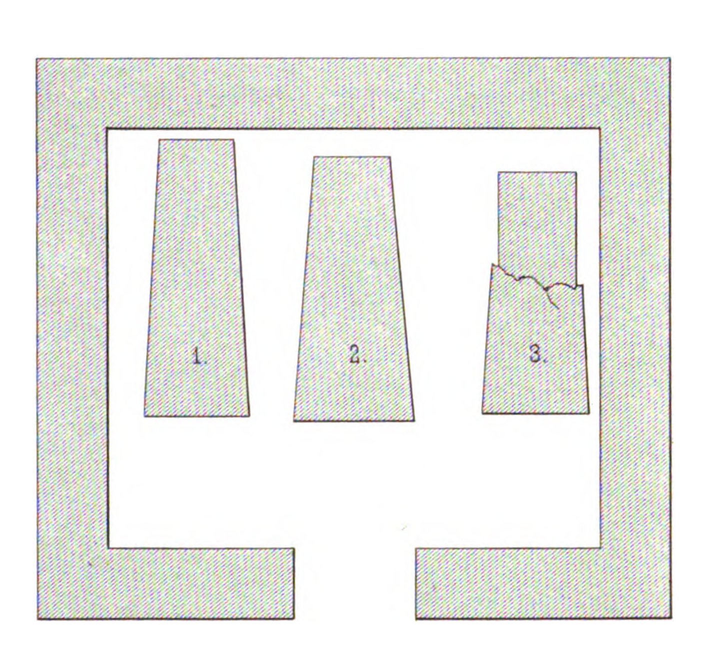
Л ЗСА ІЮНЯ ІС ХС НИ КА
ІОА ІОАНВ СВ ОРЛО…

2.

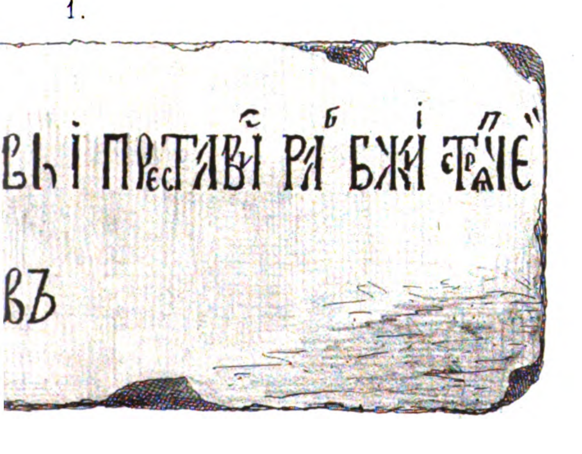
ЛѢ ЗРПЕ
БЖІІ МАРИЯ КНЯСНКОВНА ЖЕНА ИВАНА ИВАНОВИЧА
ОРЛОВА ЖИТИЯ ЕЯ ЗА ГОД

…ВЫХЪ ВЪ БѢЖЕЦКОМЪ ПОГОСТѢ

…ДА ЛЮТКИНО.

1.

3.

ЛѢТА ЗСЅ ГО МАІТА В К ПРЕСТАВИ РАБА БЖИА
НАТАЛИА НИКИТИНА ІВАНОВА ЖЕНА

году, какъ видно изъ указа Императрицы, приняты отъ Орловыхъ и приписаны къ казеннымъ вѣдомствамъ недвижимыя имѣнія съ 7036 душами, въ обмѣнъ на другія, Высочайше имъ пожалованныя имѣнія.

Нельзя также не упомянуть о наслѣдственной чертѣ— согласіи и дружбѣ, всегда присущихъ роду Орловыхъ. Въ продолженіе ста лѣтъ, отъ конца XVII до конца XVIII столѣтія, встрѣчаются всего два полюбовныхъ раздѣла. Иванъ Ивановичъ Орловъ скончался въ 1693 году, оставивъ семь человѣкъ дѣтей, которыя послѣ отца не раздѣлили имѣнія, а оставили его въ одномъ владѣніи до 1746 года, т. е. въ теченіе 53 лѣтъ, когда уже всѣ сыновья, кромѣ Григорія Ивановича, умерли. Послѣдній скончался 1 апрѣля 1746 года, оставивъ пять сыновей, а первый раздѣлъ между ними совершился только въ 1794 году, по смерти (въ 1791) старшаго брата Графа Ивана Григорьевича. Въ дружбѣ и согласіи Орловы владѣли какъ значительнымъ своимъ родовымъ имѣніемъ, такъ и богатствами, дарованными имъ Екатериною.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣдѣ и отцѣ Графа Владиміра Григорьевича находятся въ дипломѣ на графскій титулъ, пожалованномъ Императрицею Екатериною. Въ немъ сказано, что Орловы произошли отъ древней благородной германской фамиліи, изъ Польской Пруссіи, „а изъ предковъ его дѣдъ его родной Иванъ Ивановичъ, а наипаче отецъ его Григорій Ивановичъ за оказанныя ими ревностныя услуги на высочайшія военныхъ чиновъ степени возведены были“; что Григорій Ивановичъ служилъ Генералъ-Маіоромъ и потомъ Новгородскимъ Губернаторомъ, находился въ Шведскую и Турецкую войну „на всѣхъ баталіяхъ и за отличную храбрость и претерпѣнныя раны отъ Императора Петра Великаго

золотою цѣпью и портретомъ Его Величества почтенъ былъ; такожъ и дядя его родной Никита Ивановичъ Орловъ, и другіе его родственники многими своими заслугами знатными себя учинили".

О Григоріѣ Ивановичѣ Орловѣ упоминается въ разсказѣ объ отмѣнѣ пытки въ Россіи, въ запискахъ Блюма о Графѣ Сиверсѣ: „предмѣстникомъ Сиверса по должности Новгородскаго Губернатора былъ, при Елизаветѣ, отецъ Григорія Орлова, Григорій Ивановичъ Орловъ. Въ одномъ судебномъ дѣлѣ того времени возникло сомнѣніе, предавать ли пыткѣ преступника. Товарищи Губернатора, съ Прокуроромъ, высказались за пытку, но Губернаторъ, которому принадлежалъ рѣшительный голосъ, отстранилъ пытку, какъ ненадежный способъ для открытія истины, и рѣшилъ дѣло безъ пытки. Сиверсъ вспомнилъ объ этомъ при случаѣ, когда пришлось разрѣшить подобное же сомнѣніе, и разсказалъ эту исторію Государынѣ".

Не сохранилось никакихъ свѣдѣній о домашней жизни Григорія Ивановича Орлова и его жены, Лукерьи Ивановны, урожденной Зиновьевой. Извѣстно только, что меньшой сынъ ихъ, Владиміръ, хотя осиротѣлъ еще въ раннемъ дѣтствѣ, но всегда хранилъ въ памяти нѣжность и благочестіе своей матери и бабушки *).

---

*) Дома ихъ находились въ приходѣ церкви св. Георгія, что на Всполье, въ Москвѣ. Религіозное настроеніе окружало Графа Владиміра Григорьевича, съ самаго его дѣтства. Въ сент. 1750 г., по прошенію настоятеля Георгіевской церкви Алексѣя Семенова и прихожанъ, священникъ Алексѣй Мининъ былъ опредѣленъ викаріемъ «. . . . для отправленія вечерень, утрень и часовъ

Григорій Ивановичъ имѣлъ, кромѣ умершихъ въ малолѣтствѣ, еще пятерыхъ сыновей: Ивана, Григорья, Алексѣя, Ѳеодора и Владиміра. Они были всѣ возведены въ Графское достоинство Императрицею Екатериною въ 1762 году, въ день ея коронованія. Послѣдній, Графъ Владиміръ, былъ гораздо моложе своихъ братьевъ, и его жизнь будетъ предметомъ настоящаго повѣствованія.

По разсказамъ Владиміра Григорьевича и сохранившимся письмамъ, братья Орловы были очень дружны между собою и дружба эта никогда не прекращалась. Старшій, Иванъ, былъ флегматичнѣе другихъ братьевъ. Онъ жилъ вдали отъ Двора и шумнаго свѣта и вышелъ въ отставку съ скромнымъ чиномъ Лейбъ-гвардіи Капитана. Графъ Иванъ Григорьевичъ былъ женатъ на Елизаветѣ Ѳедоровнѣ Ртищевой.

Три слѣдующіе за нимъ брата оставили имена свои въ исторіи *). Графъ Григорій Орловъ, одаренный привлекательною наружностью, отличался обхожденіемъ, исполненнымъ достоинства и самой добродушной вѣжли-

---

въ домахъ Гг. Орловыхъ, внучатъ Зиновьевой, и др. на ихъ хлѣбномъ и денежномъ содержаніи». (См. Лѣтопись Московской Георгіевской церкви, что на Всполье, Святославскаго.)

*) Политическая корреспонденція Князя Орлова и Графа Орлова-Чесменскаго, находившаяся у покойной Графини Орловой-Чесменской до ея смерти, не была отдана ея наслѣдникамъ по той причинѣ, что относилась къ государственнымъ дѣламъ и была удержана Начальникомъ III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, Графомъ, впослѣдствіи Княземъ, Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ. Эта переписка была впослѣдствіи напечатана въ «Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества».

вости. Онъ былъ три раза раненъ въ войнѣ противъ Пруссіи, еще до взысканія его милостью Императрицы. Правдивый, откровенный, имѣющій самое скромное понятіе о своихъ собственныхъ достоинствахъ, онъ былъ довѣрчивъ до неосторожности и щедръ до расточительности. Онъ былъ возведенъ въ Княжеское достоинство Римской имперіи. Замѣчательно, что дипломъ, данный ему императоромъ Францемъ I и хранящійся въ Отрадинскомъ семейномъ архивѣ, былъ подписанъ Францемъ 21 іюля 1763 года; но позволеніе носить этотъ титулъ дано ему Императрицей только 4 октября 1772 года. Князю Григорію Орлову иногда отдавались почти царскія почести; такъ въ 1782 году, 5 и 6 августа, при въѣздѣ и выѣздѣ его изъ Саратова, производилась пушечная пальба въ 101 выстрѣлъ.—О Князѣ Григорьѣ явилась не очень давно въ печати занимательная біографическая записка А. П. Барсукова. Онъ вѣрными чертами описалъ всю карьеру временщика, его горячую любовь къ родинѣ, его многочисленныя предпріятія для пользы общей, послѣдствіемъ которыхъ было разстройство собственныхъ его дѣлъ, наконецъ, его паденіе при Дворѣ и величавое спокойствіе при перемѣнѣ судьбы. Князь Григорій съ такою простотою и искренностью отзывался объ измѣнившихся обстоятельствахъ жизни, что удивлялъ своихъ собесѣдниковъ. Владиміръ Григорьевичъ говаривалъ, что у Князя Григорія была львиная отвага при кротости овечьей. Онъ страстно любилъ свою молодую и прелестную жену (рожденную Зиновьеву), лишился ея послѣ пяти лѣтъ брачной жизни и самъ умеръ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ея кончины, отъ изнурительной болѣзни и разстройства умственныхъ способностей.

Третій изъ братьевъ Орловыхъ, Алексѣй, герой Чес-

менской битвы, былъ со многими другими прикосновененъ къ извѣстнымъ событіямъ воцаренія Екатерины II. Никогда еще никакой монархъ не властвовалъ въ такой степени, какъ Екатерина II, надъ сердцами своихъ приближенныхъ и даже всего народа. Обаяніе, окружавшее ее, выражалось въ восторженной любви и почтеніи, доходившихъ иногда до благоговѣнія. Она—иностранка родомъ, осыпанная лестными похвалами всѣхъ замѣчательныхъ людей западной Европы, была однако истинно русская сердцемъ.

Для того, чтобы вполнѣ оцѣнить важность переворота 1762 года и значеніе для Россіи воцаренія Екатерины II, на мѣсто Петра III, надо вникнуть въ историческія обстоятельства той эпохи и стать на точку зрѣнія ея современниковъ. Для большей части изъ нихъ воцареніе Екатерины было дѣломъ спасенія Россіи. Этимъ и объясняется, почему обстоятельства, сопровождавшія сей переворотъ, не вызывали осужденія въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ; напротивъ того, не только дѣйствующія лица, но и все общество смотрѣло на это происшествіе, какъ на подвигъ самоотверженнаго патріотизма. Такую точку зрѣнія старалась утвердить и сама Екатерина, что можно видѣть изъ слѣдующаго мѣста даннаго ею Князю Григорію Григорьевичу Орлову диплома: „наипаче имѣя во всемилостивѣйшемъ признаніи собственно Нашей Императорской Высочайшей особѣ оказанныя его, Григорія, заслуги, которыя для всей нашей Россійской имперіи несравнительно и чрезвычайно велики и полезны быть долженствуютъ, и что онъ былъ первый изъ тѣхъ вѣрныхъ Россійскихъ сыновъ, которые сію имперію отъ страшнаго ига и православную Греческаго исповѣданія церковь отъ разоренія и прибли-

жавшагося ей всеконечнаго паденія, возведеніемъ Насъ на Всероссійскій Императорскій престолъ, свободили, которое преславное дѣло и подлинно его прозорливостью, разумомъ, смѣлостью и мудростью къ пользѣ и благополучію отечества и къ радости и удовольствію натуральныхъ союзниковъ сея имперіи къ безсмертной его славѣ дѣйствительно и благополучно къ совершенству приведено....“ О переворотѣ, возведшемъ Екатерину на тронъ, говорили какъ о дѣлѣ, необходимомъ для блага и спасенія отчизны, и всѣхъ участниковъ въ этомъ дѣлѣ считали орудіями Провидѣнія. Нельзя удивляться, что такъ судила объ этомъ событіи Россія, только что пережившая опаснѣйшую для ея существованія эпоху царствованія Петра III.

Алексѣй Орловъ отличался исполинскимъ ростомъ, богатырскою силой, участіемъ во всѣхъ народныхъ забавахъ и большою популярностью. Онъ имѣлъ болѣе энергіи и предпріимчивости старшаго своего брата, котораго онъ часто укорялъ за слишкомъ спокойную жизнь и уговаривалъ принимать болѣе дѣятельное участіе въ управленіи государственными дѣлами. Иностранные дипломаты, характеризуя въ своихъ депешахъ Графа Алексѣя Григорьевича, признавали въ немъ всѣ главныя качества государственнаго человѣка: большое спокойствіе въ обсужденіи дѣла со всѣхъ сторонъ, ясность взгляда, рѣшительность и неуклонность въ преслѣдованіи своихъ цѣлей. Англійскій посолъ, Графъ Каткартъ, добавляетъ: „его морской планъ (Чесменской битвы) и выполненіе этого плана подтверждаютъ подобное мнѣніе. Манеры его необыкновенно просты, хотя не лишены того достоинства, которое сопряжено съ такимъ успѣхомъ. Онъ любимъ всѣми сословіями и въ счастіи ведетъ себя такимъ

образомъ, что не возбуждаетъ зависти. Онъ не говоритъ по французки". Онъ не могъ укротить свое негодованіе на заключеніе перемирія 1772 года, помѣшавшее ему, какъ онъ говорилъ, проложить себѣ путь до Дарданельскаго пролива и разрушить Константинополь.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ былъ женатъ на дѣвицѣ Лопухиной и нѣжно любилъ свою единственную дочь, которая отплатила ему за эту любовь цѣлою жизнью, посвященною молитвѣ о немъ. Любовь братьевъ къ Алексѣю Григорьевичу видна изъ множества писемъ, гдѣ ему даютъ шутливое и родственное названіе: „Алеханъ".

Четвертый братъ, Графъ Ѳеодоръ, въ 1764 году, имѣя только 23 года отъ роду, назначенъ былъ Оберъ-Прокуроромъ Сената; въ 1770 году онъ отправился въ Морею, въ эскадру Адмирала Спиридова, съ которою атаковалъ и взялъ крѣпость Корону и Наваринъ. Это было началомъ успѣховъ Русскаго флота. Графъ Ѳедоръ былъ человѣкъ веселаго нрава, покровительствовалъ художествамъ и вообще соединялъ въ себѣ слабости и добрыя качества французской аристократіи до революціи 1789 года. Онъ одинъ изъ пяти братьевъ Орловыхъ не былъ женатъ, но имѣлъ воспитанниковъ, трехъ старшихъ — отъ Г-жи Поповой, рожденной Гусятниковой, а младшихъ — отъ Г-жи Ярославовой.

Такова была среда, въ которой протекла первая половина жизни младшаго изъ семейства Орловыхъ — Владиміра Григорьевича.

II.

Дѣтство Графа Владиміра Григорьевича. — Студенческіе годы въ Лейпцигѣ. — Письмо Князя Орлова къ Ж. Ж. Руссо. — Отвѣтъ Ж. Ж. Руссо.

Графъ Владиміръ Григорьевичъ родился 8 іюля 1743 года. Лишившись въ первой молодости родителей, онъ оставался на попеченіи своихъ братьевъ, заботившихся о немъ постоянно и горячо, о чемъ онъ любилъ вспоминать до старости, называя ихъ своими благодѣтелями. По слабости здоровья и по совѣту братьевъ, онъ жилъ нѣкоторое время, съ большою пользой для себя, въ деревнѣ, гдѣ простой и воздержный образъ жизни укрѣпилъ его силы. За нимъ ходила отличная няня, которая по-своему учила его Закону Божію, пріучала къ благочестію и строгому соблюденію всѣхъ уставовъ церковныхъ. Братья изрѣдка посѣщали его въ деревенскомъ уединеніи и, привыкшіе уже къ свѣтской жизни, подшучивали надъ его строгимъ благочестіемъ. Когда Владиміръ сталъ приходить въ юношескія лѣта, его старшіе братья приняли важное рѣшеніе въ пользу его вос-

питанія. Они послали его окончить научное образованіе въ Лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ онъ пробылъ три года, какъ видно изъ его письма къ внуку, автору настоящаго очерка *). Братья разсудили очень вѣрно, что Владиміръ Григорьевичъ, по слабому тѣлосложенію, не призванъ къ военной дѣятельности, и, желая его оградить сколько отъ волненій свѣтской жизни, столько и отъ бездѣйствія, озаботились доставить ему кругъ дѣятельности мирной, развивъ въ немъ вкусъ къ наукамъ и искусствамъ. Изъ дальнѣйшаго разсказа будетъ видно, что эти предположенія осуществились весьма рано, такъ какъ Владиміръ Григорьевичъ, только что кончивъ курсъ университетскаго ученія, принималъ уже самое дѣятельное участіе въ трудахъ Петербургской Академіи Наукъ. Студенческіе годы въ Лейпцигѣ имѣли большое значеніе въ жизни Владиміра Григорьевича: они развили въ немъ не столько литературное честолюбіе, сколько настоящую любовь къ наукѣ, преимущественно къ наукамъ естественнымъ и въ особенности къ астрономіи. Онъ имѣлъ отъ природы горячее сердце, расположенное къ жизни семейной и ея радостямъ. Внѣшняя обстановка жизни въ провинціальномъ нѣмецкомъ городѣ была согласна съ его вкусами. Неизысканность въ выборѣ забавъ и увеселеній, отсутствіе всякаго блеска и всѣхъ великосвѣтскихъ искушеній, простота въ пищѣ и общеніе съ бѣд-

---

*) Вступленіе Графа Владиміра Григорьевича Орлова въ Лейпцигскій университетъ помѣчено въ книгѣ университета 9 іюля 1763 года. Нѣмецкая буква *P* означаетъ національность студента, такъ какъ въ то время всѣ фамиліи славянскаго происхожденія считались въ Лейпцигѣ польскими.

ными и трудящимися товарищами, — вотъ что ожидало молодого русскаго студента на этомъ новомъ для него поприщѣ. Его должна была сильно поразить въ этихъ ученыхъ людяхъ скромность, доходившая въ иныхъ случаяхъ до крайности. Въ немъ развилась еще сильнѣе любовь къ умственнымъ упражненіямъ разнаго рода и установилось прочное основаніе привычкамъ къ порядку, скромному довольству и къ правильному распредѣленію времени, которыя составляли отличительныя черты его характера.

Начиналась вторая половина XVIII вѣка (1763). Лейпцигъ жилъ въ то время живыми воспоминаніями знаменитаго своего уроженца, философа Лейбница. Всѣ съ жаромъ изучали его творенія. Въ Лейпцигѣ не были безъизвѣстны и теоріи Локка и философія Юма, такъ же какъ и мысли французскихъ писателей, слѣдовавшихъ по пути скептицизма за англійскими философами. Въ Германіи приступали къ самымъ трудно-разрѣшаемымъ вопросамъ не съ такимъ шумомъ, какъ во Франціи, но съ такою же пытливостію и съ бо̀льшею послѣдовательностью. Въ то самое время въ Петербургѣ Дворъ и высшіе слои общества проникались идеями Вольтера, и потому нѣкоторое философское броженіе, вѣроятно, было уже и въ молодомъ Орловѣ; но въ Лейпцигѣ развилась въ немъ еще сильнѣе та любовь къ вопросамъ метафизическимъ, которая до глубокой старости его не покидала.

Орловъ имѣлъ случай познакомиться съ нѣкоторыми знаменитыми личностями того времени, напр. съ почтеннымъ профессоромъ нравственной философіи Геллертомъ, съ филологомъ Готшедомъ, бывшимъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, и другими учеными. Къ числу пріятныхъ занятій его въ это время, бывшее всегда впо-

слѣдствіи любимымъ предметомъ его воспоминаній, принадлежали вечернія собранія нѣсколькихъ музыкантовъ-любителей, сходившихся у него по субботамъ для выполненія разныхъ музыкальныхъ твореній.

О занятіяхъ Владиміра Орлова въ Лейпцигскомъ университетѣ бывшій членъ Россійской Академіи Наукъ, Гейнсіусъ, писалъ къ исторіографу Миллеру отъ 6-го августа 1763 года: „по возвращеніи моемъ съ водъ я къ величайшему моему удовольствію нашелъ здѣсь русскаго знакомца Графа Орлова, достойнѣйшаго кавалера, который своимъ благонравіемъ и великимъ прилежаніемъ дѣлаетъ большую честь нашему университету. Онъ уже хорошо говоритъ по нѣмецки и я часто болтаю съ нимъ, примѣшивая русскія слова“.

Пребываніе въ Лейпцигѣ должно было оставить навсегда въ умѣ молодого русскаго студента большое уваженіе къ германскимъ ученымъ. Дѣйствительно, послѣ него осталось много писемъ къ разнымъ нѣмецкимъ ученымъ, и ни одного письма ни къ Д'Аламберу, ни къ Дидро, которыхъ онъ, однако, зналъ лично. Имъ онъ посылалъ только привѣтствія черезъ другихъ. Надо, притомъ, замѣтить, оканчивая разсказъ объ университетскихъ годахъ Графа Владиміра Орлова, что пребываніе въ Лейпцигѣ не развило въ немъ любви къ заграничной жизни и не привило къ нему привычки говорить на иностранныхъ языкахъ.

Въ числѣ многихъ писемъ къ Графу Владиміру Григорьевичу изъ Лейпцига уцѣлѣло одно отъ нѣкоей госпожи d'Utterod, относящееся къ русскому воспитаннику, о добромъ поведеніи котораго, равно какъ и объ его наставникѣ, эта дама увѣдомляетъ Графа. Письмо это тѣмъ интересно, что въ немъ упоминается о Жанъ Жакѣ Руссо

2

и о собственноручномъ письмѣ Женевскаго философа, хранящемся въ Отрадинской библіотекѣ. Добрая госпожа d'Utterod испугалась дошедшаго до нея по газетамъ слуха о перепискѣ будто-бы Графа Владиміра Григорьевича съ Руссо, и спрашиваетъ, дѣйствительно ли онъ авторъ слѣдующаго письма, напечатаннаго въ „Journal Encyclopedique" 1-го іюля 1767 года, подъ заглавіемъ: „Lettre écrite de Saint-Petersbourg par Mr le Comte d'O. à Mr J. Jacques Rousseau":

„Vous ne serez point étonné que je vous écrive, car vous sçavez que les hommes sont enclins aux singularités; vous avez les vôtres, j'ai les miennes, cela est dans l'ordre. Le motif de cette lettre ne l'est pas moins. Je vous vois depuis longtemps passer d'un endroit à un autre, j'en sais les raisons par la voie publique, et peut être les sais-je mal, parcequ' elles peuvent être fausses; Je vous écris en Angleterre, chez M. le Duc d' Enrichemont (Richmond), et je suppose que vous y êtes bien; cependant il m'a pris fantaisie de vous dire que j'ai une terre éloignée de 60 werstes de St. Petersbourg; ce qui fait près de dix lieues d'Allemagne: l'air y est sain, l'eau admirable; les côteaux qui entourent differents lacs, forment des promenades agréables, très propres à rêver: les habitans n'entendent ni l'anglais, ni le français, encore moins le grec et le latin; le Curé ne sçait ni disputer, ni prêcher; ses ouailles, en faisant le signe de la croix, croyent bonnement que tout est dit. Eh bien, Monsieur, si jamais ce lieu là est de votre goût, vous pouvez y venir demeurer, vous y aurez le nécessaire, si vous le voulez; si non vous vivrez de la chasse et de la pêche. Si vous voulez avoir à qui parler pour vous desennuyer, vous le pouvez; mais en tout et sur tout vous ne serez gêné en

rien, ni n' aurez aucune obligation à personne. De-plus, toute publicité sur ce séjour, si vous le souhaitez pourrait être encore évitée; et dans ce dernier cas, vous ferez bien, selon moi, si vous pouvez supporter la mer, de faire le trajet par eau; aussi les curieux vous importuneront—ils moins sur ce chemin, que sur la route de terre. Voilà, Monsieur, ce que je me suis cru en droit de vous mander, d'après la reconnaissance que je vous ai des instructions que j'ai puisées dans vos livres quoiqu'ils ne fussent pas écrits pour moi.

„Je suis etc. etc."

Это письмо не могло быть написано Графомъ Владиміромъ Григорьевичемъ, какъ видно изъ его содержанія, такъ какъ въ немъ упоминается о домѣ близъ Петербурга, каковаго у Графа Владиміра Григорьевича никогда не было. Рѣчь идетъ въ этомъ письмѣ безъ сомнѣнія о Гатчинѣ; авторъ письма можетъ быть никто другой, какъ Князь Григорій Григорьевичъ, въ томъ году не носившій еще титула Свѣтлѣйшаго Римской Имперіи Князя, и Григорію Григорьевичу былъ адресованъ, безъ всякаго сомнѣнія, отъ Жанъ Жака Руссо слѣдующій отвѣтъ, который также хранится въ подлинникѣ въ Отрадинской библіотекѣ: „Vous vous donnez, Monsieur le Comte, pour avoir des singularités, et c'en est presque une d'être obligeant sans intérêt, et c'en est une bien plus grande de l'être du plus loin, pour quelqu' un que l'on ne connoit point. Vos offres obligeantes, le ton dont vous me les faites et la description de l'habitation que vous me destinez, seroient assurement très-capables de m' y attirer, si j'étois moins infirme, plus allant, plus jeune et que vous fussiez plus près du soleil. Je craindrois d'ail-

leurs qu' en voyant celui que vous honorez d'une invitation vous n'eussiez quelque regret. Vous attendriez un homme de lettres, un bon diseur, qui devroit payer d'esprit et de paroles votre généreuse hospitalité, et vous n' auriez qu'un bon homme, bien simple, que son goût et ses malheurs ont rendu fort solitaire, et qui, pour tout amusement, herborise toute la journée, trouve, a commercer avec les plantes, cette paix si douce à son coeur, que lui ont refusé les humains. Je n'irai donc pas, Monsieur, habiter votre maison, mais je me souviendrai toujours avec reconnaissance, que Vous me l'avez offerte, et je regretterai quelquefois de n'y être pas, pour cultiver la bonté et l'amitié du maître. Agréez, Monsieur le Comte, je vous supplie, mes remercimens très sincères et mes très humbles salutations".

III.

Придворная жизнь. — Путешествіе по Волгѣ въ свитѣ Императрицы. — Продолженіе путешествія, отдѣльно совершеннаго Графомъ Владиміромъ до Астрахани и обратно до Москвы. — Переводъ французскаго романа «Велизарій» Императрицей и ея свитой.

Возвратясь изъ чужихъ краевъ, по окончаніи своего ученія въ Лейпцигѣ, Графъ Владиміръ Орловъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, гдѣ блестящее положеніе Князя Григорія и Графа Алексѣя при Дворѣ не могло не отразиться и на немъ. Вновь пожалованный Камерюнкеромъ Императрицы, онъ въ дни своего дежурства при ней испыталъ то обаятельное вліяніе, которое она имѣла на всѣхъ, приближавшихся къ ея особѣ. Однажды она угостила его вишнями изъ своихъ рукъ и часто въ шутку называла философомъ.

Одинъ разъ Императрица разгнѣвалась на молодого философа за слишкомъ точное и настойчивое исполненіе

даннаго ему приказанія. Когда Императрица привила себѣ оспу для того, чтобы убѣдить своихъ подданныхъ собственнымъ примѣромъ въ пользѣ оспопрививанія, докторъ Роджерсонъ настоятельно совѣтовалъ, чтобъ Императрица принуждала себя прохаживаться, не смотря на нерасположеніе къ тому и наклонность ко сну въ приступахъ лихорадочнаго волненія. Объ исполненіи этого предписанія долженъ былъ напоминать ей дежурный Камер-юнкеръ; эта обязанность пришлась на долю бывшаго лейпцигскаго студента, и излишняя его настойчивость, происходившая отъ усердія, возбудила неудовольствіе Императрицы. Можно себѣ вообразить, какое строгое нравоученіе получилъ въ этомъ случаѣ Владиміръ отъ старшихъ братьевъ, гораздо болѣе самой Императрицы разсердившихся на его неловкость.

Единственнымъ замѣчательнымъ эпизодомъ непродолжительной придворной службы Владиміра Григорьевича было его сопутствованіе Императрицы во время путешествія ея (1767-го года) по Волгѣ. Онъ оставилъ описаніе сего путешествія въ собственноручномъ дневникѣ, писанномъ, будь сказано мимоходомъ, на такой толстой бумагѣ, что теперь ее употребили бы только на обертку какихъ-нибудь крупныхъ посылокъ. Впрочемъ, то же самое можно замѣтить относительно большей части тогдашнихъ писемъ и записокъ.

Молодой авторъ тогда уже отличался необыкновенною осторожностью: онъ умалчиваетъ въ своемъ дневникѣ обо всемъ, что касалось лицъ, составлявшихъ блестящую свиту Императрицы. Никогда не встрѣтимъ у него ни одного ея слова ни къ нему, ни къ брату его, Григорію. Жаль, что не достаетъ многихъ подробностей о *домашней*, такъ сказать, жизни путешествен-

никовъ. Не видно даже намека на колебанія царскаго расположенія то къ одному, то къ другому изъ царедворцевъ, не видно и ихъ соперничества другъ съ другомъ. Конечно, путешествіе сѣверной Семирамиды не обошлось безъ множества придворныхъ исканій, досадъ и треволненій, которыми не преминулъ бы воспользоваться такой мѣткій знатокъ и цѣнитель придворныхъ интригъ, какъ S[t] Simon. — Орловъ не упоминаетъ въ своемъ дневникѣ отдѣльно ни объ одномъ изъ представителей иностранныхъ дворовъ, участвовавшихъ въ путешествіи. Онъ занятъ единственно характеромъ самой страны, обитателями береговъ Волги и торжественными встрѣчами. Въ дневникѣ замѣтна большая торопливость и слѣды юности автора. Этотъ разсказъ, содержащій преимущественно статистическія свѣдѣнія, интересенъ теперь для сравненія съ настоящимъ положеніемъ Приволжскаго края.

Въ маѣ мѣсяцѣ Ея Величество прибыла сухимъ путемъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты и дипломатическаго корпуса, въ Тверь, гдѣ приготовлена была для Волжскаго путешествія Государыни флотилія изъ шести галеръ и пяти транспортныхъ судовъ.

На первой галерѣ „Тверь“ находилась сама Императрица съ фрейлинами: Авдотьей Полянской и Елизаветой Штакельбергъ, впослѣдствіи супругою Графа Владиміра Григорьевича, — и Адмиралтействъ-Коллегіи членъ Графъ Ив. Гр. Чернышевъ.

Въ свитѣ Императрицы находились пять посланниковъ: Цесарскій, Датскій, Испанскій, Прусскій и Саксонскій.

Графъ Владиміръ Григорьевичъ находился, вѣроятно, на суднѣ „Севастьяновѣ“ съ братомъ Григоріемъ.

Дневникъ путешествія здѣсь приводится безъ всякаго измѣненія въ его текстѣ; но кое-гдѣ неясныя мѣста замѣнены точками или пополнены словами въ скобкахъ для поясненія приблизительнаго смысла.

«Выѣхали изъ Москвы въ 5 часу по полудни 28-го Апрѣля; въ Клинъ пріѣхали того числа въ 4 часу по полуночи, — тутъ ночевали, а на другой день пообѣдавъ, часу въ 1-мъ пополудни, поѣхали далѣе и пріѣхали часу въ 10-мъ въ началѣ въ Тверь, гдѣ была сдѣлана иллюминація, на улицахъ, по которымъ ѣхали, было много народа и ближнихъ къ тѣмъ улицамъ церквей священники въ облаченіи встрѣчали, палили изъ пушекъ и въ колокола звонили; по прибытіи Государыни въ соборъ, встрѣтилъ Ее Тверской Архіерей и говорилъ короткую поздравительную рѣчь; вошедши въ церковь изволила приложиться къ мощамъ, а оттуда пошла съ своею свитою въ архіерейскій домъ, гдѣ собрались Генералы и дворяне для поздравленія Ея Величества. 30 апрѣля, по утру, допущены были къ рукѣ дворянки, дворяне, офицеры морскіе, сухопутные и купцы и говорены были привѣтствія отъ учащихся: два говорили на русскомъ, два на латынскомъ и одинъ на греческомъ языкѣ, въ заключеніе которыхъ префектъ іеромонахъ Арсеній благодарилъ за Высочайшее Ея Величества благоволеніе и покровительство наукъ; время было сіи дни — 28, 29 и 30 — очень хорошо.

1 Мая были по утру на фабрикѣ канатной; пенька, употребляемая на оной, растетъ въ здѣшнемъ уѣздѣ и покупается теперь трепаная по рублю, нетрепаная или сырецъ по 60 коп. пудъ; въ канатахъ же продается пудъ, какъ онъ сказывалъ, по 1 р. 20 к.; работа производится такимъ образомъ: сырецъ треплятъ, потомъ прядутъ въ нитки, нитки сквозь канатъ для очищенія кострики навертываютъ на вьюшки, послѣ, складывая нѣсколько нитокъ вмѣстѣ, свер-

тываютъ, сушатъ, чтобъ удобнѣе въ нихъ смола вошла и наконецъ сквозь смолу протягиваютъ и, свертывая просмоленныя, дѣлаютъ канаты. Изъ канатной заходили въ кожевенную, гдѣ ивовая, вмѣсто дубовой коры, употребляется, а оттуда пошли на фабрику прозелени, куда землю привозятъ, какъ онъ сказывалъ, изъ Копорья 90 верстъ за Петербургомъ, платятъ за провозъ по 7 к. съ пуда; сперва толкутъ ее въ кадкахъ, потомъ настаиваютъ водою, краска ложится въ серединѣ, земля въ самомъ низу, а сверху вода; оную краску просушивъ, такъ оставляютъ, землю же оставшуюся еще толкутъ, наливаютъ водою и наконецъ сушатъ, что и въ третій разъ съ оставшеюся землею повторяютъ, послѣ сихъ трехъ разъ земля оставшаяся выбрасывается; при наливаніи употребляютъ настоянную воду, первая краска, сказывалъ онъ, не такъ хороша, какъ другая, а другая не такъ хороша, какъ послѣдняя, для того, будто въ первой и во второй нѣсколько въ оную посторонней бѣловатой матеріи мѣшается, продаетъ онъ пудъ по 1 р. 30 к. въ Москву, употребляется она на окраску домовъ, съ масломъ смѣшанная, каретъ и прочаго; онъ дѣлаетъ будто не болѣе 100 пуд. Отсюда заѣзжали въ Отрочь монастырь, и переѣхавъ Волгу, пришли на фабрику скипидарную, гарпіусную и канифольную, работа въ оной фабрикѣ производится такимъ образомъ: около Твери много растетъ еловаго лѣса, въ весну обливается оный сѣрою сверхъ корки, которую, чтобъ лучше соскоблить, сучья отсѣкаютъ, сами сплавляютъ и продаютъ на фабрику по..; тамъ ее кладутъ въ кубы, наливъ водою, подложа огонь, сперва оттуда скипидаръ получаютъ изъ хорошей сѣры съ пуда по $2^1/_2$ фунта, а изъ худой самой $1^1/_4$ ф.; продаютъ пудъ по 3 р. 70 к.; признакъ, что болѣе скипидара не пойдетъ — трескъ въ кубѣ, — тогда снимаютъ крышку съ куба, чтобъ нѣсколько простыла, потомъ другую трубу въ низу куба отпираютъ, подставя рѣшето изъ проволоки, сквозь которое потечетъ

канифоль, а негодное въ немъ останется, пудъ продается по 25 к., выгорки отдаются мужикамъ, которые помѣшавъ оные со смолою собранною сосновою, сплавливаютъ вмѣстѣ и продаютъ опять пудъ по 6 к. на фабрику; изъ 1 части этого и 5 частей канифоли, которыя вмѣстѣ въ большихъ котлахъ топятся, дѣлается смола, названная пикъ, когда канифоль теплая, въ водѣ обмоченная на пространномъ мѣстѣ растянута будетъ руками, то получается цвѣтъ бѣлый и называется гарпіусъ, продается пудъ 30 к., когда скипидаръ идетъ, то подъ трубку всегда кладется для чрезвычайнаго жара ледъ, а иногда и на самый кубъ; канифоль и гарпіусъ идутъ въ Петербургъ, скипидаръ въ Москву, работа производится зимою только; такихъ фабрикъ только одна еще въ Вологдѣ; владѣтели оныхъ имѣютъ преимущество и замѣчательное. — Послѣ обѣда были съ Ея Величествомъ у Архіерея здѣшняго, гдѣ церковь, садъ и пруды видѣли, церковь хотя не велика, но хороша и по новому построена, также и садъ довольно великъ и недуренъ; Государыня изволила тутъ пробыть около 2 часовъ.

На другой день, 2 Мая, по утру въ 10 часу изволила въ Соборъ къ обѣдни пойти, послѣ обѣдни говорилъ Архіерей очень хорошую проповѣдь, и какъ это число былъ день Преполовенія, то пошли съ крестами около версты пѣшкомъ до воды, а оттуда возвратясь съ крестами въ Церковь и недолго тутъ пробывъ, изволила около 1-го часа придти въ архіерейскій домъ; не много погодя обѣдать сѣли, а часу во 2 мъ пожаловавъ къ ручкѣ бывшихъ женщинъ тутъ и нѣкоторыхъ жителей и пріѣзжихъ туда на время, изволила на суда сѣсть; въ это время по горѣ много было народа, и многія женщины, сѣвъ на лодки, подъѣзжали къ Государыниной галерѣ, а иные на судахъ и пѣшкомъ нѣсколько верстъ провожали; часу въ 3-мъ тронулись съ мѣста, тогда народъ закричалъ ура! и повторялъ сіе минутъ съ 10; съ утра самаго до полуночи шелъ дождь и то

время непріятно было. Вечеромъ ѣхавъ всѣ на веслахъ, пріѣхали около 9-го часа въ Городню, и кинувъ якорь, тутъ ночевали, а 3-го Мая въ 6-мъ часу тронулись съ мѣста, обѣдали въ Сухаринѣ, а ночевали въ Новосельѣ; хотя дождикъ не шелъ, только время было холодно, вѣтряно и непріятно; того же числа вечеромъ роздана была книга «Белизера», по частямъ, для перевода.

4-го выѣхали въ 5-мъ часу по утру, обѣдали подлѣ деревни Устья, на рѣкѣ Дубнѣ, послѣ обѣда проѣзжая Кимру, принадлежавшую прежде Михаилу Ларіоновичу Воронцову, которая очень прекрасное положеніе мѣста имѣетъ, смотря съ рѣки, сошли на берегъ съ Захаромъ Григорьевичемъ Чернышевымъ, прошли сквозь село, осмотря очень хорошую для деревни каменную церковь, начатый хорошій каменный гостиный дворъ и сдѣланную черезъ деревню хорошую новую дорогу, зачата также очень хорошая каменная стѣна около деревни; поутру время было не очень хорошо, послѣ обѣда къ вечеру сдѣлалось пріятнымъ.

5-го числа въ 5-мъ часу пошли, остановились у Калязина монастыря; Государыня съ придворными изволила въ шлюпкѣ переѣхать и выйти на берегъ, тутъ было много женщинъ, дворянъ мужчинъ; Государынѣ говорилъ рѣчь Архіерей Тверской — этотъ монастырь его епархіи; потомъ изволила слушать обѣдню; послѣ обѣдни, которую тутошній попъ служилъ, Государыня пришедъ въ кельи, жаловала къ ручкѣ дворянъ, дворянокъ, мѣщанъ; монастырь хотя не очень великъ, только очень изрядно отстроенъ; церковь, гдѣ служили, не велика, но хороша; сей монастырь въ Кашинскомъ уѣздѣ; въ ономъ уѣздѣ нѣсколько болѣе 60.000 душъ считаютъ; земля, какъ я слышалъ, въ этомъ уѣздѣ почти вся песчаная; пожаловавъ къ рукѣ Государыня изволила возвратиться на судно, гдѣ обѣдалъ Тверской Архіерей и Архимандритъ этого монастыря, и Воевода Кашинскій приглашенъ былъ; послѣ обѣда про-

стился Архіерей — со всѣмъ, — тутъ его епархія кончилась, а мы потомъ поѣхали и ночевали подлѣ сельца Городища, 13 верстъ отъ Углича; изъ Калязина выѣзжали посадскіе на лодкахъ, пѣли пѣсни и провожали Государыню на лодкахъ нѣсколько верстъ.

На другой день, 6 Мая поѣхали часу въ 5-мъ и пріѣхали часу въ 8 въ Угличъ, гдѣ Государыня обѣдню отслушавъ, изволила жаловать къ ручкѣ многихъ дворянъ, дворянокъ и посадскихъ мужиковъ, потомъ изволила возвратиться на суда; при выходѣ на пристань говорилъ Игуменъ рѣчь поздравительную. Я былъ въ церкви Дмитрія Царевича и видѣлъ тутъ вышитый матеріею Его образъ, на которомъ лежатъ укрѣпленные 4 орѣшка, которые онъ въ рукѣ имѣлъ, когда Его погубили; сія церковь обновлена покойницей Елисаветой Петровной Государыней и очень изрядная; также и соборъ очень не дуренъ, въ которомъ служили; церквей и съ слободою вмѣстѣ — 26 и почти всѣ каменныя, впрочемъ строеніе городское никакъ почти отъ деревенскаго отличить нельзя; земля, какъ мнѣ сказано, по большей части песчаная и нѣсколько иловатая. Къ столу былъ приглашенъ Генералъ-Поручикъ отставной и здѣшній дворянинъ Григоровъ; послѣ обѣда шли при вспомогательномъ вѣтрѣ, то на парусахъ, то на греблѣ, и ночевали 44 версты отъ Углича въ деревнѣ Островкахъ; время сего числа очень было хорошо; Государыня съ неописанной радостью встрѣчена была, и изъ рыбной слободы бывшіе тутъ посадскіе, поднеся рыбу, просили къ себѣ на перепутье въ свою слободу; Государыню провожали отъ города нѣсколько лодокъ верстъ съ 5 и пѣли пѣсни.

На другой день, 7 Мая, отшедъ версты съ 4 съ превеликимъ трудомъ и болѣе 2-хъ часовъ на оное употребя, принуждены за превеликимъ противнымъ вѣтромъ остановиться и весь день на якорѣ простоять, ибо оный во весь день продолжался.

8-го Мая дошли посада Мологи, 28 верстъ отъ рыбной слободы, на самомъ устьѣ Мологи, гдѣ она въ Волгу впадаетъ, и въ этомъ мѣстѣ почти также широка, какъ Волга; тутъ отобѣдавъ привозили родню Ивана Яковлевича Пушкина, пожаловавъ ихъ къ ручкѣ; пошли въ походъ и плыли до самой рыбной слободы, какъ скоро въ Волгу влилась (Молога), то гораздо ее шире противу прежняго сдѣлала; проѣхали подъ рыбной Шексну, впавшую въ Волгу, которая въ устьѣ не много уже Мологи; по обѣ стороны устья сидятъ два села, а на самомъ устьѣ двѣ церкви каменныя, оныя другъ противъ друга; какъ мы верстъ около 8-ми отъ рыбной были, выѣхали изъ оной лодокъ съ 5 на встрѣчу, пѣвъ пѣсни провожали до самой рыбной.

9-го Мая Государыня часу въ 8 изволила къ обѣднѣ пойти, церковь очень хорошо украшена и въ ней находится 4 каменныхъ церкви, 600 душъ посадскихъ; какъ я тутъ слышалъ самъ отъ тутошняго жителя, что земля по большей части песчаная, а въ низкихъ мѣстахъ иловатая; ежели очень хорошій урожай ржи, то рожъ бываетъ самъ 4. Послѣ обѣдни жаловала къ ручкѣ Государыня туда пріѣхавшихъ дворянъ, дворянокъ, посадскихъ и женъ ихъ; сюда выѣхало нѣсколько купцовъ изъ Ярославля, Государынѣ подносили хлѣбъ съ солью, также и рыбу; жители сей слободы промыселъ имѣютъ хлѣбомъ и состоянія не бѣднаго. Какъ скоро возвратились на судно, то пошли далѣе и отшедъ верстъ 15, остановились кушать у дворянина Тишинина въ селѣ Малшинѣ; пожаловавъ къ ручкѣ всю его собранную фамилію, двѣ молодыя дѣвушки говорили привѣтствія Государынѣ на французскомъ языкѣ, потомъ изволила сѣсть кушать, столъ былъ очень изрядный, также и вина; село его сидитъ на превеликой горѣ, въ перпендикуляръ, какъ онъ сказывалъ, 26 саженъ и зачалъ уже строиться; въ сей самый день Николая Чудотворца былъ онъ имянинникъ; послѣ обѣда тотчасъ изволила возвратиться на

судно, пожаловавъ ихъ всѣхъ къ ручкѣ. Поѣхали съ благополучнымъ вѣтромъ далѣе, проѣхали городъ Романовъ, который не очень красивъ и наконецъ пріѣхали въ Ярославль. Послѣ обѣда уѣхали съ 70 верстъ; верстъ за 10 отъ города была встрѣчена Государыня лодками изъ Ярославля, которыхъ болѣе 100 было, и такъ провожали они насъ до самаго Ярославля. По пріѣздѣ стрѣляли изъ пушекъ и народа много было на берегахъ; время же вѣтряно съ маленькимъ дождикомъ. Государыня изволила переѣхать въ шлюпкѣ на пристань, гдѣ былъ Архіерей съ духовенствомъ, чужестранные посланники и дворянство тутошное съ народомъ; Государыня прошла въ Соборную церковь, по малой службѣ, обыкновенной при такомъ случаѣ, и приложась къ мощамъ сей церкви, изволила пройти въ архіерейскій домъ; посланники побывъ съ 1/4 часа тутъ, пошли по домамъ.

10-го поутру Государыня не изволила выходить, а я ходилъ городъ смотрѣть: строеніе очень дурно, всѣ почти крестьянскія избы, улицы тѣсныя, вымощенные досками; то же утро жаловала Государыня дворянство и купечество къ рукѣ; были чужестранные Министры, которые обѣдать оставлены и обѣ Графини Чернышевы. Послѣ обѣда изволила поѣхать въ Спасскій монастырь, гдѣ приложась къ мощамъ, вошла въ кельи къ Архіерею; побывъ тутъ съ полчаса, поѣхала на Затрапезнова фабрику; осмотря ее переѣхала черезъ Котросль къ Собакину на фабрику; обѣ сіи фабрики величины чрезвычайной, особенно Собакина, на которой много разныхъ товаровъ и въ большомъ количествѣ приготовляются. Котросль разливается въ это время такъ, что почти шириною съ Волгу; Волга же подъ городомъ шире версты, а когда вода съ Котросля сбываетъ, то только едва 20-ю часть сохраняетъ — около 30 саженъ; Государыня возвратясь жаловала дворянокъ къ ручкѣ, изъ которыхъ нѣкоторыя были очень изрядныя; во время бытія Го-

сударыни у Собакина тутъ было много народа, кричали часто ура! и Она изволила въ дома обоихъ сихъ фабрикантовъ заходить и у каждаго около получаса пробыть; у Собакина невѣстка недурна, а у Затрапезнова двѣ женщины изъ его родни также недурны; во всѣхъ этихъ мѣстахъ были посланники и оставлены съ Графинями Чернышевыми ужинать.

11-го числа я ѣздилъ съ Волковымъ, регистраторомъ Архіерейскимъ, осматривать церкви и видѣлъ съ 10, которыя всѣ строены почти лѣтъ съ 70, наружно хороши, а особливо внутренно убраны хорошо. Послѣ обѣда Государыня намѣрена была съѣздить на шелковыя фабрики, да за дурнымъ временемъ отложила; посланники ужинали и сего числа; поутру жаловала къ ручкѣ купецкихъ женъ, которыхъ болѣе 300 было, — изъ нихъ мало я видѣлъ хорошихъ.

12-го Мая пошелъ я къ Затрапезному на фабрику, чтобъ обстоятельнѣе объ сей работѣ освѣдомиться; утро цѣлое пробывъ, видѣлъ всю работу; Затрапезный посулилъ мнѣ прислать по кусочку каждой работы отъ самаго начина до совершенства; вещей которыя у Собакина находятся, такимъ же образомъ прислать съ короткимъ описаніемъ происходимой работы, и шелковыхъ товаровъ, сколько ихъ дѣлается, по кусочку, но безъ описанія; у него я слышалъ, что льну въ Ростовѣ и около Ярославля лежащихъ мѣстахъ, когда годъ хорошъ, родится для работъ, производимыхъ на его и Собакина фабрикахъ, довольно; въ Ростовскомъ уѣздѣ родится лучшій ленъ, лучше его приготовляютъ и лучшія нитки прядутъ; во всѣхъ оныхъ мѣстахъ зимою, и особливо въ Ростовѣ, прядутъ мущины, на фабрикахъ у Затрапезнова работаютъ, онъ мнѣ сказывалъ, зимою 3000 человѣкъ, а Собакина фабрика несравненно болѣе и, какъ я думаю, до 10.000 человѣкъ работаютъ зимою на обѣихъ фабрикахъ. Затрапезный сказывалъ, что онъ прошедшій

годъ своихъ товаровъ, по большей части, коломенку и ровендуку отпустилъ около 80.000 ар. въ Англію; прошедшій годъ, онъ сказывалъ, закупилъ на 30.000 руб. одной пряжи, а у Собакина мы видѣли закупную пряжу, которой было болѣе 100.000...., выработанные товары въ пятеро или болѣе еще продаются, какъ простой ленъ. Затрапезный признавался, что ленъ былъ одинъ годъ цѣлою $^1/_3$ противъ прежняго дороже, онъ же свои товары по старой цѣнѣ отпускалъ, совсѣмъ тѣмъ имѣлъ барышъ. Сей день обѣдали Чужестранные Министры, а вечеромъ Государыня изволила быть въ домѣ Воеводскомъ, у Собакина, Затрапезнаго и у нѣкоторыхъ купцовъ въ гостяхъ; ужинъ былъ очень изрядный, — тутъ были всѣ Чужестранные Посланники и нѣсколько городскихъ женщинъ; послѣ ужина былъ изрядный фейерверкъ, сдѣланный на водѣ; сей день время было очень хорошо.

13-го числа Государыня слушала обѣдню въ Соборной церкви, гдѣ самъ Архіерей служилъ и послѣ молебенъ за здравіе Ея былъ пѣтъ; у стола были Посланники всѣ. Послѣ обѣда тотчасъ Государыня ѣздила въ Тольской монастырь, который изрядно прибранъ, а оттуда возвратясь проѣхала черезъ городъ прямо къ судамъ и изволила сѣсть на суда; тутъ я слышалъ, проходя сквозь народъ, отъ одной бабы: «ну уже я Ее теперь матушку совсѣмъ высмотрѣла», а отъ другой, которая говорила съ подружкой своей: «посмотра, старуха-то у Нее насильно руку тащитъ, а она матушка смѣется». Государыня куда ни выходила, народъ на нее не могъ насмотрѣться и при всякомъ выходѣ было великое множество; здѣсь народъ собою добръ, ласковъ и учтивъ очень, одѣтъ чисто, нищихъ очень мало; женщины же, даже до крестьянокъ, бѣлятся и румянятся очень. Когда подъѣзжаешь къ городу съ верху Волги, то онъ гораздо не такъ красивъ, какъ проѣзжая его внизъ посмотришь назадъ; городъ лежитъ на крутой и высокой горѣ и многія

хорошія церкви, представляющіяся съ этой стороны, дѣлаютъ видъ хорошій. Архіерей посулилъ мнѣ, также и регистраторъ Волковъ, прислать, сколько онъ можетъ собрать, лѣтописцовъ въ своей епархіи, — это стоитъ, чтобъ написать. Когда Государыня была у Собакина, то тутъ много народа собралось во время фейерверка, который въ первые въ семъ городѣ былъ; такъ жадно народъ на Государыню смотрѣлъ, что только тогда смотрѣлъ на фейерверкъ, когда тамъ что-нибудь громко стукнетъ, а ежели что-нибудь горитъ, то тотчасъ оборачивался лицомъ къ Государынѣ,— этого я самъ не примѣтилъ, а братъ Григорій мнѣ сказывалъ, также сказывалъ Сергѣй Матвѣичь Кузьминъ, что Романовскіе купцы, увидя Государыню, одинъ изъ нихъ говорилъ: «весь городъ сожалѣетъ Государыню, что не имѣлъ счастія видѣть у себя». Государыня изволила сказать, что она можетъ въ другой разъ когда-нибудь ихъ удовольствуетъ, только сей разъ было никакъ нельзя къ нимъ заѣхать. Часа два пробывъ на судахъ, на Государынину Галеру пріѣхали Посланники; пошли отъ Ярославля, тогда изъ города палили изъ пушекъ, и мы имъ 5-ю выстрѣлами отвѣтствовали. Три дня были въ Ярославлѣ, весело время проводили, но только одинъ день былъ хорошъ. —Отъѣхавъ 9 верстъ на веслахъ, остановились и ужинали всѣ Посланники на Галерѣ у Государыни. Въ Ярославской провинціи много льна сѣютъ; земля не хороша—песчаная и иловатая, хлѣбъ сѣющійся въ Ярославлѣ, не столь много родится, что всѣ живущіе въ оной провинціи этимъ хлѣбомъ прокормиться могли, и для того въ добавокъ привозится изъ нижнихъ плодородныхъ мѣстъ.

14-го Мая рано, часу въ 4-мъ поѣхали далѣе и отъѣхавъ верстъ съ 30, обѣдали. Министры часа 3 до обѣда пріѣхали на нашу Галеру, и Государыня изволила къ нимъ выйти и разговаривать съ ними до самаго обѣда. Отобѣдавъ, поѣхали съ благополучнымъ вѣтромъ и часу въ 8

прибыли къ Костромѣ, и приближась къ Ипатскому монастырю, на рѣкѣ Костромкѣ, которая тогда почти съ Волгу шириною была, стали на якорѣ; между городомъ и Костромою, гдѣ галера Государыни стояла, тутъ глубина 5 саженъ, а гдѣ другія стояли, то у нѣкоторыхъ 7 и 8 саженъ глубины было. Государыню верстахъ въ 50 встрѣтило отъ города Костромское судно съ волторами, подъ городомъ же выѣхало много лодокъ, очень изрядно убранныхъ и число казалось болѣе Ярославскаго; пѣли пѣсни и кричали ура! Депутатъ сего города Александръ Ильичъ Бибиковъ, учредитель всего, что до пріема Государыни касалось, съ предводителемъ тогожъ города, позваны на Галеру и оставлены къ ужину, будучи сперва оба къ ручкѣ допущены. Подъѣхавъ къ монастырю, около котораго на берегахъ множество народа стояло, который безпрерывно кричалъ ура, какъ и тотъ, который по другую сторону Костромы у города стоялъ,— кинули якорь; сей весь день Государыня проводила съ посланниками, они и ужинали съ нами; время было очень дурно, послѣ обѣда все дождикъ шелъ и этотъ день Государыня не изволила выходить.

На другой день 15-го, пріѣхавъ къ пристани, Государынѣ тутошній Архіерей рѣчь говорилъ, которая Ее, въ разсужденіи бывшаго дождя и дурнаго времени, нѣсколько обезпокоила; послѣ оной пошли въ монастырь, — строеніе его очень хорошо и похоже на Ярославскія церкви. Видъ съ рѣки не дуренъ и внутри мнѣ показался убраннымъ лучше всѣхъ видѣнныхъ мною на дорогѣ доселѣ, онъ особливо примѣчанія достоинъ, потому, что Царь Михаилъ Θедоровичъ, послѣ гоненій вынесенныхъ, объявленъ Царемъ Россійскимъ; позолота тутъ такъ кажется нова, какъ бы вчера сдѣлана, а она сдѣлана такъ давно, что и не помнятъ. Какъ давно сей монастырь построенъ — извѣстій нѣтъ. Послѣ обѣдни Государыня пошла въ архіерейскій домъ, который очень не малъ и недуренъ; тутъ допущены были къ рукѣ дворяне

и дворянки, которыхъ болѣе Ярославскаго казалось,—между дворянками изрядныя лица были, также и канцелярскіе служители; 4 ученика говорили привѣтствіе Государынѣ — 2 на русскомъ изрядно сложенныя, 1 на латынскомъ и 1 на греческомъ; послѣ сего говорилъ рѣчь Александръ Ильичъ Бибиковъ, — она была коротка, только, казалось мнѣ, хотя я и не все слышалъ, — сильна: сравненіе было въ ней нынѣшней Государыни съ Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ; «какую радость, говорилъ онъ, чувствовалъ городъ сей отъ присутствія сего Государя, какую же нынѣ чувствовать долженъ, когда ты несравненно болѣе о нашемъ благополучіи печешься, и т. д.»....... Рѣчь Государынѣ понравилась; сіе утро Государыня нѣсколько устала. Обѣдъ былъ приготовленъ и съ виномъ дворянами, они во время онаго служили, кушанья носили и тутъ стояли, а Государынѣ служили двѣ дѣвушки за стуломъ, и дѣлали то, что обыкновенно камеръ-пажи дѣлаютъ; тутъ же стояли и дворянки; столъ и вино было очень хорошо; въ обѣдѣ пили за здоровье Государыни, а потомъ за дворянское. Нѣсколько время спустя поѣхали въ городъ рѣкою, и у пристани кареты изрядныя и довольно приготовлено было. Для въѣзда въ Соборъ сдѣланы были очень изрядно торжественныя ворота; народу по улицамъ очень много было и безпрерывно кричали ура. Соборъ изрядно убранъ и много надписей тутъ находятся; Архіерей съ духовенствомъ встрѣтилъ Государыню; онъ и въ монастырѣ самъ служилъ обѣдню, по маломъ пѣніи, возвращаясь Государыня изъ Собора была на лѣстницѣ встрѣчена дворянскими молодыми, хорошо убранными, нѣсколькими дѣвушками, которыя Ей цвѣты метали; она остановясь изволила ихъ всѣхъ поцаловать. Пріѣхавъ въ Воеводскій домъ купцы съ своими женами допущены были къ ручкѣ, — одну изъ нихъ только поцаловала Государыня. Переѣхавъ черезъ рѣку Государыня изволила опять пойти въ архіерейскій домъ. Я хо-

дилъ къ Архіерею самъ съ Козицкимъ, и онъ мнѣ посулилъ, сколько найдетъ лѣтописцовъ прислать ко мнѣ. Онъ человѣкъ изрядный, только малосвѣдущъ кажется. Отъ него пришедъ видѣлъ татаръ съ ихъ женами — представленныхъ Государынѣ, здѣсь цѣлая слобода магометанскаго закона, — она изволила ихъ къ рукѣ пожаловать, женщинъ съ 6 поцаловала, а мужья ихъ говорили; они неучливы, они по просту. Государыня приказала отпустить дворянство все съ ихъ женами, оставя депутата съ Предводителемъ у ужина. Ужинъ былъ также дворянскій и не хуже обѣда; послѣ ужина, простясь со всѣми, возвратилась Государыня на свою галеру; противъ монастыря сдѣлана была иллюминація и монастырь весь иллюминованъ. Пріемъ Государыни въ Костромѣ былъ очень хорошъ, все было очень порядочно расположено и гораздо лучше Ярославскаго. — Въ Ярославлѣ и во все прожитіе тамъ по дорогѣ до Костромы и въ Костромѣ всему были свидѣтели очевидные сами всѣ посланники и они казались чрезвычайно довольными пріемомъ Государыни; они не могли надивиться радости народа, который Ее видѣлъ, однимъ словомъ вся дорога до Костромы казалась имъ очень пріятна была. Государыня одного дворянина въ пажи изволила взять, двухъ дворянскихъ дѣтей въ Капралы въ гвардію пожаловать. Въ городѣ 4 фабрики полотняныхъ, гдѣ дѣлаютъ ровендукъ, коломенку и фламское полотно; большая изъ нихъ 420 становъ, другая 350, а самая малая около 100; отъ города въ 2-хъ верстахъ или немножко подальше еще въ 150 становъ полотняная фабрика, принадлежащая Роману Ларіонычу, да еще одна 40 верстъ отъ Костромы въ пригородкѣ Нерехтѣ, становъ поболѣе 100; тутъ вышелъ лучшій кряжъ земли всего уѣзда на нѣсколько верстъ, гдѣ хлѣбъ родится въ хорошій годъ самъ 6; здѣсь земля по большей части иловатая, однако и песчаная есть, сѣятъ много льна, хлѣбомъ своимъ однимъ не могутъ довольство-

ваться, а получаютъ изъ нижнихъ мѣстъ; въ Костромѣ теперь Прокуроромъ Вердеревскій. Волга противъ Костромы разливается, мнѣ сказывали, верстъ на 60 и потопляетъ лѣса, такъ что иныхъ деревъ не видно; сего числа время было очень дурно.

16 Мая, часу около 9-го, тронулись съ мѣста, тогда палили изъ пушекъ съ города, и мы имъ отвѣтствовали съ нашей галеры, много народа по берегамъ было, кричали ура! Верстъ поболѣе 30 отъѣхавъ остановились подлѣ деревни Орлекъ; послѣ обѣда поѣхали далѣе и доѣхали до села Александра Ильича Бибикова, назыв. Петропавловское, верстъ 40 отъ Орлека и съ 25 отъ Кинешмы; вечеромъ пріѣхалъ онъ съ женою и съ отцемъ и тутъ оставленъ ужинать.

На другой день 17-го Мая Государыня изволила часу въ 10-мъ поѣхать къ обѣдни, послѣ обѣдни откушала у него и пожаловала его сына фуръ-еромъ и скоро потомъ возвратилась на галеры, мѣстоположеніе села сего недурно и гораздо высокое. Скоро пріѣхавъ на галеры пошли далѣе и при благополучномъ вѣтрѣ отошли 63 версты въ эти послѣ обѣда и стали при церкви Иліи Пророка; время сей день было очень изрядно, около 5-ти часовъ шли. Въ Кинешмѣ фабрика полотняная, какъ я слышалъ, становъ на 200; городъ Кинешма не великъ и гораздо нехорошъ, лежитъ на горѣ; до деревни Бибикова земля еще дурна и далѣе къ Кинешмѣ и за Кинешму, и плодъ приноситъ такъ, какъ въ Ярославскомъ уѣздѣ.

18 Мая отошли по утру верстъ съ 80, и я съ братомъ Григоріемъ проходя пѣшкомъ слободу Пучежъ, слышали тутъ, что земля уже лучше становиться зачала; остановились въ слободѣ Котункѣ обѣдать, отъ Пучежа 20 верстъ, а послѣ обѣда отъѣхавъ 24 версты на греблѣ, остановились подлѣ села Городецъ, 46 верстъ отъ Нижняго Новгорода; день былъ прекрасный и прямо лѣтній.

19 Мая Государыня изволила быть въ монастырѣ нововыстроенномъ и недавно погорѣломъ въ Городцѣ для освященія сего монастыря; въ семъ монастырѣ постригся и посхиминился Александръ Невскій, который перенесенъ въ резиденціею его Владиміръ, а наконецъ въ Петербургъ. Когда Государыня изволила идти въ монастырь, то вездѣ женщины постилали платки и шолковыя и всякія до самаго монастыря; послѣ освященія Государыня возвратилась на Галеру. Во время прохожденія Ея иной называлъ Ее ягодкой, иная баба—солнышкомъ, иная—кормилица наша; дьяконъ спрашивалъ брата Григорія, когда служба началась, какъ онъ мнѣ сказывалъ, не поставить ли свѣчъ передъ Государыней?... Въ здѣшнемъ уѣздѣ земля не дурна, по большей части сѣрая, однако навбзить надобно; сѣютъ много льна, также овесъ, пшеницу и рожъ; рожью своею никогда не пробавляются, а привозятъ въ добавокъ снизу; земля, какъ тутъ мнѣ сказывали, пошла все такая до самаго Нижняго Новгорода; ленъ никуда не отпускаютъ, но весь здѣсь перепродаютъ и въ холсты передѣлываютъ; здѣсь и мужики прядутъ, а особливо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ волжскою работою не промышляютъ, и тутъ нѣсколько прядутъ, главный промыселъ тѣхъ мужиковъ, которые волгскою работою не промышляютъ, обработываніемъ холста, льна изъ всей здѣшней губерніи не отпускаютъ, но въ холстъ передѣлывая; холстъ я здѣсь купилъ аршинъ по 6 копѣекъ. Во городкѣ бываютъ ярмарки зимою всякую Субботу, куда до 2000 возовъ привозятъ верстъ 200 изъ нижнихъ мѣстъ, а отсюда уже и въ дальнія мѣста вверхъ провозятъ; здѣсь мнѣ сказывали, почти нѣтъ крестьянина, у котораго бы стана не было для тканья холста. Послѣ обѣда поѣхали далѣе, проѣхали городъ Балахну, сей городъ не великъ, лежитъ на плоскомъ берегу и дурно построенъ; тутъ купцовъ съ 10 есть богатыхъ, а особливо одинъ Осокинъ; 10 верстъ отъ Нижняго Новгорода стали на якорѣ;

въ Балахнѣ нѣсколько рощъ изъ вяза и изъ дуба, и съ этихъ мѣстъ по берегамъ началъ дубнякъ появляться; время было сей день очень хорошо и 51 струкъ намъ попался.

20 Мая тронулись съ мѣста часу въ 8-мъ и пріѣхали около 10-ти къ городу. Государыня, будучи встрѣчена Губернаторомъ, дворянствомъ и народомъ, сѣвъ въ коляски поѣхали въ Соборъ изъ всѣхъ лучшій соборовъ, которые я видѣлъ до здѣшняго мѣста, т. е. только строеніемъ и расположеніемъ внутреннимъ, но не убранствомъ. Послѣ обѣдни сказывалъ Протопопъ здѣшній проповѣдь,— въ ней много дѣлъ произведенныхъ Государынею упомянуто было, нѣкоторыя изъ нихъ очень хорошо въ честь ея обórочены были, а оттуда изволила поѣхать въ архіерейскій домъ, который изрядно убранъ, довольно пространенъ и лучшій въ городѣ; тоже самое утро допущены были Архимандриты съ Архіереемъ, дворянство и дворянки къ рукѣ; въ обѣдъ Государыня приказала Архіерею собрать сколько можно извѣстія и лѣтописцовъ, которыхъ здѣсь найти можно и переслать въ Петербургъ. Послѣ обѣда ѣздилъ я смотрѣть городъ вдоль по Окѣ и въ длину, видѣлъ что городъ сидитъ на 5 горахъ; строенія, выключая дома 4 очень дурны, амбары всѣ почти деревянные. Потомъ ѣздили въ Печерскій монастырь,—онъ не очень хорошъ и лежитъ на половинѣ горы высокой и достойнаго примѣчанія ни чего въ немъ не нашли. День былъ очень хорошъ; земля въ здѣшнемъ уѣздѣ изрядная, однако унавоживаніе необходимо; здѣсь сѣютъ рожь и ленъ и переработываютъ его въ холстъ.

21 числа по утру я никуда не выходилъ, а Государыня Протопопа съ духовенствомъ изволила допустить къ рукѣ, а послѣ обѣда проѣхала по городу до пристани, и тутъ сѣвъ на шлюпку вверхъ по Окѣ до конца города и назадъ; день былъ очень хорошъ.

22 Мая по утру съ братьями посѣщалъ Архіерея, — онъ человѣкомъ немудренымъ показался. По утру допу-

щены были купеческія жены къ рукѣ, изъ нихъ болѣе казалось хорошихъ, нежели въ Ярославлѣ, а одна была очень хороша. Женщины здѣсь очень податливы, — причина главная тому — гости проѣзжающіе и отсутствіе мужей.... Лоцману, который съ нами изъ Ярославля въ Нижній Новгородъ пріѣхалъ, за претерпѣнный имъ убытокъ чрезъ отсутствіе его, пожаловала 500 р. Послѣ обѣда часу въ 6 Государыня поѣхала на суда, народу по дорогѣ было очень много; прибывъ на суда чрезъ часъ пошли, съ города стрѣляли и мы имъ послѣ отстрѣляли, много было на лодкахъ провожающихъ; видъ города, въ разсужденіи его положенія, съ рѣки очень хорошъ, люди веселы, очень свѣжи и здоровы, а особливо женщины. Въ городѣ ничего почти примѣчанія достойнаго нѣтъ; купечество въ разсужденіи своего выгоднаго положенія для торга очень скудно; здѣсь Прокуроромъ Алексѣй Ивановичъ Бахметевъ, который мнѣ разныя извѣстія объ этой губерніи сообщить обѣщался; тотъ же день отъѣхали 26 верстъ и стали противъ деревни большого врага.

23-го Мая пріѣхали къ Макарью монастырю, отъѣхавъ отъ ночлега 54 версты; Государыня изволила быть въ монастырѣ и слушать молебенъ, я ходилъ смотрѣть гостиный, который хотя великъ, но не очень хорошъ и весь деревянный; церковь монастырская имѣетъ три купола; письмо образное на иконостасѣ хорошо гораздо и церковь вся хороша; въ Лысковѣ купилъ себѣ холста на 30 руб.; хлѣба въ Лысковѣ, какъ я слышалъ, пшеницы и ржи очень много грузятъ, гораздо болѣе нежели въ Работкахъ, а особливо ржи, холстъ возятъ на ярмарку не только изъ ближнихъ мѣстъ, но и изъ Костромы; Архимандритъ, который въ монастырѣ, обѣдалъ у Государыни на галерѣ и обѣщалъ мнѣ прислать все что собрать можетъ, онъ называется Амвросій. Послѣ обѣда доѣхали до села Сомовки, отъ монастыря 45 верстъ; день былъ очень хорошъ и жа-

рокъ. Отъ Нижняго самаго уже началъ боръ пропадать, а верстъ за 50 до Василя совсѣмъ или очень мало сосняку на нагорной сторонѣ видно было и, какъ лоцманъ сказывалъ, что на нагорной и въ сторону по большей части дубнякъ, да и хорошій между дурнымъ попадается, липнякъ, кленникъ, вязъ, Осокорь и нѣкоторыя другія деревья; на луговой же сторонѣ хотя на берегу такой же лѣсъ, какъ и на нагорной, однако въ сторону, версты 3—4 или нѣсколько болѣе, много бора очень; по нагорной сторонѣ верстъ 30 отъ Василя, отъ берега верстъ 7, черная хорошая земля началась; на луговой же вся почти песчаная, что и лѣсъ доказываетъ.

24 Мая, тронувшись часу въ 4 съ мѣста, отплыли 57 верстъ и остановились 3 версты отъ Козмодемьянска. Васильсурскъ, который мы проплыли, препаскvернѣйшій городъ, Сура рѣка, впадающая при немъ въ Волгу, изобилуетъ лѣсомъ по обѣимъ сторонамъ разнымъ, между которымъ и дубъ хорошій встрѣчается. Отъ Василя уже самаго пошла земля по нагорной сторонѣ черная; мы съ братомъ Григоріемъ ходили до обѣда на гору, которая по косогору 400 шаговъ вышины; отошедъ саженъ 20 или менѣе, видѣли черную землю, однако мужики увѣряли, жители тутошніе, что безъ навоза эта земля не хорошо родитъ, а что отъ Камы уже пойдетъ земля, гдѣ навоза класть нельзя; по другую же сторону земля нехорошая, песчаная, по сказкамъ сихъ жителей и лоцмана, продолжается. Въ Василѣ встрѣтилъ насъ Губернаторъ Казанскій. Козмодемьянскъ гораздо лучше Васильсурска; послѣ обѣда уѣхавъ болѣе 30 верстъ, остановились за 25 верстъ отъ Чебоксаръ.

25 Мая пріѣхали въ 8 часу въ Чебоксары; городъ сидитъ на нѣкоторой вышинѣ по Волгѣ, однако такъ, какъ въ буеракѣ между двухъ горъ; Государыня отслушавъ молебенъ въ монастырѣ, — тутъ Архимандритъ служилъ,

изволила ѣздить къ дубовой рощѣ версты 4 отъ города и ходить по ней; она окружностью на 30 верстъ самая большая изъ всѣхъ по этой провинціи; въ уѣздахъ городовъ, лежащихъ по Волгѣ этой провинціи, находится 36 рощъ и самая меньшая окружностью въ 2 версты. Здѣсь земля почти вся черная на нагорной сторонѣ, однако вездѣ почти по этому уѣзду навозятъ; на луговой же сторонѣ земля песчаная, и весь уѣздъ состоитъ почти въ Чувашахъ. Послѣ обѣда отъѣхали 44 версты и остановились ночевать верстъ за 80 отъ Казани; день былъ очень хорошъ и жарокъ.

26-го съ утра отошли 70 верстъ и остановились отъ Казани за 10 верстъ обѣдать, проѣхавъ Свіяжскъ, котораго видъ очень хорошъ; во время большой воды понимается оною со всѣхъ сторонъ. Послѣ обѣда часу въ 5 доѣхали до Казанки, она въ устьѣ своемъ не будетъ въ половину противъ Костромы, отъ города версты съ 4 впадаетъ въ Волгу. Видъ города очень хорошъ въ двухъ мѣстахъ,— въ одномъ версты 3, а въ другомъ съ 1, съ Казанки т. е., много очень каменнаго представляется. Монастырь Силантьевъ по Казанкѣ лежитъ на нѣкоторой вышинѣ, и видъ онаго очень недуренъ; часу въ 7-мъ пріѣхали въ городъ, будучи встрѣчены премножествомъ разнаго народа и дворянства, съѣхавшагося при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ. Государыня до города доѣхала въ шлюпкѣ; ѣхавъ по городу остановилась въ соборѣ, Архіерей здѣшній говорилъ рѣчь, я ее всей не слыхалъ; отслушавъ молебенъ изволила до дому сквозь тріумфальныя ворота .... прибыть, которыя очень хорошо сдѣланы; день былъ очень хорошъ.

27-го Государыня изволила быть въ Соборѣ, а прежде представлены были Измайловскіе офицеры къ рукѣ, насъ было—Всеволожскій меньшой, я, Хотяинцевъ и Александръ Ильичъ Бибиковъ; сего числа былъ Троицынъ день; Губер-

наторъ съ дворянствомъ у обѣда оставлены были, Архимандриты трое съ Архіереемъ и нѣсколько дворянства....; послѣ обѣда часу въ 8-мъ, послѣ представленія здѣшнихъ дворянокъ и допущенія къ рукѣ, между которыми довольно очень изрядныхъ было, Государыня изволила поѣхать на бываемое въ нынѣшнее время здѣсь гульбище; проѣзжая сквозь городъ видѣли народа чрезвычайное множество, который весь за нами ударился бѣжать и провожалъ насъ назадъ по всему полю до самаго города; особливаго на гульбищѣ ничего не было видно, а народъ для гульбища ли собрался или съ нами прибѣжалъ—узнать было нельзя; день былъ очень хорошъ, только гораздо жарокъ.

28 Мая Государыня изволила быть въ дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ очень богато убранный образъ Казанской Богородицы находится, у обѣдни; до обѣда допущены были купцы здѣшняго города и иногородцы, между которыми были такіе, которые по 400 и по 700 верстъ отсюда живутъ; Государыня такимъ прямымъ усердіемъ очень довольна была; послѣ обѣда Государыня изволила быть на суконной фабрикѣ, которая довольно много товара приготовляетъ.

29-го былъ я по утру у Архіерея съ братомъ Григоріемъ Григорьевичемъ, оттуда проѣхалъ въ Татарскую мечеть, служба ихъ проста и кажется очень богопочтительна, смиренности и вниманія во время оной болѣе быть не можетъ; въ церкви никакихъ образовъ нѣтъ и они мнѣ обѣщали съ молитвъ, которыя они при службѣ употребляютъ, переводъ прислать; служба, которую я видѣлъ, продолжалась немного болѣе получаса; оттуда я заходилъ въ гости къ одному Татарину, а потомъ былъ у г. Тевлелева (Тевкелевъ?), у котораго былъ тутъ же Белевичъ— родня его, знакомый брата Алексѣя Григорьича; проѣзжая домъ татары встрѣтили меня и просили къ себѣ на перепутье, я до обѣда быть не могъ и обѣщалъ сіе послѣ обѣда исполнить, что и сдѣлалъ; они мнѣ очень рады были, въ переулкѣ поставили по

обѣимъ сторонамъ березки, а передъ мечетью, гдѣ они меня встрѣтили, устлали коврами; со мною былъ Григорій Козицкій. Оттуда проѣхалъ полкъ смотрѣть Князя Юрья Долгорукова, который учился очень хорошо въ присутствіи Ея Величества, — она послѣ ученія изволила къ ручкѣ пожаловать всѣхъ офицеровъ, при семъ же случаѣ имѣлъ эту честь старый солдатъ лѣтъ 70, который осмѣлился приблизиться къ Государынѣ.

30 Мая, послѣ обѣда, ѣздила Государыня въ гости къ Архіерею въ загородный его домъ, версты 3 отъ города, тутъ говорили всѣхъ здѣшнихъ народовъ ребятки крещеныя на всѣхъ ихъ языкахъ; погулявъ въ саду и посидя въ хоромахъ изволила возвратиться проѣхавъ по татарской слободѣ.

31 Мая былъ я въ гимназіи, которую въ очень дурномъ состояніи нашелъ, гдѣ 12 учителей, а учащихся всѣхъ съ 40, — они говорили рѣчи: на нѣмецкомъ, французскомъ, русскомъ и латынскомъ языкахъ, успѣхи учащихся очень не совершенны, какъ я самъ ихъ свидѣтельствовалъ. Послѣ обѣда жаловала къ рукѣ Свіяжскихъ дворянокъ, а потомъ татарокъ; часу въ 6 изволила поѣхать въ загородный домъ; тутъ плясали Мордва, Чуваши, Черемисы, Вотяки и Татары, мужчины и женщины, — послѣднихъ пляска лучше показалась мнѣ у Черемисъ; замужнія одну пляску, а дѣвки другую имѣютъ, и музыка разная; платье вотячекъ — дѣвокъ лучше всѣхъ другихъ мнѣ показалось, выключая Татарокъ, изъ которыхъ иныя очень богато одѣваются и хорошія матеріи на платье употребляютъ. Часу въ 9 начался маскарадъ, съѣхалось много дворянства, часу въ 11-мъ былъ фейерверкъ очень хорошъ, хотя не великъ; Государыня платья маскараднаго не надѣвала, часу въ 12 откушать изволила, а часу въ 1-мъ изволила поѣхать во дворецъ; маскарадъ многолюденъ былъ и веселъ. Городъ съ Казанки рѣки видъ очень хорошій имѣетъ и я думаю, конечно, луч-

шимъ послѣ Москвы почесться долженъ; съ рѣки кажется онъ весь каменный, здѣсь много кожевенныхъ заводовъ, лажащихъ по большей части по рѣчкѣ изъ озера текущей сквозь городъ, въ ней то самая лучшая вода должна бы быть, но загажена, потому что почти всѣми жителями употребляется, то и жить въ Казани не здорово; впрочемъ положеніе мѣста не нездорово и недурно; дворянъ почти всегда много въ городѣ живетъ и я много тутъ хорошихъ дѣвушекъ и барынь видѣлъ, много компаніи водится.

1-го Іюня часу въ 12 утра, поѣхали съ Государыней на галеры, народа множество по улицамъ стояло, и сѣвъ на шлюпки поѣхали на галеры, кричали много ура, изъ пушекъ палили и въ колокола звонили; отъѣхавъ верстъ съ 10 остановились обѣдать, а послѣ обѣда, отъѣхавъ еще верстъ съ 20, ужинали.

2-го Іюня пріѣхавъ къ Камѣ Государыня изволила пересѣсть въ шлюпку и всплыть вверхъ по оной рѣкѣ версты съ 3, тутъ видѣли людей съ 20 въ Устьсысольѣ, суда со всѣмъ на видъ неуклюжія, грузится на такое судно отъ 70.000 до 80.000 пудъ, вода мутнѣе какъ въ Волгѣ, отошедъ верстъ съ 5, возвратясь на галеры, остановились обѣдать, а послѣ обѣда, часу въ 6-мъ пришли къ пристани, нарочно сдѣланной для Государыни, тутъ остановились и вышли на оную, прошедъ 4 версты пѣшкомъ съ Государынею, сѣли въ кареты и доѣхали до Болгаровъ, всего отъ пристани 9½ верстъ, и до самаго города дорога все лѣсомъ, а Болгаръ лежитъ на полѣ, тутъ сидитъ деревня иноситъ тоже имя; подлѣ монастыря, находящагося у самой деревни, сохранилася очень хорошо родъ колокольни татаръ; на полѣ видѣли сдѣланную изъ мечети церковь, которая и до сихъ поръ сохранилась; нѣсколько мечетей разваленныя почти совсѣмъ, да еще одну колокольню Татарскую, которой верхъ разваливаться началъ; во всѣхъ почти сихъ мѣстахъ изволила быть сама Государыня и крѣпко при-

казала Губернатору, видя, что нѣкоторыя каменья съ надписью ростасканы, чтобы онаго впредь отнюдь не было; здѣсь въ одной развалинѣ лежитъ одинъ татарскій святой, къ которому молиться они верстъ за 200 и далѣе пріѣзжаютъ; я нашелъ тутъ двухъ татаръ, которые за 200 верстъ пріѣхали молиться; съ самаго того мѣста, гдѣ Кама въ Волгу впадаетъ находится по обѣимъ сторонамъ очень хорошій черноземъ, да и по самой рѣкѣ Камѣ очень хорошій черноземъ вверхъ по обѣимъ сторонамъ идетъ; Болгаръ отъ Казани верстъ съ 100, а отъ Камы вверхъ по болѣе 30, отъ Тетюшъ же верстъ съ 5 выше. Возвратясь на галеры въ каретахъ, отошли еще верстъ съ 10.

3-го Іюня часу въ 10-мъ пріѣхали къ брату Ивану въ деревню, вышли на берегъ и ѣхали верстъ съ 12; мнѣ показались до его деревни мѣста до дорогѣ лежащія очень хороши, послѣ обѣда Государыня изволила переѣхать чрезъ рѣчку текущую подлѣ хоромъ, гуляла по дубовой рощѣ *).

---

*) Императрица описала это мѣсто въ двухъ письмахъ Графу Никитѣ Ивановичу Панину въ слѣдующихъ словахъ (3 іюня):

«Вчерашній день мы ѣздили на берегъ смотрѣть развалины стариннаго, Тамерланомъ построеннаго, города Болгары и нашли дѣйствительно остатки большихъ, но не весьма хорошихъ, строеній, два Турецкія минарета весьма высокія, и все, что тутъ ни осталось, построено изъ плиты очень хорошей; Татары же великое почтеніе имѣютъ къ сему мѣсту и ѣздятъ Богу молиться въ сіи развалины. Сему одинъ гонитель Казанской Архіерей, Лука, при покойной Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, позавидовалъ и много разломалъ, а изъ иныхъ построилъ церковь, погреба и подъ монастырь занялъ; хотя Петра I указъ есть, чтобы не вредитъ и не ломать сію древность. Сей день здѣсь провожу, а завтра въ Синбирскъ поѣду, разстояніемъ отселѣ въ 50 верстахъ, NB. Что я на луговой сторонѣ, мы всѣ здоровы» . . . .
. . . .

4-го отобѣдавъ изволила возвратиться на галеры, и тотъ день верстъ съ 40 отошли.

5-го прибыли въ Симбирскъ, лежащій на горѣ высокой и очень дурно построенный, Государыня изволила заѣхать въ соборъ, тутъ молебенъ пѣли и пожаловавъ къ ручкѣ прибыла въ домъ богатаго купца Мясникова, очень хорошій и пространенъ и убранъ изрядно; дворянство и дворянки допущены были послѣ обѣда къ рукѣ, вечеромъ я со всѣми простился.

6-го часу въ 6-мъ выѣхали изъ города, мѣняли въ деревнѣ Ключищахъ лошадей, большая часть состоящей изъ пахатныхъ солдатъ и отстоящей 20 верстъ отъ Симбирска; отъѣхавъ еще 20 верстъ мѣняли лошадей и пріѣхавъ въ Тереньгу Князя Голицына деревню; тутъ, по словамъ стряпчаго, въ селѣ находится 1,300 крестьянъ; еще ни чего примѣчанія заслуживающаго нѣтъ. Отсюда поѣхали и пріѣхали часу въ 7-мъ въ Новодѣвичье, братъ Гри-

---

. . . . . . Отъ 4-го іюня.

« . . . . . Сія деревня въ шести верстахъ отъ пригородка Маинскъ, которой отчасти брату Вашему принадлежитъ, а онъ, я чаю, и отъ роду въ немъ не бывалъ; а мы вчерась его луга потоптали, хлѣбъ всякаго рода такъ здѣсь хорошъ, какъ еще не видали; по лѣсамъ же вездѣ вишни и розаны дикіе, а лѣса инаго нѣтъ, какъ дубъ и липа, земля такая черная, какъ въ другихъ мѣстахъ въ садахъ на грядахъ не видятъ; однимъ словомъ, сіи люди Богомъ избалованы; я отъ роду такихъ рыбъ вкусомъ не ѣдала, какъ здѣсь, и все въ изобиліи, что себѣ представить можешь, и я не знаю, въ чемъ бы они имѣли нужду; все есть, и все дешево. Въ прочемъ, желаю Вамъ здравствовать» . . . .
. . . .
. . . .

горій пріѣхалъ сюда на шлюпкѣ и ѣздилъ по полямъ осматривать мѣста, которыя ему очень понравились; душъ здѣсь 2000 или 3000.

7-го по утру, простясь съ братомъ Григоріемъ, поѣхалъ далѣе, а онъ возвратился назадъ; пріѣхалъ въ Усолье — 30 верстъ отъ Новодѣвичья. Я ѣздилъ 8 верстъ до Усы, мѣста хороши и угодья, сказываютъ, много дворцовыхъ и монастырскихъ — болѣе 4,000. Изъ Усолья перемѣнили лошадей, отъѣхавши 20 верстъ, въ Печерскомъ селѣ и поѣхали до Сызрана города.

8-го пріѣхали къ Сызрану — 40 верстъ отъ Печерскаго, гдѣ пахатные солдаты. Сызранъ строеніемъ плохъ и малъ, часу въ 10-мъ пріѣхали къ Каширскимъ вершинамъ 25 верстъ отъ Сызрани; пригородъ Каширъ лежитъ съ 10 верстъ отъ вершинъ, малый и дурной строеніемъ и населенъ только пахатными солдатами, а въ 3-мъ часу пріѣхали къ Спорной лукѣ 25 верстъ отъ вершинъ и стали у рѣчки Терешки сажени 4 ширины и довольно глубокой; тутъ мы обѣдали и купались, вечеромъ часу въ 10-мъ пріѣхали въ Сосновскую Мазу — Монастырскую деревню — 30 верстъ отъ Спорной Луки, тутъ уже ѣхали все степью и въ степи лошадей перемѣняли.

9-го пріѣхали въ село Самодуровку, 17 верстъ отъ Сосновской мазы, а потомъ доѣхали до села Тугускина 25 отъ Самодуровки, послѣдняя — Девьерова, а первая монастырская, 30 верстъ отсюда доѣхали до Малыковки, далѣе 30 верстъ до села Архангельскаго, разныхъ владѣльцевъ, отсюда ѣхали до деревни Студенца 25 верстъ.

10-го пріѣхали къ рѣкѣ Чердыну 25 верстъ переѣхавъ чрезъ рѣчку Курдюмъ, — обѣ изрядныя по камешку текущія рѣчки и поросшія малымъ лѣскомъ, тутъ уже перемѣняли лошадей въ степи до самаго Саратова. Отсюда пріѣхали къ урочищу, назыв. Устье Елшанки, хотя тутъ и не устье, 25 верстъ, рѣчка маленькая степная, текущая ому-

тами, отсюда ѣхавъ, выѣхалъ къ намъ на встрѣчу Никита Аѳанасьичъ Бекетовъ съ нѣкоторыми Саратовскими дворянами, сѣвъ со мною въ карету, пріѣхали въ Саратовъ 25 верстъ отъ перемѣны, я сталъ въ домѣ Соляной Конторы; часу въ 7-мъ по полудни были у меня съ поздравленіемъ здѣшніе дворяне и другіе при должности служащіе; тотъ же день и купцы были съ хлѣбомъ.

11-го ѣздили около города, видѣли заведенный Тутовый садъ, состоящій сначала въ 250, а теперь чрезъ....... .... въ 700 деревъ и не малое число посѣянныхъ, расположеніе на помянутомъ мѣстѣ совсѣмъ неудобно, а должно быть перенесено на то мѣсто, которое мы осматривали для того заведенія, по причинѣ протекающаго въ горѣ ключа; оттуда проѣзжали въ садъ Саратовскаго жителя Рыбакина, гдѣ протекаютъ два очень хорошіе ключа выше Саратова; потомъ были на фабрикѣ колониста Вердье, гдѣ дѣлаются шелковые чулки, тафта и атласъ; тафта и чулки изрядной работы, а атласъ гораздо ниже, но все оное продается высокою цѣною и находится для чулковъ только 3 стана.

12-го были за городомъ въ заготовленныхъ хлѣбомъ амбарахъ для поселянъ; хлѣбъ состоитъ въ гречи, ржи, пшеницѣ, ржаной и пшеничной мукѣ. Отъ Девьерова деревни до самой Малыковки ѣхали горами почти во всю дорогу и земля уже не черноземъ, а по большей части сѣрая и кое гдѣ черная и до Саратова тоже; во всѣхъ этихъ мѣстахъ не навозятъ и, сколько я слышалъ, то въ лучшій самый годъ едва приходитъ самъ-шестъ. Послѣ обѣда того же числа были на шляпной фабрикѣ, гдѣ шляпы отъ $^1/_2$ до 5 р. дѣлаются, расходъ имъ здѣсь не очень великъ и продаютъ дорого. Городъ лежитъ между горами, улицы проведены очень хорошо и строеніе получше обыкновенныхъ россійскихъ городовъ, какъ напр. Симбирска; обѣ помя-

нутыя фабрики не важны, особенно чулошная, въ которой мало и работниковъ и товара дѣлается.

13-го отправивъ свои коляски съ Н. А. Бекетовымъ, пошолъ обѣдать къ Ивану Рязанову, тутъ я крестилъ у него дочь, и послѣ обѣда часу около 4-го сѣвъ въ шлюпку Соляной Конторы поплыли въ низъ по Волгѣ, проѣхали гору Цвегъ, лежащую въ 7 верстахъ отъ города и много рѣчекъ. Часу въ 7-мъ прибыли въ селеніе Сосновка, гдѣ находится 61 семья, а дворовъ 60, здѣсь есть жители около 3 лѣтъ, по обѣ стороны селенія протекаютъ двѣ рѣчки, обѣ называемыя Сосновки; на нижней сдѣлана на одинъ камень очень хорошая мельница, гдѣ двѣ комнаты для самого мельника съ кухонькою; вдругъ мелется и сѣется и отдѣлка работы очень хороша, наливное колесо, на которое немного воды изъ желоба течетъ, внутри на валѣ находится другое колесо, назыв. штаргротъ, которое, хватая своими зубцами въ трилингъ оборачиваетъ валъ, на которомъ онъ находится, а колесо далѣе на ономъ также штаргротъ хватаетъ въ трилингъ или шестерню, которая ворочаетъ камень; производитъ молонье, подлѣ самаго штаргрота находящагося на валѣ наливнаго колеса, ходитъ онъ въ лѣвую сторону сдѣлать съ нѣкоторою отмѣною такой же верхъ для молонія польба или шпельценъ и проса или гирсенъ; многіе или всѣ почти начали хлѣбъ пахать. Я былъ въ полѣ и хлѣбъ яровой стоитъ очень изрядный; строенія и улицы для деревни очень хороши, положеніе мѣста очень не дурно; земля, сколько я видѣлъ, сѣрая, хорошая и нѣкоторыя въ паханной раза два новой землѣ класть навозъ за удобное почитаютъ. Часу около 9-го поѣхали далѣе и пріѣхали наконецъ въ Ахматъ село Государево часу въ 11-мъ, 15 верстъ отъ Сосновки; по обѣ стороны онаго текутъ двѣ Севастьяновки — рѣчки; тутъ почевали.

14-го поѣхали въ селеніе Севастьяновка, здѣсь находится 44 семьи, и 40 домовъ, выстроенныхъ въ прежнее

(время), поселяне исповѣданія лютеранскаго, а здѣсь (нынѣ?) Кальвинскаго *). Здѣсь также на одной рѣчкѣ изъ помянутыхъ мельница, которая воды хотя гораздо болѣе имѣетъ, однако всѣмъ не такъ хороша, какъ первая, здѣсь уже мелетъ на одинъ камень, а можетъ и на два молоть, что онъ и сдѣлать хочетъ. Между домами выстраиваются три каменныхъ дома; всѣ жители зачали хлѣбъ пахать, и я, сколько видѣлъ яровыхъ, то они очень хороши и всѣ поля видѣнныя мною поросли яровымъ, и увѣряли меня, что и рожъ у нихъ стоитъ очень хороша; по обѣимъ сторонамъ селенія текутъ двѣ Севастьяновки, жители здѣшніе кажутся состоянія лучшаго передъ Сосновскими. Отсюда возвратились въ Ахматъ и завтракали у г. Подполковника, находящагося здѣсь съ эскадрономъ для поселенія; Севастьяновка лежитъ 5 верстъ отъ Ахмата. Тутъ простясь съ Мещериновымъ, который поѣхалъ въ Вознесенье назадъ, сѣли въ шлюпку въ 11-мъ часу подлѣ села Золотова, 30 верстъ отъ Ахмата, начался вѣтеръ и проливалъ съ $^1/_4$ часа превеликій дождь; верстъ съ 5 началась каменная подошва горы, которая довольно далеко простирается, имѣющая видъ хорошій; тутъ видѣли мы очень похожее посреди горъ на столбы, оставшіеся отъ стараго зданія и въ великомъ числѣ, только они должны быть тутъ природные. Часу около 2 были все почти дождь и вѣтеръ съ порывами и 2 раза шедъ на парусахъ имѣли 2 толчка на шлюпкѣ, которые насъ довольно перетревожили; до самаго селенія Галка мѣстъ проѣхали очень много хорошихъ, ... около 100 верстъ отъ Ахмата до Галки, куда мы пріѣхали часу около 11-го.

15-го вечеромъ тутъ мы ночевали; въ 8-мъ часу хо-

*) *Севастьяновка*, иначе *Антонъ* — нѣмецкая колонія, Саратовской губерніи, Камышинскаго уѣзда, во 2-мъ станѣ, на рѣчкѣ Севастьяновкѣ, впадающей съ правой стороны въ Волгу, верстахъ въ 70 къ югу отъ Саратова. Колонія имѣетъ нынѣ до 1800 жителей, 14 заводовъ, 8 мельницъ и лютеранскую церковь.

дили по полямъ и видѣли довольно полей, засѣянныхъ разнымъ хлѣбомъ; здѣсь находится 44 семьи, только видно мужики состоянія не лучшаго, а особливо нѣсколько фамилій шведскихъ, изъ которыхъ у двухъ или трехъ совсѣмъ поля въ пустѣ лежатъ; видѣлъ я тутъ криворотаго простаго мужика, который очень въ земледѣліи трудолюбивъ. Подлѣ деревни течетъ рѣчка Галька, на которой мельницъ строить нельзя, потому что она въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подъ землею ходъ имѣетъ, какъ сказываютъ жители, а главная причина тому маловодіе, въ межень особливо. Часу около 11-го пріѣхали въ Добренькое селеніе, тутъ ходилъ я на поля, здѣсь всякаго хлѣба много засѣяно и, сколько я глазомъ видѣть могъ, то все было хлѣбомъ засѣяно и хлѣбъ всякій стоитъ очень хорошо; здѣсь находится 60 семей и 1 пасторъ и всѣ почти лютеранской вѣры, пасторъ мнѣ изряднымъ показался и поселяне нынѣшній годъ кажутся довольно трудолюбивы были; нѣкоторые изъ нихъ завели въ садахъ виноградъ, который уже аршина въ 2 выбѣжалъ и они намѣрены его со временемъ пересадить въ полуденную гору и размножить сколько могутъ, къ чему надежда кажется довольная есть; въ одномъ огородѣ видѣлъ я здѣсь посѣянный табакъ, который также взошелъ хорошо, — между лютеранскими семьями находится 3 или 4 католическихъ и 1 или 2 реформатскихъ; состоянія жители кажется изряднаго, положеніе мѣста очень изрядно разстояніе отъ Галки 5 или 6 верстъ, сидитъ на Волгѣ, въ которую впадаетъ рѣчька Добренькая почти подлѣ самаго села и на оной, сказываютъ жители, что мельницъ за маловодіемъ строить нельзя. Верстахъ въ 5 отъ нихъ, всторону отъ Волги, находится еще селеніе, которое по прибытіи ихъ сюда переведено въ то мѣсто; положеніе всѣхъ сихъ четырехъ селеній выгодно и хорошо, земля сѣрая, новь вспаханная не требуетъ навозу ни первый ни второй годъ, но на третій годъ можно нѣсколько навозу класть, какъ они сами ска-

зываютъ, а на четвертый еще болѣе; русскіе же крестьяне, живущіе около сихъ мѣстъ въ хуторахъ и деревняхъ, находятъ оное вреднымъ, сказываютъ, что навозъ причиняетъ выгорку хлѣба, что будто сіе и въ самомъ опытѣ найдено, чему однако трудно повѣрить. Въ Добренькомъ отобѣдавъ и простясь съ Василіемъ Григорьевичемъ Баскаковымъ и съ Иваномъ Гаврилычемъ Резановымъ, поѣхалъ я прямо на каналъ, до котораго верстъ съ 40 будетъ; мѣста, которыя проѣзжали, очень изрядныя, все степь, выключая только малаго (кустарника) растущаго по малымъ рѣчкамъ, которыя мы проѣхали; вода лучшая изъ оныхъ рѣчекъ въ дубовкѣ и по всему этому мѣсту проѣханному только хутора иные въ дворахъ 10 состоящіе по рѣчкамъ находятся; они земли столько пашутъ, чтобъ только прокормиться, какъ я слышалъ; часу около 5-го пріѣхали къ Кривому озеру, верстахъ въ 3-хъ отъ канала начатаго, оно почти соединилось съ Лавлею и не болѣе 5 саженъ, ежели еще не менѣе отъ оной находится по теченію ея, оно очень узко, только продолговато и, кажется, по болѣе версты и не очень глубоко, — $1\frac{1}{2}$ аршина и мельче въ межень; по другую сторону, верстахъ въ 2-хъ кажется, находится Лебяжье озеро отъ Лавли, которое, какъ мнѣ сказывали, въ окружности около 5 верстъ будетъ, поперегъ болѣе версты и довольно глубоко, и рыбы въ немъ много находится разной; здѣсь прежде и лебедей по нѣскольку паръ водилось, а нынѣ черезъ выниманіе яицъ ихъ и дѣтей менѣе водится, — пара или двѣ только. Пониже немного сихъ озеръ, недалеко отъ Лавли, находится еще одно назыв. Кривое озеро, я его не видалъ и величины не зналъ, только сказываютъ, что оно гораздо глубоко. Всѣ сіи озера, по жителевымъ рѣчамъ, наливныя, Лебяжье и Кривое, сперва упомянутое, лежатъ выше Лавли. Наконецъ, часу въ 6-мъ пріѣхали къ каналу, тутъ насъ встрѣтилъ Комендантъ Дмитревскій; мы сѣвъ всѣ верхами, поѣхали къ Лавлѣ, тутъ видѣли очень не глубоко

и не широко вырытый каналъ, который противъ теченія и Лавли пришелъ и съ нею соединяется; мы отъѣхавъ отъ Лавли по немъ поболѣе версты наѣхали на каналъ, который съ нимъ (съ другимъ каналомъ) соединяется; этотъ ширины, Комендантъ мнѣ сказывалъ, 8 саженъ, а 2 глубины; я его весь проѣхалъ, и съ самаго начала до конца послѣдняго канала 4 версты, ничего не опалъ и ничѣмъ не поросъ отъ конца до Камышинки, развѣ немного болѣе версты будетъ, отсюда вправо прокопано также не очень глубоко и не широко къ другому большому каналу, который немного поближе къ Камышинки лежитъ, сей глубиною, сказывалъ комендантъ, 7 саженъ, а шириною около 10 будетъ, верстъ съ 2 слишкомъ онъ ни чего не опалъ и ни чѣмъ не поросъ, версты $1^1/_2$ или 2 поросъ лѣсомъ индѣ не очень большимъ, а индѣ большими деревьями и съ $1^1/_2$ версты взошла на него Лавли вода, которая никогда не пересыхаетъ и рыба находится разная; въ ближнихъ 2 верстахъ отъ Лавли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ нѣсколько опалъ, а съ той стороны, гдѣ мы ѣхали, находится три большія промоины, версты $1^1/_2$ или по менѣе кончится сей большой каналъ отъ Лавли, гдѣ проведенъ маленькій, какъ прежде описанный, подходящій къ самой Лавлѣ, противъ теченія ея. Лавля ширины небольшой и совсѣмъ невычищена, течетъ омутами, очень весною разливается и большею частью наполняетъ помянутыя озера *). Тутъ мы по-

---

*) *Галка*, иначе и чаще назыв. *Усть-Кулалинка*, также нѣмецкая колонія Саратовской губерніи, Камышинскаго уѣзда, во 2-мъ станѣ, верстъ 90 южнѣе Севастьяновки, не доѣзжая 37 верстъ до Камышина, на самой Волгѣ. (Оба селенія не на почтовомъ трактѣ отъ Саратова въ Камышинъ, а восточнѣе его къ Волгѣ.) Колонія имѣетъ до 2000 жителей, 3 завода, 4 мельницы и лютеранскую церковь.

Озера *Кривое* и *Лебяжье* также находятся въ Камышинскомъ уѣздѣ, на правой сторонѣ Волги, прѣсноводны, незначительны и лежатъ въ поймахъ Волги.

ужинавъ поѣхали далѣе, пріѣхали ночью часу во 2-мъ въ городъ Антиповку *) въ сопровожденіи Волжскихъ Казаковъ; тутъ насъ дожидался Губернаторъ, мы ночевали тутъ.

Рѣка *Лавля*, то же что *Иловля*. Въ 1698 г. послѣ взятія Азова Петръ I поручилъ нѣмецкому инженеру Брекелю прорыть каналъ отъ рѣчки Камышинки въ Иловлю (для соединенія Волги съ Дономъ), но Брекель уѣхалъ изъ Россіи, ничего не сдѣлавъ. Послѣ того работы по проведенію канала были производимы дѣйствительно англичаниномъ Перри, не смотря на затрудненія со стороны Астраханскаго воеводы князя Голицына, смотрѣвшаго на каналъ, какъ на дѣло богопротивное. При началѣ Шведской войны Перри былъ отозванъ въ 1701 г. и работы были поручены русскому инженеру Корчмину, но впослѣдствіи оставлены не вполнѣ оконченными. Только при Екатеринѣ II снова обратились къ проекту и былъ посланъ астрономъ Ловицъ для нивеллировки между Волгою и Дономъ. Сближеніе двухъ большихъ рѣкъ Волги и Дона, впадающихъ въ различныя моря, наводило естественно на мысль соединенія ихъ каналомъ. По историческимъ свѣдѣніямъ, во время еще владычества татаръ, было предположеніе о проведеніи открытаго канала отъ одной рѣки къ другой и даже приступлено было къ работамъ, но мысль эта — явно несбыточная, въ виду большой разности горизонтовъ обѣихъ рѣкъ и огромной глубины, какую требовалось бы дать каналу. При Петрѣ Великомъ производились работы канала для соединенія Волги съ Дономъ не непосредственно, а помощью рѣкъ Камышинки и Иловли. О каналѣ семъ и говорится въ путешествіи Графа Орлова. Работы не могли привесть къ удовлетворительному результату,—что положительно доказано весьма основательными и подробными изысканіями, производившимися болѣе 3-хъ лѣтъ, съ 1824 по 1827 г. инженеромъ Крафтомъ. Изысканія эти привели къ заключенію, что въ раздѣльномъ пунктѣ нѣтъ возможности собрать достаточно водъ для питанія двухъ вѣтвей канала и рѣкъ Камышинки и Иловли, несудоходныхъ въ ихъ натуральномъ быту. Въ виду сего, генераломъ Мельниковымъ было сдѣлано изученіе вопроса о проложеніи между Волгою и Дономъ желѣзной дороги и, подъ его руководствомъ, дорога эта устроена компаніею, образовавшеюся въ 1860 г.

*) *Антиповка* — большое раскольничье село, Камышинскаго уѣзда, въ 30 верстахъ къ югу отъ Камышина, на Волгѣ, имѣетъ до 3000 жителей. Славится своими арбузами и есть очень замѣчательная мѣстность въ геологическомъ отношеніи.

16-го часу въ 6-мъ поѣхали далѣе и вечеромъ часу въ 8-мъ пріѣхали въ Дубовку — главный городъ Казачій; здѣсь живетъ Атаманъ Персидскій, у него нѣсколько дѣтей, ему около 100 лѣтъ будетъ, у него домъ выстроенъ изрядный, каменный, изъ дикаго камня весь почти и каменная церковь строится; человѣкъ простой, жаловался, что два года провіанта не получали, тутъ я видѣлъ вышедшаго изъ Кубани казака Донскаго, который туда бѣжалъ лѣтъ съ 5 съ Дона съ 6 донскими же казаками, ихъ двое изъ помянутыхъ выходили сюда для подговора Казаковъ туда бѣжать, и что этому было и удалось; однако онъ Дубовскими казаками съ подговоренными имъ однимъ казакомъ и старухою пойманы, верстъ съ 300 отъ Дубовки и теперь содержится въ тюрьмѣ; онъ хотѣлъ и жену свою, находящуюся съ дѣтьми, увезти, у которой онъ мѣсяца съ 3 укрывался; а другой казакъ вышедшій съ нимъ ушолъ назадъ въ Кубань и увелъ съ собою жену, да еще одного какого-то человѣка; они приняли грамоту для подговора отъ попа своего. Отъ самаго Саратова проскакиваетъ солончакъ мѣстами, и чѣмъ ближе къ Царицыну, тѣмъ болѣе становится его. Мы проѣхали отъ Лавли рѣчки: 1) Балыклеевка, 2) Березовка, впадающая въ первую, — при послѣдней мы обѣдали, а въ первой вода очень хороша, 3) Бердея, 4) Проляма, 5) Питоватка, 6) Дубовка, на которой городокъ сидитъ, 7) и 8) Верхняя и Нижняя Пичуга, 9) и 10) Верхняя и Нижняя Мечетная, 11) Водяной; по всѣмъ симъ рѣкамъ называются и степи, которыя они раздѣляютъ; всѣ сіи рѣчки маленькія, по большей части по нимъ лѣсъ малый растетъ, а вся степь называется отъ Царицына до Камышкина — Царицынскою. Отъ самаго Дмитровска *) до Цари-

*) *Дмитріевскъ* — есть прежнее названіе Камышина, въ то время городъ былъ не на нынѣшнемъ мѣстѣ, а на лѣвомъ берегу Камышинки, при ея устьи. Дмитріевскъ былъ основанъ въ 1770 г., а перенесенъ на нынѣшнее мѣсто, съ переименованіемъ въ Камышинъ, въ 1780 году.

цына иныхъ селеній нѣтъ, какъ хутора Казачьи и вся степь имъ принадлежитъ. Хутора нѣкоторые похожи на наши деревни для того, что они изъ нѣсколькихъ дворовъ состоятъ. Пашутъ тутъ очень мало и скота держатъ немного. Отъ Дона Волга 120 и менѣе верстъ; а ѣхали мы почти вездѣ неподалеку отъ Волги: проѣзжали много горъ и видѣли много хорошихъ мѣстностей, но безлѣсныхъ, кое гдѣ паханыя земли; хуторовъ также мало видѣли; по низкимъ мѣстамъ растетъ трава густая и сорная, по высокимъ же все почти полынь, особливо верстъ за 100 отъ Царицына вверхъ; отъ полыни говорятъ у овецъ растетъ курдюкъ; нѣкогда сказываютъ, калмыцкія овцы почти всѣ вымерли и они накупили себѣ русскихъ, у коихъ современемъ отъ сей паствы выросли курдюки. Отъ Дмитріевска съ первой перемѣны провожалъ насъ Есаулъ Савельевъ, сынъ писаря войска Волжскаго изъ Дубовки, до самаго сего городка. Въ сторонѣ проѣхали два городка Казачьи — одинъ станица Караваевская, другой станица Балаклеевская. Отъ Добренькой до самаго Царицына погода была не жарка и по большей части очень вѣтрена. Отъ Дмитровска считаютъ до Дубовки — главной станицы казаковъ волжскихъ, — 120 верстъ, а отъ Дубовки до Царицына 60 верстъ. Въ Дубовкѣ деревянная крѣпостца и другой домъ каменный сына Атаманскаго строится и лавки каменныя построены и деревянные домы есть хорошіе многіе; писарь человѣкъ изрядный кажется и смысловатъ; сынъ его Есаулъ поймалъ раскольническаго подговорщика, который изъ Кабарды вышелъ и бѣжалъ изъ дому и былъ у гребенскихъ казаковъ.

17-го были у меня купцы здѣшніе и офицеры, между которыми были Князь Дондуковъ, Унгарнъ, Полковникъ Драгунскій Воронинъ, Подполковникъ Инженерный Левинъ и Комендантъ здѣшній Дебосбергъ; они у меня обѣдали и ужинали; послѣ обѣда ѣздилъ я на шелковые заводы, верстъ съ 35 по водѣ отъ города и версты съ 4 отъ городка Без-

родный, расположеніе онаго кажется для начала очень изряднымъ; вблизи растетъ тутникъ въ довольномъ количествѣ и ежели шелку вдвое или болѣе дѣлать противъ теперешняго расположенія, то все его достанетъ и можно легко размножить; Вердье колонистъ Саратовскій и сего дѣла мастеръ кладетъ, что теперь съ 100 человѣкъ можно до 50 пуд. шелку сдѣлать. Отъ самаго Безроднаго городка до шелковаго завода, версты 3, видны по дорогѣ возвышенныя мѣста, гдѣ много кирпича очень хорошаго стараго находится и когда нѣкоторыя въ глубь рылись, какъ сказывалъ мнѣ одинъ умный мужикъ изъ Безроднаго, то находятъ своды, сіе не только по дорогѣ находится, но и въ стороны распространяется; онъ же сказывалъ, что верстъ 10 отъ сего городка еще находятся стѣны, сажени въ 2 вышины, развалившагося стараго строенія, которое между двумя или тремя озерами стоитъ, да еще верстъ 30 отъ нихъ есть похожее на дворъ выстланная большая площадь изъ дикаго камня очень крѣпко связаннаго между собою, камень плитнякъ, и тутъ есть признаки стараго развалившагося строенія, сіе мѣсто называется Царевъ ходъ; во всей сей степи находится много такихъ остатковъ древнихъ развалинъ и здѣсь много вырываютъ изъ могилъ вещей, положенныхъ съ умершими; могила дѣлалась изъ кирпича съ сводомъ сверху, гдѣ умершій кладенъ былъ съ конемъ, сбруей и вещами своими, которыхъ много и находятъ; много содержитъ и содержалъ Атаманъ Персидскій въ Дубовкѣ на такое употребленіе и, сказываютъ, что онъ много такихъ вырытыхъ вещей имѣетъ.

18-го убравшись совсѣмъ и простясь съ преждеупомянутыми пришедшими къ намъ, я съ Губернаторомъ, Козицкимъ и Нарышкинымъ, сѣли въ косную Губернаторскую лодку, а кареты наши напередъ отправили; часу въ 1-мъ пріѣхали къ Гернгутамъ, тутъ отобѣдали, послѣ обѣда видѣли ихъ всѣ мастерства и у нихъ каждый какое нибудь

ремесло имѣетъ, и они мастерскія работы, кромѣ плотничьей, на которую имъ людей недостаетъ, — своими исправляютъ; ихъ всѣхъ съ 60 мужчинъ и женщинъ; въ особливомъ домѣ живутъ холостые и дѣвки, и сколько я видѣлъ, то всѣ въ трудахъ обращались; и хлѣба они нынѣшній годъ довольно разнаго работниками посѣяли; плотина уже сдѣлана и нынѣшній годъ пилить начнутъ; тутъ же они намѣрены сдѣлать и мельницу для молонья; всѣ кажутся довольными, домы выстроены хорошо, вода, чрезъ фонтанъ въ селеніе проведенная, очень хороша; семьи 4 или 5 изо всѣхъ только: пасторъ, форштееръ, докторъ, да еще изъ простыхъ 1 или 2, прочіе же всѣ холосты, хотя иному болѣе 30 лѣтъ, 3 сперва упомянутые отлично ведутъ себя, да еще молодой человѣкъ, который учился нѣсколько времени; нѣкоторые товары сдѣланныя у себя продаютъ, только въ небольшомъ количествѣ и кажется не дешево, какъ 1 фунтъ, состоящій изъ 4 сальныхъ свѣчь, по 6 коп., табакъ нюхательный и прочее. Отъ Пристава Подполковника Кишенскаго слышалъ, что онъ всѣхъ до 60.000 кибитокъ считаетъ, а владѣльцевъ съ 200, между которыми есть не болѣе 2 или 3 кибитки имѣющіе. Часу въ 4-мъ поѣхали отъ Гернгутовъ и проѣхали почты Татьянинскую, Поповицкую, а изъ ватагъ Ершову и Беленинову вмѣстѣ, а 3 Сольникова подалѣе, 3 почту Каменскую, а за нею ватаги Тригонову, Севастьянову и Ситникову.

19-го пріѣхали по утру въ Мазанскую почту и проѣхали при самомъ городѣ ватаги жителей Чернаго Яра, Лопатина, Кузьмина и Баранова; часу въ 1-мъ были въ Черномъ Яру, тутъ обѣдали у купца Сережкина, самаго богатаго здѣшняго мѣста; его сынъ выбранъ депутатомъ, онъ кажется человѣкъ изрядный, также и Барановъ-калмыкъ Бургомистръ; они, какъ я слышалъ, живутъ между собою почти всѣ и довольно богаты; торгъ ихъ большой въ скотѣ, который они у калмыковъ закупаютъ и верхо-

вымъ купцамъ продаютъ; скотины здѣсь закупается ими и верховыми купцами, которые сюда для сего пріѣзжаютъ, до 30,000, болѣе быковъ, нежели коровъ, также и лошадей; быкъ отъ 8 до 9 р., а корова отъ 4 до 5, также много и лошадей покупается; около города находится со 100 кибитокъ, которыя промыселъ имѣютъ подлѣ здѣшнихъ купцовъ, иные уже около 20 лѣтъ въ кибиткахъ и не отходя никуда; купцы здѣшніе промышляютъ еще рыбою, которую они отвозятъ на судахъ въ Саратовъ и продаютъ ее тамъ, да еще продаютъ хлѣбъ Калмыкамъ по возвратѣ ихъ съ верьховыхъ мѣстъ. Отъ Царицына считаютъ 140 и нѣсколько верстъ до Чернаго Яра, городокъ не великъ, только чистъ, изрядно выстроенъ и улицы чисты; около его ростетъ по большей части все полынь трава; Волгою отъ Царицына до Чернаго Яра положеніе нагорной стороны, сколько я видѣлъ, не хорошо, и часто очень плоско было. Часу въ 7-мъ пріѣхали въ городокъ новонаселенный Грачевской тутъ строенія будутъ мазанки и нѣкоторыя зачаты и почти докончены. Часу въ 10 пріѣхали во 2-й новый городокъ Ветлинской, а въ 1 часу въ 3-й новый городокъ Копановской; всѣ три казаками населены, тутъ мы ночевали, ожидая колясокъ.

20-го часу въ 1-мъ пріѣхали въ Енотаевскую крѣпость, она имѣетъ названіе отъ протекающаго подъ нее ерика Енотаевки; въ ней находится домовъ съ 5, а прочіе домы въ предмѣстіи: 1) Князя Дондукова, 2) Комендантскій, 3) Пристава Калмыцкаго и 4) офицерскій; крѣпость хороша, тутъ мы отобѣдали въ домѣ Пристава Калмыцкаго, но жены его дома не было, а въ предмѣстьи живутъ тѣ, которые при дѣлахъ Калмыцкихъ, другихъ жителей здѣсь нѣтъ; тутъ я видѣлъ птицу назыв. Красный гусь, которая по моему мнѣнію болѣе на Журавля своимъ сложеніемъ походитъ, она здѣсь рѣдка и калмыки, сказываютъ, себѣ за несчастіе почитаютъ, когда онъ къ нимъ въ

улусы прилетаетъ; когда могутъ его поймать, то разорвутъ на мелкія части и сходятъ съ того мѣста на другое, гдѣ его видѣли; я слышалъ, что они водятся недалеко отъ Гурьева города, сидящаго при устьѣ Яика въ Хвалынское море. Отсюда я пріѣхалъ въ городокъ Касимовскій, 20 верстъ отъ Енотаевской крѣпости, потомъ въ Серогланки, 24 отъ Касимовскаго и наконецъ, въ Замьянъ городокъ — 23 отъ послѣдняго; всѣ три населены вновь казаками и другими праздношатающимися; въ послѣднемъ заложенъ Замьяновъ домъ деревянный, гдѣ онъ намѣренъ жить; по всей дорогѣ отъ Царицына до Замьянова все почти растетъ полынь, сколько глазомъ видно, такъ какъ бы насѣяно было; тутъ сѣли на лодку.

21-го верстъ съ 40 отъѣхавъ отъ Астрахани, встрѣтили насъ на нѣсколькихъ лодкахъ купцы, какъ индѣйцы и прочіе иностранные; тутъ меня разбудили, я одѣвшись пересѣлъ въ лодку Морскую, верстъ за 20 отъ города и такъ мы часу въ 1-мъ пріѣхали въ городъ; видъ съ рѣки Волги недуренъ, версты за 3 выходитъ изъ Волги названная рѣка Балда, которая уже собою впадаетъ въ море, около города течетъ съ...... стороны Волга, а съ...... Кутюмъ, вышедшая изъ Волги рѣка; въ городѣ прокопанъ каналъ сквозь тѣ мѣста, гдѣ соленыя озера были, отъ чего въ жаркое время воздухъ во всемъ городѣ тяжелъ становился, чрезъ который каналъ и большое облегченіе сдѣлалось; онъ проведенъ отъ Кутюма до Волги; теперь работаютъ, чтобъ его сдѣлать такъ выложа камнемъ, чтобъ суда въ него заходить могли, для безопасности и освобожденія отъ бурь, которыя очень велики на Волгѣ бываютъ; когда я въ городъ вошелъ, то тутъ очень много всякаго народа меня встрѣтило — купечество армянское, татарское, русское, служащіе здѣсь офицеры пришли меня съ пріѣздомъ поздравить; обѣдалъ я этотъ день у Оберъ-Коменданта Генералъ-Маіора Розенберга; послѣ обѣда были у меня два

Армянина Иванъ Буккотовъ и Ревисъ Залеевъ и два русскихъ Петръ Волковойновъ и Степанъ Шарыгинъ, всѣ четверо купцы богатые, съ которыми за малымъ временемъ долго говорить не могъ о торговлѣ, и поѣхалъ городъ смотрѣть съ Губернаторомъ; строенія здѣсь очень хорошаго нѣтъ, есть каменные дома, вообще болѣе похожіе на городскіе, особливо армянскіе; здѣсь слобода находится армянская, татарская, живутъ тутъ и хивинцовъ нѣсколько, всѣ они въ подданствѣ; вечеромъ я поѣхалъ на индѣйскій дворъ, который обнесенъ каменною стѣною, живутъ они всѣ тутъ, ихъ болѣе 100 человѣкъ будетъ, только очень нечисто, я видѣлъ ихъ службу, она безпорядочна и небогопочтительна показалась; они ее не публично отправляютъ: когда я вошелъ въ ту комнату, то мѣсто гдѣ попъ и идолы ихъ находились, занавѣшено было минуты 3 или 4, какъ я слышалъ, полоскать, не знаю что, въ водѣ; потомъ снятъ былъ занавѣсъ, видно было тогда то мѣсто, въ которомъ стояли ихъ идолы, передъ ними горѣли свѣчи и попъ предстоялъ держа въ рукахъ жаровню, не знаю съ какимъ благовоніемъ курящуюся; онъ былъ босикомъ, въ лѣвой рукѣ держалъ 2 маленькіе колокольчика, запѣлъ и зазвонилъ, съ нимъ вмѣстѣ запѣли всѣ другіе, а одинъ изъ нихъ въ тоже время звонилъ въ два тутъ же повѣшенные колокола; сіе продолжалось съ ½ часа; послѣ сего то кушанье и вода, которая передъ идолами почитается святымъ и водою прыскалъ попъ на нихъ, а кушанье, т. е. фрукты по нѣскольку дѣлили между собою, и послѣ сего сѣли всѣ по татарски и попъ уже болѣе не служилъ, зачиналъ кто хотѣлъ и пѣлъ кто хотѣлъ, однако большая часть пѣла, пришелъ одинъ съ инструментомъ, похожимъ на балалайку, только по менѣе и о 5 струнахъ и звончѣе, онъ игралъ нарочито, пѣлъ и всѣ къ нему приставали, все сіе продолжалось съ часъ; я ничего изъ ихъ обряда существеннаго примѣтить не могъ, также и говоря съ ними точнаго до-

спроситься не могъ; послѣ службы подчивали они меня разными плодами, я отвѣдавъ нѣсколько поѣхалъ домой.

22-го по утру приходили ко мнѣ наши купцы съ хлѣбомъ и солью, а чужестранные съ плодами; ѣздилъ я потомъ смотрѣть еще городъ, котораго строеніе походитъ болѣе других городовъ на гражданское, смотрѣлъ каналъ и заходилъ къ Муравьеву, который каналъ теперь дѣлаетъ способнымъ для впущенія судовъ, обѣдалъ дома — часу около (?) пришли ко мнѣ армяне двое и купцы 2, о которыхъ я прежде упомянулъ, приведя съ собою одного татарина да армянина, которые въ Бухару и Индію ходили; разговаривая долго съ ними свѣдалъ, что отъ первой Мангышлакской пристани до Хивы кладутъ они 43 дня ходьбы караваномъ, на день же по 25 верстъ, что сдѣлаетъ съ 1100 верстъ до Мангышлака, коли вѣтеръ благополученъ ходятъ на судахъ только $1\frac{1}{2}$ дня, отъ Хивы до Бухары 8 дней, а отъ Бухары до индѣйскаго города Кабеля 24 дня, что сдѣлаетъ 600, а вмѣстѣ отъ Мангышлака до Кабеля 1.900 верстъ; Бухара и Кабель города великіе, какъ они сказываютъ, Хива не великъ; отъ Мангышлака до Хивы кочуютъ только Трухменцы, ихъ будетъ съ 15.000, изъ нихъ 3 пришли сюда, я съ ними говорилъ и они желаютъ въ подданство вступить Государыни и просятъ о построеніи крѣпости въ Мангышлакѣ, чтобъ черезъ то привести въ страхъ Киргизъ-Кайсаковъ и удержать отъ нападенія на ходящіе караваны; между ними была ссора недавно; Киргизъ-Кайсаки, какъ эти трухменцы сказываютъ, напали на нихъ, были однако ими разбиты, 1000 на мѣстѣ легло, а 300 въ полонъ взяты; послѣ сего для замиренія присланъ былъ посолъ со стороны Киргизъ-Кайсаковъ для испрошенія плѣнныхъ; съ ихъ же стороны къ Киргизъ-Кайсакамъ посланъ былъ также посолъ; Трухменцы отдали имъ въ удовольствіе 150 человѣкъ, а другихъ 150 оставили у себя залогомъ, опасаясь имъ оныхъ послѣднихъ отдать для

того, что ничто отъ войны болѣе удержать не можетъ; Киргизъ-Кайсаковъ на этой войнѣ было съ 4000, а Трухменцевъ съ 9000; этотъ весь народъ кочуетъ, раздѣленъ на роды и управляется старшинами, одинъ изъ 3-хъ былъ самъ старшина, а 2 дѣти старшинъ; законъ ихъ магометанскій — турецкій, языкъ со всѣмъ татарскій; отъ сихъ 15000 они присланы; они вьючатъ и провозятъ товары на своихъ верблюдахъ до Хивы; промыселъ ихъ состоитъ весь почти въ скотѣ и въ такомъ извозѣ и иные не много приторговываютъ, какъ онъ сказывалъ; 2 изъ нихъ казались изрядными очень, а особливо старшина разговаривалъ не глупо; только во всѣхъ трехъ ничего дикаго не примѣтилъ; за Хиву до Бухары живутъ еще Трухменцы ихъ же закона и тотъ же языкъ, и Трухменцы живущіе къ Астрабаду также, они всѣ вмѣстѣ составляютъ народъ многочисленнѣе орды Киргизъ-Кайсацкой, нападающей на нихъ; наши купцы, лучше сказать, армяне и индѣйцы торгуютъ только до Бухары, чрезъ Хиву, и провозятъ товары Трухменскими верблюдами, за что они имъ платятъ деньгами; сей торгъ въ Бухарѣ лѣтъ съ 5 какъ началъ приходить въ состояніе, а нынѣшняя ссора Трухменцевъ съ Киргизъ-Кайсаками конечно нѣкоторымъ препятствіемъ по крайней мѣрѣ на нынѣшній годъ будетъ.

23-го были у меня тѣ же купцы съ двумя татарами, отъ которыхъ я слышалъ еще, что они прежде изъ Гилона, въ 80 дней или 3 мѣсяца до Бендеръ-Баса сухимъ путемъ ходили такъ безопасно, что одинъ человѣкъ ходить могъ, — это было въ Шахъ-Надирово время; Бендеръ-Басъ Персидскій городъ, а отсюда въ Сурачъ индѣйскій городъ въ 20 дней, гдѣ очень хорошіе индѣйскіе товары и гдѣ много англичане торгуютъ и контору имѣютъ; другимъ путемъ изъ Гилони ходили въ Бассору, турецкую пристань при томъ же Персидскомъ морѣ. Того же дня по утру былъ я въ Армянской церкви, ихъ служба болѣе похожа на нашу,

нежели на Католическую; Архіерей служилъ, обѣдня продолжается не долѣе нашей; обѣдали съ Архіереемъ у армянина Сергѣя Иванова, куда званы были архіереемъ армянскимъ; изъ женщинъ тутъ никого не было по ихъ обыкновенію, особливо для присутствія тутъ архіерейскаго. Послѣ обѣда былъ я у Полковницы армянской Дарьи Матвѣевны на балѣ женскомъ. Кромѣ русскихъ, армянокъ тутъ было съ 8, которыя плясали по армянски, по Грузински и по Горски или по Черкесски; послѣдняя пляска лучше всѣхъ мнѣ понравилась.

24-го были у обѣдни въ Соборѣ, служилъ Преосвященный, онъ насъ унялъ обѣдать, столъ былъ очень хорошъ. Послѣ обѣда были у меня индѣйцы и приводили съ собою одного молодаго человѣка, который изъ ихъ земли недавно пріѣхалъ; онъ разсказывалъ путь отсюда до тѣхъ городовъ, гдѣ онъ товары покупалъ и продавалъ; отъ Гилони до Абушагора сухимъ путемъ два мѣсяца 3 большіе города Сыросъ, Ездъ и еще нѣкоторые маленькіе, они всѣ Персидскіе; въ Абушагорѣ пристань, куда и англичане пріѣзжаютъ и ихъ тутъ компанія. Отъ Абушагора до Мошкотъ-пристани благополучнымъ вѣтромъ въ 10 дней ходятъ. Тутъ Англійскіи повѣренный. Отъ Мошкотъ до Лари пристани при благополучномъ вѣтрѣ 4 дня и тутъ торгуютъ англичане. Отъ Лари (Бандаръ пристань) до Бендасурета благополучнымъ вѣтромъ три недѣли. Отъ Лари въ сторонѣ лежитъ большой индѣйскій городъ Девли, два дня ходьбы сухимъ путемъ; здѣсь дѣлаются лучшія травы на кисеяхъ изъ другихъ мѣстъ туда привозимыхъ и находятся другіе хорошіе индѣйскіе товары, тутъ также компанія англичанъ. Мошкотъ городъ арабскій, особливый народъ. Англичане начинаютъ изъ Бендасурета, который городъ, какъ слышно, ими завоеванъ и ими управляемъ, и идутъ оттуда съ своими товарами къ Лари-Бандару; тутъ и въ городѣ не далеко отсюда лежащемъ — Девли складываютъ столько

товаровъ, сколько по объявленію имъ ихъ повѣренныхъ, продать можно, и закупаютъ здѣсь тутошніе товары, такимъ образомъ продолжаютъ они путь свой до Мошкота и наконецъ до Абушагара. Отсюда возвращаются назадъ въ Бендасуретъ съ нагруженными объявленныхъ выше городовъ товарами. Послѣ обѣда въ сей же 24 день Іюня ѣздили смотрѣть армянское крещеніе, которое почти вдвое противъ нашего продолжается. Вечеромъ ѣздили на балъ армянскій къ вышепомянутому Сергѣю Ивановичу; тутъ было армянскихъ женщинъ съ двадцать, они плясали по армянски, по грузински и нѣкоторые по русски, вся пляска продолжалась часа съ три; потомъ сѣли всѣ армянскіе и русскіе тутъ бывшіе ужинать, въ 12 часу разъѣхались.

25-го ѣздили по фабрикамъ, на первой были у купца Лаврентія Иванова, у него становъ 36, сія фабрика изъ лучшихъ. На другой — у армянина Ивана Буйнитова, тутъ становъ съ 10, и товаръ не очень хорошъ. На третьей у Ревасъ Залеева, 26 становъ. На четвертой у Персіянина Садика тутъ 24 стана, товаръ хорошъ, особливо платки. На пятой у Павла Манеева армянина, тутъ становъ съ 12 и товаръ не очень хорошъ. На шестой у Сергѣя Иванова, 25 становъ шелковыхъ и 27 бумажныхъ, которые особо на двухъ дворахъ помѣщены. На седьмой у Швенузона, тутъ становъ 10, товаръ кажется хорошъ. У Армянъ у всѣхъ Персидскіе станы, а у Лаврентія Иванова и у Швенузона почти всѣ Нѣмецкіе. Швенузонъ сказывалъ, что на Нѣмецкомъ у себя учрежденномъ стану онъ сдѣлаетъ 24 аршина такой матеріи, которой на персидскихъ болѣе 12 сдѣлать нельзя въ недѣлю. Работникъ мастеръ здѣсь на фабрикахъ можетъ въ день 20 коп. и нѣсколько болѣе выработать.

26-го не могши выѣхать за противною погодою, обѣдали дома; послѣ обѣда былъ въ гостяхъ у купца Рентеля, а оттуда заѣхалъ къ Волковоинову русскому купцу, гдѣ я

разговаривалъ съ однимъ Московскаго купца Коммисіонеромъ, которому съ годъ или не много по болѣе назадъ, побивъ его палками, хотѣлъ Гиланскій Ханъ голову отрубить, и уже были обнаженные палаши взмахнуты, но удержанъ былъ отъ онаго своими вельможами; причина сей ссоры былъ большой яхонтъ, купленный симъ купцомъ дешевою цѣною, котораго онъ Хану въ домъ, по его требованію, отдать не хотѣлъ; при семъ случаѣ и Шубинъ переводчикъ, правившій тогда Консульскую должность, такъ какъ человѣкъ имѣющій въ защищеніи помянутаго Коммисіонера, былъ также арестованъ на 9 дней.

27-го принесли купцы мнѣ на дорогу разныя овощи, индѣйскіе, армянскіе и купцы русскіе, а я отправя мои коляски наканунѣ въ путь и простясь со всѣми, поѣхалъ къ Сарафову на заводъ. Сего утра далъ я коммисію Гаврилѣ Семенычу Боголюбову, нашему Консулу, купить мнѣ хорошую Персидскую лошадь, ежели попадется. Часу въ 4 пріѣхали на заводъ; тутъ отобѣдавъ ходили по саду, у него тутъ нѣсколько посажено деревъ и нѣсколько посѣяно и уже взросло изъ посѣянныхъ 2 и 3 лѣтъ; онъ старается завести и хлопчатую бумагу; у него сдѣланы 3 мельницы для поливанія сада; оттуда доѣхавъ до первой подставы, простясь съ Никитою Афонасьичемъ, поѣхалъ часу въ 11 далѣе.

28-го поутру, часу около 7-го, пріѣхалъ въ Замьянъ городокъ; сіе разстояніе отъ самой Астрахани до помянутаго, какъ я слышалъ и самъ примѣтить могъ, ни чего на немъ почти инаго не ростетъ, какъ Полынь; Замьянска была верстахъ въ 2-хъ недоѣзжая до городка; она меня приняла съ большимъ удовольствіемъ, у нее плясали, боролись, драку между баранами и быками сводили, показала свое богослуженіе, поила своимъ и нашимъ чаемъ, своимъ кислымъ кобыльимъ молокомъ, и кормила своимъ кушаньемъ; я отвѣдывалъ отъ одного блюда, на которомъ также хо-

рошо, какъ у насъ боски приготовлены были; у всѣхъ у насъ былъ одинъ ножикъ съ вилкою и одною ложкою, былъ баранъ сваренъ со всѣмъ съ головою, я его не отвѣдывалъ, только видъ не противенъ былъ; она насъ подчивала пивомъ аглицкимъ и сама выпила рюмку съ нами, также и водкою своею, которая мнѣ не очень противною показалась; тутъ еще было и армянское кушанье изъ пшена сарачинскаго съ мясомъ сухимъ; чай ихъ мнѣ очень противенъ, онъ состоитъ изъ теплой воды съ масломъ разведеннымъ въ ней, кладутъ нѣсколько соли, да еще не знаю что; она мнѣ подарила лошадь; Замьяна самаго тутъ не было, — онъ былъ у Хана.

29-го проѣхавъ Енотаевку, пріѣхали къ обѣду въ Чернояръ; тутъ поѣхавъ далѣе проѣхали станцію за свѣтло; земля и тутъ также дурна, какъ и прежде, тутъ стоятъ Дубовскіе казаки, и никакого селенія до Царицына, кромѣ Сарпы *), нѣтъ, верстъ за 40 до Сарпы зачала земля лучшать и полыни уже не столько растетъ, а на иныхъ мѣстахъ и хорошая трава растетъ; до Сарпы по всей степи никакой рѣчки нѣтъ; отъ Сарпы до Царицына текутъ 3 ручейка, выключая Царицы рѣчки, которая очень мала, всѣ 3 Ельшанки маленькія рѣчки, тутъ мѣста передъ прежде сказанными получше и здѣсь кое-гдѣ лѣсокъ есть, въ иныхъ мѣстахъ и трава очень не дурна.

30-го пріѣхали по утру въ Сарпу часу въ 8-мъ, тутъ для починки колясокъ остались обѣдать; я имъ обѣщалъ прислать 2 описанія рѣки Волги; у нихъ земля передъ прежнею гораздо лучше; здѣсь растутъ во множествѣ похожіе

---

*) Я свѣдалъ послѣ, что съ 40 верстъ отъ Чернаго Яра течетъ рѣчка Везовка, въ которой вода соленая и очень дурна, мы ее переѣзжали, только я не примѣтилъ, — въ томъ мѣстѣ она пересыхаетъ.

на ферсики — плодъ, находятся тарантели; отсюда поѣхали далѣе и прибыли часу въ 4-мъ въ Царицынъ. Здѣсь мы купались въ Волгѣ; у меня былъ Гунгаръ съ прежними офицерами, часу въ 7-мъ поѣхали далѣе; проѣхавъ степь верстъ съ 50 были встрѣчены многими выѣхавшими изъ Дубовки верстъ съ 10 отъ нее; верстъ съ 5 выѣхалъ самъ Атаманъ съ прочими знатными своими; часу въ 3-мъ по утру пріѣхали въ Дубовку; степь не дурна, о рѣчкахъ я туда ѣхавъ упомянулъ; часу въ 6-мъ выѣхали отсюда въ провожаніи Атамана верхомъ до самой Писковатки верстъ съ 12, а отсюда возвратился оставя при мнѣ Есаула прежняго съ командою; степь вся до самаго Дмитрова не дурна, а въ иныхъ мѣстахъ очень хороша, о рѣчкахъ я уже прежде упоминалъ. Отъ Дубовки до Дмитрова никакого селенія нѣтъ и лошадей все въ степи перемѣняли. Часу въ 4-мъ пріѣхали въ Дмитровъ.

2-го ѣздили все осматривать — я, Козицкій, Нарышкинъ, Бала и докторъ. . . . . Камышинку, въ устьѣ рѣка не изрядная и версты 4 или 3 въ разлитіе можно судамъ идти; версты съ 2 отъ устья впала Ельшана въ Камышинку, въ устьѣ также широка, какъ Камышинка, гдѣ она въ нее впадаетъ; въ городѣ къ Волгѣ изъ Камышинки прорытъ недалеко каналъ и еще вырытъ около версты ровъ къ Камышинкѣ съ лѣвой стороны, и теперь видны сваи битыя въ устьѣ Камышинки. Я въѣзжалъ версты 3 вверхъ до третьяго шлюза, гдѣ Камышинка перерыта на 150 саженъ и сдѣлано ея теченіе прямѣе, а старое теченіе видно. Часу въ 11-мъ пріѣхали на вершины Добринской; здѣсь вода хороша гораздо и можно мельницу построить, хлѣба не много засѣяно — они извиняются, что недавно переведены сюда, — дома почти все еще не выстроены; здѣсь было 23 фамиліи, а теперь еще 5 пріѣхало, впрочемъ кажутся люди изрядные. 32 версты отъ Дмитрова, отсюда доѣхали до селенія Кулалины; здѣсь течетъ рѣчка Галка,

вода въ ней хороша и мельницу построить можно; здѣсь посѣяно много хлѣба; каждый по 5 десятинъ, данныхъ ему обработалъ, посѣяно просо, ячмень, рожъ; завтра ее жать хотятъ; ячмень, овесъ, гречиха, горохъ и арбузы и всѣ плоды очень хороши; люди молодыя и состоянія кажутся изряднаго, виноградъ заводятъ, — я видѣлъ, что изрядно уже выбѣжалъ, и имѣютъ человѣка, который все время въ Нѣмецкой землѣ въ ономъ упражнялся и намѣренъ все свое вниманіе на разведеніе винограда употребить, къ чему кажется надежда есть. Въ Сарпѣ уже дней съ 9-ть какъ зачали рожъ жать, завели нѣсколько винограда и имѣютъ намѣреніе тутовыя деревья завести. Въ Кулалинахъ 44 семьи, въ Шербаковкѣ 30 слишкомъ; здѣсь я купался, — всѣ они лютеранскія. Часу въ 8-мъ пріѣхалъ въ Каминку, 25 верстъ отъ Шербаковки, здѣсь течетъ маленькая рѣчка Каменка и рѣка Иловля, которой вершины съ 15 отсюда; здѣсь одинъ Саксонскій мельникъ, который мельницу заводитъ и хорошее начало есть; хлѣба очень довольно посѣяно; здѣсь 90 фамилій слишкомъ и патеръ. 3 версты отъѣхавъ по ту сторону Лавли былъ въ селеніи, гдѣ 50 (семей) слишкомъ. Отсюда пріѣхалъ въ Гусарскую, 3 версты отъ этой, гдѣ съ 30 фамилій, — обѣихъ послѣднихъ не видавъ порядочно за темнотою ночи. 5 верстъ отсюда пріѣхали во Французскую колонію, гдѣ съ 80 фамилій и всѣ по французски говорятъ, выключая одной фамиліи нѣмецкой; здѣсь 2 или 3 фамиліи, которыя прямые мужики, а другіе нѣкоторые изъ Парижа, а иные изъ другихъ мѣстъ; я тутъ остался ночевать и ѣздилъ по утру смотрѣть, и здѣсь хлѣба довольно засѣяно, во всѣхъ сихъ колоніяхъ намѣрены виноградъ заводить, Патеръ ветокъ маленькихъ нѣсколько сотъ уже имѣетъ и есть надежда; мѣста, которыя тутъ проѣхалъ, очень хороши; Лавла отъ своихъ во французскомъ селеніи только версты съ $1^1/_2$.

3-го Отсюда проѣхали въ 10 верстахъ на рѣчкѣ Ка-

менкѣ колонію въ 12 дворовъ, тутъ нѣтъ никакого дома, и за дальностію полей не свидѣтельствовалъ. Отсюда 10 верстъ былъ въ селеніи на рѣчкѣ Гнилушкѣ; здѣсь съ 30 фамилій, хлѣба засѣяно я видѣлъ довольно. Отсюда до деревни на большомъ Карамышѣ 12 верстъ, здѣсь 44 фамиліи; здѣсь люди нѣкоторыя состоянія не хорошаго; по сію колонію, зачиная отъ той, гдѣ патеръ, все — католическаго закона, выключая Гусарской, гдѣ нѣсколько фамилій Реформатскаго и Греческаго закона; въ сей послѣдней не много и хлѣба вспахано. Отсюда 4 версты на той же рѣкѣ, 46 фамилій, гдѣ много художниковъ или всѣ почти и только семьи 4 мужиковъ; хлѣба однако для нихъ не очень мало запахано и хлѣбъ изрядный; отсюда 6 верстъ по той рѣкѣ пріѣхалъ въ селеніе, гдѣ 58 семей и всѣ почти мужики, хлѣба довольно засѣяно, они сказываютъ, а самъ времени видѣть не имѣлъ, отъ Французской и сіе селеніе, включая проѣхавшія все........де бофе, всѣ кажутся изрядныя; выключая одной. Отсюда пріѣхалъ въ селеніе на лѣсномъ Карамышѣ, 5 верстъ, — здѣсь 83 семьи и все почти мужики, хлѣба посѣяли довольно, только родился хуже всѣхъ почти; вода очень хороша изъ рѣчки Лѣсной Карамышъ; тутъ мы обѣдали и я купался въ помянутой рѣчкѣ; отъ той же деревни, гдѣ я сказалъ кончится католическая, по сію лютеране все живутъ. Оттуда пріѣхали въ Колонію, переѣхавъ черезъ большой Карамышъ выше устья голова Карамыша; тутъ старыхъ съ 30 фамилій, да новыхъ 46 прибыло, всѣ реформатскаго закона и состоянія кажутся изряднаго и хлѣба я видѣлъ довольно засѣяно, 10 верстъ отъ послѣдняго разстоянія, оттуда въ селеніе приключая 7 верстъ отъ послѣдней, здѣсь не помню сколько фамилій, только Изенбурскихъ новыхъ поселянъ реформатскаго закона, какъ и въ прежней, съ 40 прибыло и старыя того же закона; хлѣба у нихъ вспахано довольно и состоянія кажутся изряднаго; вода очень хороша. Потомъ пріѣхалъ въ селеніе на

вершинахъ голаго Карамыша, тутъ съ новыми поселянами Изенбурскими 91 семья, 6 верстъ отъ послѣдней; хлѣба здѣсь довольно запахано. Напослѣдокъ пріѣхалъ въ Вершины Таловки, здѣсь Лютеранскаго закона, семей не помню сколько, и въ этой вода хороша; за темнотою, сколько хлѣба вспахано, не видалъ; всѣ поселенія, кромѣ Дебофе, коронныя; вода во всѣхъ почти очень хороша.

4-го по утру пріѣхалъ въ Саратовъ; побывъ у Ивана Резанова и отъужинавъ у него, переѣхалъ вечеромъ черезъ Волгу.

5-го Іюля часу въ 5-мъ пріѣхали въ новостроющуюся колонію, 35 верстъ отъ Саратова, сидитъ на рѣчкѣ подстепной ерикъ, о 60 связахъ, отсюда пріѣхали въ другое селеніе въ 72 семьи состоящее, 4 версты отъ перваго на помянутой же рѣкѣ, въ третье на большомъ Карамышѣ — 41 семья; 4-ре же версты въ 4, на той же рѣкѣ, въ 39 семей, всѣ помянутыя коронныя, а хлѣба передъ нагорными селеніями гораздо менѣе засѣяно; въ 5-е Баргардову — въ ней семей 60, лежитъ на маломъ Карамышѣ; въ 6-е Катеринштатъ на Волгѣ, 120 семей; хлѣба пахать въ обѣихъ не зачато; Катеринштатъ отъ Баргардовой деревни съ 1 версту. Отсюда пріѣхали въ новостроющееся селеніе Баргардово, гдѣ 18 семей, а потомъ пріѣхали въ селеніе на большомъ Каромапѣ, 48 семей, съ 15 верстъ отъ Катеринштата; отсюда проѣхали еще селеніе въ 86 дворовъ, — сіи оба послѣднія коронныя, и здѣсь, сколько я примѣтилъ, хлѣба мало вспахано. Наконецъ, проѣхавъ въ сторонѣ 2 селенія Леруа, пріѣхали въ третье и тутъ отъужинали; во всѣхъ пашни мало, сколько я видѣлъ, вода же во всѣхъ по большей части хорошая, хотя не такъ хороша, какъ нагорная; а въ лугахъ здѣшняя сторона болѣе нагорной изобилуетъ; вечеромъ поѣхали отсюда.

6-го пріѣхали назадъ въ Саратовъ; послѣ обѣда былъ у дворянина Шахматова въ гостяхъ и тутъ ужиналъ, у него

отвѣдывалъ вино сдѣланное изъ Астраханскаго винограда, которое не дурно.

7-го поѣхалъ въ 8-мъ часу въ путь изъ Саратова; отъѣхавъ съ 60 верстъ обѣдали въ уметѣ Сокурѣ; мѣста проѣхали очень хороши; верстъ съ 40 отъѣхавъ начался черноземъ, а подлѣ помянутаго умета, принадлежащаго Князю Димитрію Голицыну, положеніе очень хорошо въ горахъ; луга же проѣхали также очень хороши, а пашни во всѣ 60 верстъ почти, или лучше сказать, совсѣмъ нѣтъ. Часу около 8-го пріѣхали въ Петровскъ, городъ очень не хорошъ и невеликъ; посреди его течетъ рѣка Медвѣдица, которую мы переѣхали, и до сего города пашни по дорогѣ ничего нѣтъ, а только за 4 версты отъ онаго хлѣба довольно вспахано; мѣста очень хороши проѣхалъ и кажется изобилующія дровянымъ лѣсомъ и лугами; только поселенія почти ничего нѣтъ, кромѣ уметовъ или хуторовъ для проѣзжающихъ и тѣ очень далеко другъ отъ друга; рѣка Медвѣдица изрядная; тутъ остановился я только съ часъ; земля же отъ помянутаго мѣста за 40 верстъ отъ Саратова по самый Петровскъ все черноземъ.

8-го пріѣхалъ въ 12-мъ часу въ Пензу, проѣхавъ съ 120 верстъ, во всю дорогу видѣлъ черноземъ, который еще лучше, нежели до Петровска; здѣсь селенія кажется довольно, хлѣба вспахано много, яровые стоятъ по большей части хороши и рожь въ иныхъ мѣстахъ изрядная, а по большей части дурна; мѣста и тутъ очень хороши, мы переѣхали ручейка 2 или 3, выключая Пензы верстъ съ 10 отъ города, которая нарочито; городъ не малъ, только положеніе не хорошо, грязенъ и улицы плохи и строеніе дурно. Пенза рѣка и всѣ ручейки помянутые впадаютъ въ Суру, которая только съ версту отъ Пензы и отъ дороги, по которой ѣхали верстъ съ 20 недалѣе, въ иныхъ мѣстахъ ½ версты или еще менѣе; около здѣшнихъ мѣстъ часто разбои бываютъ, разбиваютъ села по 1.000 душъ партія въ 15 и 20

человѣкъ и случаются обыкновенно весною; они, какъ сказываютъ, съ низу приплываютъ. Отсюда поѣхавъ, переѣхали 2 рѣчки Пензатки недалеко отъ города и еще подалѣе нѣсколько ручейковъ и рѣку Шелдень въ 12 верстахъ отъ города; всѣ они впали въ Суру, которая большимъ лѣсомъ поросла.

9-го Проѣхали 2 или 3 станціи и вездѣ долго принужденъ дожидаться, мужики и солдаты приставленные разбѣжались, а на послѣдней станціи лошади были исправны, послѣднія изъ Саранска были поставлены, а гдѣ уходили изъ Пензы, и тутъ проѣхали много ручейковъ; отъ Саранска верстъ съ 5 или 6 проѣхали чрезъ Инзару изрядную рѣку; часу въ 1-мъ пріѣхали въ Саранскъ, приписной городокъ къ Пензѣ, онъ улицами и строеніями по лучше Пензы, посреди города течетъ ручеекъ Саранка; купечества здѣсь человѣкъ съ 800, а въ Пензѣ съ 700; промыслъ состоитъ въ кожахъ и мылѣ, которыя они здѣсь дѣлаютъ. Отъѣхавъ верстъ съ 40 или поболѣе до деревни Пузы, переѣхали нѣсколько ручейковъ да рѣку Рудню, впадающую въ Алатырь рѣку, обѣ очень нарочиты, а особливо Алатырь, который впалъ въ Суру; Алатырь поболѣе будетъ Москвы рѣки, онъ течетъ подъ Пузою.

10-го, часу въ 1-мъ пріѣхали въ 4 верстахъ отъ.... въ село Пшатки г-жи Аргамаковой, 30 верстъ отъ Арзамаса и 130 отъ Саранска; версты за 4 отсюда я проснулся и мы ѣхали лѣсомъ дубовымъ, вязникомъ и другимъ, особливо дубы велики, прямы и довольной толщины, много толще тѣхъ, которые я въ Чебоксарской рощѣ видѣлъ; верстъ за 20 отъ здѣшней деревни зачалась песчаная земля, а покуда былъ все черноземъ; помянутый дубовый лѣсъ очень великъ, какъ я слышалъ, и простирается до самаго Муромскаго лѣса, двадцать же.... гдѣ песчаная земля началась, ѣхалъ я все большимъ боромъ по самыя Пшатки; часу въ 8-мъ пріѣхали въ Арзамасъ, этотъ городъ лучше

и Саратова для меня, строеній болѣе я думаю, 10 церквей каменныхъ; здѣсь я съ 3 часа простоялъ; отъ Пшатокъ до Арзамаса опять земля лучше пошла, въ иныхъ мѣстахъ первой доброты черноземъ, а въ иныхъ самый лучшій.

11-го пріѣхали въ село Савослейку, 23 версты отъ Мурома, деревня Петра Борисыча Шереметева, верстъ съ 50 отъ Арзамаса, сказывали мнѣ, — шла земля черная, — я въ это время спалъ и не видалъ, а верстъ съ 60 или 50 я видѣлъ, что все былъ боръ и очень песчаная земля; всѣ три прежніе дни были вѣтрены, дождливы и холодны, изъ самаго Саратова, а нынѣшній потеплѣе; въ Арзамасѣ наѣхалъ Француза, который женился на русской дворянкѣ и который прежде былъ у Аршеневскаго учителемъ. Около 8-го часа пріѣхали въ Муромъ, съ этой стороны, откуда я ѣхалъ, города положеніе недурно; Ока течетъ подъ самымъ имъ, а онъ сидитъ на довольно высокой горѣ; въ городѣ купечество очень бѣдно, общій и главный промыселъ онаго состоитъ въ огуречныхъ сѣмянахъ, которыя они въ разныя города отсылаютъ, пудъ покупается отъ 3 до 9 рублей; промышляли нѣкоторые изъ нихъ доселѣ и кожевенными заводами, что однако теперь совсѣмъ переводится, потому что они въ ономъ никакихъ почти выгодъ не находятъ; самый большой лѣсъ почитался отъ Мурома къ Арзамасу; отъ Мурома къ Владиміру не такъ великъ, этотъ лѣсъ называется, какъ извѣстно, Муромскимъ, однако онъ очень уже переведенъ; Ока тутъ мнѣ показалась съ Неву.

12-го, часу въ 5-мъ пріѣхали во Владиміръ, переѣхавъ рѣку Клязьму, которая гораздо болѣе Москвы рѣки; здѣсь купечество бѣдно, строенія какъ и въ Муромѣ не очень хороши, только здѣсь по хуже Муромскаго показалось; городъ съ той стороны, съ которой я пріѣхалъ, сидитъ на очень высокой горѣ и видъ его хорошъ, также и церквей нѣсколько каменныхъ, какъ и въ Муромѣ нахо-

дится; главный промыселъ здѣшняго купечества въ вишняхъ и нѣсколько въ огуречныхъ сѣмянахъ; ихъ здѣсь по болѣе 1000 человѣкъ; пробывъ съ часъ поѣхалъ отсюда.

13-го часу въ 8-мъ пріѣхалъ въ Москву, проѣхавъ рѣки съ 3 или 4 съ Москву рѣку и нѣсколько ручейковъ и рѣчекъ; да еще верстъ съ 60 отъ Москвы переѣхалъ еще Клязьму; селенія были часты; земля глинистая и песчаная; хлѣба въ иныхъ мѣстахъ засѣяно довольно, и индѣ родился изрядно».

Читатель замѣтитъ, что дневникъ путешествія Графа Владиміра Григорьевича 1767 года измѣняетъ свой характеръ съ 5-го іюня. Графъ не упоминаетъ болѣе объ Императрицѣ, которая, доплывъ до Симбирска, возвратилась сухимъ путемъ въ Москву къ 30-му іюля. Графъ плыветъ одинъ до Астрахани, предпринимаетъ частыя и утомительныя поѣздки то верхомъ, то на баркѣ, то въ разныхъ повозкахъ. Послѣ многолюдства, пушечной пальбы и фейерверковъ онъ путешествуетъ одинокій въ степи, среди совершенно новыхъ лицъ, изучаетъ теченіе рѣкъ, слѣдитъ за направленіемъ прорытыхъ каналовъ, подробно разспрашиваетъ русскихъ, армянскихъ и хивинскихъ купцовъ объ ихъ земляхъ и коммерческихъ потребностяхъ. Многимъ читателямъ покажутся скучными собранныя въ этомъ дневникѣ свѣдѣнія, но въ нихъ можно замѣтить удивительное совпаденіе съ интересами теперешней нашей политики въ Азіи.

Надо здѣсь упомянуть о двухъ происшествіяхъ, о которыхъ нѣтъ рѣчи въ дневникѣ. Изъ нихъ одно отно-

сится до Царскаго слѣдованія, другое собственно до фамиліи Орловыхъ.

Конечно, среди торжественныхъ встрѣчъ и общественныхъ удовольствій, на судахъ, носившихъ многочисленную экспедицію, были длинные промежутки досуга. Итакъ рѣшено было воспользоваться этими досужными часами для литературнаго труда, именно — перевести на русскій языкъ романъ Мармонтеля „Велисарій“. Всѣ русскіе изъ свиты Императрицы и сама Государыня участвовали въ переводѣ, раздѣливъ между собою книгу по главамъ. Въ 1768 году въ Петербургѣ вышелъ въ печати маленькій томъ in 8°, который сохранилъ для потомства память объ этомъ трудѣ. Его заглавіе: „Велизеръ, сочиненіе Господина Мармонтеля, члена Французской Академіи Наукъ, переведенъ на Волгѣ“. Имя героя въ разныхъ главахъ переведеннаго романа пишется то Велизеръ, то Веліазаръ, то Велизаръ, то Велизарій. Переводчики не согласились предварительно въ важномъ пунктѣ — правописаніи самаго имени героя.

Слѣдующая замѣтка была сдѣлана на одномъ изъ напечатанныхъ впослѣдствіи экземпляровъ перевода, по указанію Императрицы:

„Кто какую главу переводилъ въ путешествіе по Волгѣ Екатерины II показано ниже:

Приношеніе сочинялъ Графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ.

Предисловіе и

1-ю главу Иванъ Перфильевичъ Елагинъ.

2-ю „ Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ.

3-ю „ Сергѣй Матвѣевичъ Кузьминъ.

4-ю	главу	Иванъ Перфильевичъ Елагинъ.
5-ю	„	Графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ.
6-ю	„	Дмитрій Васильевичъ Волковъ.
7-ю, 8-ю	„	Алексѣй Васильевичъ Нарышкинъ.
9-ю	„	Екатерина II.
10-ю, 11-ю, 12-ю	„	Дмитрій Васильевичъ Волковъ.
13-ю	„	Александръ Ильичъ Бибиковъ.
14-ю	„	Князь Семенъ Борисовичъ Мещерскій.
15-ю	„	Графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ.
16-ю	„	Григорій Васильевичъ Козицкій.

Подобную надпись скрѣпилъ своею рукою Графъ В. Г. Орловъ въ экземплярѣ, отданномъ для библіотеки Академіи Наукъ.

Сіе сдѣлалъ онъ по приказанію Императрицы Екатерины II".*)

*) См. Приложеніе II.

IV.

Обмѣнъ верховыхъ вотчинъ Графовъ Орловыхъ на Приволжскія имѣнія, Высочайше пожалованныя въ Симбирской и Самарской губерніяхъ, и описаніе этихъ имѣній. — Переходъ сихъ имѣній изъ рукъ въ руки съ 1632 года.—Указъ о пожалованіи Орловымъ Усольской волости.— Вновь пожалованное имѣніе дѣлается предметомъ особаго вниманія Графа Владиміра Григорьевича.

Вторымъ происшествіемъ, правда, несовременнымъ съ плаваніемъ Императрицы, но послѣдовавшимъ вскорѣ послѣ того, былъ обмѣнъ верховыхъ вотчинъ Графовъ Орловыхъ на имѣнія, Высочайше пожалованныя имъ въ нынѣшнихъ Симбирской и Самарской губерніяхъ.

Хотя Графъ Владиміръ Григорьевичъ простился съ Государыней и со всей ея свитой въ Симбирскѣ 5-го іюня, но съ братомъ Григоріемъ онъ видѣлся опять 6-го числа въ селѣ Новодѣвичьѣ, пріѣхавъ туда въ шлюпкѣ осматривать мѣста, которыя „ему понравились". Въ слѣдующій же день братья разстались, и Графъ Владиміръ отправился въ Усолье. Это село расположено

на нагорномъ берегу Волги при крутомъ сгибѣ рѣки къ востоку до Самары, откуда Волга поворачиваетъ такъ же круто на западъ до Сызрани. Жегулевскія горы, самыя высокія изъ всѣхъ на прибрежьи Волги, прорѣзанныя глубокими оврагами и покрытыя лѣсами, проходятъ по всей длинѣ полуострова, образованнаго здѣсь Волгою и получившаго названіе Самарской луки.

Татары Ногайскіе кочевали въ этомъ краю, когда онъ еще не былъ подвластенъ Россіи, и многія урочища носятъ доселѣ названія Ногайскія. Остатки укрѣпленій и глубокихъ окоповъ въ три ряда видны понынѣ на самомъ узкомъ мѣстѣ между Волгой къ Самарѣ и Волгой отъ Самары. Ермакъ Тимофѣевъ *), по преданіямъ, имѣлъ здѣсь свои притоны; Стенька Разинъ присоединился къ жившей здѣсь вольницѣ, нападавшей на жилища и разграблявшей суда съ зловѣщимъ крикомъ „сарынь на кичку"! Приволжское удальство, воспѣваемое въ старыхъ пѣсняхъ, разыгралось въ Жегулевскихъ горахъ, и населеніе ихъ увеличивалось отъ приходившихъ изъ разныхъ мѣстъ бродягъ, укрывавшихся отъ платежа податей **). Въ нагорныхъ пещерахъ, не далеко отъ разбойничьихъ шаекъ, скрывались также отъ мірской власти отшельники, искавшіе спокойствія совѣсти и душевнаго спасенія. Здѣсь они каялись въ страхѣ дикихъ звѣрей, злыхъ духовъ и неистовыхъ людей,

*) По имени Ермака одно селеніе на Самарской Лукѣ носитъ доселѣ названіе Ермаково.

**) Въ 1739 году велѣно было выслать этихъ выходцевъ на старыя мѣста жительства, но и до времени Екатерины этотъ край былъ убѣжищемъ бѣглецовъ.

претерпѣвая отъ суровости зимъ мученія, невѣдомыя пустынножителямъ древней Ѳиваиды *).

Названное въ дневникѣ Графа Владиміра Григорьевича Усолье было обязано началомъ своего существованія и самымъ названіемъ соленымъ ключамъ при подошвѣ горъ. Соляные промышленники купцы Строгоновы воспользовались открытіемъ этихъ водъ и дали своему новому заведенію и устроенному при немъ укрѣпленію названіе Усолья, по имени Усолья Камскаго, прежняго своего жительства.

Усолье было пожаловано въ 1632 году, по указу Царя Михаила Ѳедоровича, купцу Надѣю Свѣшникову и выкуплено казною отъ его вдовы. Въ 1660 году оно было подарено Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Саввинскому Сторожевскому монастырю. Отнятое отъ монастырскаго владѣнія Петромъ I, который самъ посѣтилъ Жегулевскія горы **), оно было пожаловано имъ князю Александру Даниловичу Менщикову, въ 1710 году. Конфискованное со дня ссылки Менщикова въ Сибирь, оно оставалось полстолѣтія въ казенномъ владѣніи до самаго путешествія Екатерины II по Волгѣ.

---

*) Около 1816 года одинъ отшельникъ проживалъ въ пещерѣ Жегулевской скалы три года, и при отысканіи его найдено много продовольственныхъ запасовъ, подаваемыхъ ему съ проходящихъ судовъ.

**) На одной изъ сихъ горъ, называемой Лысою, показываютъ камень, на которомъ было, по преданіямъ, начертано самимъ Императоромъ его имя; но, по уцѣлѣвшимъ буквамъ, нельзя допустить этого происхожденія надписи, которая принадлежитъ вѣроятно Молдавскому Господарю Князю Дмитрію Кантемиру (Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, часть 31, 1839 года).

Въ 1768 году 23-го апрѣля Императрица подписала указъ въ Сенатъ о принятіи отъ пяти Графовъ Орловыхъ и приписаніи къ разнымъ казеннымъ вѣдомствамъ недвижимыхъ имѣній въ (нынѣшнихъ) Московской, Тверской, Ярославской, Казанской и Симбирской губерніяхъ и Всемилостивѣйшемъ пожалованіи имъ въ обмѣнъ всѣхъ лежащихъ на горной сторонѣ рѣки Волги, въ Самарской Лукѣ земель и угодьевъ, кромѣ „помѣщетскихъ начиная отъ Рожественской волости, противъ города Самары, до писцовой межи Усольской волости, какъ вверхъ, такъ и внизъ по рѣкѣ Волги, съ рыбными ловлями, да сверхъ того, по луговой сторонѣ рѣки Волги, по способности изъ пустопорозжей земли, по межевой инструкціи". Слова: „какъ вверхъ, такъ и внизъ"—объясняются тѣмъ, что Усольская волость касается Волги и находится по теченію рѣки и выше и ниже города Самары.

Обмѣнъ близкихъ къ двумъ столицамъ населенныхъ и легко доступныхъ имѣній на пространства отдаленныя и населенныя безпокойными русскими выходцами, чувашами и мордвою, обѣщалъ новымъ его владѣльцамъ только будущую отдаленную пользу; но польза эта, подъ условіемъ бдительнаго и твердаго управленія, была несомнѣнная. Симбирскій дворянинъ Аѳанасій Степановичъ Мещериновъ, пріятель и корреспондентъ Графовъ Орловыхъ, первый обратилъ ихъ вниманіе на природныя, еще мало оцѣненныя богатства этого края.

Усолье, выселенное до Екатерины изъ подъ горъ на самый перешеекъ полуострова, оставалось съ прочими селеніями имѣнія много лѣтъ въ общемъ владѣніи братьевъ Орловыхъ и поступило только въ 1808 году,

по раздѣлу Симбирскихъ имѣній между двумя братьями, о которомъ будетъ говорено ниже, въ собственность Графа Владиміра Григорьевича. Но съ самыхъ первыхъ годовъ вступленія Орловыхъ во владѣнія Симбирскими имѣніями Усолье сдѣлалось предметомъ особаго вниманія Графа Владиміра Григорьевича и множества рѣшеній отеческихъ и благотворныхъ для крестьянъ. Графъ Владиміръ Григорьевичъ не только заботился о хозяйственномъ устройствѣ Усольскаго имѣнія,— онъ имъ наслаждался и гордился. Во-второмъ путешествіи Графъ Владиміръ Григорьевичъ любовался видомъ съ вершины Караульнаго Бугра, ближайшаго къ Усолью. Бугоръ сей былъ изстари названъ Караульнымъ, потому что онъ служилъ мѣстомъ наблюденія за набѣгами татаръ въ то время, когда Усолье принадлежало Саввинскому монастырю и когда церковь Усольская стояла у подножья горы, Бѣлаго Камня, ближе къ соленымъ ключамъ, описаннымъ Палласомъ. Графъ, будучи Директоромъ Академіи, поручилъ ученымъ путешественникамъ изслѣдовать Усольскую мѣстность съ научной точки, а на Караульномъ Бугрѣ устроилъ бесѣдку *), гдѣ братья Орловы съѣзжались на охоту. Въ отсутствіи Графовъ, ихъ общій пріятель Мещериновъ занимался псовою охотою, содержа въ Усольѣ псарный дворъ съ 150 собаками разныхъ породъ, и сажалъ пойманныхъ звѣрей въ звѣринецъ — рощу близъ Усолья, раздѣленную на три

*) На мѣстѣ бывшей деревянной бесѣдки была построена въ 1838 году каменная башня въ татарскомъ вкусѣ, которая издали видна плавающимъ по Волгѣ и съ низу и съ верху въ Самару. Съ этой башни видна съ сѣвера и съ юга Волга, огибающая

отдѣла, замѣтные и нынѣ для отдѣленія звѣрей слабыхъ отъ болѣе сильныхъ. Благоденствіе усольскаго населенія было предметомъ постоянной заботливости Графа Владиміра Григорьевича; имя Усолья встрѣчается часто въ его дѣловой и семейной перепискѣ, и потому мы себѣ дозволили длинное отступленіе объ этомъ имѣніи.

Жегулевскія горы, а за Волгой необозримыя степи. Англичанинъ, посѣтившій въ 1841 году Караульный Бугоръ, примѣнилъ къ нему удачно въ книгѣ посѣтителей стихи Гомера:

«Ἔκ τ' ἔφανον πᾶσαι σκοπιαὶ, καὶ πρώονες ἄκροι,
Καὶ νάπαι· οὐρανόθεν δ' ἄρ', ὑπεῤῥάγη ἄσπετος αἰθὴρ
Πάντα δέ τ' εἴδεται ἄστρα· γέγηθε δέ τε φρένα ποιμήν».

(«И появились всѣ пещеры и острыя вершины и пропасти, и раскрылась необъятная твердь небесная, и духомъ возрадовался пастухъ»). Иліада 553—555.

V.

Назначеніе Графа Владиміра Григорьевича Директоромъ Академіи Наукъ. — Опредѣленіе его должности. — Первые акты новаго Директора. — Рѣшеніе вести протоколы на нѣмецкомъ, вмѣсто латинскаго, языкѣ. — Именной Указъ объ учрежденіи Академической Коммисіи. — Эйлеръ. — Назначеніе ревизіи и учета иностранной книжной лавки. — Приготовленія къ ученымъ экспедиціямъ для наблюденія за прохожденіемъ Венеры. — Отправка молодыхъ студентовъ въ заграничные университеты. — Наблюденіе за прохожденіемъ Венеры. — Переписка объ отправленіи молодыхъ людей за границу и о другихъ предметахъ. — Письмо Императрицы къ Графу Владиміру Григорьевичу о порядкѣ наблюденія за прохожденіемъ Венеры въ 1769 году. — Переписка съ Академиками. — Донесенія о прохожденіи Венеры. — Переписка съ Палласомъ и др. учеными о путешествіи по Россіи. — Замѣчательное письмо Эйлера. — Письмо Линнея. — Письмо Архіепископа Казанскаго. — Письмо Митрополита Платона. — Письмо Графа Румянцева.

Для продолженія разсказа приходится возвратиться назадъ, ко времени пріѣзда изъ Лейпцига Графа Владиміра Григорьевича. Имѣя тогда 24 года отъ роду, онъ былъ уже назначенъ на должность Директора Академіи Наукъ. Президентомъ Академіи былъ въ то время

Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, но весь трудъ академическаго управленія лежалъ на молодомъ Директорѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ и слѣдующій именной указъ отъ 6-го октября 1766 года, объявленный Графу Орлову въ Сенатѣ. — „Ея Императорское Величество, видя съ крайнимъ сожалѣніемъ Академію Наукъ въ великомъ нестроеніи и почти въ совершенномъ упадке, восхотели для скорѣйшаго поправленія ея и приведенія въ прежнее цветущее состояніе, взять оную въ собственное свое вѣдомство для учиненія въ ней реформы, къ лутчему и полезнейшему ея поправленію. А какъ нынѣ исполненіе онаго дѣйствительно начатся имѣетъ, то за нужно почли определить такую повѣренную отъ Ея Императорскаго Величества персону, чрезъ которую бы Ея Величество даваемыя свои повелѣнія оной Академіи объявлять, такъ и нужды ея вѣдать могли, и для сего избрали впредь до указа Ея Императорскаго Величества Камеръ-Юнкера Графа Владиміра Орлова, коего довольное въ наукахъ сведеніе и охота его и склонность къ онымъ Ея Величеству весма извѣстны, повелевая при томъ ему: имѣть дирекцію канцеляріи и исполнять во всемъ по темъ отъ Ея Императорскаго Величества ему Графу Орлову даваемыхъ повеленіемъ, которые яко словесныя онъ въ Академіи записывать будетъ" *).

---

*) Императрица извѣстила Вольтера о назначеніи Графа Владиміра Григорьевича, называя его Президентомъ, а не Директоромъ Академіи, потому вѣроятно, что вся переписка и вся отвѣтственность по председательству Академіи перешли Графу Владиміру Григорьевичу. Вотъ собственныя слова Императрицы въ письмѣ 29-го октября (9-го ноября) 1769 г.:

Въ слѣдующей выпискѣ актальнаго документа Академіи Наукъ отъ того же числа и года, заключается протоколъ о полученіи указа Императрицы и о церемоніалѣ его заслушанія. Подробно изложена присылка вѣстника, возвѣстившаго пріѣздъ новаго Директора, вступленіе Директора въ должность, чтеніе въ Академіи именнаго указа, радость Академиковъ, что Государыня приняла на себя высшее правленіе Академіею, съ порученіемъ Графу Владиміру Григорьевичу непосредственнаго управленія этимъ учрежденіемъ и изслѣдованія вкравшихся тамъ безпорядковъ. Актъ кончается рѣшеніемъ вопроса, возбудившаго разногласіе Академиковъ относительно размѣра новыхъ географическихъ картъ, которыя постановлено составлять по формату существующаго уже Русскаго Атласа *).

Actum in Conventu Academico ordinario Die VI Octobris 1766....

Circa meridiem tam sociorum quidam in Conventu narrabat se audivisse Augustam clementissima erga Academiam voluntate atque res ejus restituendas praesidem Academiae novum constituisse, nuncius advolavit ab Illustri Comite Volodimero Orloff, illum brevi Academiam conuenturum, rogare Academicos ut nondum discedant. Brevi interjecta mora ipse Comes conventui Aca-

---

«Президентомъ въ Академіи Графъ Орловъ, но не Генералъ Фельдцейгмейстеръ, а братъ его меньшой, котораго главное упражненіе состоитъ въ Наукахъ. Ихъ пять братьевъ, и какъ трудно сказать, кто изъ нихъ болѣе имѣетъ достоинствъ, столько-жъ трудно найти подобное дружбою соединенное семейство».

*) (Выписка изъ протоколовъ Конференціи.)

demico adest, salutatusque ab omnibus, litteras ab ipsa Augustissima Imperatrice subsignatas et ad illum datas praelegendas praebet, ex quibus laeti Academici intellexerunt adjuvandas res Academicas indulgentissimam Matrem patriae non solum sibi ascivisse soli summum in Academiam jurisdictioni omnium aliorum tribunalium exemtam imperium, sed etiam praefectum illi constituisse Illustrem Comitem Volodimerum Grigoridem Orloff, qui res moderaret Academicas, in lapsas inquireret, easque restitueret, atque de omnibus quae Academiam attinent negotiis ipsi ubi opus esset Augustae nunciaret ejusque jussa acciperet.

Lecto hoc auspicatissimo nuncio congratulati sunt Academici, novo et exoptato Academiae moderatori. Ille loco praesidis occupato quaesivit quaenam res peractae essent in consessu accepitque Geographicas, quarum una decisionem ejus desideraret scilicet de forma novarum mapparum Geographicarum disputatum fuerat, ubi in diversas partes abierant socii, quorum alii pristinam servare formam qua adjici mappis in Atlante Russico contentis possent, alii majore exarandas forma censuerant.

Igitur suffragio illustris Comitis quaesito, ille priori sententiae accessit, enunciavitque pristinam mappis formam atque magnitudinem esse conservandam ne dispares novae veteribus magno possidentium incommodo prodeant. Atque ita primum Praesidis actum illustris Academïae Moderator peregit, et suffragio suo dissidentes reunivit socios.

L. Euler.
Taubert. Y. Stehlin.
Braun.
J. Kotelnikow.
J. Albertus Euler.

Изложеніе слѣдующихъ за симъ актовъ Академіи уже не продолжалось на латинскомъ языкѣ, за исключеніемъ одного протокола того же 6-го октября 1766 года, въ памятованіе посѣщенія Академіи Наукъ Великимъ Княземъ Павломъ Петровичемъ: „quo, humillime salutato, redierunt in conventum, ubi, celsissimi caesarei principis manum osculabundi, singuli ab illustri comite Orlovio, Academiae praeside, praesentati fuerunt“.

Хотя языкъ латинскій всегда былъ обычнымъ языкомъ академическихъ актовъ, и наша Академія не хотѣла отставать отъ другихъ и приняла употребленіе этого языка за нѣсколько времени до вступленія Орлова въ управленіе Академіею, однако съ 1735 года ея протоколы велись исключительно по-нѣмецки. Если, съ одной стороны, было сообразно съ традиціями Академіи и ея достоинствомъ— выражаться на языкѣ классическомъ, то, съ другой, было признано весьма непрактичнымъ оставаться при употребленіи латинскаго языка въ то самое время, когда Академики, усиливая свою дѣятельность, чувствовали нужду облегчать свои труды и отстранять раздѣлявшія ученыхъ распри. Поэтому молодой Орловъ не замедлилъ откровенно выразить желаніе, чтобы протоколы академическихъ засѣданій велись не по-латинѣ, а на русскомъ языкѣ, высказывая, что знаніемъ латинскаго языка онъ обладалъ не въ такой степени, чтобы не утрачивалась для вниманія его никакая часть академическихъ рѣчей. Однако желаніе Директора не осуществилось вполнѣ: рѣшено было, что протоколы будутъ ведены если не по-латинѣ, то по нѣмецки, въ виду какъ большаго числа нѣмецкихъ ученыхъ, не знакомыхъ съ русскимъ языкомъ, такъ и той легкости, съ которою русскіе усвояютъ пониманіе и употребленіе нѣмецкаго языка.

Дѣла Академіи были тогда въ большомъ безпорядкѣ, средства ея были очень ограничены и обременены старыми долгами, въ коллекціяхъ ея были слѣды многихъ растратъ, а въ управленіи — большой произволъ со стороны нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ.

Въ первый же мѣсяцъ по вступленіи въ должность Директора, Графъ Орловъ получилъ слѣдующій именной указъ объ учрежденіи при Академіи, въ замѣнъ нелюбимой всѣми Академической Канцеляріи, Коммисіи:

„Повелѣваемъ учредить при Академіи Наукъ Коммиссію, которой состоять изъ членовъ Академіи Статскаго Совѣтника Штелина, Профессора Эйлера съ сыномъ его Профессоромъ Физики, Профессоровъ: Лемана, Котельникова и Румовскаго.

„Должность всѣхъ ихъ, какъ уже сказано въ указѣ данномъ Вамъ отъ Насъ, разбирать всѣ департаменты, дабы привесть въ лучшее состояніе. Коммиссіи же сей быть въ дирекціи Вашей; то имѣть Вамъ надъ оною власть такую, какая Президенту Академіи Наукъ въ Регламентѣ предписана; а для лучшаго успѣха повелѣваемъ Вамъ со всѣми назначенными не только разсматривать всѣ дѣла, но и управлять оными, наблюдая при томъ, чтобы приходамъ и расходамъ веденъ былъ счетъ порядочный. Впрочемъ какимъ образомъ быть управленію, отдаемъ на Ваше распоряженіе“.

30-го Октября
1776 г.
С.-Петербургъ.

Названный въ числѣ членовъ Эйлеръ былъ тотъ самый, котораго покойный профессоръ Остроградскій называлъ первымъ геометромъ, появившимся со времени Ньютона, извѣстный внѣ круга ученаго міра своими замѣчательными письмами о разныхъ научныхъ предметахъ подъ заглавіемъ: „Lettres à une princesse d'Allemagne"; — то были письма Эйлера къ принцессѣ Ангальтъ-Дессау, племянницѣ Прусскаго Короля. Графъ Орловъ былъ однимъ изъ ближайшихъ друзей и самыхъ горячихъ цѣнителей Эйлера. Въ Коммисіи засѣдали сынъ Эйлера и три профессора, подъ предсѣдательствомъ Директора, и, согласно тексту именнаго указа, положено ей въ обязанность „разбирать всѣ департаменты, дабы привесть въ лучшее состояніе", а Директору „имѣть надъ оною власть такую, какая Президенту Академіи Наукъ въ Регламентѣ предписана, не только разсматривать дѣла, но и управлять оными, наблюдая, чтобъ приходамъ и расходамъ веденъ былъ счетъ порядочный".

По бумагамъ Академіи Наукъ видно, что первымъ распоряженіемъ Орлова было назначеніе ревизіи и учета иностранной книжной лавки, которая была до того времени въ полномъ завѣдываніи Тауберта, оставшагося по смерти Ломоносова (4-го апрѣля 1765 года) „однимъ властителемъ Академіи". Нелюбимая Академическая Канцелярія рушилась и учреждена особая Коммисія, о которой выше упомянуто. Вмѣстѣ съ тѣмъ устранены изъ Академіи заведенія по части художествъ и ремеслъ, и управленіе ученаго общества передано его членамъ.

Подробныя свѣдѣнія объ этихъ преобразованіяхъ и о приведеніи ихъ въ исполненіе появляются въ весьма

многихъ изъ частныхъ писемъ Орлова къ разнымъ ученымъ того времени, причемъ получается понятіе и о содержаніи его переписки съ учрежденною имъ Коммисіею; часть этихъ дѣлъ истекала изъ предметовъ занятій Академіи и изъ оффиціальныхъ обязанностей ея Директора, а часть изъ личнаго почина Директора; къ первымъ надобно отнести управленіе самою Академіею и приготовленіе къ ученымъ экспедиціямъ для наблюденій надъ прохожденіемъ Венеры; ко вторымъ надлежитъ причислить отправку молодыхъ студентовъ въ заграничные университеты и устройство путешествій для внутренняго изслѣдованія Россіи.

Нѣкоторыя изъ писемъ Орлова къ ученымъ могутъ служить свидѣтельствомъ его отмѣнно учтиваго и полнаго уваженія отношенія къ служителямъ науки. Два, здѣсь приводимыя въ переводѣ съ нѣмецкаго, письма были написаны Орловымъ къ профессору Мюллеру *), нѣсколько мѣсяцевъ послѣ назначенія его въ должность Директора Академіи.

„Благородный, многоуважаемый,

„Господинъ Профессоръ.

„Ваша особенная склонность ко мнѣ и исключительная радость о препорученномъ мнѣ управленіи Академіею Наукъ доставляютъ мнѣ большое удовольствіе, тѣмъ болѣе, что я слышу ихъ отъ человѣка вполнѣ преданнаго наукѣ и въ продолженіе долгаго времени

*) *Мюллеръ* (Müller), *Герардъ-Фридрихъ* (русскіе его звали Ѳедоръ Ивановичъ), Академикъ, исторіографъ и непремѣнный секретарь Академіи Наукъ до 25-го апрѣля 1765 г.

столь отличавшагося многочисленными услугами моему отечеству, и даже теперь, въ преклонныхъ лѣтахъ, при слабомъ тѣлосложеніи все еще неутомимо трудящагося. Приношу Вамъ за это покорнѣйшую благодарность и могу увѣрить, что никогда не престану выражать глубокое уваженіе къ наукѣ, и въ особенности къ тѣмъ, которые усердно работаютъ на пользу прочнаго водворенія ея въ Россіи. Впрочемъ, поручая себя и впредь Вашей благосклонности, остаюсь Вашего Благородія готовый къ услугамъ другъ Владиміръ Графъ Орловъ“.

С.-Петербургъ,
1766 г. 9-го Ноября.

„Благородный, многоуважаемый,

„Господинъ Профессоръ.

„Я ожидаю съ такимъ же удовольствіемъ то время, когда буду имѣть честь съ Вами лично поговорить и воспользоваться Вашимъ знакомствомъ. За присланную Вами книжечку покорнѣйше благодарю. Что же касается до перевода Бютингова землеописанія, то въ настоящее время Академія никакъ не можетъ этимъ заняться; но со-временемъ, я надѣюсь, что Ваше желаніе исполнится, и тогда я Васъ попрошу внести Ваши поправки и дополненія въ это полезное сочиненіе. Поручая себя Вашей благосклонности и впредь, остаюсь послушнѣйшій другъ В. Графъ Орловъ“.

С.-Петербургъ,
1766 г. Декабря 12.

Въ 1767 году Государыня находилась, какъ извѣстно, въ Москвѣ для открытія Коммисіи о составленіи Новаго Уложенія*); но это великое земское дѣло не отвлекло ея вниманія отъ ожидаемаго въ ученомъ мірѣ событія, именно — прохожденія планеты Венеры передъ солнцемъ (совершившагося въ маѣ 1769 г.).

Явленіе прохожденія планеты Венеры чрезъ дискъ солнца будетъ всегда интересовать астрономовъ; оно дало возможность опредѣлить точно параллаксъ солнца, или среднее разстояніе этого свѣтила отъ земли, помимо движенія луны и противустоянія Марса. Сущность самаго феномена состоитъ въ томъ, что планета появляется между землею и солнцемъ. На солнечномъ дискѣ она является въ видѣ чернаго, отлично очерченнаго кружка, около минуты въ діаметрѣ; причемъ положеніе планеты относительно краевъ солнца можетъ быть опредѣлено въ точности. Сіи явленія совершаются попарно, одно за другимъ, чрезъ 8 лѣтъ безъ 2, 4 дней. Они происходили: въ 1631 году декабря 6-го, въ 1639 декабря 4-го; послѣднее было въ 1761 іюня 5-го, а слѣдующее за нимъ должно было совершиться въ 1769 іюня 3-го.

Датчане, шведы, англичане, французы снарядили экспедиціи въ Гудзоновъ заливъ, Калифорнію, Пекинъ, на Отаити и въ Батавію. Всѣхъ наблюдательныхъ пунктовъ было 149; но наблюденія, къ сожалѣнію, оказались не-

---

*) Графъ Владиміръ Григорьевичъ былъ избранъ въ число повѣренныхъ отъ 1-й Адмиралтейской и Московской частей С.-Петербурга для выбора Городскаго Головы и Депутата отъ этой столицы. Въ эти должности были избраны: Головою — Генералъ-Маіоръ Николай Васильевичъ Зиновьевъ, а Депутатомъ — Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій.

достаточно точными, хотя вопросъ относительно параллакса солнца могъ быть нѣсколько подвинутъ.

Изъ Россіи были посланы: въ Колу Академикъ и профессоръ астрономіи Степанъ Яковлевичъ Румовскій, а въ Гурьевъ — профессоръ астрономіи Георгъ-Морицъ Ловицъ, который былъ въ 1774 году умерщвлёнъ Пугачевскими казаками. Помощниками ихъ были: Охтенскій и Петръ Борисовичъ Иноходцовъ, въ то время Адъюнктъ Академіи по астрономіи, впослѣдствіи же экстраординарный профессоръ. Адъюнктъ же Академіи Вольфгангъ-Людвигъ Крафтъ, впослѣдствіи профессоръ экспериментальной физики, былъ посланъ въ Оренбургъ. Сынъ и ученикъ извѣстнаго Леонарда Эйлера, поручикъ Эйлеръ и капитанъ Исленьевъ съ помощникомъ г. Чорнымъ были посланы въ Якутскъ и снабжены отъ Академіи инструментами и приборами. Приглашенные изъ Женевы астрономы Малле и Пикте были отправлены: первый — въ Поной, а второй — въ Умбу — мѣста, лежащія за арктическимъ кругомъ, въ Архангельской губерніи. Въ Петербургѣ наблюдателемъ былъ Христіанъ Майеръ, изъ Мангейма, извѣстный своимъ въ то время столь еще смѣлымъ предположеніемъ, что всѣ двойныя звѣзды связаны между собою физически.

Ревность, съ которою Орловъ содѣйствовалъ изысканіямъ астрономовъ, проистекала не изъ одного лишь чувства національнаго самолюбія, но и вслѣдствіе положительной наклонности къ астрономіи, которою онъ интересовался до послѣднихъ дней своей жизни. Относительно приготовленій къ наблюденіямъ за прохожденіемъ Венеры, Графъ дѣлаетъ распоряженія въ цѣломъ рядѣ писемъ въ Академическую Коммисію. Но въ нихъ упоминается и о другихъ предметахъ. Орловъ обращалъ

въ то же самое время большое вниманіе на усовершенствованіе русскаго языка и распространеніе въ переводахъ классическихъ произведеній. Въ бумагахъ Кабинетъ-Секретаря Императрицы Екатерины II Григорія Васильевича Козицкаго сохранились документы, показывающіе, что въ 1767 году собиралось нѣсколько лицъ для обсужденія „Положенія о Словарѣ Россійскомъ". Здѣсь шли толки о русскомъ правописаніи, о томъ — какія слова должны войти въ словарь и проч. — Любопытно, что въ числѣ любителей, занимавшихся кропотливымъ словарнымъ трудомъ, были не только писатели, какъ Херасковъ, Новиковъ, но и лица изъ придворнаго общества, а именно: Графъ Ѳедоръ Григорьевичъ Орловъ, самъ Графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, Алексѣй и Семенъ Васильевичи Нарышкины и Графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ.

Письма Орлова о прохожденіи Венеры и письма къ нему, писанныя по этому предмету, встрѣчаются поочередно съ другими, касавшимися предмета, особенно близкаго его сердцу, какъ свидѣтельствуютъ о томъ многія черновыя записки, писанныя его рукою.

Въ это время отправлено было нѣсколько молодыхъ людей въ чужіе края для довершенія образованія, подобно тому, какъ и самъ Орловъ довершалъ свое образованіе въ Лейпцигѣ. Между прочими, въ Галлѣ были двое, посланные туда на счетъ Орлова; другіе находились въ Оксфордѣ, иные въ Лейпцигѣ. Профессоръ Шлецеръ доводилъ до свѣдѣнія Орлова объ учившихся Богословію воспитанникахъ Св. Сунода — въ Геттингенскомъ университетѣ, подъ руководствомъ профессора Муррейа. Онъ жалуется, что на нихъ ассигнуется слишкомъ много и что средства эти тратятся крайне расто-

чительно, непроизводительно и неправильно, намекая притомъ и на недобросовѣстность самаго руководителя воспитанниковъ. — Онъ выставляетъ одного изъ послѣднихъ (Семенова) застарѣлымъ, закоснѣлымъ въ предразсудкахъ, самоувѣреннымъ, крайне неотесаннымъ человѣкомъ, позорящимъ свою націю и присвоивающимъ себѣ совершенно незаконную власть надъ своими сотоварищами. Нельзя было предполагать, чтобы въ Геттингенѣ могли сочувствовать воспитанникамъ, получившимъ свое первое образованіе въ духовныхъ училищахъ православной церкви, и неизвѣстно, кто подалъ первую мысль объ отправленіи ихъ въ Геттингенъ. Впрочемъ, можетъ быть Шлецеръ и былъ правъ, выражая сожалѣніе, что благотворные воспитательные проекты Императрицы исполнялись ошибочно и что самый способъ исполненія порождалъ непріятные толки.

Мы не считали нужнымъ воспроизводить ту часть корреспонденціи Графа, которая касается до русскихъ воспитанниковъ въ Германіи. Она заключаетъ въ себѣ или похвалы воспитанниковъ наставникамъ, или жалобы на нихъ, распоряженія, замѣчанія о расходахъ, порицанія и увѣщанія молодымъ людямъ, посланнымъ изъ Петербурга и совѣты ихъ наставникамъ; словомъ — множество подробностей мелкихъ и незанимательныхъ свидѣтельствуютъ, однако, о совершенно отеческомъ участіи, которое принималъ Орловъ въ судьбѣ этихъ молодыхъ людей. Отъ времени до времени онъ обращался къ лицамъ постороннимъ, къ русскимъ дипломатамъ, съ просьбами о сообщеніи ему болѣе подробныхъ свѣдѣній о поведеніи преподавателей и воспитанниковъ; иногда просилъ о посредничествѣ, въ случаѣ ссоръ между ними; иногда писалъ къ самимъ воспитанникамъ для поощре-

нія ихъ, или давая имъ совѣты. Письма эти были, конечно, драгоцѣнны для тѣхъ, кому они были адресованы, но для соврѣменнаго читателя не представляютъ особеннаго интереса.

Слѣдующія письма даютъ общее понятіе о многоразличныхъ предметахъ, занимавшихъ въ это время Академію и ея Директора.

«Москва 5 Марта 1765 года.

„Любезные Товарищи Господа Комисіонеры, Всѣмъ Вамъ желаю отъ искреннего сердца быть здоровымъ и веселымъ.

„Посылаю къ Вамъ копію, списма Государыни ко мнѣ Вы ізволите увидѣть сколь желательна Ея Величество видѣть, чтобъ наблюденіе 1769 года снашей стороны, совсѣмъ раченіемъ и осторожностью здѣлано было, Государыня ізволила словесно мнѣ приказывать сказать Ея Величеству вчемъ намъ только нужда будетъ то она намъ охотно во всѣмъ поможетъ, и такъ я Васъ прошу сообщить гдѣ наблюденіямъ быть, планы строеніямъ которыя для сего намеренія въ оныхъ мѣстахъ здѣлать надобно; сколько денегъ около, выписать, інструменты ізъ Англіи на сей случай и столько чтобъ каждый наблюдатель ни малѣйшаго недостатка въ оныхъ не имѣлъ. Надобно ли Вамъ офицеровъ? и сколько имянно, и какъ лучше, чтобъ Государыня ізволила опредѣлить, навѣдаясь сама, о іскуствѣ оныхъ, или Вы сами можете способнѣйшихъ къ этому намеренію найтить, то сообщите имя ихъ и гдѣ служатъ, да тутъ надобно смотрѣть есть ли у нихъ охота къ этому дѣлу? ежели этотъ офицеръ которой у Васъ теперя учился Степанъ

Яковличь, охоту и способность имѣетъ, и надобенъ, я думаю ево можно будитъ чрезъ все сіе время оставить, на такомъ основаніи на какомъ онъ теперича, я можетъ быть иное упустилъ вразсужденіи тово что мнѣ сообщить надобно то прошу дополнить; чтобъ ничего не пропустить, то непоспишитѣ отвѣтомъ ко мнѣ однако и непродолжите оной отнюдь далѣе 10 Апрѣля.

„Ізвольтѣ прислать доношеніе о Семенѣ Кирилыче я оное здѣсь подпишу и подамъ в Сенатъ, что онъ по имянному указу определенъ въ Академическую Коммисію, и что за разными дѣлами, которыми онъ обязанъ по оной Коммисіи, нынешній годъ исполнить не можитъ къ чему Сенатъ ево опредѣлить хочѣтъ, и такъ оное оставить до тѣхъ поръ когда Коммискія дѣла дозволятъ ему отлучится, и что Академія наево мѣста теперя никово представить не можитъ, которой бы также дѣлами незанетъ былъ какъ и онъ: Яковъ Яковличь Грамоту я получилъ, ізвольте отписать что за нее взять денегъ надобно, Волкова контрактъ прикажитѣ написать вззаглавіи, какъ переменено, переписавъ прислать ко мнѣ одинъ чтобы ему отдать, которой я подпишу, а другой чтобъ онъ подписалъ и къ Вамъ назадъ пошлю.

„Я пріехалъ сюда по-слѣднева Февраля то есть всреду в 4 часа а изъ Петербурга выехалъ въ 6 часовъ въ воскресенье приехалъ и выехалъ по полудни; все слава Богу здоровъ, прошу отъ меня всѣмъ другимъ Професорамъ поклониться.

„Вашъ покорный и вѣрный слуга

„Г. В. Орловъ.

„Братъ Федоръ Григоричь Всѣмъ Вамъ нижайше кланѣется“.

„Не можно ли какую нибудь книгу прислать для поправленія штиля Козицкому и Матонису *) или не можно ли имъ какой нибудь другой работы дать коли первой нѣтъ чтобъ они у насъ праздны не ходили".

Къ этому письму была приложена копія съ слѣдующаго письма Императрицы.

Копія съ копіи.

„Monsieur le Comte Orlow, ayant apris que pendant l'Etée de l'année 1769, l'Etoile nommé Venus repassera devant le Soleil Je vous ecrit cette Lettre, pour que vous disiez à l'Académie des Sciences de Ma part, .que Je souhaite 1) que l'Académie fasse faire ses observations avec le plus grand soin et que Je desire en consequence de savoir 2) quels sont les Endroits de l'Empire les plus favorablement placés et quels sont ceux que l'Académie destine pour cette Observation? Afin qu'au cas qu'il y fallut batir, envoyer des ouvriers et si on put prendre les Mesures convenables. 3) que s'il n y a pas assés d'Astronomes à l'Académie pour que l'Observation soit complette, dans les Endroits que l'Académie aura choisis, Je propose et me charge de faire chercher parmi les Marins des sujets qui pendant le tems qui reste, jusqu'au passage de Venus pourroient se perfectioner sous les yeux des Professeurs pour cette Observation, afin d'etre employés dans cette Expedition avec utilite au gré de l'Academie.

Vous Me feres parvenir Monsieur le Comte la Reponse de l'Academie et son avis bien complet sur tout

---

*) Оба они въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія слушали лекціи въ Лейпцигскомъ университетѣ, по собственной охотѣ.

ceci, afin que Je puisse ordonner tout ce qu'il faut sans perte de temps.

à Moscou
ce 3 Mars.
1767.

„Catherine".

„Любезные Товарищи!

„Взаимно желая Вамъ всякаго благополучія за поздравленіе Ваше и желанія благодарствую. Я весьма удивляюся и крайне сожалѣю, что Господинъ Статской-Совѣтникъ Таубертъ напрасное коммиссіи непристойными своими требованіями причинилъ безпокойство. Коммиссія справедливо поступила, когда въ силу опредѣленій, Февраля 14, 20, чиселъ данныхъ, заблагоразсудила вручить Господину Статскому-Совѣтнику только тѣ каталоги, которые были двойные, а описи драгоцѣннымъ вещамъ и медалямъ удержала съ тѣмъ, чтобъ списавъ съ нихъ копіи отослать къ нему обратно. И такъ не списавъ копій помянутыхъ описей ему не возвращать, и не взирать ни на какія его угроженія *). Присланныя ко мнѣ письма отъ Гг. Губернаторовъ, также и отвѣтныя мои къ нимъ при сем прилагаю, которыя съ прочими прошу хранить въ Архивѣ. Сообщенное отъ Его Сіятельства Графа Захара Григорьевича Чернышева писменное извѣстіе когда за благо разсудите въ вѣдомости внесите, а перваго его письма, о которомъ онъ здѣсь

---

*) Вѣроятно, по поводу этого самаго письма, Таубертъ, въ письмѣ къ неизвѣстному лицу отъ 19-го марта 1767 г., сѣтовалъ, что противъ него возстановляютъ *молодого Графа* (Орлова), проситъ указать Панину «какіе дурные люди гг. Эйлеръ и Штелинъ и какъ допускаетъ *молодой человѣкъ* управлять собою этимъ своекорыстнымъ и подлымъ льстецамъ».

упоминаетъ, я еще и по сіе время не получилъ, когда же получу, то Вамъ оное сообщить не премину. Графъ Ѳедоръ Григорьевичъ Всѣмъ вамъ кланяется и отъ Г. Профессора Румовскаго задачи ожидаетъ Въ прочемъ есмь.

„Вамъ покорный и усердный
„слуга Г: В: Орловъ.

Москва
8-го Марта
1767 г.

„Вразсужденіе случающихся пересылокъ къ вамъ прошу мнѣ по скорея переслать академическую печать а можетъ быть у васъ и готовыя есть. Все прочѣе о чемъ здѣсь неупомянуто ісправлю *).

„Любезные Товарищи Всѣмъ Вамъ отъ всево сердца здравія желаю.

„Письмо отъ Якова Яковлича**) и дипломъ, получилъ къ кореспондентамъ нашимъ въ Пекинѣ, я ихъ перешлю туда какъ лучше могу; также и газеты получилъ которыя какъ скоро прочту, то отошлю къ Миллеру.

„Яковъ Яковличъ, я не помню чтобъ у меня рисунки

---

*) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ 1767.)

**) *Штелинъ* (Jacob. von Stählin), *Яковъ Яковлевичъ*, Академикъ по каѳедрѣ поэзіи и краснорѣчія, непремѣнный секретарь Академіи съ 25 апрѣля 1765 г. по 25 февраля 1769 г. Ему порученъ былъ надзоръ за академическими граверами. Съ 1770 года Штелинъ 13 лѣтъ исполнялъ въ Вольномъ Экомическомъ Обществѣ обязанности секретаря по иностранной перепискѣ. Съ 1768 г., по его мысли, стали издавать при Академіи Календари: историческій, географическій, экономическій и календарь съ наставленіями.

остались, я ихъ искалъ и не нашелъ такъ если у Васъ ихъ ненаидется, то неможете ли ихъ поскорея ізготовить и переслать ко мнѣ, коли можетѣ упомнить какіе эта рисунки были.

„Радуюсь что у Васъ въ Академіи все благополучно.

„О нездоровіи Господина Профессора Эйлера сердечно сожелею и прошу ему отъ меня поклонится и сказать что я желалъ чтобъ онъ онаго наискорея освободился.

„Впрочемъ есмь на всегда
„Вашъ покорный слуга
„Г: В. Орловъ.

1767 г.
14 Марта.

„Здѣсь есть піеса въ экономическое Собраніе которое я здѣсь разпечатанное получилъ и такъ за моею печатью посылаю *).

«Получено 23-го дня Марта (1767)».

„Любезные Товарищи Всѣмъ Вамъ отъ іскреннего сердца желаю здравія.

„Письмо Ваше отъ 13-го Марта я 19-го очинь поздно получилъ и такъ неинакъ какъ нынчи на оное отвѣтствовать могъ, я впередъ угадывалъ что письмо Государынино Вамъ Всѣмъ большее удовольствіе здѣлаетъ, я получа оное самъ довольно нарадавается не могъ что Ея Величество такъ о наукахъ старатся ізволитъ, о профессоре Ейлере сожелею что онъ еще по сѣхъ поръ не совсемъ выздоровилъ, желая чтобъ оное наискорея исполнилось; о присылке трехъ пунктовъ прошу неумедлить только притомъ ненадобно ничево пропустить.

---

*) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ 1767.)

„За стекло и печать Якову Яковличу благодарствую а денги Іванъ Автомонычь заплатитъ за оныя, такъ прошу отъ него оныя і требовать. Уведомите меня кому возвращены французскіе Манифесты, и сколько ихъ напечатана была; и слышелъ что манифестъ немецкой очинь дурно переведенъ по французски и уже во многихъ газетахъ напечатанъ; и такъ прошу Васъ велеть какъ скоро можно будетъ французской манифестъ при немецкихъ газетахъ нашихъ напечатать; и сказать прежде что видя что французской переводъ выданнова Манифеста здесь, дуренъ, и зная что Публике — пріятно будетъ видѣть хорошеи и вернои Переводъ оного Манифеста и для того онои переводъ теперя и припечатывается.

„Объ опредѣленіи салдацкихъ дѣтей какои имянной указъ? и черезъ ково у насъ обьявленъ? сколько времени они при академіи? какъ стары? при какой должности они хочутъ вполку быть? и при какой прежде были? прошу мнѣ сообщить. Отъ Михаила Михаилыча Гурьева я писмо получилъ, прошу ему отъ меня поклонится. Я слава Богу со всѣмъ моимъ домомъ здоровъ братъ Федоръ Григоричь приказалъ Вамъ Всѣмъ кланется и благодарить за Вашъ поклонъ къ нему. Прошу ежели можно достать для меня Exposé de la contestation entre Hume et Rousseau *) да еще книгу или книги

---

*) Эта книга имѣетъ заглавіе: «Exposé succinct de la Contestation qui s'est élevée entre M. Hume et M. Rousseau avec les pièces justificatives. A Londres. M. DCCLXVI, 12°». Она напечатана не въ Лондонѣ, но въ Парижѣ и переведена съ англійскаго Сюардомъ (Suard), который присоединилъ къ ней предисловіе. Изъ этого предисловія видно, что книга обязана своимъ появленіемъ въ свѣтъ ссорѣ, возникшей между двумя писателями,

Нейкастеля что о лошадяхъ писалъ. Препоручая себя въ Вашу непременную любовь пребуду на всегда.

„Вашъ покорный слуга
22-го Марта 1767 г. „Г: В. Орловъ“.

Отвѣтствовано 2. д. Апрѣля *).
«Получено 30 Марта (1767 г.)».

„Государи мои,

„Доношеніе въ Правительствующій Сенатъ, контрактъ Волкова, и сообщеніе, что Коммисія здѣлала, и что при Академіи случилось, я получилъ. Въ контрактѣ Волкова

фамиліи которыхъ выставлены въ заглавіи. «M. Rousseau a adressé à un libraire de Paris une lettre, où il accuse sans détour M. Hume de s'être ligné avec ses ennemis pour le trahir et le diffamer, et où il le défie hautement de faire imprimer les pièces qu'il a entre les mains. Cette lettre a été communiquée à Paris, à un très grand nombre de personnes; elle a été traduite en Anglais, et la traduction est imprimée dans les papiers de Londres. Une accusation et un défi si publics ne pouvaient rester sans réponse; et un plus long silence de la part de M. Hume aurait été interprété d'une manière peu favorable pour lui. D'ailleurs, la nouvelle de ce démêlé s'est répandue dans toute l'Europe, et l'on en a porté des jugemens fort divers. Il serait plus heureux sans doute que toute cette affaire eut été ensevelie dans un profond secret; mais puisqu'on n'a pu empêcher le public de s'en occuper, il faut du moins qu'il sache à quoi s'en tenir. Les amis de M. Hume se sont réunis pour lui représenter toutes ces raisons. Il a senti la nécessité d'en venir enfin à une extrémité qu'il redoutait si fort, et a consenti à laisser imprimer son mémoire».

*) (Изъ дѣлъ Коммиссіи Академіи Наукъ 1767 г.)

пропущено, что ему за календары только пятнацтую часть получать, или семъ процентовъ, такъ, какъ мы со всѣми прочими продавцами здѣлали. Однако я ету кондицію своею рукою припишу, а Волкову въ контрактѣ за его подписаніемъ, оное внести велю. Поступкомъ вашимъ, какъ я изъ сообщенія ко мнѣ виделъ въ рассужденіи помощника Петрова, въ прибавкѣ жалованія прапорщику Павинскому и въ принятіи опять Меллера въ академію я доволенъ. Въ протчемъ препоручая себя вашей непремѣнной любови пребуду

„Государи мои,
„вашъ покорный слуга
„Г: Володимеръ Орловъ“.

Въ Москвѣ
Марта 26-го дня
1767 году.

„Г-дамъ Членамъ Коммиссій.

„P. S. Прошу Васъ, прислать мнѣ:

„Nouveau Dictionnaire francois - allemand et allemand - francois à l'usage des deux nations. Strasbourg 1762. 8⁰ mas. Tom 1.11. одинъ эксемпляръ.

„Найлутчихъ немѣцкихъ францускихъ, латинскихъ и русскихъ форшрифтовъ, которыя находятся при Академіи или въ немѣцкой книжной лавкѣ, двенацать эксемпларовъ, каждаго языка по четыре эксемплара, и то на первой окказій.

„Коли теперь нѣтъ въ книжнои лавкѣ, то велѣть выписать.

„Денги, которые до етого слѣдуютъ извольте изтребовать отъ Івана Автамонича Фурсова.

„Когда мои книги прибудутъ на караблѣ то какъ Вы прежде объ ономъ извѣститесь нежели Іванъ Автамо-

новичь, то прошу его объ ономъ увѣдомить, ему въ полученій оныхъ помочь и все что слѣдовать будетъ за оныя заплатить: то объ ономъ уже Іванъ Автамоновичу писано.

„Яковъ Яковлевичъ пожалуй попроси именемъ моимъ Экономическое Общество *) не можно ли мнѣ сего удовольствія здѣлать чтобъ переслать всѣ тѣ извѣстія которыя отъ Генералъ Прокурора въ Экономическомъ Обществѣ получены хотя за Экономическую хотя и за академическую печатію для верности, а я какъ скоро ихъ прочту, то непремѣнно обратно пошлю съ благодареніемъ и все въ целости, за академическую печатію въ Экономическое Общество. Я не инако прошу ежели въ нихъ теперича Экономическому Обществу надобности нѣтъ.

„При семъ прилагаю контрактъ Волкова **).

„Государи мои.

„Радуюсь что Кирилло Григорьевичь Разумовскій пріѣхалъ. Я надѣюсь что всѣ Г. Профессоры не преминули у него быть и поздравить съ пріѣздомъ. Можетъ быть я самъ скоро буду имѣть удовольствіе его здѣсь видеть. Письмо отъ Г. Професоора Бернулли ***)

---

*) Вольное Экономическое Общество.

**) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ 1767.)

***) *Бернулли* (Bernoulli), *Даніилъ*, Академикъ сначала по каѳедрѣ физіологіи, а потомъ высшей математики. 24 іюня 1733 г. онъ оставилъ Академію съ званіемъ почетнаго члена и возвратился въ Базель. Въ 1737 г., Президентъ Академіи, баронъ Корфъ, постановилъ производить Д. Бернулли пенсію съ 1 января 1735 года по 200 рублей. Съ отъѣздомъ за границу барона Корфа и

я получилъ и при семъ приложенной мой отвѣтъ на оное прошу къ нему отослать. Потому что еще по сихъ поръ никакова отвѣту отъ Г. Цейгера нѣтъ; то бы не дурно было вторично къ нему отписать, и первое можетъ быть какъ нибудь потералось. При семъ посылаю тысячь рублей имперіялами, и прошу Васъ велѣть написать вексель. на оную сумму на имя Доктора и Профессора Айрера въ Геттингѣ, о которомъ Профессорѣ Вы обстоятельнѣе у Г. Моделя навѣдатся можете; а

по временномъ удаленіи совѣтника Шумахера, заступившій его мѣсто Нортовъ, полагая поправить хозяйственную часть Академіи, находившуюся въ упадкѣ, придумалъ прекратить производство пенсіоновъ тѣмъ изъ заграничныхъ ученыхъ, которые за сообщеніе статей и поддержаніе сношеній съ Академіею получали отъ нея пенсіоны. Поэтому и Бернулли лишился назначенныхъ ему 200 руб. Тотчасъ же, по назначеніи графа Орлова Директоромъ Академіи, было постановлено производить Даніилу Бернулли, съ 1 января 1767 г., пенсіонъ въ 200 рублей. По этому поводу Академикъ Штелинъ писалъ къ Бернулли: «Его Сіятельство Графъ Орловъ и Члены Коммисіи, не имѣя права входить въ подробности за прошедшее время, когда, Богъ знаетъ почему, нѣкоторымъ почетнымъ членамъ прекратили пожалованныя имъ пенсіи, назначили снова обыкновенный пенсіонъ въ 200 рублей нѣкоторымъ изъ нашихъ иностранныхъ членовъ.... Между такими членами, вы, Милостивый Государь, считаетесь первымъ, почему, согласно опредѣленію нашей Академіи, имѣю честь увѣдомить васъ настоящимъ письмомъ, что съ 1 Января текущаго 1767 г. вы будете получать пенсіонъ въ 200 руб. ежегодно»... Упоминаемое въ письмѣ Графа Орлова отъ 29 марта 1767 г. письмо Бернулли содержитъ изъявленіе благодарности за продолженіе пенсіона и увѣдомленіе о томъ, какимъ образомъ могутъ быть пересылаемы ему деньги.

когда вексель напишется, то прошу оный отдать для пересылки въ Геттингъ Г. Моделу. Въ прочемъ есмь

„Государи мои
„Вашъ покорный слуга
„Графъ Володимеръ Орловъ.

Въ Москвѣ
Марта 29-го дня
1767 г.

„P. S. Я надѣюсь Яковъ Яковлевичь что календарь дорожный для Государыни не долго замешкается, прошу меня увѣдомить какъ скоро Вы думаете оный ко мнѣ переслать.

„Прошу меня увѣдомить готовъ ли мой дипломъ или когда готовъ будетъ; да еще имѣются ли кости той рыбы или звѣря морскаго котораго у насъ при Академіи рогъ или рога находятся, и стоитъ ли труда, чтобъ оныя кости имѣть ежели не всѣ хотя нѣсколько.

(Приписка на особомъ листкѣ.)

„Проектъ Лейбницовъ о учрежденіи Академіи оныя письма Лейбницовы по письму ко мнѣ отъ Г. Миллера пересланы къ нему тому уже болѣе трехъ недѣль*).

„Государи мои.

„Я изъ письма Якова Яковлевича заключилъ, что сверхъ присланныхъ ко мнѣ рисунковъ должно бы еще нѣсколько или у меня или у него найтися: а изъ письма отъ 22-го Марта я видѣлъ, что я въ моемъ заключеніи обманулся, и такъ ни у него ни у меня рисунковъ болѣе быть не можетъ.

---

*) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ 1767.)

„Отвѣтъ на письмо какъ Государыны такъ и мое касающееся до наблюденія Венеры обо всемъ, о чемъ васъ спрашиваютъ неумедля прошу прислать: на большую часть вопросовъ, ежели не на всѣ, могутъ отвѣтствовать найлучимъ образомъ, а особливо, что пріямо до наблюденія принадлѣжитъ, какъ я надѣюсь, Г. старшій Профессоръ Ейлеръ и Румовскій. Я васъ прошу оный отвѣтъ мнѣ переслать для того поскоряе, чтобъ я могъ имѣть еще удобный случай съ Государынею прежде отъѣзду Ея отсюда обстоятельно обо всемъ ономъ переговорить. Я отнюдъ не сумниваюсь чтобъ какія нибудь несогласія между Вами въ рассужденіи етого отвѣта могли произоити: а ежелибы паче чаянія были; то прошу Васъ дружески съ моей стороны чтобъ оныя скоряе прекратить и чресъ то пересылка того отвѣта не замедлилась.

„Письмо Якова Яковлевича отъ 26-го Марта я получилъ также и приложеннія двацать маленкихъ атлассовъ рѣки Волги. Сколько мнѣ надобно будетъ для себя оставить, за оныя я Волкову здѣсь денги заплачу а прочія отошлу для продажи по опредѣленной цѣнѣ отъ коммиссій. Мнѣ кажется что двести маленькихъ атлассовъ для продажи здѣсь мало, и что можетъ оныхъ до пятисотъ разоитися. Награжденіе за работу тѣмъ, которые при семъ атлассѣ были, и сочиненіе продолженія Волги до самаго моря чрезъ Шмида, какъ то, такъ и другое оченъ хорошо, и мы въмѣстѣ ужъ объ ономъ говорили. Мнѣ кажется при томъ не дурно бы было, ежели бы Волгу не только отъ Тверы, но отъ самой ея вершины зачатъ. Для Грекова и Виноградова хорошія оригиналнія портрети Государыны и Великаго Князя я юстараюсь найтти. Ежели къ Вамъ пришлетъ Іванъ Іва-

новичь Тауберть проэктъ Лейбницовъ въ Коммиссію то прошу оный ко мнѣ переслать. Вамъ самимъ я чаю не безизвѣстно, что етотъ проектъ о учрежденій Академій въ библіотекѣ находится долженъ. Письмо къ Вицеканцлеру Голицыну и Календарь печатанной въ Готѣ къ вамъ посылаю и что въ етомъ письмѣ совѣтуетъ посланникъ Голицынъ Вице-Канцлеру у насъ въ Россій такой же родъ календарей завести, оное отдаю на ваше расмотреніе, полезно ли такой календарь здѣлать и можетъ ли етотъ календарь хотя и нѣсколько примѣромъ служить. Письмо и календарь Вы можете у себя оставить. Девяноста рублей отъ Князя Александра Алексѣевича Вяземскаго за написаніе грамоты посылаю.

„Что касается до всѣхъ расходовъ, которые по библіотекѣ и Кунсткаморѣ быть могутъ, то ужъ объ ономъ положенно, чтобъ безъ вѣдома Коммиссій Іванъ Івановичь работъ одинъ самъ собою не подряжалъ, о чемъ я ему однако никакова повелѣнія не далъ, и такъ теперь оное изполняю, а Васъ прошу чтобъ ни за какія работы, ежели оныя бесъ вѣдома Коммиссій здѣланныя будутъ не платить.

„Определѣніе Петра Филиппова въ Корректоры а Башилова къ Шлецеру для извѣстнаго намѣренія и прочее что Вы здѣлали какъ я изъ послѣдного репорту виделъ, очень хорошо.

„Копію съ письма отъ Г. Папста*) посылаю, изъ

---

*) *Пабстъ* (Carl Pabst von Oheim) *въ Фрейбургѣ, горный совѣтникъ.* Упоминаемая копія съ письма его къ Графу Владиміру Григорьевичу Орлову хранится въ архивѣ конференціи Академіи Наукъ (входящія письма 1767 г., № 28). Перечисляя извѣстныхъ европейскихъ ученыхъ по сстествознанію, Пабстъ гово-

которой Вы увидеть можете, коихъ онъ лутчими химиками почитаетъ. Какъ мнѣ кажется что лутче всѣхъ нашему намѣренію соотвѣтствовать можетъ, и который по письму Папста вѣроятнѣе всѣхъ другихъ по нынейшнымъ обстоятельствамъ согласится въ Петербургѣ выѣхать, ето Г. Крамеръ, котораго знаніе химіи а особливо въ пробиръ-кунстѣ всеконечно всѣмъ Вамъ извѣстно. И такъ прошу Васъ аддрессоватся къ оному Крамеру и вызывать его въ Россію именемъ моимъ такъ, какъ всѣхъ прочихъ призывали не упуская времени, а какимъ образомъ вызовъ учредить отъдаю на Ваше расположеніе; только старатся какъ возможно его къ намъ притенуть. Вы сами знаете сколько нужденъ намъ такой человѣкъ; а о прочихъ химиковъ о которыхъ здѣсъ Папстъ упоминаетъ и отъ которыхъ надѣатся можно что согласятся въ Петербургъ выѣхать, то освѣдомится на какія кондиціи каждій выѣхать пожелаетъ. Только прежде нежели отъ Крамера отвѣтъ будетъ, отнюдь онимъ никакова обѣщанія дѣлать не надобно.

„Письмо полученное отъ Губернатора и отъ Воеводы, и копіи отвѣтовъ моихъ на оныя посылаю къ Вамъ для храненія. Прошу мнѣ сообщить реэстръ всѣмъ тѣмъ къ которымъ я писалъ о продажѣ книгъ, какъ Губернаторамъ такъ и Воеводамъ т. е. каждаго титулъ или аддресъ.

ритъ, что всѣ они едва ли согласятся перемѣнить свои выгодныя для научной дѣятельности мѣста, чтобы ѣхать въ Россію, и совѣтуетъ пригласить Крамера: «Soltten Er Excell. nicht dafür halten, dass der Braunschweigisch Cammerrath H. Cramer, der Verfasser der bekanten Probierkunst sich am besten zü dieser Absicht schüks» (?). Приглашеніе Крамера однако почему-то не состоялось.

Я думаю уже пора нашихъ книгопродавцовъ спросить сколько въ ту или другую Губернію на будущей годъ какъ календарей такъ и книгъ переслать надобно и мнѣ хочется чтобъ при книгахъ впередъ такихъ недостатковъ не случалось какъ при посланныхъ въ Архангельгородъ, что Вы изъ приложеннаго письма отъ Головцына видеть можете. Постарайтесь пожалуйте объ ономъ, и напомните Зборомирскому. Я не знаю прямо не хорошъ ли етотъ способъ Вамъ покажется. Я хочу отписать всѣмъ Губернаторамъ чтобъ письма только тѣ отъ нашихъ книгопродавцовъ приняты и бесденежно пересланны были, которые въ академію аддрессованы будутъ, потому что оные письма не партикулярныя но до казенной пользы кассающіяся а прочіе чтобъ не принимали*).

„Въ прочемъ есмь
„Государи мои
„Вашъ покорный слуга
Г: В: Орловъ“**).

Въ Москвѣ
Апрѣля 5-го дня
1767 году.

„Государи мои,

„Все что я изъ вашего репорту отъ 2-го Апрѣля виделъ я онымъ доволенъ. О солдатскихъ дѣтяхъ Преображенскаго полку буду отвѣтствовать какъ скоро могу. Отъ Якова Яковлевича посланнія ко мнѣ атласы рѣки Волги **) я получилъ такъ же и отвѣтъ на письмо Го-

*) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ 1767 г.)

**) Атласъ рѣки Волги, состоящій изъ 8 картъ, былъ награвированъ въ Академіи, безъ означенія года. Гравированныя

сударыни о наблюденіи Венеры. Атласъ Волги рѣки хотя и не совсемъ достаточенъ въ извѣстіяхъ однако онъ многимъ понравился и много охотниковъ оной купить. По крайней мѣрѣ мнѣ кажется вы можете сюда переслать сотъ до пяти етихъ атлассовъ, я думаю и едва ли ихъ станетъ. Отвѣтомъ вашимъ о наблюденіи Венеры Государыня была довольна. Я также доволенъ только изволила приказать отписать къ вамъ, что Она изволила слышеть что въ Колѣ и въ Соловѣтскомъ монастырѣ часто туманы бываютъ, тоже и въ другихъ назначенныхъ отъ васъ мѣстахъ: для того думаетъ не дурнобъ было для предосторожности взять для обученія хотя еще столькоже офицеровъ и выписать на столькоже инструментовъ какъ вы опредѣлили, чтобъ можно было какъ около Колы такъ и около каждаго опредѣленнаго мѣста въ нѣкоторомъ отъ нихъ расстояній какъ въ верстахъ 50 или 60 или ближе или вдали, что Вы сами лутче опредѣлить можете, построить по двѣ обсерваторіи дабы въ оныхъ можно было дѣлать наблюденіе когда въ означенныхъ отъ васъ мѣстахъ тумянь бы случался. Однимъ словомъ Государынино соизволеніе то, чтобъ академія ни о иждивеній ни о числѣ людеи не пеклась хотябъ въ двое все или больше противъ положеннаго отъ васъ нынѣ потребовалось, только чтобъ со стороны академій въ рассужденіи сего наблюденія ничего пропущено не было. Я думаю ежели академія людми и инструментами къ сему наблюденію за благовремянно запасется и лесъ запасенъ будетъ для обсерваторій, то

доски этихъ картъ сохранились въ книжномъ складѣ Академіи; онѣ озаглавлены: «Трактъ по рѣкѣ Волгѣ». Всѣ карты съ виньетками.

еще успѣетъ опредѣлить и тогда другія точныя мѣста, ежели надобны будутъ, опредѣлить, когда уже сами наблюдатели въ тѣхъ мѣстахъ находится будутъ, и тогда могутъ лутче и вѣрнѣе сами освѣдомится которыя мѣста, (ежели надобны будутъ для сего наблюденія), около-лѣжащія отъ тумяновъ по большой части освобождены бываютъ. Вы видете изъ сего моего письма сколь желательно Государынѣ видеть удачливымъ сіе наблюденіе и что Она милостиво обѣщаетъ всемъ съ своей стороны академію въ семъ случаѣ спомошествовать. Я и о томъ докладывалъ, что академія думаетъ хорошобъ было когдабъ съ тѣми наблюдателями нѣсколько знающіе въ исторій натуральной отправлены были, на что Она охотно и милостиво согласиться изволила. Я надѣюсь, что Вы отвѣтомъ на оное долго не замѣдлитесь.

„Яковъ Яковлевичь отвѣтъ на экономическои вопросы мною получены, благодарствую за трудъ вашъ и прошу за оныя Экономическому обществу поблагодарить: я ихъ всѣхъ въ цѣлости, какъ скоро мнѣ можно будетъ назадъ возвращу. Инструксія о посевѣ льна уже давно у меня, уже и расдается и семя леное продается. Ваше письмо, чтобъ продавать семя лѣное пришло когда уже въ газеттахъ обявленіе здѣлано было по прежнему экономическаго общества опредѣленію продавать оное бесъденежно. Не только 4-го тому экономическаго общества но и 3-го здѣсъ нѣтъ. Не худо бы было, когда бы вы того и другово по нѣскольку сюда прислали. О Гднѣ Гертнерѣ *) ежели вы имѣете довольно доказательствъ

*) *Гертнеръ* (Gärtner), *Іосифъ*, былъ приглашенъ въ Академію въ 1768 г. на каѳедру естественной исторіи; выбылъ въ 1773 г. съ званіемъ Почетнаго Члена.

что онъ искусной человѣкъ въ исторій натуральной и что случай можетъ быть потеренъ его вызвать въ Россію, когда скоро оно не здѣлается, то Вы можете ево вызвать. Однако все сіе отдаю на ваше общее рассужденіе, зная что каждой изъ Васъ столько осторожен, что не допуститъ вызвать таково человѣка который бы не довольно искусенъ былъ въ своей наукѣ. Я разумѣю о томъ который объ ономъ или знаетъ или свѣдать можетъ. Когдаже положите мнѣніе ево вызвать то вызывайте ево на такомъ же основаній какъ Г. Палласса. Вы пишете о дурномъ поведеніи Субботина *) противъ Брейткопфа и спрашиваете меня что ему за выговоръ здѣлать: оное отдаю на ваше общее рассужденіе какъ хотите такъ его и накажите.

„Репортъ отъ Г. Миллера, о сочтеній книжной лавки и опись книгамъ проданнымъ при семъ посылаю. Завтра я пошлу къ вамъ когда успѣю карту большую и нѣсколько маленкихъ карточекъ и рогъ рыбы который я отъ Государыни получилъ, для храненія въ кунсткаморѣ и репортъ Г. Чичерина къ Государынѣ объ ономъ рогѣ. Я думаю что Государыня недѣли чресъ двѣ въ походъ отправится изволитъ. Я буду имѣть честь

---

*) *Субботинъ*, словолитный академическій подмастерье, обучался на счетъ Академіи у словолитчика Брейткопфа въ Лейпцигѣ, и, по возвращеніи въ Петербургъ, былъ мастеромъ въ Академической типографіи. 24-го апрѣля 1767 г., въ журналѣ академической коммисіи о немъ записано: «По представленію Генсіуса и Брейткопфа о непорядочныхъ поступкахъ Субботина послать къ нему Субботину ордеръ съ крѣпкимъ репримантомъ, а о порученіи ево Субботина, въ полную власть оному Брейткопфу послать какъ къ нему, такъ и къ Генсіусу письма».

въ Ея свитѣ быть. Какимъ образомъ ко мнѣ письма пересылать я на будущей почтѣ васъ увѣдомлю. Наказъ отъ Миллера я получилъ который я на будущей почтѣ и мыслы мои объ ономъ и коичто съ моей стороны въ рассужденіи наказа какъ скоро мнѣ можно будетъ на рассужденіе ваше сообщу. Мнѣ кажется что и Вы съ своей стороны во время отсудствія моего думали объ наказѣ.

„Пожалуйте постарайтесь получить учрежденіи лутчихъ школъ и лутчихъ университетовъ и выписать оныя какъ скоро можно будетъ на мой щетъ. Я слава Богу здоровъ чего и Вамъ всѣмъ желаю и радуюсь услышать отъ Яковъ Яковлевича, что Г. старшему Профессору Ейлеру лѣгче передъ прежнемъ. Въ прочемъ есмь

„Государи мои
„вашъ покорный слуга
Г: В: Орловъ.

Въ Москвѣ
Апрѣля 16-го дня
1767 году.

„П. С. Отъ чужестранного ученнаго письмо къ обществу и къ покойнику профессору Леманну при семъ посылаю въ особливомъ кувертѣ. Да еще ко мнѣ присланно маленкое сочиненіе которое также до экономическаго общества принадлежитъ только автора самъ не знаю. Тѣ письма, которыя изъ чужово Государства пришли были между Государыними письмами и съ прочими не нарочно роспечатаны были. При семъ же на рассужденіе академіи сообщаю письмо полученное мною изъ Мангейма“ *).

---

*) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ 1767 г.)

„Любезные Товарищи всѣмъ вамъ отъ искренняго сердца здравія и благополучія желаю.

„Я думаю что Адмиралтейская коллегія уже именное Ея Императорскаго Величества повелѣніе объ отсылкѣ двенадцати морскихъ Офицеровъ въ коммиссію получила, ежели же еще не получила, то скоро получитъ. И такъ когда они пришлются, прошу ихъ принять, и ученіе ихъ съ господиномъ Румовскимъ *) распорядить, какъ вы за благоразсудите. О всемъ прочемъ, о чемъ вы ко мнѣ писали въ разсужденіи експедицій я докладывалъ Государынѣ, и уже именное повеленіе воспослѣдовало во всѣ тѣ мѣста, куда надлежитъ. При семъ именное Ея Величества повеленіе вамъ сообщаю чтобъ изъ васъ господа Котельниковъ, Румовской, и старшей Ейлеръ съ сыномъ своимъ разсмотрѣли приложенное при семъ дѣло, а особливо Государыня мнѣ изволила приказать оное препоручить въ разсмотреніе старшаго Профессора Ейлера. Для объясненія какимъ образомъ сіе дѣло происходило копію съ писма отъ Господина Губернатора Брауна, указъ къ нему, и въ коллегію Адмиралтейства, отвѣтъ Адмиралтейскія коллегіи, мнѣніе оныя собственное при дѣлѣ подъ именемъ Kurzer Bericht прилагаю. Государыни соизволеніе чтобъ вы мнѣніе Петра Азберга, разсужденіе Адмиралтейскія коллегіи объ ономъ и Ея собственное мнѣніе, которое на концѣ увидите, разсмотрели, и сказали точныя свои мысли каково Азберга мнѣніе, каково разсуж-

*) *Румовскій, Степанъ Яковлевичъ*, Академикъ по астрономіи. Былъ Вице-Президентомъ Академіи съ 3-го ноября 1800 г. по іюнь 1803 г.

деніе Адмиралтейскія коллегіи объ ономъ, каково на конецъ и Ея собственное мнѣніе, да и не знаете ли вы сами лучшаго способа представить къ достиженію сего намѣренія. Я надѣюсь что вы какъ скоро можете не смотря на все происхожденіе дѣла безо всякаго пристрастія ко мнѣ свое мнѣніе пришлите, а Государынѣ угодно чемъ скорѣе, тѣмъ лучше, только ничего не пропустя о всемъ томъ о чемъ я васъ спрашивалъ. Писалъ я къ вамъ, и обѣщалъ сообщить какимъ образомъ ко мнѣ писма пересылать; вы извольте оныя сюда въ Москву по прежнему на мое имя надписывать, а отсюда конечно до меня, гдѣ бъ я ни былъ дойдутъ. Государыня отсюда въ будущую середу поѣхать изволитъ, прощайте государи мои!

„вашъ покорный и послушный слуга

„Г: Володимеръ Орловъ.

Изъ Москвы
1767 г. Апрѣля 19-го.

„Господину Гмелину *) прошу отъ меня поклониться и поздравить его щастливымъ прибытіемъ, что жь до дома касается для него, гдѣ бъ ему жить, оное отдаю ня ваше разсужденіе, не можно-ли уже Лемановой женѣ выѣхать или сыскать дешевою цѣною квартиру для Брауна, какъ вы знаете лучше, такъ и дѣлайте я о семъ съ вами нѣсколько передъ отъѣздомъ помнится гово-

---

*) *Гмелинъ* (Gmelin), *Самуилъ-Готлибъ*, Профессоръ ботаники, приглашенъ въ Академію въ 1767 г. Умеръ въ Дербентѣ 27 іюня 1774 года въ плѣну у Усмей-Хана. Самуилъ Гмелинъ приходился племянникомъ Академику Іоганну-Георгу Гмелину, написавшему извѣстное ботаническое сочиненіе, подъ названіемъ: «Flora Sibirica».

рилъ, что же касается до Цейгера, то его требованія не такъ велики, чтобъ на оныя не согласиться, ежели вы со мною согласны, тогда прошу объ ономъ Цейгера увѣдомить, ежели же будете не согласны, то не писавъ къ нему ничего меня увѣдомите" *).

«Получено Апрѣля, 28-го дня (1767)».

Слѣдующее письмо относится къ академическому регламенту, который предполагалось поднести для Высочайшаго утвержденія:

„Любезные Товарищи всѣмъ вамъ отъ искренняго сердца здравія и благополучія желаю.

„Посылаю къ вамъ сочиненіе Господина Совѣтника Миллера, писанное имъ въ наказъ для депутата **), я

*) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ 1767 г.)

**) Въ Коммисію для сочиненія проекта Новаго Уложенія былъ назначенъ депутатомъ отъ Академіи Академикъ Герардъ Фридрихъ Мюллеръ. Онъ долженъ былъ руководствоваться инструкціею, подписанною всѣми Академиками и переданною въ Коммисію Графомъ Владиміромъ Григорьевичемъ Орловымъ. По 1-му пункту этой инструкціи депутату вмѣняется въ обязанность прежде всего заботиться о нуждахъ науки и о всемъ томъ, что можетъ содѣйствовать ея процвѣтанію; съ этой цѣлью въ § 2 предписывается ему домогаться утвержденія новаго регламента Академіи. Въ § 3 говорится о необходимости учрежденія высшихъ и низшихъ школъ и университетовъ. Въ § 4 объясняется вредъ, происходящій отъ наплыва учителей иностранцевъ, законъ объ испытаніи познаній которыхъ въ Академіи или въ Московскомъ Университетѣ давно уже утратилъ всякую силу. Въ § 15 Академія ходатайствуетъ о недозволеніи перепечатывать то, что уже разъ напечатано или переведено въ другомъ мѣстѣ, такъ

оное читалъ прилежно, и по моему мнѣнію ничего въ немъ ненахожу, чтобы Академія сочиняя свой Наказъ могла отътуду заимствовать. Въ началѣ пишетъ онъ о учрежденіи Академіи, гдѣ я много такого нашелъ, что вовсе основаніямъ сочиняемаго вами регламента противно, да сверхъ того сочинивъ мы Академическій регламентъ должны поднести для Высочайшаго подтвержденія Ея Величеству, а не Комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія. По симъ причинамъ видите вы что все сказанное имъ о учрежденіи Академіи въ наказъ депутату внесено быть не надлежитъ.

„Потомъ разсуждаетъ Господинъ Миллеръ о учрежденіи университетовъ и разныхъ училищъ, хотя и есть тутъ много, что мнѣ понравилось, однако сіе сочиненіе не такъ хорошо и во всемъ совершенно, чтобъ оное можно было подать Коммиссіи на разсмотреніе, вы сами знаете, что отъ хорошихъ учрежденій распространеніе наукъ въ Государствѣ зависитъ, когда-жъ оныя въ чемъ нибудь будутъ несовершенны и недостаточны, то и большихъ успѣховъ не можно надѣятся, съ такимъ сочиненіемъ снашей стороны спешить не надобно, но надлежитъ оное писать съ зрѣлымъ разсужденіемъ, потому

какъ отъ этого терпятъ вредъ издатели, авторы и вообще книжная торговля. Въ § 6 предлагается учрежденіе цензуры для всѣхъ книгъ, выходящихъ изъ частныхъ типографій. Въ § 7 заявляется просьба Академіи объ освобожденіи домовъ, принадлежащихъ лицамъ, находящимся на службѣ въ Академіи, отъ постойной повинности и о замѣнѣ ея денежнымъ взносомъ. Наконецъ, въ § 8 выражается желаніе, чтобы ученымъ, учителямъ и учащимся предоставлены были хотя тѣ преимущества и льготы, какія существуютъ въ особыхъ законоположеніяхъ.

что оное будетъ касатся до пользы всего общества, и такъ, кажется мнѣ, надобно къ оному приступить симъ образомъ, собрать сперва всѣ лучшія учрежденія въ Европѣ знатнѣйшихъ гимназій и университетовъ, читать оныя, сравнивать между собою, и смотрѣть что вразсужденіи положенія и обыкновеній нашего Государства полезно, или неполезно, однимъ словомъ надобно при сочиненіи сего быть чрезвычайно осторожнымъ, и по обширности сего дѣла сколько бы ни разсуждать и говорить то все еще не довольно кажется къ изобрѣтенію способовъ, какъ бы наилучше у насъ въ Россіи университетамъ и школамъ здѣлать учрежденіе. Слѣдовательно и поданіемъ сего разсужденія Коммиссіи чрезъ депутата спѣшить причины неимѣемъ, тѣмъ болѣе, что какъ надѣюсь, хотя бы мы и по прошествіи года подали все еще благовременно подадимъ Комиссіи. При семъ къ сочиненію наказа посылаю вамъ мои мысли и отдаю оныя на ваше разсмотрѣніе, когда что нибудь вамъ непонравится, то будьте увѣрены, что мнѣ весьма будетъ пріятно, естьли вы прописавъ причину меня о томъ увѣдомите. Когда наказъ для депутата сочинится, то прошу оный оставя мѣсто для меня, купно съ полномочіемъ депутатскимъ подписанными вамъ переслать, я было сперва иное мнѣніе о судѣ и разправѣ вкратцѣ также думалъ положить между другими разсужденіями пристойными въ наказъ, но увидя что оное болѣе до учрежденій самыхъ нежели до наказа принадлежитъ, выпустилъ оное, однако для любопытства вашего сіе мое мнѣніе о судѣ къ вамъ посылаю на особливой бумажкѣ, и какъ оная матерія немаловажна то прошу васъ думая заблаговременно объ учрежденіи училищъ и объ етой непозабыть. Ежели бы вы постарались поскорея выпи-

сать всѣхъ лучшихъ училищъ учрежденіи печатныя и писменныя хотябъ они и нѣсколько сотъ стоили, оныя прилежно прочитывали, и сравнивая между собою выбирали особливо то, что въ разсужденіи нашего Государства полезно вамъ показалось, присовокупляя свои собственныя къ оному разсужденія, тобъ прежде моего пріѣзда къ вамъ могли бы вы нѣсколько матеріаловъ для учрежденія училищъ заготовить. Не сочтите чтобъ я хотѣлъ чтобъ вы все свое время на сіе употребляли, но напротивъ того желаю что всѣ начатыя вами работы порядочно продолжались, а толкобъ оставшѣе время отъ оныхъ или оставя самыя неважныя работы, которыя безъ всякой потери для насъ и впередъ совершится могутъ, употреблено было. Отъ профессора Гмелина получилъ я писмо, онъ пишетъ нашъ малъ ботанической садъ и что очинь нужно прикупить продающіяся мѣста по сторонамъ онаго, да еще о поправкахъ которыя тамъ здѣлать надлежитъ и о квартире, объ о всемъ ономъ вы можете снимъ самимъ обстоятельнѣе переговорить, и такъ ежели нужно мѣста прикупить, то я на оное согласенъ, въ етомъ потери большой не будетъ хотя мы оное послѣ и продать принуждены будимъ. Однако всѣ сіе на ваше собственное разсмотрѣніе отдаю. Господамъ Профессорамъ Ейлерамъ прошу объявить что по желанію ихъ Господинъ Ейлеръ артиллерійской офицеръ можетъ въ одной изъ будущихъ Експедицій употребленъ быть, на что Ея Величества соизволеніе имѣю честь вамъ сообщить и о чемъ отъ брата Г: Григорича въ артиллерію скоро сообщено будетъ; я на прошедчей почте къ вамъ писалъ о нѣкоторомъ дѣлѣ которое при семъ прилагаю, прошу только непрогневатся что позабылъ внадлѣжащѣе время переслать, вмѣсто 12 офицеровъ морскихъ, по-

лучите вы 24, на что соизволеніе Ея Величества было, и хотя они всѣ отъ Академіи употреблены небудутъ, однако черезъ сниcканіе знанія въ Астрономіи способнѣе въ морской службѣ будутъ; реестръ книгамъ посылаю и прошу отписать всѣли они годятся для молодыхъ людей въ артилерійскомъ Онженерномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ учащихся? Писмо ко мнѣ отъ Его Сіятельства Князь Александра Алексеича Вяземскаго и екстрактъ учиненный изъ протокола въ Сенатъ присемъ посылаю и прошу оной въ Економическое Общество отъослать; сіе письмо я началъ писать третьяго дня и думалъ что могу помянутыя мысли для наказу сегодня переслать, только для нѣкоторыхъ причинъ принужденъ до будущей почты оставить. Впрочемъ есмь

„вашъ покорный слуга

„Г: В: Орловъ" *).

23-го Апрѣля 1767 года.
«Получено 1-го Маія 1767».

„Государи мои

„Что я на прошедшей почтѣ обѣщалъ, теперь исполняю, пересылая къ вамъ нѣкоторые пункты въ инструкцію депутата. Репортъ вашъ послѣдній отъ 16-го апрѣля получилъ. Проэктъ Лейбницовъ **) уже у меня въ рукахъ

---

*) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ 1767 г.)

**) «Проэктъ Лейбница о наукахъ въ Россійскомъ Государствѣ. Переведено въ Гривсвальдѣ. Сентября 9 г. 1712». Записка эта представлена была Петру Великому въ Грейфсвальдѣ барономъ Шлейницемъ; она находится въ настоящее время въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Въ этой запискѣ Лейбницъ совѣтуетъ Царю поспѣшить устройствомъ учебнаго

и какъ мнѣ никакой нужды въ немъ не будетъ: то я обратно къ вамъ оный перешлю. Я недавно къ вамъ писалъ, что Государыня намѣрена была въ прошедшую середу т. е. вчерасъ отсюда въ походъ отправиться: но въ рассужденіи дурново времени еще изволитъ можетъ быть, пробыть до будущего вторника. Іванъ Івановичъ Таубертъ просилъ меня о увоженіи его на нѣсколько недѣль для здоровія его въ деревню съ тѣмъ, чтобы по библіотекѣ и кунсткаморѣ никакой остановки теченія дѣлъ чресъ его отсутствіе не произошло, на что я и согласенъ.

„Въ прочемъ желая вамъ всѣмъ здравія и благополучія есмь

„Государи мои
„вашъ покорный слуга
„Графъ Володимеръ Орловъ.

Въ Москвѣ
Апрѣля 26-го дня
1767 году.

„P. S. Братъ приказалъ кланятся Степану Яковлевичу, Семену Кирилловичу и всѣмъ прочимъ Господамъ Членамъ Коммиссіи.

дѣла, такъ какъ время всего дороже, и поручить исполненіе его одному лицу — «ибо городъ, построенный съ одного раза, красивѣе того, который выстроивался понемногу въ разные пріемы». Для этого, прибавляетъ Лейбницъ, необходимо составить хорошо обдуманный планъ и позаботиться о средствахъ къ его исполненію, т. е. о лицахъ, пособіяхъ, уставахъ и издержкахъ. Ограничившись краткими замѣчаніями относительно всѣхъ этихъ предметовъ, Лейбницъ указываетъ на Москву, Астрахань, Кіевъ и Петербургъ, какъ на тѣ города, въ которыхъ по преимуществу слѣдовало бы учредить университеты, академіи и школы (См. Герье, Сборникъ писемъ и меморіаловъ Лейбница, относящихся къ Россіи и Петру Великому, 1873 г.).

„Указы полученніе отъ Александра Александровича для свѣденія въ Коммиссію при семъ посылаю“ *).

„Любезные Товарищи Всѣмъ Вамъ отъ іскренняго сердца здравія желаю.

„Письмо отъ Степана Яковлича я получилъ репортъ при немъ, да еще репортъ в Москвѣ, за неимѣніемъ времени не могу теперя на оный отвѣтствовать порядочно во всѣмъ, карту хорошу здѣланную о проходѣ Венуса еще не имѣлъ случая показать Государынѣ; Крафта **) Вы можитѣ принять въ Академію, на какомъ основаніи, отдаю на общѣе Ваше разсмотреніе, Вы можитѣ содержаніе его лучше нежели я въ отсудствіи опредѣлить, отъ Господина Паласа полученное мною письмо посылаю къ Вамъ, ежели Вы уже вызовъ здѣлали Гертнеру по письму моему, то невзирая на то принять Паласа, мы уже наидемъ всѣмъ имъ упражненія ежели Гертнера еще не вызывали, то спрашивая Васъ, ежели очинь искусной человѣкъ то отпишите комнѣ, ежели же не очинь іскусной, то можно вызовѣ его оставить потому что Паласъ едитъ, на тѣхъ же кондиціяхъ какъ мы его сперва вызывали; хотя сіе всѣ противъ регламента, въ етомъ прошу на меня положится что мы чрезъ сіе не проступимся. Прощайте Государи мои, прошу отменя прочимъ Академикамъ поклонится я къ Вамъ на прошедшей почтѣ писалъ чтобы письма ко мнѣ отъ Васъ

*) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ 1767 г.)

**) *Крафтъ* (Wolffgang-Ludwig Krafft), *Логинъ Юрьевичъ*, Адъюнктъ, впослѣдствіи Профессоръ экспериментальной физики. Вступилъ въ Академію въ 1767 году.

просто въ Москву пересланы были какъ и прежде а они уже до меня дойдутъ, мы нынче изъ Твери вся Ея свита съ Ея Величествомъ поедимъ по Волгѣ.

„Вашъ покорный слуга
„Г: В: Орловъ“ *).

Тверь
1767 г. Маія 2-го дня.
«Получено Маія 11-го дня (1767)».

„Любезные Товарищи Всѣмъ Вамъ отъ іскреннего сердца всякого благополучія желаю.

„Степанъ Яковличь карту здѣланную я подносилъ Ея Величеству, и сколько умѣлъ ізяснить, то здѣлалъ, она меня уже в Твери застала, и Государыня сею картою была довольна, и по возвращеніи въ Москву прикажитъ себѣ оную Господину Епинусу подробнѣе изъяснить. О шести офицерахъ или штурманахъ сверьхъ 12 повѣленіе уже дано, которое можетъ быть Вамъ уже ізвѣстно, и я просилъ Івана Григор. Чернышева чрезъ котораго сіе повѣленіе шло, чтобы онъ приказалъ постаратся способнѣйшихъ къ сему намеренію выбрать. О молодомъ Крафтѣ и Паласѣ я къ Вамъ передъ симъ писалъ и я радъ что Палласъ едитъ, что касается до сада то я прежде моего приезда назадъ в Москву ничего объ предпринять не могу, а тогда посмотрю не можно ли что нибудь вразсужденіи сего впользу нашу здѣлать. Господину Тауберту отпишу что когда Господинъ Палласъ приедитъ, тогда по силѣ контракта отдать ему Кабинетъ НатуральнойІсторіи въ ево смотрѣніе, всѣ прочее Вами здѣланное которое

*) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ 1767 г.)

я изъ репорта Вашего отъ 26 Апрѣля видѣлъ, я онымъ доволенъ, Степанъ Яковличь Вы писали ко мнѣ только объ офицерахъ, развѣ Інструментовъ и другихъ вещей никакихъ ненадобно, хотя по желанію нашему еще 6 человѣкъ болѣе прежняго для наблюденія и прибавилось; ежели Вы о Гертнерѣ свѣдаетѣ что онъ очень искусной человѣкъ въ Исторіи Натуральной, и что не скоро такого искуснаго человѣка достать можно, втакомъ случае ежели вы знаете что онъ согласится къ намъ выехать прошу меня объ ономъ уведомить и притомъ свои мысли сказать. Прощайтѣ любезные Товарищи.

„Вамъ покорный слуга

„Г: В: Орловъ.

7-го Мая въ 50 верстъ
отъ Углича.

„Мы плывемъ по Волгѣ уже пятой дѣнь всѣ слава Богу здорово и весело, народъ Государыню съ неописанною радостію встречаетъ вездѣ гдѣ не увидитъ, и Ея Величество слава Богу здорова и очинь весела*).

«Маія 21-го д. 1767».

„Любезные Товарищи, Всѣмъ Вамъ отъ іскреннаго сердца здравія и благополучія желаю.

„Вразсужденіи того что Господину Крафту малое жалованье отъ насъ опредѣляется, то можно ему на дорогу денегъ дать, и ето другимъ закономъ служить не будетъ, потому что мы оное по нашей собственной воли и разсмотренію делаемъ. И такъ ізвольте переслать ему, сколько Господину Палласу съ начала поло-

---

*) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ, 1767 г.)

жено было на дорогу переслать, мнѣ кажется 200 руб. было определено, естьли же Вы найдете что эти или много или мало то и оное на Вашу волю оставляю, Вы объ ономъ точнее моего судить можете.

„Прочіе же письма Ваши о мнѣніи Господина Асберга какъ отъ Васъ такъ и отъ Господина Профессора Эйлера и сына его получилъ благодарствую Всѣмъ Вамъ за скорый отвѣтъ. О Господинѣ Волфѣ изъ Берлина я не имѣю никакого извѣстія. Степанъ Яковличь Вы пишете ко мнѣ о порутчикѣ Істленьевѣ, теперя мнѣ ничего объ ономъ вразсужденіи отдаленія предпринять нельзя, а уверьте его чтобъ онъ не безпокоился и что я какъ скоро въ Москву приеду то конечно о жалованья откуда ему получить его, не позабуду, а теперя, онъ можетъ столько сколько ему на треть слѣдуетъ чтобъ не претерпеть недостатка, получить отъ Івана Автамоныча Фурсова, а я къ нему объ ономъ отпишу.

„Еще одну мысль на разсмотреніе Ваше посылаю, не годится ли она въ наказъ? число ученыхъ, учащихъ и учащихся наипаче по заведеніи вновь училищъ въ Россіи будетъ нарочито велико, чего для несоблаговолитъ ли Комисія уложенія упомянуть объ нихъ въ проектѣ уложенія особо, гдѣ бы о выгодахъ и преимуществахъ ихъ такимъ образомъ было сказано, чтобъ они во всѣмъ Государынѣ всегда пользовалисъ безъ наималейщего опасенія всѣмъ тѣмъ, что имъ Императорскою Милостію пожаловано какъ до сего времени, такъ и впредь еще чемъ Монаршія щедрость, оныхъ снабдить и наградить соблаговолятъ. Я надѣюсъ что черезъ мѣсяцъ или по крайней мѣрѣ черезъ полтара конечно пришлете Вы наказу для подписанія, дабы его во время еще подать

можно было, и такъ пожалуйте не опоздаите: мы по милости Государыниной до ехали до Казани, дорога была для всѣхъ очинь весела и для Ея Величества Самой, много видѣлъ хорошаго а здѣся пробывъ, я надѣюсь, дни 3, поедимъ водою до Синбирска, 180 верстъ отъ сюда, а оттуда Государыня сухимъ путемъ изволитъ назадъ въ Москву шествовать, а я поеду съ братомъ Григорьемъ Григоричемъ до Царицына, и надѣемся возвратится въ Москву недѣли черезъ 4 или 5. Время стоитъ почти во всю дорогу очинь хорошо, а особливо теперя; прощайте товарищи.

„Вашъ искренніи и покорный слуга

„Г: В. Орловъ“ *).

29-го Маія 1767 года
изъ Казани.

«Получено Іюня 10-го дня и читано (1767)».

„Любезные Товарищи, Всѣмъ Вамъ отъ іскреннего сердца здравія и благополучія желаю.

„Якову Яковличу благодарствую за увѣдомленіе меня объ учоныхъ дѣлахъ, и прошу оное отъ времени до времени и впередъ продолжать. Присланное о календаряхъ я разсматривалъ, и что мнѣ кажется на теперичныя времена вразсужденіи малаго числа охотниковъ рано выдавать, то я крестиками отмѣтилъ. Впрочемъ же я такимъ раздѣленіемъ доволенъ, однако и самое это отдаю на Вашу волю, естьли Вы за нужное найдете и изъ отмеченныхъ напечатать по нѣскольку. Объ молодомъ человѣкѣ прошу Васъ освѣдомится, о томъ которого Господинъ Маргрфъ такъ одобреннымъ отъ своего приятеля

*) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ 1767 г.)

видить, хочитъ ли онъ въ Академію нашу ехать и на какихъ кондиціяхъ и естьли онъ таковъ какъ намъ его описываютъ то приобретеніе такого достоинаго человѣка для Академіи очинь полезно бы было, вразсужденіи Фогеля я ничего до моего приезда къ Вамъ предпринять не могу, также и о ботаническомъ садѣ до возвращенія въ Москву не могу ничего начать, прочіе же учрежденіи всѣ мнѣ были милы слышать да только ето ізвѣстіе непонравилось что много травъ погибло; о Інструментахъ Вы пишете что денегъ опредѣленныхъ 5000 на оныя недовольно, то прошу меня увѣдомить сколько имянно прибавить еще, чтобъ всѣ назначенныя Эспедиціи оными безъ недостатка пользоватся могли; Степанъ Яковличь пишете Вы ко мнѣ, что Васъ просятъ обучить молодыхъ, естьли какъ Вы сами говорите въ Вашемъ письмѣ, всѣ дѣла до Академіи касающіяся наложенныя на Васъ безъ упущенія исправлять можете, то я на оное согласенъ и Вы можете начинать учить. Мы съ часъ какъ поѣхали изъ Казани до Синбирска водою все слава Богу здоровы, а отъ туда Ея Величество изволитъ возвратится сухимъ путемъ въ Москву. Коли погода будетъ благополучна то дни въ дти (?) придемъ въ Синбирскъ. Прощаите любезные товарищи.

„Вашъ покорный слуга
„Г: В: Орловъ“ *).

Недалеко отъ устья
Казанки 1767 года
1-го Іюня.

(„Въ учрежденную при Імператорской Академіи Наукъ Комиссію.

Въ С.-Петербургѣ“.)

«Получено 14-го Іюня 1767»

---

*) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ 1767 г.)

„Въ учрежденную при Академіи Наукъ Коммисію.

„Любезные Товарищи, Всѣмъ Вамъ отъ искренняго сердца здравія и всякаго благополучія желаю. Положили Вы принять рисовальнаго мастера Бецольда. Очень хорошо. Я то же думаю. Здѣлайте съ нимъ договоръ на годъ. Естьли же онъ требовать будетъ и на два года, то естьли для него по вашему усмотренію довольно будетъ работы, можете и на то склониться съ установленнымъ Вами ему жалованьемъ. Я очень радъ, что Господинъ Профессоръ Вольфъ *) приѣхалъ, и думаю, что онъ уже и въ должность свою вступилъ. Бывшій при академіи рисовальный мастеръ Люрсеніусъ, какъ я чрезъ Господина Профессора молодаго Ейлера увѣдомился, находится тамъ въ С.-Петербургѣ въ самомъ жалостномъ состояніи, и неимѣетъ чемъ въ Дерптъ съѣхать. Онъ, сказываютъ, говоритъ, что между прочими его прозьбами была и та, чтобъ ему дать въ награжденіе сто рублей, которую я исполнить обѣщалъ ему. Теперь я припомнить сего немогу. Однакожъ дайте ему сто рублей и до приѣзда моего въ С.-Петербургъ назадъ съ него ихъ нетребуйте. Приѣхавши я съ Вами разсмотрю, пожаловать ли ихъ ему вовсе, или взять обратно.

„Въ прочемъ есмь Вашъ покорный слуга

„Г: В: Орловъ.

Симбирскъ
1767 года Іюня 5 дня.

„Естьли Вы ко мнѣ о чемъ писать будете, и не полу-

---

*) *Вольфъ*, *Каспаръ-Фридрихъ*, Академикъ по части анатоміи и физіологіи, съ 1-го іюня 1767 года. Род. въ Берлинѣ.

чите скораго на то отвѣта, то не погнѣвайтеся, я завтре отсюда ѣду въ Саратовъ, а оттуда приѣхавши обратно въ Москву, тотъ часъ къ Вамъ писать стану" *).

«Получено 18-го Іюня (1767)».

„Любезные Товарищи, Всѣмъ Вамъ отъ искреннаго сердца здравія и благополучія желаю. Изъ репорта Іюня 14-го дня, виделъ, что Вы Штурманнамъ и Подъштурманнамъ поблизости наняли квартиры, и что Вы Магистеру Крафту сто рублей на дорогу переслать положили. И то и другое хорошо, также и прочее что вы о штурманнахъ и студентовъ Иноходцовѣ, Юдинѣ и Переводчикѣ Поленовѣ въ томъ же репортѣ сообщили мнѣ непротивно.

„По репорту 18-го Іюня я Ея Величеству докладывалъ и уже указъ о требуемыхъ денгахъ подъписанъ, который и пошлется скоро въ Солянную Кантору. Чтожъ касается до того, что Вы меня просите напомянуть при докладѣ и о томъ чтобъ оные денги серебренною монетою отпущены были: то я сію малость почелъ лучше оставить для благопристойности, слѣдовательно и въ теперичномъ указѣ не изображенно, какими денгами Солянная кантора отпустить должна; потому надобно принять будетъ такъ какъ прежде медными.

Карта **) что Гдномъ Статскимъ Совѣтникомъ Штелиномъ предложена предъставляющая соединеніе Аме-

---

*) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ 1767 г.)

**) Въ книжномъ складѣ Академіи сохранилась гравированная мѣдная доска, изображающая карту сѣверовосточной Сибири,

рики съ Камчаткою, ежели Вы находите за полезное оную такъ издать какъ она есть, то я на оное согласенъ. Чтоже касается до изходательства оныя извѣстіи къ дополненію сей карти находящихся у Ея Величества: то я онаго для нѣкоторыхъ причинъ теперь изполнить не могу, такъ какъ и того чтобы дозволено было на напечатанныя при академіи книги класть штемпелъ и чтобъ никто оныхъ безъ штемпеля подъ опасеніемъ штрафа не покупалъ ни продавалъ. Обо всемъ ономъ обстоятельнѣе переговорю увидившись съ вами.

„Въ прочемъ есмь

„Любезные Товарищи вашъ покорный слуга

„Г: В: Орловъ.

Въ Москвѣ
Іюля 19-го дня
1767 году.

„П. С. Я приѣхалъ сюда 13 Іюля въ вечеру все слава Богу здоровъ.

„Яковъ Яковлевичъ пиши ко мнѣ о напечатаніи третеи части Флори Сибирской *). Хотя и мѣдленно по-

---

безъ подписей и заглавія и безъ названій мѣстностей. Но объ этой ли картѣ идетъ рѣчь, — рѣшить трудно. Академикъ Штелинъ, какъ сказано выше, завѣдывалъ академическими граверами.

*) «*Flora Sibirica*, *sive* historia plantarum Sibiriae. IV Tomi. 1747—1769 4°». Знаменитый ботаническій трудъ Академика Іоганна-Георга Гмелина, заключающій въ себѣ описаніе 1178 растеній съ приложеніемъ 700 гравированныхъ рисунковъ. Въ немъ въ первый разъ опредѣлено и изображено чрезвычайное, для тогдашняго времени, множество растеній. Линней говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ (1774 г.), что Гмелинъ одинъ открылъ

идетъ съ етою частію, однако все скорѣе, нежели когда совсемъ не начинать: такъ ежели Вы на оное согласны то я тоже. Я писалъ къ Вамъ и просилъ освѣдомится, сколько силенъ въ своей наукѣ Гертнеръ, котораго Вы на мѣсто Палласса сперва вызвать намѣрены были. Есть ли онъ оченъ знающіи или ученъ: то спрашивалъ я Васъ, не полезноли будетъ и его сюда вызвать, потому что такіе люди не всегда встречаются, а затрудненія которыя съ стороны регламента произойти могли бы въ рассужденіи сего, етому помочь я бралъ на себя. Да писалъ я еще къ вамъ, чтобъ вы въ самое въ тоже время когда къ Крамеру письмо послали и къ тому шведу отписали, которого знаніе въ химіи Г. Марьграфъ очень похваляетъ, имѣетъ ли онъ охоту въ Россію ѣхать и на какомъ основаніи. На то и на другое я никакого отвѣту не получилъ.

„Механикъ Штегманнъ, о которомъ ко мнѣ Яковъ Яковльевичъ пишетъ, будто его искуство и Г. Ейлеру извѣстно, потому что намъ механикъ нуженъ есть ли онъ таковъ, то я согласенъ его вызвать сюда. Мѣсто о которомъ проситъ Г. Профессоръ Гмелинъ, чтобъ ево достать для увеличенія Ботаническаго саду, прошу мѣня увѣдомить, кому оно точно принадлѣжитъ монастырское ли оно или архіерейское.

столько растеній, сколько другіе ботаники открыли ихъ вмѣстѣ; но Линней еще далеко не видалъ всѣхъ растеній Гмелина. III-я часть Сибирской Флоры, равно какъ и IV-я напечатаны уже по смерти автора, по рукописямъ, пріобрѣтеннымъ у вдовы его. III-я часть вышла въ свѣтъ въ 1768 году, и о ней-то упоминается въ письмѣ Графа Владиміра Григорьевича Орлова отъ 19-го іюня 1767 г.

„Ежели мѣсто, о которомъ пишетъ Яковъ Яковльевичъ и о которомъ его Госпожа Малтиса просила, чтобы здѣлать его способнымъ для игранія и гулянія дѣтямъ, наше: то я на оное согласенъ и пусть ево просто отъгородять къ етому употребленію. Естьли есть Лексиконъ Енциклопедикъ целыи въ продажѣ ни дла кого не выписанъ, такой прошу за настоящую цѣну отъдать Івану Автамоновичу Фурзову.

„Я слышелъ что квадрантовъ къ будущему году не болѣе трехъ поспѣетъ не то такъ позно что опасаться можно что оныя егдва могутъли прибыть тоюже осеню въ Петербургъ прошу меня увѣдомить какія мѣри принять въ етакомъ случаѣ.

„Я на число календареи, которые будутъ напечататся согласенъ, только прошу титули по приложенному здѣсь примѣру перемѣнить“ *).

«Получено 25-го Іюня (1767)».

„Любезные Товарищи. Всѣмъ Вамъ отъ искреннаго сердца здравія и благополучія желаю. Въ одномъ репортѣ писано ко мнѣ было, чтобъ представленіе Секретаря Гурьева о изобретеніи способовъ къ пресѣченію расхищенія книгъ найдено удобнымъ; что принадлежитъ до решетокъ, которыя Вамъ понравились; ежели она только въ самой работѣ чресъ убавленія свѣта мѣдленности не произведутъ, то пусть ихъ дѣлаютъ. Въ рассужденіи же караула который какъ я примѣтилъ долженъ большую строгость употреблять: то оное прошу или совсемъ оставить или хотя и приставить караулъ, но только бы большой стргости не употреблять. Письмо отъ Івана

*) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ 1767 г.)

Гавриловича Резанова посылаю къ Вамъ и мой отвѣтъ къ нему на оное. Прежде я оное переслать позабылъ. Съ письма же приложеннаго здѣсъ отъ книгопродавца Саратовскаго Шулца увидите сколько календарей туда на нынѣшній годъ переслать надобно будетъ. Нѣкто Кохманнъ жалуется мнѣ на исключеніе сына его съ нашего училища: справедливо оно здѣлано или нѣтъ, я онаго здѣсь разобрать не могу и потому письмо его къ Вамъ посылаю.

„Въ прочемъ пребуду съ искреннемъ почтеніемъ

„Любезные Товарищи

„Вашъ покорный слуга

„Г: Володимеръ Орловъ.

Въ Москвѣ
Іюля 23-го дня
1767 году.

„П. С. Секретарю Гурьеву прошу отъ меня поклонится и сказать что я его письмо Іюля отъ 2-го дня получилъ“ *).

„Любезные Товарищи Всѣмъ Вамъ отъ искреннаго сердца здравія и благополучія желаю.

„Сего часа получилъ я репортъ вашъ отъ 11-го Октября. Я съ Княземъ Александромъ Алексѣевичемъ поговорю о томъ, о чемъ Вы ко мнѣ въ ономъ писали. Предъ симъ писалъ я къ Вамъ о Гднѣ Малетѣ **), и

---

*) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ 1767 г.)

**) *Малле* (Jacques André Mallet) швейцарскій астрономъ, почетный членъ Академіи Наукъ, былъ вызванъ въ Россію для участія въ экспедиціи, отправленной для наблюденія прохожденія Венеры чрезъ дискъ солнца.

спрашивалъ Васъ о достойнствахъ его, котораго Г. Бернулли столъ много одобраетъ, что кажется хорошо бы было, ежели бы мы его къ себѣ вызвали. Теперичe же въ такихъ людяхъ намъ не безъ нужды, потому что едва на четыре експедиціи прямо искусныхъ людей изберется; такъ ежели Вы не имѣете какой нибудь причины вызовъ помянутаго Малета удержать, а какъ онъ проситъ нѣкоторыя объясненіи; то можно бы оное такимъ образомъ здѣлать: сказать ему, что онъ въ одно изъ назначенныхъ уже мѣстъ пошлется, и дать ему понятіе объ оныхъ: Я разумѣю здѣсь о Колѣ и около лежащихъ мѣстъ, объ Астрахани и о тѣхъ мѣстахъ, которые Вы съ начала всею Академіею положили: что ему Академія даетъ 800 руб. годоваго жалованія, что онъ не только посланъ будетъ для наблюденія Венеры, но и для другихъ географическихъ наблюденіи. Изъ его письма видно, что онъ хочетъ сюда ѣхать только на время. Можетъ быть Г. Эйлеръ объ такомъ наблюдателѣ Г. Бернулья только и просилъ. Полюбимъся мы ему, а онъ насъ, тогда можетъ быть и долѣе останется; и что онъ всѣ тѣ выгоды будетъ имѣть, какими посылающіеся профессоры пользоваться будутъ. На проѣздъ его сколько опредѣлите, оставляю на вашу волю: и то такъ же, что намѣренъ ѣхать, естьли Академія согласитъся, въ Гренвичь. Г. Лаландъ хотѣлъ намъ рекомендовать одного наблюдателя изъ Женевы, то не о етомъ ли же онъ думалъ. Естьли найдете въ рассужденіи сего какія нибудь затрудненія: то прошу еще не вызывая его, объ оныхъ меня увѣдомить, а когда согласитеся вызвать; то прошу мнѣ на передъ вызывательное письмо сюда сообщить.

„Въ протоколлѣ 3-го и 5-го Октября почитаетъся очень полезнымъ послать одну експедицію въ Камчатку или по крайней мѣрѣ въ Анадырскъ, и при нихъ знающіе естественную исторію: по письму же которое я теперь получилъ отъ Степана Яковльевича сіе наблюденіе не столь важно, да и сверхъ того съ великими затрудненіями сопряжено. Я и самъ думалъ, что теперь по короткости времяни ѣзда въ Камчатку или съ превеликими трудами или почти совсемъ исполниться не можетъ. Чтожъ касается до естественной исторіи, то великіе успѣхи можно здѣлать и съ большею пользою для Государства не забиваясь въ столь отдаленныя мѣста. У насъ много еще мѣстъ у насъ самихъ, требующіе пересмотренія. Степанъ Яковльевичъ пишетъ, что только назначенно шесть мѣстъ, а мнѣ помнитъся, что мы уже положили семъ, одно въ Колѣ а другое подле него, также и въ Соловецкомъ монастырѣ одно, а другое подлѣ него, подле Коли и Соловецкаго Монастыря выборъ мѣстъ положенно препоручить Гдамъ Профессорамъ по приѣзду ихъ туда: дабы чресъ ихъ стараніе наилучшія къ сему намѣренію выбраны были; еще въ Астрахани, въ Оренбургѣ помнитъся и въ Якуцкѣ. Естьли все сіе такъ то остается только опредѣлить одно мѣсто для 8-й експедиціи, о которомъ опредѣленіи я Васъ и предъ сихъ просилъ и теперь прошу. Тотъ студентъ, на котораго мы надежду полагали, сказано мнѣ, отъказывается ѣхать; хотѣлъ бы я знать, естьли можно, для чего. Степанъ Яковльевичъ писали Вы ко мнѣ объ одной одѣ, я прошу меня увѣдомить въ которой Годъ она здѣлана и кѣмъ. За письмо Ваше благодарствую: братъ Федоръ Григорьевичъ приказалъ васъ также благодарить: также и Якова Яковльевича благодарю

за письма. Я радъ очень что Шортъ насъ изъ заботы вывѣлъ.

„Препоручая себя въ всегдашную вашу любовъ есмь съ почтеніемъ

„Г: В: Орловъ.

Въ Москвѣ
Сентября 18-го дня
1767 году.

„П. С. Прошу меня увѣдомить о полученіи доклада. Посылаюже планъ полученнаго мною отъ Князя Александра Алексѣевича для библіотеки" *).

„Любезные Товарищи, всѣмъ Вамъ отъ искреннаго сердца здравія и благополучія желаю.

„Посылаю къ Вамъ большую тетрать писанную собственною Ея Імператорскаго Величества рукою. Прошу оную хранить до моего пріѣзду въ архивѣ, а тогда мнѣ объ оной вспомнуть. Ещеже посылаю мумію и два тела да одинъ рогъ изъ Сибири. Все сіе получено отъ Ея Величеству для храненія въ Кунстъкамерѣ.

„Писцовъ находящихся у Г: Миллера оставить какъ уже мною опредѣлено. Я въ нихъ болѣе надѣжды, какъ во всѣхъ другихъ писцахъ, быть переводчиками, не нашелъ.

Исправленнои Календаръ **) отъ Матфея Федоровича, посылаю.

---

*) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ 1767 г.)

**) Можно предполагать, что слова «Исправленный Календарь» относятся къ Адресъ-Календарю, который ежегодно издавался при Академіи.

„Писалъ я къ Вамъ въ одномъ моемъ письмѣ, чтобъ выписать мнѣ лексиконъ состоящій въ двухъ частяхъ французски съ нѣмецкомъ и нѣмецки съ французскимъ, да книгу Нейкастеля о лошадяхъ. Ежели Вы оные получили: то прошу мнѣ ихъ переслать съ приложеніемъ цѣны, а что они стоятъ, и денги за Правду Рускую, требовать отъ Івана Автамоновича Фурзова.

„Въ прочемъ остаюсь
„Любезные Товарищи
„вашъ покорный слуга
„Г: Володимеръ Орловъ.

Въ Москвѣ.
Сентября 18 дня
1767 году.

„П. С. Прошу меня увѣдомить сколько екземпляровъ атласа рѣки Волги ко мнѣ пересланно“ *).

„Любезные Товарищи. Всѣмъ Вамъ отъ Іскреннего сердца здравія и благополучія желаю.

„Прошу по приложенной запискѣ и формуляру отъ Вицеканцлера исполнить велѣть, а траву находящуюся въ обвертѣ а со всею осторожностію въ конференціи освидѣтельствовать, а потомъ въ дальное разсмотрѣніе или розъисканіе препоручить Господину Гмелину, и объ всѣмъ меня поскорея (ежели можно) обстоятельно писменно увѣдомить, я ее получилъ отъ Ея Величества для разъисканія онои, а она привезена изъ Сибиріи, 1. не совсѣмъ ли она та трава изъ которой сахаръ дѣлаютъ, или въ оной родъ только принадлежитъ, можноли изъ нее сахаръ получить и только въ разсужденіи той изъ которой обыкновенно дѣлается; я думаю въ послѣд-

---

*) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ 1767 г.)

немъ обстоятельствѣ можетъ Вамъ Господинъ Модель помочь. Еще же я посылаю къ Вамъ на Латынскомъ языкѣ то что къ Кирилу Григоричу писано, но потому что оно въ академіи принадлежитъ, какъ онъ мнѣ сказывалъ, то оное и отдалъ мнѣ для пересылки въ оною; я ізвѣстился что намѣреніе Ваше было препоручить Господину Брауну дѣланіе помнится термомѣтровъ и баромѣтровъ, я на оные очинь согласѣнъ, и кажется пора оной работѣ съ успѣхомъ итить, дабы пріуготовить надлежащее число оныхъ для посылающихся наблюдателей. Копія съ письма отъ Васъ Степанъ Яковличь я получилъ и щитая сіе письмо изъ Францій а не изъ Англіи, но копіи не стоитъ откуда и отъ кого, что касается до астронома, которого въ письмѣ упомянтомъ одобряютъ, то намъ кажется теперя более такихъ людей не надобно и мы можемъ своими обоитится.

„Вашъ іскреній слуга
„Г: В: Орловъ“ *).

1767 года 25 Сентября
Москва.
«Получено и читано Октября 2 дня (1767)».

„Любезные Товарищи, всѣмъ вамъ отъ искреннаго сердца здравія и благополучія желаю. Репортъ отъ 20-го Сентября я получилъ. Теперь прошу меня увѣдомить какимъ образомъ завелась книжная лавка при Академіи, и не было ли на оное какое повелѣніе. Карточка отъ Якова Яковлевича переслана ко мнѣ, показываетъ, что рѣзба на доскѣ, съ которой

---

*) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ 1767 г.)

она съпечатана хороша. Прошу мнѣ впредь ученные вѣдомости пересылать, какъ изъ Геттинга, такъ изъ Лейпцига. Болѣе мнѣ писать нѣчево. Есмь съ искреннимъ почтеніемъ,

„Любезные Товарищи,

„вашъ покорный слуга

„Г: В: Орловъ“ *).

Въ Москвѣ
Сентября 27 дня
1767 году.

«Получено Октября 4 дня (1767)».

„Любезные Товарищи Всѣмъ Вамъ отъ Іскреннаго сердца здравія и благополучія желаю.

„Послѣднеи репортъ Вашъ вчерась получилъ и видѣлъ что Вы посланныя вещи также получили; я постарался достать описаніе онымъ, о двухъ тѣлахъ выключая рога думаю что они конечно не изъ Сибиріи, прошу мнѣ прислать коли въ библиотекѣ есть немѣдлѣнно книгу Neuverändertes Russland oder Leben Catharina der II. а коли нѣтъ то поскорея выписать, при семъ посылаю чертежъ обсерваторіи такимъ ли образомъ Вы почитаете имъ быть или другимъ а особливо нужно знать какая крыша на нихъ быть должна, чтобъ потому и довольно лѣсу запасти; я думаю уже Вы опредѣлили и послѣднимъ двумъ мѣстамъ гдѣ быть для экспедиціи, мы объ ономъ говорили и клали одному быть въ Іркуцкѣ помнится а другое не знали еще гдѣ положить для 6 экспедиціи мѣста уже опредѣлены, когда удвоимъ оныя въ Соловецкомъ Монастырѣ, и Колѣ, ежелиже Вы неопредѣлили совсѣмъ

*) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ 1767 г.)

гдѣ быть помянутымъ двумъ эспедиціямъ то прошу оное здѣлать и меня объ ономъ увѣдомить, дабы и въ этихъ отдаленныхъ мѣстахъ лѣсъ заблаговременно заготовленъ былъ, более нечего писать и остаюсь съ іскреннимъ почтеніемъ

„Г: В: Орловъ.

1767 года 2 Октября.

„Сейчасъ сыскалъ я описаніе посланнымъ вещамъ которое я было потерялъ оное при семъ прилагаю. Якову Яковличу благодарствую за письмо отъ 24 Сентября“ *).

«Получено Октября 9 дня (1767)».

„Любезные Товарищи, Всемъ Вамъ отъ искреннаго сердца здравія и благополучія желаю.

„Репортъ отъ 29-го Октября письмо Якова Яковлевича отъ 30-го, и послѣдней отъ 1-го Ноября я получилъ. Нужно будетъ знать какихъ лѣтъ всѣ тѣ Гимназіясты **), о которыхъ вы ко мнѣ писали, и когда

---

*) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ 1767 г.)

**) Къ дѣлу о гимназистахъ относятся слѣдующія статьи Журналовъ Академической Коммисіи:

Статья 25 Октября 1767 г. № 809. «По поданнымъ отъ Ректора Киница и Ексекутора Герасимова репортомъ о учинившемся въ Академическомъ Строгоновскомъ домѣ, гдѣ Гимназія сего 23 числа, т. е. во вторникъ къ вечеру пожарѣ оказалось, что зажигали гимназисты Тихонъ Шпилевскій и Василій Замараевъ, разсуждено какъ оныхъ гимназистовъ такъ же буде отъ нихъ показано будетъ на другихъ кого то и оныхъ допросить въ присутствіи, а есть ли дойдетъ и до очныхъ ставокъ то оные дать, и потомъ учиня истого екстрактъ снадлежащимъ обстоятельствомъ послать на разсмотрѣніе съ требованіемъ резолюціи

Вы все то дѣло, о которомъ Вы меня увѣдомляете подробно узнаете, тогда съ оныхъ имена и лѣтъ ихъ мнѣ сообщите. Естьлиже сіе не прежде какъ около Генваря мц͠а исполниться можетъ; въ такомъ случаѣ извольте лучше оставить сіе дѣло до моего приѣзду въ Петербургъ. На записку вашу Степанъ Яковльевичь теперь отвѣтствовать еще не могу.

„Въ прочемъ пребуду съ почтеніемъ

„Г: В: Орловъ.

Въ Москвѣ
Ноября 8-го дня
1767 году.

„П. С. Прошу меня также и о поведеніи помянутыхъ Гимназистовъ увѣдомить. При семъ посылаю письмо

къ Его Сіятельству Графу Володимеру Григорьевичу Орлову при репортѣ, а мѣжду тѣмъ 1-е упомянутыхъ гимназистовъ Шпилевскаго и Замараева содержать подъ крѣпкимъ карауломъ при Коммиссіи, а прочихъ до кого касаться будетъ со двора спущать не велѣть, а 2-е, для предосторожности въ предъ какъ отъ подобнаго сему злодѣянія такъ и для другихъ обстоятельствъ поставить караулъ сверьхъ находящаго у воротъ того двора и всѣняхъ и о томъ эксекутору приказать».

21 Ноября 1767 г. № 910. «Къ Его Сіятельству Графу Володимеру Григорьевичу Орлову на письмо сего Ноября « » числа о разныхъ дѣлахъ представить репортомъ: 1-е, Гимназисты виновные содержатся въ особливыхъ каморахъ отъ протчихъ подъ присмотромъ приставленныхъ нарочныхъ людей и ни куда не выпускаются» .... и пр.

10 Апрѣля 1768 г. № 212. Гимназистовъ Василья и Семена Замараевыхъ, также Ивана Медвѣдева, Николая Кондрашева и Тихона Шпилевскаго изъ академической службы выключить и при дачѣ имъ отпусковъ возвратить Шпилевскаго отцу данной отъ его Академіи о сынѣ своемъ реверсъ».

отъ Князя Александра Алексѣевича по которому изволите приказать исполнить. Мнѣ кажется что не дурно будетъ когда мы выпишемъ учрежденіе со всѣми обстоятельствами французской Академіи Наукъ, ежели Вы моего мнѣнія, то прошу объ ономъ стараться"*).

«Получено Ноября 15 дня (1767)».

„Любезные Товарищи. Всѣмъ Вамъ отъ искреннаго сердца здравія и благополучія желаю.

„Положено у Васъ въ полномъ собраніи, чтобъ Г. Ловицъ и Магистеръ Крафтъ ѣхали для наблюденія на востокъ. Вамъ извѣстно, что требовалъ Сенатъ отъ насъ искуснаго человѣка для свидѣтельствованія Тульскаго канала, который конечно не малой важности, да и каналъ находящійся около Дмитрьевска для соединенія Волги съ Дономъ, который по сихъ поръ еще не освидѣтельствованый, такъ же и не малой важности, къ которой работѣ я никого способнѣе не знаю, какъ Гдна Ловица, и потому мнѣ хочеться его употребить для наблюденія въ Астрахани, а на мѣсто его можно послать или Юдина или Істленьева, какъ Вы за благо разсудите. Правда что отъправленіемъ на Сѣверъ мешкать не надобно. Въ разсужденіи чего всѣ нужныя вещи, какъ коляски, такъ и прочее нужное для столь далѣкой дороги на академической коштъ прикажите заготовить. О двухъ студентахъ которые дольжны служить толмачами пишете Вы ко мнѣ: только я не знаю, я ли ихъ дольженъ Вамъ здѣсь промыслеть, или Вы ихъ уже у себя имѣете, такъ же и объ механикѣ, котораго кажется лѣгче въ Петербургѣ сыскать. На прочее все, какъ жалованіе такъ и солдати время много

---

*) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ 1767 г.)

не надобно, и я оное успѣю исполнить. Чтожъ касаетъся до посылки знающаго естественную исторію въ Якуцкъ, къ нему Г. Гмелина назначили, я оную для разныхъ причинъ за полезно почитаю оставить, о которыхъ я по приѣзду моемъ въ Петербургъ подробно изъяснюсь съ Вами. Для тѣхъ которые отъправяться на востокъ, пора мнѣ кажетъся заготовить наставленіе, и оное по здѣланію прошу мнѣ сообщить. Яковъ Яковльевичъ увѣдомилъ меня, что академія за полезно почитаетъ вызвать Г. Маллета. Въ такомъ случаѣ просилъ я Васъ, ежели Вамъ понравятся договоры упомянутіе въ моемъ письмѣ, а ежели нѣтъ, то бы по вашему благорассужденію иныя положить; почему учредя вызывательное письмо оное ко мнѣ на передъ переслать: однако я оное не получилъ. Докладъ подписанъ Ея Величествомъ и пересланной нѣсколько недѣль назадъ отъ меня къ Вамъ, я въ тетрати писанной Ея Величествомъ не давномъ обратно получилъ, конечно сіе ошибкою здѣлалось, при семъ я оной опять къ Вамъ пересылаю для храненія въ Коммиссіи. Для будущихъ експедиціи принадлежащихъ къ исторіи натуральной не худо заказать здѣлать или выписать за благовременно нужные инструменты, какъ на примѣръ я думалъ надобенъ будетъ: бергъбореръ. Г. Профессору Гмелину прошу сказать, что я его письмо получилъ, и сожеленіе мое, что я этотъ разъ по желанію его исполнить не могу. На все сіе ожидаю вашего отвѣта съ почтеніемъ пребуду.

„Г: В: Орловъ.

Въ Москвѣ.
Ноября 13 дня 1767 г.

„П. С. Посылаю при семъ на Ямской почтѣ оригиналы отвѣтовъ на Экономическія вопросы и прошу

Васъ Яковъ Яковльевичь поблагодарить за оныя Экономическому обществу и отдать ихъ оному. Ещеже посылаю для Экономическаго общества рѣшеніе присланное ко мнѣ на задачу выданную.

„Бергъбореры о которыхъ я къ Вамъ писалъ прошу освѣдомиться съперва, во сколько времяни каждый поспѣетъ и во сколько станетъ и потомъ меня увѣдомить не заказывая еще ихъ увѣдомите меня одинъ ли бергъбореръ для каждей експедиціи надобенъ будетъ или болѣе.

„При семъ же посылаю списокъ для аддрессъ календаря“ *).

„Любезные Товарищи, Всемъ Вамъ отъ искреннаго сердца здравія и благополучія желаю.

„Дѣло о Гимназистахъ отъ 7-го ноября посланное при репортѣ вашемъ я получилъ. Оное дольженъ я представить въ Сенатъ, а что воспослѣдуетъ о томъ вамъ сообщу. А между тѣмъ, какъ началниковъ такъ и собщниковъ или тѣхъ, которые объ томъ умыслѣ знали, надобно содержать, такъ чтобъ они не ушли, и притомъ о семъ, что въ Сенатъ дѣло подано, не давать и вѣдать. Я думаю чтобъ при задержаніи ихъ безъ большой строгости можно обойтится. Все сіе, препоручаю на ваше благоразуміе.

„Яковъ Яковльевичь пишетъ ко мнѣ о Докторѣ Скополи находящемся въ Кернтенѣ. Сперва нужно освѣдомится у самого Г. Маргъграфа, довольноли онъ его искуснымъ почитаетъ быть при Академіи и нѣтъ

---

*) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ 1767 г.)

ли сочиненіи или подобныхъ ясныхъ извѣстіи доказывающихъ оное, и естьли надежда къ выѣзды его въ Петербургъ. Іванъ Івановичь Бецкой желаетъ, чтобы отданное намъ для печатанія *) не мѣдленно печатано было, и жалуется, что денги забраны напередъ и будто еще сочиненія, сколько велико быть дольжно Вамъ не извѣстно. Я не знаю какимъ же образомъ Вы денги напередъ за оное требовать могли. Все сіе для меня не вѣроятно; однако естьли оное не пространно; то прошу объясниться, а въ противномъ случаѣ оставить до моего приѣзда.

„Въ протчемъ пребуду съ искреннымъ почтеніемъ

„Г: В: Орловъ.

Въ Москвѣ
Ноября дня
1767 году.

„Посылаю при семъ письмо отъ Князя Александра Алексѣевича а теленокъ пошлется завтра на ямской почтѣ“ **).

«Ноября 26 дня 1767».

---

*) Вѣроятно, говорится *о трудѣ Бецкаго — «Учрежденіе Императорскаго Воспитательнаго для приносныхъ дѣтей дома и Госпиталя бѣдныхъ родильницъ въ столичномъ городѣ Москвѣ»*,—которое вторымъ изданіемъ печаталось въ типографіи Академіи Наукъ въ 1767 году. Прибавленіе къ тремъ частямъ этого сочиненія вышло въ 1768 году и въ томъ же году—«Краткое Наставленіе выбранное изъ лучшихъ авторовъ, съ нѣкоторыми физическими примѣчаніями о воспитаніи дѣтей отъ рожденія ихъ до юношества».

**) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ 1767 г.)

„Любезные Товарищи, Всѣмъ Вамъ отъ искреннаго сердца здравія и благополучія желая.

„Репорты отъ 19 и 23-го ноября я получилъ. Затрудненіи въ рассужденіи ѣзды въ Якуцкъ, которыя Вы себѣ представляете, объ оныхъ переговоря съ сибирскимъ Губернаторомъ, какъ скоро могу, увѣдомлю Васъ. Портретъ здѣланный Радигомъ *), какъ при дворѣ такъ и многимъ другимъ, да и мнѣ понравиться; прошу оное сказать ему. Письмо ваше, Яковъ Яковльевичь отъ 22 ноября я получилъ. При семъ посылаю письмо отъ Князя Александра Алексѣевича касающееся до Коммиссіи. Гдну Профессору Ейлеру прошу сказать что я послѣднее ево письмо получилъ: младшій Гднъ Ейлеръ просилъ меня о домѣ, такъ ежели объ ономъ извѣстія еще не получилъ, то скоро получитъ. Доношеніе

---

*) *Радигъ* (Ant. Radigues), граверъ. Имъ награвированы три портрета Императрицы Екатерины II: 1) Поясной «v. Eriksenp.—A Radigues sc. 1768». 2) Поясной, въ коронѣ, «Peint par V. Erikson, gr. par A. Radigues 1771»; 3) въ медальонѣ, съ надписью, по гречески: ΆΙΚΑΤΕΡΙΝΑ Β. ΆΥΤΟΚΡ. ΠΑΣ. Ρ̓ΩΣΣΙΩΝ....., а внизу подписано: «Peint par V. Erikson. Gravé par A. Radigues Aggrégé de l'Acad. Imp. des Arts de St. Pétersbg. 1775.» Кромѣ того, онъ гравировалъ портретъ Императора, въ то время Цесаревича, Павла въ 1769 г., Бецкаго, Ар. М. Голицина, А. Д. Голицина, Д. Голицина, М. М. Голицина, П. М. Голицина, А. Куракина, А. Б. Куракина, Б. А. Куракина, Е. С. Куракина, А. В. Олсуфьева и Графа Панина.

мое въ Синодъ и указъ на оное при семъ же посылаю.

„Въ протчемъ пребуду съ искреннымъ почтеніемъ

„Г: В: Орловъ" *).

Въ Москвѣ
Ноября 29-го дня
1767 года.

«Декабря 7 д. 1767».

„Любезные Товарищи, всѣмъ вамъ отъ искреннаго сердца здравія и благополучія желаю.

„Послѣдный вашъ репортъ, письмо отъ Якова Яковлевича и приложенное при ономъ получилъ. Посылаю 16 семинаристовъ, которыхъ прошу принять въ Академію, а что съ ними здѣлать положимъ по пріѣздѣ моемъ. Я каждому изъ нихъ далъ по 10 рубльевъ для исправленія нуждъ и на проѣздъ. Извощикамъ, которые ихъ въ Петербургъ отвезутъ, денги такъже я заплачу.

„Въ протчемъ есмь

„Г: В: Орловъ" **).

Въ Москвѣ
Декабря 26 дня
1767 года».
(«Получено) Генваря 10 д. 1768».

„Г. Прапорщикъ Фадей Охтинской.

„Быть тебѣ совсѣмъ въ повелѣніяхъ у отправляющагося въ Колу Г. Профессора Степана Румовскаго который по возвращеніи сюда и засвидѣтельствуетъ о

*) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ 1767 г.)
**) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ 1767 г.)

поведеніи и прилѣжности твоей. Ежели ты соотвѣтствуя намереніе академіи наукъ окажешъ себя добропорядочнымъ и прилѣжнымъ, то такимъ тебя и въ твою команду представитъ академія, отъ чего ты можешь своего щастія ожидать.

„Будежъ себя вести станешъ инако, то онаго конечно ожидать тебѣ нелзя, ежели ввѣрятся тебѣ какія нибудь письма отъ Г. Профессора Румовскаго, то хранить тебѣ ихъ со всякимъ раченіемъ.

„Г: В. Орловъ.

„Ежели по пріѣздѣ въ Архангельской городъ Г. Профессоръ Румовской пошлетъ тебя для географическихъ Експедиціи, то по данной имъ инструкціи и предписанному отъ него плану поступать тебѣ точно, и исполнять по оной такъ какъ бы самимъ мною была подписана“ *).

Генваря 22 дня
1769 года.

(Переводъ.)

Выписка изъ письма Его Сіятельства Графа Владиміра Григорьевича Орлова, Директора Академіи Наукъ, къ г. Профессору Гмелину, 10 Февраля 1769.

„Академія и я желаемъ, чтобы Вы, поселившись гдѣ нибудь для перезимованія, принялись бы въ продолженіе зимы за основательную обработку того, что собирали лѣтомъ, и постарались доставить свою работу въ Петербургъ, для напечатанія, по крайной мѣрѣ къ концу зимы. Ваши дневники будутъ составлены на нѣ-

*) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ 1769 г.)

мецкомъ языкѣ, подъ Вашимъ именемъ и я позабочусь о томъ, чтобы они были переведены и на русскій языкъ. Такимъ образомъ можно бы было поступать каждую зиму. Мнѣ кажется, что такъ во всякомъ отношеніи будетъ выгоднѣе, чѣмъ оставлять дѣло до Вашего пріѣзда. Публикѣ будетъ пріятнѣе, потому что свѣдѣнія, сообщаемыя въ такомъ видѣ, для нея интереснѣе, а Академіи тоже будетъ пріятно, что ея путешественники трудятся; мнѣ кажется, что и Вамъ это не можетъ показаться иначе. Во всякомъ случаѣ прошу сообщить мнѣ Ваше мнѣніе".

„Въ Академическое Собраніе.

„Просилъ меня статскій совѣтникъ Штелинъ о увoленіи его отъ должности конференцъ-секретаря, которая ему была препоручена на время. Я его отъ оной уволяю и опредѣляю точно на томъ же основаніи, какъ и онъ былъ, академика Албрехта Ейлера. Вы можете видеть должность свою въ 18-й и 23-й статьяхъ академическаго регламента, а отъ части будетъ она Вамъ здѣсь предписана. Вы должны принять по описи съ рукъ на руки всѣ письма которыя у Гдна Штелина теперь въ смотреніи и въ какомъ состояніи оныя найдете, о томъ увѣдомить академическое собраніе письменно. По вступленіи въ вашу должность наблюдать Вамъ въ небытность мою,

1) чтобъ въ собраніяхъ не происходило никакихъ споровъ раздражающихъ другъ друга.

2) не было говорено посторонняго и непринадлежащаго къ дѣламъ, въ которыхъ собранію упражняться надлежитъ.

3) чтобъ во время чтенія говорено не было. Ежели академикъ погрѣшитъ противъ котораго нибудь изъ сихъ

предписанныхъ правилъ: то напомните ему объ ономъ пристойнымъ образомъ до двухъ и трехъ разъ. Ежели же ваши напоминаніи будутъ тщетны: то записавъ въ дневную записку объ ономъ немѣдленно меня увѣдомите.

„Какъ все сіе препорученное вамъ дѣло требуетъ точности, порядка и прилежности: то я ввѣрая вамъ оное надѣюся, что Вы съ своей стороны потщитеся соотвѣтствовать моему желанію и оправдать мой выборъ чрезъ все то время, пока сею должностію Вы править будете. Сіе тѣмъ нужнѣе, что предъ симъ въ собраніяхъ мало порядка или почти никакова не наблюдалось, чему какъ Вы, такъ и протчіе члены свидѣтели, хотя я съ моей стороны разными образами хотѣлъ оный возстановить но безплодно. Пока сею должностію будете править до опредѣленія настоящаго секретаря: получать Вамъ тѣ тристо рублей, которые положены были за отправленіе сей должности Гдну статскому совѣтнику Штелину.

„Г: В: Орловъ“ *).

Февраля 23 дня
1769 года.

„Г. Кулмаметевъ!

„По прибытіи къ городу Архангельскому всѣ имѣющіяся у Г. обсерватора Пиктета инструменты прими отъ него по реестру, также возьми отъ него часоваго мастера Шитца и солдатъ, и поѣзжай въ городъ Дмитревскъ гдѣ вамъ дождавшись Г. Адъюнкта Иноходцова оныя инструменты отдай ему потомужъ реестру съ

*) (Изъ дѣлъ Конференціи Академіи Наукъ 1769 г.)

роспискою; сколько же подъ оные инструменты и для васъ лошадей надобно, требуйте оныхъ отъ его Превосходительства Господина Архангелогородскаго Губернатора, а отъ меня о томъ къ Его Превосходительству писано. Академія надѣется, что вы сію коммиссію исполните изправно; чтоже касается до возвращенія вашего, о томъ будетъ писано къ упомянутому Г. Иноходцову.

„Г: В. Орловъ“ *).

Мая 25 дня
1769 года.

„A Paris à M. N. de Lalande, le 14 Octobre 1768.

„Monsieur,

„L'Académie Impériale des Sciences vient de prendre la resolution d'engager Votre élève, dont Vous avez fait la proposition autre fois. Pour Son entretien l'Academie lui offre 400 Roubles par an un logis près de l'observatoire, et pour les fraix de voyage, qu'il sera obligé de faire par terre, également une somme de 400 Rubles. Il sera chargé de faire l'observation de Venus, et d'autres correspondentes a l'Observatoire de l'Académie a celles que les autres Astronomes feroient pour perfectionner la Carte de la Russie.

„Le reste des conditions sera tel, que Vous avez marqué dans une lettre à Mr Roumovsky.

„Pour ne pas perdre du tems, l'Academie Vous expedie dans l'instant une lettre de change pour de 400 Roubles, destinés pour le voyage c'y mentionné, et si

*) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ 1769.)

les conditions lui sont convenables je Vous prie Monsieur, de lui persuader, qu'il se depêche de partir le plus vite qu'il sera possible. Il pourra aller par la poste ordinaire jusqu'à Danzig, et y s'adresser au Resident de la Russie M[r] le colenel Rebinder, qu'il en sera averti. Nous n'avons aucune nouvelle précise sur le reste des Instrumens, savoir les quarts de cercle, que Vous avez fait faire pour l'Académie; sont-ils tous prêts et quande l'Academie pourroit les recevoir. J'ai l'honneur d'attendre Votre reponse un peu detaillée sur tous les instrumens que nous attendons encore etant avec la plus parfaite consideration.

„Monsieur

„Votre très humble serviteur

„Wolodimer Comte Orlow.

„J. Stehlin

„Secretaire de l'Acad.

„P. S. M[r] le conseiller de Stehlin Vous a écrit une lettre, par raport à ces instrumens, ayez la bonté de nous avertir si Vous l'avez reçu et si c'est par terre ou par mer que nous les devons attendre?

„Rumovsky" *).

Слѣдуютъ три выписки изъ Журнала Коммисіи Академіи Наукъ.

„Августа 18 дня 1769 года.

„№ 547. Съ подаренной Академіи отъ Его Сіятельства Академіи Наукъ Г. Директора Графа Владиміра

*) (Исходящія письма Академіи Наукъ 1768 г. № 69.)

Григорьевича Орлова книги содержащей въ себѣ переведенныя изъ Энциклопедіи статьи принадлежащія къ Турціи, напечатать въ 8-ю долю листа на Академическомъ иждивеніи тысячу сто девяносто четыре экземпляра на заморской комментарной, да шесть экземпляровъ на Александрійской бумагѣ; и корректуры сей книги отсылать къ переводчику Башилову, а при окончаніи печатанія, во сколько оная книга обойдется, подать фактору Лыкову въ Коммисію счетъ" *).

„Августа 21 дня 1769 года.

„№ 561. Его Сіятельство, Академіи Наукъ Г. Директоръ, Графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, слушавъ Коллежскаго Ассесора Михайла Гурьева репортъ, о учиненной подъ смотрѣніемъ его канцеляристами Волковымъ и Кириловымъ описи всѣмъ произведеннымъ въ бывшей Академической Канцеляріи дѣламъ съ 1755 по Октябрь мѣсяцъ 1766 года, т. е. по учрежденіе при Академіи Наукъ Коммисіи, Приказалъ: какъ оныя дѣла, такъ и протчія съ начала Академіи, т. е. съ 1724 по вышеписанной 1755 годъ происходившія, а притомъ не малое число и счетныхъ, всѣ для удобнѣйшаго ихъ содержанія въ надлежащемъ порядкѣ переплесть въ книги подъ смотрѣніемъ его же Ассесора Гурьева, и тотъ переплетъ оныхъ книгъ поручить переплетчику С. Миллеру, съ платою ему по договорной съ нимъ цѣнѣ, за каждую книгу въ листъ, тонка ли она будетъ, или толста, по осмидесяти копѣекъ, переплетая оныя въ такъ называемой полуфранцуской кожаной обвертъ, съ приложе-

---

*) (Выписка изъ Журнала Коммисіи Академіи Наукъ.)

ніемъ на корнѣ золотой надписи. И для того отдавать оному Миллеру книгъ по пятидесяти, съ такимъ приказаніемъ, чтобы изъ оныхъ ничего утрачено не было; а для надсматриванія дабы оныя дѣла переплетены были порядочно, такъ какъ оныя разположены и смѣшаны не были, посылать къ нему Миллеру Канцеляриста Волкова" *).

„Сентября 28 дня 1769 года.

„№ 669. Его Сіятельство Графъ Владиміръ Григорьевичь Орловъ объявилъ, что изъ напечатанныхъ новыхъ картъ Ревельской Губерніи **) двѣ поднесены имъ Ея Императорскому Величеству и Его Императорскому Высочеству, а одна осталась у Его Сіятельства; и приказалъ оныхъ картъ мѣдныя доски и всѣ напечатанные съ нихъ экземпляры, какъ чистые, такъ и пробные, сколько ихъ найдется, собрать Секретарю Гурьеву, и запечатавъ хранить при Коммиссіи, и безъ приказанія

---

*) (Выписка изъ Журнала Коммисіи Академіи Наукъ.)

**) Сохранился оттискъ этой карты на двухъ большихъ листахъ ($10^3/_8$ и 13 вершковъ каждый); она озаглавлена такъ: «Ревельская Губернія содержащая въ себѣ Естландію на четыре уѣзда раздѣленную съ принадлежащими къ ней островами Даго и Вормсомъ.» (Соч) «Я. Ф. Шмитъ. 1770.—Выр. К. Фроловъ.» Карта эта украшена двумя виньетками. Другіе оттиски той же карты съ латинскими надписями и заглавіемъ: «Provincia Revaliensis sive Estlandia quatuor Dioecesibus contenta cum finitimis insulis Dago Worms etc. — Auctore J. F. Schmidio Acad. Petropol. Adjuncto. Impressa Petropoli 1770.»

Его Сіятельства оныхъ досокъ и напечатанныхъ съ нихъ экземпляровъ никому не выдавать“ *).

Одновременно съ перепиской съ Коммисіею Академіи Наукъ Орловъ былъ занятъ заказомъ физическихъ инструментовъ для обсерваторовъ и перепискою съ иностранными резидентами о скорѣйшемъ и тщательномъ доставленіи этихъ инструментовъ въ Россію. Первое письмо написано Румовскому въ 1767 году. Въ 1768 г. написано также нѣсколько писемъ по этому предмету. 16 февраля 1769 года Орловъ сообщаетъ Архангельскому Губернатору Головцыну объ отъѣздѣ въ Архангельскъ экспедиціи, назначенной для наблюденій. Одинъ изъ ея членовъ, Малле, увѣдомлялъ Графа 22 февраля, изъ Поноя, о совершенномъ экспедиціей путешествіи до Кеми, гдѣ пришлось перемѣнить повозки и продолжать путь на оленяхъ. Онъ нашелъ въ Понoѣ только начатую постройку дома для обсерваторіи и одобряетъ усердіе работниковъ, строившихъ домъ, несмотря на жестокій холодъ. Около того же времени получено отъ Оренбургскаго Губернатора, Рейнсдорпа, извѣщеніе о пріѣздѣ въ Оренбургъ и объ отъѣздѣ въ Орскую крѣпость лейтенанта Эйлера и адъюнкта Крафта и о томъ, что къ пріѣзду профессора Ловица приготовляются въ Гурьевѣ потребные для обсерваторіи строительные матеріалы. Извѣщенный около того же времени о пріѣздѣ изъ-заграницы астронома Майера, Орловъ увѣдомляетъ о томъ Г. Симолина, нашего резидента въ Митавѣ, и поручаетъ просить Майера, чтобы онъ оставилъ на границѣ имя и платье того ордена, къ которому принадлежитъ (?), и сказался бы только ученымъ.

*) (Выписка изъ Журнала Коммисіи Академіи Наукъ.)

Въ слѣдующемъ по порядку времени письмѣ изъ Колы, отъ 16 марта, Румовскій описываетъ бѣдность края, упадокъ рыбнаго промысла и, благодаря Графа за попеченіе объ обсерваторахъ, увѣдомляетъ, что они ни въ чемъ почти не нуждаются.

Г. Пикте пишетъ изъ Умбы, отъ 30 марта, что пока обсерваторія для него строится, онъ занимается наблюденіями, хотя не очень интересными, но по крайней мѣрѣ новыми; что онъ завелъ бѣгъ оленей и что олень пробѣгаетъ, съ сѣдокомъ порядочной толщины, версту въ 2 минуты и 9 секундъ; онъ также пріучаетъ матросовъ считать секунды и замѣчать минуту наблюденія, чтобъ быть готовыми къ первому соприкосновенію Венеры.

Малле пишетъ изъ Омбы, отъ 7 апрѣля, что онъ началъ работать въ обсерваторіи, но что погода не благопріятствуетъ.

Рейнсдорпъ съ своей стороны сообщаетъ, отъ 30 апрѣля, изъ Оренбурга о проѣздѣ Ловица, и разсказываетъ, что онъ (der Philosophie zum Trotze) въ день рожденія Императрицы вечеромъ плясалъ русскую.

Съ разныхъ сторонъ извѣщаютъ о приготовленіяхъ къ наблюденіямъ, но объ успѣхѣ самыхъ наблюденій Пикте, Малле и Крафта въ частной перепискѣ Орлова свѣдѣній не находится.

Изъ Колы же получено отъ Румовскаго, отъ 28 мая, письмо съ слѣдующими свѣдѣніями: „день, въ который Венера проходила по солнцу, былъ наилучшій изъ всѣхъ предъидущихъ. Ясное небо и тихая погода отъ самаго утра продолжались до половины девятаго часа послѣ полудня. Барометръ показывалъ 29⁸/₁₀ дюйма. Чѣмъ меньше оставалось времени до вступленія Венеры въ солнце, тѣмъ больше ласкалъ себя надеждою, что буду имѣть

счастіе видѣть совершенно ея вступленіе. Но не больше какъ за полчаса до входу ея началъ дуть южно-западный вѣтеръ и мало по малу между горами усиливаясь къ самому тому времени, когда Венерѣ входить надлежало, нагналъ на солнце продолговатое густое облако, которое покрывало ту самую половину солнца, въ которую Венера войти должна была. Ежелибъ она четвертью часа ранѣе вступила въ солнце, или ежелибъ густое облако минутою или двумя пронесло поранѣе, то-бъ вступленіе можно было примѣтить такъ точно, какъ желаютъ астрономы. Таково ихъ состояніе, что одна минута можетъ уничтожить наибольшую часть трудовъ ихъ. По совершенномъ вступленіи Венеры солнце попеременно то въ облакахъ скрывалось, то изъ нихъ въ полномъ сіяніи выходило и сіе продолжалось даже до перваго часа. Тогда барометръ уже показывалъ 29$^4/_{10}$ дюйма и небо отовсюду облаками покрылось, такъ что солнца до четвертаго часа утра совсѣмъ было не видно. Въ началѣ четвертаго часа солнце начало сквозь облака проглядывать, и при выходѣ Венеры хотя и было предъ солнцемъ облако, однако не такъ густо, чтобъ много могло препятствовать въ наблюденіи внутреннихъ краевъ прикосновенія. Но сіе наблюденіе, когда входъ ея невѣрно примѣченъ, не такъ важно, какъ наблюденіе входу, хотя бы выходъ былъ непримѣченъ. Я для пользы общества, для чести Академіи и прославленія имени Вашего Сіятельства отъ всего сердца желаю, чтобы пріятнѣйшія отъ другихъ обсерваторовъ получили извѣстія и покорно прошу приказать кому нибудь увѣдомить меня объ успѣхѣ наблюденій Гг. Маллета и Пиктета. Я въ половинѣ Іюня ожидаю сюда судно, а въ Іюлѣ мѣсяцѣ надѣюсь уже быть въ Архангельскомъ городѣ".

Ловицъ въ письмѣ изъ Астрахани, отъ 24 марта 1770

года, жалуется на неясность погоды и неспособность людей.

Изъ предъидущихъ писемъ видно, что наблюденія надъ прохожденіемъ Венеры, сдѣланныя въ Россіи, не были увѣнчаны успѣхомъ. Но болѣе удовлетворительныя свѣдѣнія доставлены изъ Оксфорда Никитинымъ 25 іюля, съ приложеніемъ слѣдующаго письма, на латинскомъ языкѣ, отъ профессора астрономіи и экспериментальной физики Горнсби:

„Vir Celeberrime.

„Mitto tibi observationem transitus Veneris nuper Oxonij habitam a Domino Nikitin, cujus indefessam diligentiam et amorem tum Philosophiæ, tum Astronomiæ propensissimum non possum non satis laudare. Astronomiæ practicæ mox totum se dare in animo habet. Quinne litteræ hæ vacuæ omnino ad te veniant, observationes quasdam Oxonij paucis abhinc annis a me habitas adjicere ausus sum. Commercij litterarij tecum studiosissimus, tuo favore uti spero non prorsus indignus evasurus.

Sum Vir Celeberrime

Tui Nominis cultor assiduus

Thomas Hornsby.

Astronomiæ Professor Savilianus et Phisices Experiment. Prælector“.

Oxonij,
Julij 13, 1769.

„Observatio transitus Veneris habita Oxonij a Domino Basilio Nikitin.

Junij 3, 1769.

	d.	h.	temp.	app.	
Junij	3	7	6′	44″	Contactus ♀ Exterior.
		7	24	15½	Contactus Interior.

„Observatio (a Hornsby) habita transitus Veneris.

	d.	h.	temp.	app.		
Junij	3	7	5′	58″	Contactus ♀	Exterior.
		7	24	13¼	Contactus	Interior.

Eclipsis Solis.

	d.	h.	temp.	app.	
Junij	3	18	33	42	Initium
		20	15	42½	Finis“.

Современный переводъ:

„Почтеннѣйшій Господинъ.

„Я посылаю къ Вамъ примѣчаніе прохожденія Венеры недавно въ Оксфордѣ сдѣланное Г. Никитинымъ, котораго неутомимое прилежаніе и глубочайшую любовь къ Философіи и Астрономіи не могу не похвалить довольно. Онъ намѣреваетъ всего себя посвятить практической Астрономіи. А чтобъ сіе письмо не совсѣмъ праздное къ Вамъ пришло, я отважился приложить нѣкоторыя примѣчанія чрезъ нѣсколько лѣтъ въ Оксфордѣ мною дѣланныя, крайне желая имѣть письменную корреспонденцію съ Вами и притомъ надѣясь, что я окажусь не недостойнымъ Вашего пріятства. Есмь почтеннѣйшій Господинъ Вашего имени всегдашній почитатель

Фома Горнсби,

Астрономіи Профессоръ Савильянскій и Экспериментальной Физики Прелекторъ“.

„Примѣчаніе прохожденія Венеры, сдѣланное въ Оксфордѣ В. Никитинымъ Іюня 3. 1769.

	д.	час.	мин.	сек.	истиннаго времени.
Іюн.	3	7	6	14	Контактъ Венеры внѣшній.
		7	24	15½	Контактъ внутренній“ *).

*) См. приложеніе III.

Въ перепискѣ графа Орлова 1768 и 1769 годовъ замѣтно, что изъ числа всѣхъ, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ ученыхъ, которыхъ Графъ Орловъ приглашалъ къ содѣйствію изслѣдованіямъ Академіи Наукъ, самую постоянную переписку онъ велъ съ Палласомъ; эта переписка была ведена въ самомъ дружественномъ тонѣ. Палласъ, слѣдуя увѣщаніямъ Графа Орлова и подъ его покровительствомъ, предпринялъ свое большое путешествіе по разнымъ частямъ Россіи въ Европѣ и въ Азіи, которое было издано сперва понѣмецки, а потомъ переведено на русскій и французскій языки. Описаніе этихъ продолжительныхъ и трудныхъ путешествій заключаетъ въ себѣ, по выраженію Соссюра: „все, что можетъ интересовать естествоиспытателя и даже государственнаго человѣка, и въ этомъ родѣ это есть, можетъ быть, лучшее изъ существующихъ твореній“.

Въ письмѣ 2 мая 1767 года Графъ Орловъ писалъ въ Коммисію Академіи: „Отъ Господина Палласа полученное мною письмо посылаю къ Вамъ. Ежели Вы уже сдѣлали вызовъ Гертнеру по письму моему, то невзирая на то, принять Палласа, — мы уже найдемъ всѣмъ имъ упражненіе. Ежели Гертнера еще не вызывали, то спрашиваю Васъ, ежели онъ очень искусный человѣкъ, то отпишите ко мнѣ; ежели не искусный, то можно вызовъ его оставить, потому что Палласъ ѣдетъ на тѣхъ же кондиціяхъ, какъ мы его сперва вызывали. Хотя сіе все противъ регламента, въ этомъ прошу на меня положиться, что мы чрезъ сіе не проступимся“.

Изъ этого письма видно, какъ сильно Директоръ Академіи желалъ пригласить Палласа, хотя уже вызванный въ Академію Гертнеръ оказался совершенно способнымъ

и знающимъ свое дѣло человѣкомъ, и не смотря на то, что при таковомъ двойномъ назначеніи было отступленіе отъ регламента Академіи.

Палласъ, равно и другіе ученики, какъ-то: Лепехинъ, Гюльденштедтъ, Гмелинъ и Фалькъ, были снабжены подробными инструкціями по порученнымъ имъ изслѣдованіямъ. Они должны были производить изысканія о свойствѣ почвы и водъ, о средствахъ воздѣлыванія степей, о состояніи земледѣлія, о самыхъ обыкновенныхъ болѣзняхъ и эпизоотіяхъ, о средствахъ ихъ цѣленія и предупрежденія, о пчеловодствѣ, шелководствѣ и скотоводствѣ, въ особенности овцеводствѣ, о минералахъ и минеральныхъ водахъ, объ искусствахъ и ремеслахъ каждой мѣстности, о горахъ и всѣхъ другихъ предметахъ физическаго отечествовѣдѣнія. Имъ предлежало опредѣлить положеніе главныхъ мѣстъ астрономическимъ наблюденіемъ и собрать свѣдѣнія о нравахъ, религіяхъ, языкахъ, традиціяхъ и памятникахъ.

Путешествіе Палласа продолжалось шесть лѣтъ, и когда онъ возвратился въ Петербургъ въ 1774 году, то не засталъ уже тутъ на мѣстѣ Директора Академіи Графа Владиміра Григорьевича, перваго двигателя этого ученаго предпріятія. Впрочемъ, отчетъ о своемъ путешествіи Палласъ началъ издавать раньше своего возвращенія или потому, что Графъ Орловъ предусматривалъ, что служба его будетъ непродолжительна, или потому, что, по выраженію Палласа въ предисловіи своемъ, нетерпѣніе публики не было бы удовлетворено, если-бъ ученые отлагали сообщеніе своихъ наблюденій до возвращенія своего.

„Графъ Орловъ увѣщеваетъ насъ“, говоритъ Палласъ, „скорѣе обнародовать журналы нашихъ путеше-

ствій, чтобы удовлетворить нетерпѣливому любознанію Имперіи и ученыхъ Европы“.

Не лишено интереса первое письмо Палласа, написанное по отъѣздѣ его изъ Петербурга, въ тонѣ болѣе церемонномъ, нежели послѣдовавшія затѣмъ.

„Monseigneur.

„L'année où nous allons entrer me donne de nouveau l'occasion de temoigner à Votre Excellence mon attachement et les voeux ardens que je ne cesse de faire pour Sa prospérité complète et celle de Son illustre famille. Veuille le ciel seconder toutes les entreprises de Votre Excellence, et couronner surtout celle que Votre Excellence entame pour le bien de la patrie, des Sciences et de l'Academie d'un succès heureux.

„Je dois saisir la même occasion pour solliciter derechef les grâces et l'indulgence que V. E. a daigné me temoigner jusqu'à présent. L'idée d'être protégé de V. E. et l'espérance de conserver cette haute protection sont les uniques ressorts qui me relèvent dans l'abattement où le défaut d'ami, l'éloignement de ma patrie et le silence de l'Académie me plongent, surtout dans une ville où l'on semble aimer la chicane et se faire un plaisir d'inquiéter les étrangers. Je ne sais au vrai par quelle faute j'ai merité d'être comme oublié de l'Académie et de n'en recevoir aucune réponse sur plusieurs points de six rapports que je lui ai faits depuis le moi de Juillet, et dont quelques uns demandent nécessairement des réponses definitives. Comme j'imagine que ce silence a été occasionné par l'absence de Votre Excellence à l'Académie pendant que des soins plus impor-

tants l'attachaient à la Cour et à la Personne de Sa Majesté Impériale, je supplie V. E. de permettre de lui adresser mes rapports pour l'Académie et de vouloir donner Ses ordres pour qu'on me réponde aux points qui demandent à être discutés et ne me laisse plus languir par un silence décourageant.

„J'ai été un peu heureux depuis que je suis à Simbirsk en faisant la decouverte d'un lit considerable de charbon de terre schisteux, dont on ne peut explorer la profondeur à cause de la gelée et qui se trouve à 20 lieues au delà de la ville de Simbirsk sur les bords du Volga, dans une colline fort étendue sur laquelle est posé le village de Gorodischtscha. Des gros fragments de cette houille que le fleuve apporte jusqu'au pied de la montagne de Simbirsk m'ont guidé à cette découverte dont j'ai informé l'Académie au commencement de ce mois et envoyé l'épreuve. Ce charbon n'est pas à la vérité de la bonté de celui d'Écosse ou d'Angleterre mais il brûle a perfection et la situation avantageuse pour le transport doit ne le point faire négliger. Je crois par quelques indices que ce lit s'étend à fort loin, mais avec quelques interruptions, le long du Volga, en remontant; et même je crois que l'on trouverait de la houille en fouillant au pied de la montagne de Simbirsk, vers le Nord de la ville. Je me suis beaucoup félicité sur cette découverte, vu que c'est la première que je fais, qui est d'une utilité immédiate et évidente et que je brûle d'envie de me rendre utile à la patrie. Mais il faut qu'un certain bonheur féconde les découvertes en histoire naturelle, et sans les faveurs du sort toute la diligence, toute l'assiduité n'est que peu de chose.

„Monsieur le Gouverneur de Casan m'a fait la grâce

de m'envoyer pour le cabinet de l'Académie un lièvre entièrement noir, animal d'une rareté extrême, qui a été pris vivant à cent lieues au Nord de Casan. Ce seroit un morceau digne de la ménagerie Impériale; mais les risques du voyage et surtout les violences que l'animal a souffertes à la capture, me font craindre de perdre cet ornement, pour le Cabinet en l'envoyant à St.-Petersbourg.

„Je viens de recevoir par la bonté de M. l'Assesseur Meschtscherinoff une eau minerale salée et d'une odeur soufrée qui se trouve sur les terres de Votre Excellence près d'Ussollié et qui pourrait bien étre d'une grande utilité dans plusieurs maladies. J'en pourrai dire davantage quand j'en aurai fait l'analyse sur les lieux.

„Le grand événement de l'in oculation de Sa Majésté et de Son Altesse Impériale doit intéresser et mériter à la Russie les félicitations de tout l'univers sensé a plus d'un égard. C'est une des illustres preuves de la grandeur d'âme et de l'amour du bien général de l'humanité et particulièrement de ses sujets que notre grande Sonveraine pouvait donner et que j'ai longtemps souhaitée avec les voeux les plus ardens pour un succès heureux.

„J'ai l'honneur d'être avec un profond respect

„De Votre Exellence

„le plus humble et le plus devoué serviteur

P. V. Pallas“.

De Simbirsk
le 28 Decembre
1768.

На это письмо послѣдовалъ длинный отзывъ Графа на нѣмецкомъ языкѣ. Онъ беретъ на себя всю вину

медленности Академіи въ отвѣтѣ, объявивши ей, что онъ самъ обо всемъ позаботится, о чемъ Палласъ проситъ въ своемъ рапортѣ. Привитіе оспы Императрицѣ и приготовленія астрономическихъ экспедицій помѣшали ему отвѣчать Палласу раньше. „И такъ“, Графъ пишетъ, „утѣшьтесь“ (trösten Sie sich also), и обѣщаетъ, что будетъ наблюдать, чтобъ Академія отвѣтствовала ему чаще. Онъ сообщаетъ дальше о разныхъ распоряженіяхъ касательно образцовъ минераловъ, благодаритъ за пробы каменнаго угля и проситъ анализировать Усольскія воды; черныхъ зайцевъ не желаетъ, такъ какъ есть прежніе; проситъ писать путевыя замѣтки въ видѣ журнала, дабы можно было отдать ихъ въ печать, и предоставляетъ на волю Палласа издать ихъ на нѣмецкомъ или французскомъ языкѣ.

За письмомъ Палласа послѣдовало, изъ Симбирска же, письмо отъ Лепехина, въ томъ же тонѣ жалобы и съ предложеніемъ плана путешествію, которое не захватывало бы мѣстъ, выбранныхъ себѣ Палласомъ. Графъ отвѣчаетъ Лепехину совѣтомъ окончить миролюбиво несогласіе, происшедшее между нимъ и Палласомъ по изысканіямъ угольной горы у Городища, и желаетъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ полезныхъ открытіяхъ.

Орловъ рекомендуетъ обоихъ ученыхъ доброму своему Симбирскому пріятелю Аѳанасью Степановичу Мещеринову.

Слѣдующее письмо, хотя не въ академическомъ слогѣ писанное, должно быть помѣщено какъ относящееся къ ученымъ путешественникамъ.

„Фока здравствуй!

„Читавъ какъ ты разъѣзжалъ съ ученными хотѣлося

мнѣ съ вами тогда быть. Немогжи имѣть сего удовольствія, жду съ нетерпѣніемъ описаніе отъ Г. Палласа и желаю, чтобъ Г-да Фалкъ и Лепехинъ примѣчаніи свои ко мнѣ присылали. Я къ нимъ для того непишу, что недумаю, чтобъ мое письмо ихъ у тебя застать могло: а ежели они еще у тебя, то поклонися имъ отъ меня и скажи имъ что я ихъ всѣхъ въ особливыхъ письмахъ къ нимъ за труды и стараніе въ проѣздѣ чрезъ наши деревни благодарить буду. Фока плутъ прелестникъ, ты брата у меня Івана Григорьевича на нѣсколько дней своимъ письмомъ безпокойнымъ сдѣлалъ, прельстилъ тамошнею жизнью, и ему нѣсколько дней къ тебѣ очень хотѣлося уѣхать, да никакъ нельзя. Впередъ такихъ пакостей не каверзи и не смущай аки сатана и безъ того уже смущенный духъ. О всемъ хорошемъ что у тебя есть дозволяется тебѣ писать только незвать къ себѣ въ гости. Пожалуй пиши къ намъ почаще и побольше о деревенскихъ твоихъ упражненіяхъ, ты не повѣришъ скакимъ удовольствіемъ мы твои письма прочитываемъ. Прощай Фока, живи здорово и весело. Я для вѣрности въ моихъ письмахъ буду выставлять нумеръ чтобы ты могъ знать ежели которое пропадетъ, и тебѣ тоже совѣтую! Елизавета Ивановна *) кланяется тебѣ. Она еще по сей день не родила, а жду съчасу начасъ“.

Ботаникъ Фалькъ извѣщаетъ о болѣзни, постигшей его во время путешествія изъ Сызрани вслѣдъ за Палласомъ и Лепехинымъ.

*) Супруга Графа.

Графъ Орловъ въ шести письмахъ Фальку *) проситъ присылать извѣстіе въ Академію согласно инструкціи и ускорить выѣздомъ въ путь совокупно съ Палласомъ и Лепехинымъ. Онъ ободряетъ Фалька въ намѣреніи издавать ежегодно журналъ, ожидаетъ плана его путешествія, присовокупляя, что отъ другихъ таковые получены, и одобряетъ намѣреніе обсудить сообща планъ путешествій на слѣдующій годъ. Графъ проситъ Фалька отвѣчать Академіи на многочисленныя къ нему обращенія, прибавляя, что общество недоумѣваетъ касательно успѣховъ экспедиціи. Узнавъ о болѣзни Фалька, Графъ успокоиваетъ его насчетъ мнѣнія о немъ Академіи и дружески совѣтуетъ не оставаться подолгу на одномъ мѣстѣ, а искать развлеченія и движенія, и затѣмъ проситъ прислать составленный сообща съ Палласомъ путевой журналъ.

Гмелинъ младшій (Samuel Gottlieb), принимавшій вмѣстѣ съ Гюльденштедтомъ участіе въ экспедиціи Палласа, выражаетъ въ своемъ описаніи путешествія (Reise durch Russland 1774) горячую благодарность Графу Орлову за постоянное содѣйствіе къ успѣху экспедиціи. Но письма Графа къ обоимъ этимъ ученымъ, повторяя подробности и совѣты, подобные встрѣчающимся въ приведенныхъ выше выпискахъ, расширили-бъ объемъ настоящей книги безъ пользы для читателя. Можно однако при семъ случаѣ замѣтить, что Петербургскій Ботани-

---

*) *Фалькъ* (Johann Peter Falck), по приглашенію Академіи, участвовалъ, вмѣстѣ съ Палласомъ, въ ученой экспедиціи. Собранные имъ во время путешествія по Россіи матеріалы изданы Академіею подъ заглавіемъ: «Beiträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reiches. 3 Bände» 1785—1786 4°.

ческій садъ увеличенъ Орловымъ чрезъ покупку прилегающей мѣстности, вслѣдствіе ходатайства о томъ Гмелина.

Изъ числа академиковъ, жившихъ въ столицѣ, Графъ Орловъ въ особенности приблизилъ къ себѣ Эйлера. По его письмамъ видно, что онъ очень безпокоился насчетъ зрѣнія математика и присылалъ ему лекарства для леченія глазъ. Разъ, захотѣвъ испытать шуткой зрѣніе профессора, онъ зашелъ къ нему, притворясь будто онъ бѣдный выходецъ изъ Швейцаріи, просящій покровительства. Разговоръ продолжался нѣсколько времени на эту тему, пока Графъ не расхохотался, а за нимъ и Эйлеръ.

Очень любопытно одно письмо Эйлера, въ которомъ онъ съ восхищеніемъ увѣдомляетъ Графа Орлова, что онъ попалъ на средство объяснить одну изъ важнѣйшихъ частей математики, представляющей затрудненія, которыя онъ до того времени считалъ непреодолимыми.

Вотъ подлинныя его слова.

„Erlauchter Graf

„Gnädiger Herr,

Die gnädige Vorsorge, so Euer Hochgräfliche Erlaucht für die Wiederherstellung meines Gesichtes zu tragen geruhen, verbindet mich zu der vollkommensten und gehorsamsten Danksagung, wovon mein Herz auf das lebhafteste durchdrungen ist. Ich fange nun eben an mich wiederum von einem ziemlich schweren Zufall zu erhohlen, welcher mich einige Wochen lang in einer gänzlichen Unthätigkeit gehalten, so, dass ich nicht einmal den Todesfall meiner Frauen-Schwester zu

erfahren im Stande gewesen bin. Allen Ansehen nach habe ich mir diesen Zufall durch allzustrenges Nachsinnen zugezogen, wobei ich aber doch das Vergnügen habe, einen sehr wichtigen Theil der Mathematik in sein völliges Licht gesetzt zu haben, nachdem ich Mittel gefunden, alle Schwierigkeiten, so mir bisshero unuberwindlich geschienen, glücklich zu heben; und ich wünsche nun nichts mehr als im Stande zu sein diesen Theil der Mathematik völlig in Ordnung zu bringen, und an das Licht zu stellen".

Къ знаменитостямъ этой эпохи принадлежитъ основатель новой системы ботаники, Линней. Одно письмо его, выражающее благодарность за усердіе въ распространеніи ботанической науки и называющее разныя растенія, которыя желательно ему получить изъ Россіи, любопытно въ своемъ родѣ, какъ образецъ пышнаго латинскаго слога, употребленнаго знаменитымъ шведскимъ ботаникомъ. — Онъ называетъ ботаниковъ людьми, назначенными къ познанію Божества въ изящнѣйшемъ изъ его твореній.

„Viro Excellentissimo Generosissimo,

„Comite de Orlow,

„Præsidi illustri acad. Imp. scient. etc.

„Venio tamquam orbis Botanici delegatus et coram te, Excellentissime D. Comes, devotissima veneratione me prosterno, Qui inter nobiliores Nobilissimus favore prorsus seculari (singulari) Botanicen faves non tantum, sed et emittis Rei Herbarice cultores per remotissimas Asiæ

provincias, investigaturos et detecturos Arcana Dei T. O. M. quæ a condito orbe latuere mortalibus.

„Tu summa sapientia non tantum regis illustris. Academiam imp. Scientiarum petropolitanam, eiq. pristinum fulgorem addis, sed et facinore plus quam herculeo plura in augmentum Scientiæ pulcherrima contribuis, quam omnes qui ante Te in Rutheno illuxere.

„Quotiescunq nos homunciones Botanici circumspexere orbem, toties doluimus in tenebris etiamnum latere stupendas Naturae gazas e plantis, Insectis, Avibus, piscibus, per Sibirias Tatariasq. disseminatas, et quidem adeo alta nocte sepultas, ut notiora nobis sint quæ alit intima Aethiopia et Abyssinia, quam hæ terrae boreales.

„Novimus qualitercumq quæ Buxbaumius raptim corrosit, quæ Gmelinus senior, licet myops, potuerat colligere, sed hi in adeo fertili messe tantum specilogia collegere. At quam multa etiamnum latent obiter visa Messerschmidio, Gerberoto, Steintzelmanno aliisq, non tamen rite enodata. Si vero tui, Gmelinus junior, candidissimus Falkius etc., Tuis mandatis obsecundantes, orbis Botanici votis satisfaciunt plantas et arbores colligunt, eorum recentia semina legunt, coruscabunt demum Horti Europæi Tuis gazis, et unaquaeque planta florens quotannis devotissimum omnium Europæorum cultum in Te excitabunt. Tu certe plura præstabis quam ulli in Rutheno ante Te. Tuum illustre nomen extollant per omnia secula, quotquot creati erint in agnoscendum Deum ex opere pulcherrimo.

„Optavi per totam meam vitam modo semel vidisse plantas tres vestras vivas, quæ sunt Bunias cornuta, Fumaria spectabilis, Hypecoon erectum et duas vestras

siccas cum flore Cymbaria daurica et Cista affinis Buxb. cent. 2. t. 35. nec videbo umquam, nisi ex Tuo favore.

„Vive diu felix in spem et gaudium nostrum

„Tui illustrissimi Nominis

„cultor devotissimus

„Car. von Linne

„Acad. imp. Petrop. soc."

«Upsala 1768.
17 Maij».

Слѣдующее письмо церковнаго пастыря служитъ образцомъ слога, бывшаго въ свое время въ употребленіи:

„Высокосіятельнѣйшій Графъ Владиміръ Григорьевичъ,

„Милостивый мой Гдрь и Величайшій Патронъ.

„Что я присылкой сочиненій на чуваскомъ языкѣ умедлилъ, прошу милостиво сіе мнѣ уступить,—причина тому лишеніе вѣрныя оказіи! Чрез'вручителя сего Гдна Маэора Лукошкова оное Вашему Высоко-Графскому Сіятельству сообщаю. При чемъ и себя самого продолжаемой Вашего Высоко-Графскаго Сіятельства милости препоручивъ, при отданіи нижайшаго моего поклона здол'жнѣйшимъ почтеніемъ навсегда пребывать имѣю.

„Вашего Высокографскаго Сіятельства

„Милостиваго моего Гдря и величайшаго

„Патрона всѣхъ блгъ усердный желатель.

„Покорній слуга и Богомолецъ

„смиренный Веніамінъ

„Архіепископъ Казанскій".

«Марта 14 ч.
1768 года
Казань».

Интересное по своему содержанію и по исторической личности автора слѣдующее письмо Платона, бывшаго впослѣдствіи Митрополитомъ:

„Сіятельнѣйшій Графъ!

„Милостивый Государь!

„По приказанію Вашего сіятельства принесена ко мнѣ книга, Академіи наукъ переводчикомъ Паленовымъ и изъ оной книги показывано одно мѣсто, съ тѣмъ, не нахожу-ли я сомнѣнія, чтобъ ему такъ, какъ въ подлинникѣ есть, быть напечатану. На сіе Вашему Сіятельству изъясняюсь, что я по оной книгѣ тѣ особливо мѣста, кои касаются закона, или какимъ либо образомъ до оного относятся, читалъ и нѣкоторыя строки нашелъ (они отмѣчены линейками), которыя естлибъ въ печатаніи пропустить, казалось бы сходственнѣе съ тою осторожностію, каковую благоразуміе велитъ держать для предупрежденія всякихъ толковъ. Изъ отмѣченныхъ мною мѣстъ нѣкоторые кажутся неосновательны, другіе для людей не вдаль просвѣщенныхъ могутъ быть соблазнительны; иные выдуманы по извѣстной папістовъ къ Греческой церкви ненависти, и всегда худому латыновъ къ грекамъ расположенію. Суть же подлинно и такія мѣста, которые сходны съ истиною, но естли ихъ разглашать могутъ огорчить или опечалить нѣкоторыхъ духи. А при томъ, какъ мнѣ кажется, нѣкоторыя въ общество взошедшія злоупотребленія судить и исправлять предоставить вышнимъ Правителямъ, не простирая сію власть до каждаго. Правительство лучше знаетъ союзъ общества и оно же иногда основательно сноситъ таковыя злоупотребленія, коихъ истребленіе можетъ

быть произвело бы больше худа нежели самыя злоупотребленія. Признаюсь Вашему Сіятельству, что несказанно понравилось мнѣ въ сей же книгѣ на стр. 284, изображенное разсужденіе въ слѣдующихъ словахъ: il y a dans chaque nation un esprit général sur lequel la puissance même est fondée; quand elle choque cet esprit, elle se choque elle même, et elle s'arrête necéssairement. Разсужденіе достойное мудраго политика! но авторъ его едвали во всемъ ему послѣдовалъ; или подлинно послѣдовалъ: ибо будучи, какъ видно, папістъ, нигдѣ не упоминаетъ о власти безмѣрной папской, которую присвояетъ патріархамъ константинопольскимъ; хотя кажется по справедливости можно было между непослѣдними паденія Рима и римской Имперіи причинами положить чрезъ мѣрную власть папскую. о семъ пространнѣе Вашему Сіятельству разсудилъ изъяснится: ибо не худобъ было и въ другихъ таковыхъ же матерій изданіяхъ иногда дерзкихъ, иногда же не осмотрительныхъ, больше употреблять осторожности. Однако я нехочу столь смѣлъ быть, чтобъ сіе мое разсужденіе почитать неоспоримымъ: я долженъ всегда желать пользоватся совѣтами просвѣщенныхъ; между коими особливо Ваше Сіятельство искренно почитаю; поелику же и особливою Вашею къ себѣ любовію наслаждаюся, то оной благонадежно себя препоручая, пребываю со всегдашнимъ почтеніемъ

„Вашего Сіятельства

„Милостиваго Гдря

„доброжелательный и покорный слуга

Сен: 9 «1769» года. „А Платонъ".

Письмо Платона относится къ сочиненію Монтескье, переведенному съ французскаго Полѣновымъ и напе-

чатанному при Академіи Наукъ въ 1769 году, подъ заглавіемъ: „Размышленія о причинахъ величества Римскаго народа и его упадка“.

Въ томъ же году написаны слѣдующія три письма Фельмаршала Графа Румянцова къ Графу Орлову и два отъ Графа Орлова къ Графу Румянцову.

От Графа Румянцова:

„Милостивый Государь мой Графъ Владимеръ Григорьевичь!

„Я всегда щотъ мой вѣду вѣрной: что мой Милостивый Государь! ни когда мнѣ не откажете въ моихъ прозбахъ; какъ и въ сей послѣдней: чтобъ одинъ здѣшней въ академіи для словесныхъ наукъ находящейся Федоръ Поручка принятъ былъ въ особливое Вашего Сіятельства милостивое призреніе; и выдаванобъ ему было тамъ по сту двадцати рублевъ нагодъ; которыя я! Вашему Сіятельству возвращать буду куда прикажете; а въ протчемъ старатся стану доказывать о моемъ всегдашнемъ почитаніи съ коимъ пребываю.

„Милостивый Государь мой
„Вашего Сіятельства
„всепокорнѣйшій слуга
„Румянцевъ“.

30 Октября 1767 года
Глуховъ.

„Милостивый Государь мой Графъ Владимеръ Григорьевичь.

„Присутствіе любезнаго шурина Вашего Сіятельства, Господина Штакелберга, и довѣренность съ которой

препоручать мнѣ изволите его поведеніе, двократное приносятъ мнѣ удовольство, такъ потому, что я вижу отъ стороны Вашей знакъ несомнительнаго признанія о моемъ отличномъ усердіи ко всей почтеннѣйшей фамиліи Вашего Сіятельства, какъ и для того, что преподаете тѣмъ случай къ оказательству моей чувствительности за вашу благостную пріязнь. Прошу быть увѣреннымъ, что я буду стараться открыть въ обстоятельствахъ нынѣшнихъ путь ему, къ полезному знанію военнаго дѣла, и предостерегать всѣ поползновенія, свойственныя молодымъ людямъ.

„Пребывать въ протчемъ имѣю честь
„съ непремѣннымъ почтеніемъ
„Вашего Сіятельства
„покорнѣйшимъ слугою
„Румянцевъ“.

Мая 15 ч. 1769 г.
изъ Главной квартиры
въ Хрѣновомъ Шатрѣ.

„Милостивый Государь мой Графъ Владиміръ Григорьевичъ.

„Я Вашему Сіятельству и симъ повторить честь имѣю прежнее мое увѣреніе о любезномъ шуринѣ Вашемъ Господинѣ Штакельбергѣ, что я за особливое удовольство симъ поставляю исполнить все угодное Вашему Сіятельству по случаю его нынѣшней службы. Онъ у меня ордонансъ и ведетъ себя столько похвально, что сама справедливость даетъ поводъ увѣрить Ваше Сіятельство и впредь о его непремѣнныхъ сему поступкахъ. Я навсегда не оставлю продолжаемаго уже объ немъ попеченія, чтобъ имѣвши свои выгоды, пріобрѣсть онъ такъ же бы могъ и знаніе военное его состоянію

нужное, какъ въ послѣднемъ его охота и исправность совершенно обнадеживаютъ. Въ протчемъ я пребуду всегда съ моимъ усерднѣйшимъ почтеніемъ

„Вашего Сіятельства
„покорнѣйшимъ слугою
„Румянцевъ“.

Іюня18 д. 1769 г.
Изъ Сан Бурга.

От Графа Орлова:

„Государь мой Петръ Александровичъ.

За нѣсколько недѣль писалъ я къ Вамъ и просилъ о неоставленіи того письма вручителя котораго я препоручилъ совсѣмъ въ милость Вашу съ тѣмъ если онъ будетъ вести себя недобропорядочно, то Вы его въ ономъ милостиво изправлять будете и поможете ему быть хорошимъ офицеромъ. Лаская себѣ что Вы ему сію милость неоткажите изъ любви ко мнѣ и хозяйкѣ моей также и изъ дружбы къ брату Ивану Григорьевичу. Съ удовольствіемъ увѣдомляя Ваше Сіятельство, что сколько мнѣ извѣстно, то какъ Государыня такъ другіе Вашими распоряженіями довольны. Дай Богъ сего и впередъ. Я сего желаю и не сумнѣваясь что Вы всѣ благоразумныя старанія къ достиженію онаго употребите. Пребуду съ искреннимъ почтеніемъ и пр.“

„Милостивый Государь мой
„Петръ Александровичъ!

„Посылая къ Вашему Сіятельству гостинецъ желая чтобъ оный Вамъ былъ пріятенъ. Въ скоромъ времени

перешлю другую карту Полшы и Молдавіи, которая на сихъ дняхъ издается отъ Академіи, препоручивъ милости Вашего Сіятельства трехъ братьевъ Штакелберговъ. Сколько мнѣ извѣстно, то поведеніе ихъ изрядно, и ежели они имѣютъ какіе способности, то надѣюсь отъ Васъ, что подадите имъ случаи, оные въ дѣйство произвести, не оставте Ваше Сіятельство Вашимъ наставленіемъ, какъ въ томъ что до поведенія, такъ и въ томъ, что до ремесла ихъ касается. Въ надеждѣ дружбы къ моей семьѣ утруждая васъ сею прозбою, чемъ меня обяжите. Ежели большихъ двухъ братьевъ желаніе будетъ повидаться съ нами въ Петербургѣ: то не можноли Ваше Сіятельство случай къ тому имъ найтить, и сія милость имъ и мнѣ сдѣлать".

Ноябрь или Декабрь 1769 г.

VI.

Вступленіе въ общее съ братьями владѣніе имѣніями.—Женитьба Графа Владиміра Григорьевича.—Рожденіе перваго сына.—Продолженіе переписки съ разными учеными и губернаторами.—Переписка Графа Владиміра Григорьевича съ братьями Алексѣемъ и Ѳедоромъ.

Въ перепискѣ Графа Владиміра Григорьевича 1768 года выказываются два значительныя происшествія, давшія особое направленіе его жизни: съ одной стороны то, что онъ вступалъ съ братьями во владѣніе большими имѣніями, съ другой, что онъ, еще будучи весьма молодымъ человѣкомъ, рѣшился жениться.

Предки Орловыхъ, какъ видно съ первыхъ страницъ настоящихъ записокъ, были Тверскіе помѣщики. Имѣнія ихъ какъ родовыя, оставшіяся за обмѣномъ на Высочайше пожалованныя имъ земли, такъ и самыя эти земли, были нѣсколько лѣтъ въ общемъ владѣніи у пяти братьевъ. Графъ Владиміръ Григорьевичъ, какъ участвовавшій въ ономъ, былъ уже съ 1768 года однимъ изъ небольшаго числа крупныхъ русскихъ собственни-

ковъ. Впослѣдствіи онъ сдѣлался единственнымъ владѣльцемъ родоваго имѣнія, которымъ онъ повидимому особенно дорожилъ. Четыре старшіе брата продали его младшему Графу Владиміру въ 1782 году.

Старшіе братья имѣли, кромѣ того, отдѣльныя собственности: Иванъ—въ Симбирской губерніи то именно имѣніе, о которомъ упоминается въ дневникѣ путешествія Императрицы и въ самыхъ Ея письмахъ Графу Панину. Графу Григорью была пожалована въ самый годъ воцаренія Императрицы великолѣпная Гатчинская мыза и мраморный дворецъ въ Петербургѣ, достроенный уже по кончинѣ Князя. На этомъ дворцѣ была надпись „Дань благодарности". Оба эти пышные дара, содержаніе которыхъ превысило бы средства всякаго частнаго человѣка, были выкуплены Императрицей приблизительно за милліонъ рублей, который пошелъ на уплату долговъ, сдѣланныхъ Княземъ Григорьемъ. Графу Алексѣю были пожалованы также, особо отъ общихъ владѣній въ Симбирской губерніи, большія имѣнія въ Московской, Воронежской и другихъ губерніяхъ. Графу Ѳедору поступили также отдѣльныя имѣнія въ Симбирской губерніи. Всѣ эти имѣнія были, за небольшимъ исключеніемъ, распроданы въ разныя руки самими владѣльцами или ихъ наслѣдниками.

Нельзя было здѣсь умолчать о большихъ имущественныхъ средствахъ братьевъ Орловыхъ и въ особенности о той части, которая досталась Графу Владиміру Григорьевичу,—потому что характеръ человѣка развивается инако при бѣдности, при довольствѣ и при богатствѣ. Счастье есть въ своемъ родѣ испытаніе.

Хотя Владиміръ Орловъ пользовался самымъ пріятнымъ и лестнымъ положеніемъ при Дворѣ Екатерины,

но жизнь придворная никогда не была ему по вкусу. Сколь ни дорожилъ онъ милостивымъ къ нему расположеніемъ Екатерины, — предметомъ желаній его была жизнь семейная, съ досугомъ для умственныхъ занятій и чистыхъ наслажденій сельскою жизнью и природою; поэтому онъ, скоро по возвращеніи своемъ изъ Лейпцига, началъ думать объ удаленіи отъ Двора и о женитьбѣ. Его выборъ остановился на дѣвицѣ Елисаветѣ Ивановнѣ Штакельбергъ, фрейлинѣ, жившей при Дворѣ Императрицы. Частые случаи, сближавшіе ихъ, дали Графу возможность коротко узнать и оцѣнить рѣдкія душевныя качества ея; онъ чувствовалъ глубокую симпатію и уваженіе къ ней и помышлялъ о предложеніи ей руки своей, на что однако безъ согласія старшихъ братьевъ не рѣшался. Братья находили, что въ то время онъ былъ еще слишкомъ молодъ для женитьбы; долго ожидалъ онъ ихъ согласія, и въ продолженіе этого времени чувство его къ предъизбранной подругѣ жизни нетолько не измѣнилось, но созрѣло до самой крѣпкой привязанности, и никакія усилія съ разныхъ сторонъ склонить его жениться на одной изъ дѣвицъ, которая могла бы упрочить ему болѣе въ политическомъ отношеніи важное положеніе при Дворѣ, не могли поколебать его намѣренія. Когда исполнилось ему 25 лѣтъ, онъ объявилъ братьямъ своимъ, что не хочетъ отлагать болѣе своего рѣшенія, и предложилъ свою руку Елисаветѣ Ивановнѣ Штакельбергъ, которая взаимно любила его и уважала. Супружество ихъ было самое счастливое: они прожили 49 лѣтъ въ невозмутимомъ согласіи и нѣжнѣйшей любви, выражавшейся въ непрестанной заботѣ другъ о другѣ до глубокой старости.

Главныя радостныя и печальныя происшествія въ се-

мейной жизни Графа Владиміра будутъ въ свое время представлены читателю.

Вельможа богатый и женатый продолжаетъ только что начатыя имъ дѣла администраціи и устроеніе Академіи, и занимается съ необыкновенною любовью, какъ видно изъ его корреспонденціи, научными предметами, интересуясь всѣми современными ему открытіями и ревнуя о распространеніи въ отечествѣ вкуса къ познаніямъ и свѣта наукъ.

28 іюля 1769 года родился первый ребенокъ у Графа Владиміра — сынъ Александръ. Графъ увѣдомляетъ объ этомъ происшествіи Мещеринова слѣдующими словами въ концѣ письма: „скажу Фокѣ пріятное извѣстіе: далъ мнѣ Богъ сына Александра. Хозяйка моя родила благополучно. Александру уже сегодня 9 недѣль. Государыня его изволила пожаловать Прапорщикомъ въ Преображенскій полкъ, а Н. Н. Масловъ по отмѣнной его величинѣ изъ дѣтей, записалъ въ Гренадерскую роту, онъ родился безъ вершка аршинъ. Не худо будетъ я думаю, нынѣшій годъ съ тобою повидаться. Прощай Фока, дай Богъ тебѣ веселиться. Елисавета Ивановна кланяется Фокѣ“.

(Октября 1769 года.)

Великая была радость Графа при рожденіи перваго сына Александра. Попеченіе о его здоровьѣ высказывается во множествѣ писемъ отца, увѣдомляющаго своихъ братьевъ и друзей о появленіи зубовъ у Александра, объ его ростѣ и развитіи тѣлесныхъ и умственныхъ силъ. Воспитаніе этого сына дѣлается средоточіемъ его заботливости.

1770-й годъ, прославленный въ лѣтописяхъ военной исторіи знаменитою морскою битвою, которой Графъ Але-

ксѣй Орловъ обязанъ своимъ титуломъ Чесменскаго, начался для младшаго его брата среди придворныхъ празднествъ въ Петербургѣ, среди академическихъ трудовъ его и семейныхъ радостей. Все это отражается въ перепискѣ его. Въ этомъ самомъ году Графъ Владиміръ Григорьевичъ совершаетъ путешествіе, о которомъ будетъ сказано впослѣдствіи, въ Малороссію, а оттуда въ вотчины, недавно полученныя имъ отъ щедротъ Монаршихъ. Семейство Орловыхъ въ это время еще находилось въ періодѣ возрастающаго благополучія. Письма младшаго брата дышатъ удовольствіемъ и веселостью, не взирая на разстройство здоровья, побуждавшее его помышлять о предпринятіи вмѣстѣ съ семействомъ заграничнаго путешествія, по совѣту медиковъ, къ желѣзистымъ водамъ. Въ то время такое дальнее путешествіе было потруднѣе, чѣмъ теперь.

Въ слѣдующемъ извлеченіи изъ корреспонденціи его найдутъ себѣ мѣсто сперва переписка съ учеными, потомъ нѣсколько писемъ его къ братьямъ своимъ, отражавшихъ тогдашнюю петербургскую жизнь, великія современныя событія, совершавшіяся въ Европѣ, и обстоятельства войны съ Турціею, и кромѣ того сообщавшихъ и разныя семейныя и общественныя подробности.

Графъ пишетъ Палласу, извѣщая его объ избраніи въ члены Экономическаго общества, о соизволеніи Императрицы на посвященіе Ей журнала его путешествія; благодаритъ за присланную минералогическую коллекцію и описаніе рыбъ, которое будетъ напечатано въ запискахъ Экономическаго общества; одобряетъ предпринимаемое Палласомъ путешествіе съ ученою цѣлью въ Китай; затѣмъ поручаетъ ему заѣхать по дорогѣ, или послать другаго ученаго, въ Джелобію, гдѣ будто бы надъ одною изъ

тамошнихъ церквей слышится постоянный колокольный звонъ, и произвести изслѣдованіе причинъ такого страннаго явленія, присовокупляя, что сама Государыня къ этому факту относится съ сомнѣніемъ.

Гмелину — объ исходатайствованіи у Императрицы найма на 6 мѣсяцевъ судна для его путешествія, во время котораго проситъ обратить преимущественно вниманіе на торговлю. Разрѣшаетъ ему остаться еще на годъ въ Персіи, заявляя, что Императрица очень довольна присланнымъ имъ сочиненіемъ и проситъ переслать при случаѣ собранныя имъ коллекціи.

Гюльденштедту выражаетъ сожалѣніе о постигшей его болѣзни, удержавшей отъ поѣздки въ Георгію (Грузію), каковое путешествіе впрочемъ Академія одобряетъ.

Лепехину подтверждаетъ о веденіи журнала его путешествію, а Ловицу дѣлаетъ строгое внушеніе по поводу его молчанія и уклоненій отъ доставленія астрономическаго журнала, который ожидается всѣми съ нетерпѣніемъ.

Командовавшимъ 1-ю и 2-ю арміями Графамъ Румянцову и Панину и Кіевскому губернатору Графъ пишетъ объ оказаніи всевозможнаго содѣйствія адъюнкту Крафту, командированному Академіей для географическихъ изслѣдованій въ Молдавію и Валахію, а Тобольскому губернатару — о скорѣйшей постройкѣ обсерваторіи для астрономическихъ наблюденій капитана Исленьева, которому предлагаетъ лично вступить въ Академію.

Мюллеру (въ Москвѣ) изъявляетъ благодарность за книги и труды по обработкѣ исторіи Сибири, которые послужатъ значительнымъ пособіемъ историку Сибири Фишеру.

Пабсту, Гримму (горному совѣтнику, въ Фрейбургѣ) поручаетъ пріискать практически свѣдущихъ уче-

ныхъ по части минералогіи и двумъ остальнымъ царствамъ, для добыванія каменной соли и для устройства рудниковъ, а

Эрнести, въ Лейпцигѣ, передаетъ порученіе Императрицы о прісканіи свѣдущаго въ древностяхъ лица, для посылки его въ Архипелагъ, съ обязанностью составить описаніе встрѣченныхъ имъ тамъ достопримѣчательностей по части древностей, и затѣмъ издать это описаніе.

Клодіуса благодаритъ, отъ имени Императрицы, за присланныя стихотворенія.

Кромѣ того, въ 1770 году Графъ приглашалъ въ Россію разныхъ иностранныхъ ученыхъ, особенно же желалъ онъ пріѣзда тайнаго совѣтника Бемера изъ Берлина, и предлагалъ ему сначала, чрезъ Формея, мѣсто ректора Московскаго университета; затѣмъ лично извѣстилъ Бемера, что Государыня соизволила на посвященіе Ей сочиненія, и весьма рада его пріѣзду въ Петербургъ, первоначально назначивъ ему окладъ въ 2000 рублей; что о немъ сообщено уже русскому посланнику, и что, въ случаѣ выхода его, Бемера, изъ службы въ Берлинѣ, онъ охотно принимается на службу къ русскому Двору; взаключеніе Орловъ изъявлялъ свою радость въ виду личнаго близкаго знакомства съ Бемеромъ.

Базедову, профессору въ Альтонѣ, Графъ передаетъ приглашеніе Императрицы пріѣхать въ Петербургъ для совѣщанія по педагогическимъ вопросамъ, въ видахъ устройства училищъ въ Россіи; благодаритъ его, отъ имени Государыни, за присланныя книги съ приложенными къ нимъ эстампами, прося о доставленіи 400 оттисковъ послѣднихъ къ изготовляемому русскому переводу этого сочиненія. Для успѣшнѣйшаго довер-

шенія этого труда Государыня пожаловала Базедову 1000 руб.

Заботливость Графа въ дѣлѣ *о воспитаніи молодыхъ людей, посланныхъ заграницу,* въ Педагогіумъ въ Галлѣ, выражается въ многочисленныхъ письмахъ его къ лейпцигскимъ педагогамъ и ученымъ: Беме, Шраберу (инспектору въ Галлѣ), Шенфельду, Зейдлицу, Бокуму и др. Ко всѣмъ этимъ лицамъ Графъ обращается за свѣдѣніями о Педагогіумѣ, какъ заведеніи хорошо имъ извѣстномъ, и, передавая ходячіе слухи, что въ воспитывающихся въ немъ дѣтяхъ внѣдряются чувства меланхоліи, боязливости и скрытности, выражаетъ опасеніе, несмотря на хорошую репутацію означеннаго заведенія, что врожденная живость дѣтскаго характера можетъ смѣниться мрачнымъ настроеніемъ и перейти въ піетизмъ. Въ это время въ Галльскомъ Педагогіумѣ находились слѣдующіе молодые русскіе: братья Богусловскіе, Наумовъ, Зиновьевъ, Насакинъ, Островковъ, и посылались еще: Бунинъ, дѣти Шкурина и Димона и Алексаша (послѣдній, вѣроятно, побочный сынъ Графа Алексѣя Григорьевича). При посылкѣ Бунина, остроумнаго и живаго юноши, Графъ заботится о томъ, чтобъ онъ не былъ запуганъ, и вообще проситъ приставить къ дѣтямъ руководителей, которые сообразовались бы съ ихъ характерами и наклонностями. Но особенно ясно выразился личный взглядъ Графа на направленіе воспитанія въ перепискѣ его съ Гейницемъ. Такъ въ одномъ изъ писемъ къ нему Графъ подробно объясняетъ, что желаніе родителей молодыхъ людей, находящихся въ Лейпцигѣ, заключалось въ томъ, чтобъ удалить дѣтей отъ сообщества прислуги и не обременять ихъ непосильнымъ ученьемъ. По слабости и нѣжности ихъ

темпераментовъ, имъ необходимы частыя прогулки пѣшкомъ, по временамъ поѣздки и т. п. для укрѣпленія физическихъ силъ. Проситъ устранять этихъ молодыхъ людей отъ панибратства съ прислугой, отчего они уже пострадали прежде, и заняться постепенным исправленіемъ ихъ выговора и образа выраженій. По мнѣнію Графа, занятія науками не должны быть для нихъ бременемъ; сообщеніе имъ различныхъ понятій, соотвѣтственныхъ ихъ способностямъ, можетъ быть достигнуто путемъ бесѣдъ; поощрять въ мальчикахъ охоту заниматься рисованіемъ, танцами, ариѳметикой и географіей; наблюдать, чтобъ они при кратковременныхъ отлучкахъ всегда были сопровождаемы надежнымъ человѣкомъ. Затѣмъ проситъ о доставленіи чрезъ каждые 2 мѣсяца вѣдомостей объ ученіи и поведеніи молодыхъ людей, плата за содержаніе которыхъ будетъ высылаема пополугодно, и обѣщаетъ за труды воспитанія дѣтей признательность ихъ родителей. Другимъ письмомъ Графъ разрѣшаетъ Гейницу отправиться съ дѣтьми на воды и, назначая для одного изъ нихъ наружное употребленіе водъ, проситъ поступать съ осторожностью, пригласивъ къ совѣту мѣстнаго врача. Желаетъ знать — продолжается ли у одного изъ мальчиковъ англійская болѣзнь.

Изъ корреспонденціи Графа въ этомъ году съ нѣкоторыми губернаторами видно, что онъ имѣлъ порученія отъ Императрицы и *по дѣламъ внутренней политики*. Такъ, въ письмахъ (на нѣмецкомъ языкѣ) Казанскому губернатору Брандту Графъ замѣчаетъ, что во ввѣренной ему губерніи дѣла находятся не въ порядкѣ: по слухамъ, многіе изъ служащихъ несвободны „отъ крючкотворства и взяточничества“ *) и другихъ

*) Эти два слова написаны въ нѣмецкомъ письмѣ порусски.

слабостей, о которыхъ неудобно говорить въ письмѣ. Эти замѣчанія вызваны чувствомъ дружбы, какъ могущія оказаться не безполезными, въ особенности при производствѣ рекрутскаго набора, который, какъ слышно, не обошелся безъ притѣсненій; справедливая строгость въ управленіи губерніею, по его мнѣнію, можетъ принести немалую пользу. При этомъ даетъ предостереженіе въ отношеніи окружающихъ, указывая на нѣкоторыхъ лицъ, которыя, по слухамъ, считаются лихоимцами. Въ другомъ письмѣ хвалитъ Брандта за его энергическій образъ дѣйствій, употребленный имъ противъ насилія (?), благодаритъ за сдѣланный выговоръ управляющему конскими заводами, какъ вполнѣ заслуженный, и совѣтуетъ на будущее время, въ случаѣ его неисправности, поступить съ нимъ по всей строгости законовъ.

Война съ Турціей была объявлена въ 1768 году и Высочайшій о томъ манифестъ состоялся 16 ноября того года. Григорій Орловъ задолго до этой войны помышлялъ и возбуждалъ въ Императрицѣ мысли объ освобожденіи христіанъ отъ магометанскаго ига и о возстановленіи Греціи и отдѣленіи ея отъ Турецкой имперіи. Онъ внесъ въ засѣданіе Совѣта, состоявшееся подъ предсѣдательствомъ Императрицы, свое предложеніе и, по его настоянію, флотъ былъ отправленъ въ Средиземное море и ввѣренъ главному начальству брата его Алексѣя.

Владиміръ Григорьевичъ пишетъ изъ Петербурга къ двумъ братьямъ Алексѣю и Ѳедору въ Италію *):

*) Графы Алексѣй и Ѳедоръ на время путешествія перемѣнили свои имена: первый назвался Островскимъ, а послѣдній Бо-

№ 34. Января 18.

„Письмо Ваше Голубчики отъ 25 Декабря получилъ; Розенбергъ уже тогда уѣхалъ. Сожалѣемъ, что небыло тебѣ извѣстія болѣе о Ѳедѣ и о флотѣ. — У насъ здѣсь уже болѣе недѣли слышно, что въ Магонъ 4 или 5 кораблей пришло, нѣкоторые въ Гибралтарѣ, а нѣкоторые въ гаваняхъ Португаліи, и сіи послѣдніе, сказываютъ, скоро идутъ въ Магонъ, а остались только 1 или 2 корабля изъ всей Спиридовской Эскадры въ Англіи. Есть извѣстіе, что Елфинстонъ съ нѣкоторыми кораблями дошелъ до Англіи, а сколь скоро оттуда пойдетъ о томъ неизвѣстно. Прощайте голубчики; у насъ здѣсь все благополучно, братья здоровы и я съ моею собственною семьею. Лиза *) кланяется и цѣлуетъ ваши ручки. Алексаша мой рѣзовъ становится. Можетъ быть мое письмо васъ обоихъ вмѣстѣ найдетъ“.

№ 36. Января 27.
къ Графу Ѳедору Гр-чу.

„Уже давенько отъ васъ писемъ нѣтъ. Мы привыкли оные часто получать, а теперь недѣли двѣ какъ неимѣемъ. Недавно здѣсь пришло извѣстіе, что въ Молдавіи наши Турковъ поколотили добрымъ порядкамъ. Число ихъ было болѣе 6000, нашихъ же едва — двѣ. Ихъ намѣстѣ легло тысяча или болѣе человѣкъ. Такъ то, братья! Гдѣ ни сойдемся съ Турками, тутъ побьемъ, несмотря на ихъ превосходство. Прилагаю при семъ прибавленіе объ ономъ произшествіи. Здѣсь зима рѣдко такъ умѣренна

городскимъ (Депеша Ширлея къ лорду Weymouth отъ 20 іюля 1768 г.).

*) Супруга Графа Владиміра Григорьевича.

бываетъ, какъ сего года: во все время большихъ морозовъ не было. Въ городѣ здѣсь не видать, чтобъ война настояла, объ ономъ немного безпокоятся; да и много веселья: маскарады, вольныя комедіи при дворѣ, ассамблеи у большихъ господъ по очереди всякую недѣлю, куда болѣе ста человѣкъ съѣзжается. Еще новый родъ собранія, называется клобъ, похожъ на Кафегаусъ, гдѣ уже болѣе 130 человѣкъ вписались, платитъ каждый по 30 рублей въ годъ; всякаго сорта люди есть въ немъ: большіе господа всѣ почти, средніе, ученые, художники и купцы. Можно въ оное ѣхать во всякое время, поутру и послѣ обѣда. Желающихъ въ оное вступить избираютъ баллотированіемъ. Я со всею семьею здоровъ, также братья, родня наша и милые ваши здоровы. Прощайте голубчики; дай Богъ вамъ всякаго благополучія. Лиза цѣлуетъ ваши ручки".

№ 38. Февраля 3.

„Турковъ бьютъ такъ часто и съ такимъ малымъ числомъ, что трудно было бы и вѣрить, ежели бы сіе не въ наше время происходило. Прилагаю здѣсь подробное прибавленіе произшедшему дѣлу при Фокшанахъ. Вчерашняго же числа пришло извѣстіе изъ арміи П. А. Румянцова, что Турки приходили къ Бухаресту многимъ числомъ, но малымъ числомъ нашихъ людей, съ урономъ нарочитымъ съ ихъ стороны, отбиты и прогнаны; однимъ словомъ, гдѣ ни встрѣтятся наши съ ними, тутъ ихъ и бьютъ. По симъ успѣхамъ, гораздо лучшему состоянію нашихъ обѣихъ армій передъ прежними годами и благоразумнымъ мѣрамъ предпринятымъ, надобно по всей вѣроятности заключить, что сія кам-

панія будетъ гораздо жарче для Турковъ и гораздо выгоднѣе для насъ. У меня третьяго дня была радость: у Алексаши зубъ прорѣзался, и онъ былъ въ это время такъ здоровъ, что онаго и ожидать было нельзя. Я со всею моею семьею, благодаря Бога, здоровъ, также и братья здоровы. Елисавета Ивановна цѣлуетъ ваши ручки и желаетъ вамъ всякаго благополучія".

№ 41. Февраля 9.

„Письмо твое, Алеханъ *) послѣднее получили отъ 4 Января. Слава Богу что ты здоровъ; но жаль очень что по сю пору о Өедорѣ извѣстія нѣтъ, а возли бо (авось-либо?) скоро будетъ, чего отъ всего сердца всѣ желаемъ. Прошлый разъ писалъ я къ Вамъ, что одинъ зубъ прорѣзался у Алексаши, а теперь и другой, — дѣтина гораздо пошумливаетъ, однако не ворчитъ. Вчера получено извѣстіе отъ Графа Румянцова, также рапортъ отъ Штофелна, который съ корпусомъ былъ посланъ къ Браилову. При самой крѣпости разбилъ онъ Турковъ, — нѣкоторое число пѣхоты ушло въ крѣпость, конница въ стѣны, побито на мѣстѣ болѣе 1000 человѣкъ, да и въ погонѣ нашими легкими войсками порублено много и потонуло много въ рѣкѣ Серетѣ, чрезъ которую они принуждены были переправлятся. Съ нашей же стороны убито трое. Городъ т. е. предмѣстье Турками зазженъ и знатная часть сгорѣла, а нашими при отходѣ совсѣмъ въ пепелъ обращенъ. Въ семъ предмѣстьи было 7000 домовъ, при томъ сгорѣлъ и магазинъ, въ которомъ было

*) Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ.

60000 четвертой провіанта. Штофельнъ принужденъ былъ отступить отъ крѣпости; крѣпость гораздо въ хорошемъ состояніи: провіанту и аммуниціи въ ней довольно; гарнизонъ многочисленный; у насъ осадной артиллеріи не было да и сверхъ того время было холодно и неудобно. На походѣ раззорилъ много деревень, дабы тѣмъ воспрепятствовать непріятелеву нападенію, которое онъ покушается дѣлать на Фокшаны и Бухарестъ. Можетъ быть мое письмо васъ обоихъ вмѣстѣ застанетъ. Молю Бога о благополучіи вашемъ. У насъ все здѣсь въ хорошемъ состояніи. Прощайте Сударики Алеханушка и Федя. За письмо твое частое, Алеханъ, благодарствую очень, очень".

№ 43—67 Февраля 15.

„Здравствуйте, ребята! Мы слава Богу, всѣ здоровы. Алексаша мой часъ отъ часу веселѣе становится. О твоемъ Алексашѣ, Алеханъ, могу сказать мнѣ и тебѣ въ удовольствіе, что онъ ведетъ себя очень хорошо. Мои старанія при воспитаніи ребятъ всѣ на тотъ предметъ клонятся, о которомъ ты въ одномъ изъ твоихъ послѣднихъ писемъ упоминаешь, т. е. доброе и честное сердце всему предпочитать. Вас. Гр. Шкуринъ упросилъ меня, также и Димонъ, чтобъ я его дѣтей взялъ къ себѣ и послалъ бы въ чужіе края нынѣшнимъ лѣтомъ. Я согласился на оное и двоихъ меньшихъ взялъ къ себѣ мѣсяцъ на другой, на третій, чтобъ они развыклись съ родителями и сноснѣе бы имъ была разлука, а лѣтомъ пошлю ихъ съ хорошимъ человѣкомъ всѣхъ троихъ въ чужіе края. Ребята кажутся очень изрядные. У насъ все по стараму. Поздравляю тебя Фе-

динька съ сегодняшними имянинами. Дай Богъ тебѣ будущіе твои дни такъ счастливо жить, какъ я тебѣ желаю. Рожденіе твое мы праздновали нѣсколько дней назадъ. Переслалъ бы я къ тебѣ гостинецъ — маленькую книжечку, которую я для тебя и для Алехана нарочно заставилъ перевесть и которая мнѣ чрезвычайно нравится. Лиза также поздравляетъ васъ обоихъ съ имянинникомъ и цѣлуетъ ваши ручки".

№ 44—68. Февраля 24.

„Вчера пришло радостное извѣстіе сюда: Генералъ Штофелнъ при мѣстечкѣ Журжѣ встрѣтилъ около 15000 Турокъ; въ скоромъ времени разбилъ ихъ и разсыпалъ; на мѣстѣ легло съ ихъ стороны съ 3000 человѣкъ; въ полонъ при отъѣздѣ курьера безпрестанно водили и уже было 370. По разбитіи, мѣстечко взялъ, крѣпость же еще не была взята, въ которой засѣло съ 500 человѣкъ; однако надѣются, что онъ ее конечно возметъ. Вотъ, такъ то братцы покалачиваютъ! Нынѣшнюю зиму мы недремали; дай Богъ, чтобъ наступающая весна успѣхами похожа была. Теперь съ часу начасъ надобно ждать подобныхъ вѣстей. Дня съ три ѣздилъ съ братомъ Григорьемъ Гр-чемъ въ Гатчину и веселился тамъ съ нимъ два дня. У насъ все, слава Богу, въ хорошемъ состояніи. Я съ моею семьею здоровъ. Цѣлуемъ васъ всѣ заочно, и желаемъ очень имѣть о Федорѣ извѣстіе".

№ 45—69. Марта 3.

„Послѣднее ваше получа письмо обрадовались, что вы оба въ добромъ здоровьи и что нашъ флотъ пойдетъ въ назначенное мѣсто. Но съ другой стороны, радость

остановлена тѣмъ, что вы далеко отъ насъ будете и труднѣе отъ васъ вѣсточки получать. Богъ вѣдаетъ, когда и гдѣ наши письма васъ найдутъ. Мы всѣ здѣсь прилежно молимся Богу о счастливыхъ успѣхахъ.........

„Ежели по желанію нашему пойдетъ, и нынѣшняя компанія будетъ соотвѣтствовать прежней, какъ сухопутная, такъ и водяная; то надѣяться можно, что съ окончаніемъ компаніи, кончится и война. Благодаря Бога, мы здѣсь въ Петербургѣ и въ Россіи, сколько мнѣ извѣстно, очень покойны въ разсужденіи военнаго времени. Все у насъ идетъ здѣсь по старому, даже и Коммисія о Уложеніи хотя и не съ такимъ подвигомъ, однако очень изрядно идетъ. Фединька, голубчикъ, виноватъ ты, что писавъ къ Алексѣю два письма въ Ливорно, къ намъ ни одного не прислалъ, — засуетился или залѣнился, да Богъ проститъ, хотябъ и послѣднее было. У тебя собаки молодыя нѣкоторыя гораздо хорошо скачутъ, — я самъ тому свидѣтель, и не много выискиваются, которыя бы ихъ оскакивали. Товарищамъ вашимъ всѣмъ кланяюсь. Желаю вамъ всякаго благополучія. Я, слава Богу, со всею моею семьею здоровъ. Лиза цѣлуетъ ваши ручки“.

№ 46—70. Марта 10.

„Здравствуйте, друзья сердечные! У насъ здѣсь стоитъ холодно и морозно. Новостей особливыхъ нѣтъ. Всѣ же прочія извѣстія хорошія, которыя какъ изъ вѣдомостей видимъ, также и другими каналами получаемыя. Дай Богъ вамъ въ вашей сторонѣ счастія. То дѣло скоро къ концу придетъ, о чемъ мы здѣсь очень Бога молимъ. Нѣтъ почти никакой надежды, чтобъ мое теперечное

письмо застало Алехана въ томъ же мѣстѣ. Жаль что при этомъ несравненно долѣе письма ходить будутъ. Однако мы, такъ какъ и прежде, всякую недѣлю писать будемъ и васъ просимъ неоставлять письмами своими, а особливо Федю лѣниваго. Прощайте Голубчики".

№ 50—71. Марта 24.

„Братцы, голубчики! У насъ вдругъ тепломъ ударило и дня съ четыре какъ снѣгъ весь поводенѣлъ. Мы думали, что нынѣшней зимы конца небудетъ: до 6-й недѣли поста морозъ за морозомъ былъ; однако, за всею теплотою Нева простоитъ кажется страстную недѣлю. Съ низу пишутъ, что тамъ весна стала съ первой недѣли великаго поста и скотъ уже въ поле выгоняютъ, а здѣсь въ то время жестокая зима господствовала. У васъ, я чаю, снѣгу давно видомъ не видать, и слыхомъ неслыхать. Дворъ пойдетъ послѣ праздниковъ въ Царское Село. Давно пора Государынѣ такою жизнью воспользоваться, а то нынѣшнею зимою по большой части на одномъ мѣстѣ, въ запертыхъ комнатахъ время препроводила, къ тому же или въ чтеніи, или въ письмѣ. Чаю, вы молодцы, заскакали за три девять земель. Молю Бога о здоровьи вашемъ и объ успѣхахъ. Прощайте, Сударики! Я со всею семьею здоровъ. Лиза цѣлуетъ ваши ручки".

Къ этому же году относятся и слѣдующія письма въ Академію:

(Переводъ.)

„П. П.

„Г. пасторъ Лаксманъ просилъ меня предоставить ему мѣсто Академика, если Академія признаетъ его достойнымъ. Что касается до меня, я считаю его способнымъ

человѣкомъ, въ особенности для исправленія хозяйственной должности, которой хотя въ настоящее время и не существуетъ, но въ будущемъ можетъ легко открыться. Пока ему можно бы было поручить химическія работы. Будьте такъ добры представьте это Академіи, чтобы узнать мнѣніе послѣдней на этотъ счетъ.

„Письмо г. Шлёцера я еще разъ попрошу. Слѣдуетъ, чтобы Географическій Департаментъ собралъ свѣдѣнія насчетъ подробностей, сообщаемыхъ г. Бюшингомъ, и чтобы не забыли отвѣтить на это.

„Протоколъ оставляю еще у себя. Въ случаѣ, если въ отношеніи г. Лаксмана произойдетъ разногласіе, то сообщите мнѣ въ чемъ расходятся мнѣнія г. г. Академиковъ.

„В: Г: Орловъ“.

Четвергъ 25-го Февраля
(1770 года).

(Переводъ.)

„Посылаю Вамъ конспектъ Кепплеровыхъ рукописей. Я его получилъ отъ Ея Императорскаго Величества для сохраненія его при Академіи. Какъ только книги будутъ доставлены, онѣ немедленно должны быть сданы въ Академію.

„Г: В: Орловъ“.

(Переводъ.)

„Въ Академическую Конференцію.

„Ея Императорское Величество дали мнѣ отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ внутри России, для поправленія моего здоровья. Въ мое отсутствіе Вы будете собираться какъ и прежде, по два раза въ недѣлю, и рѣшать всѣ дѣла большинствомъ голосовъ; секретарь же долженъ слѣдить

за тѣмъ, чтобы всякій подавалъ свой голосъ. Журналъ обо всемъ, что произойдетъ въ мое отсутствіе, долженъ быть мнѣ доставленъ тотчасъ по моемъ возвращеніи. Впрочемъ я надѣюсь, что всякій изъ Членовъ постарается избѣгать всего того, что можетъ помѣшать общему согласію, чрезъ что слѣдовательно дѣла могутъ идти по возможности скорѣе и исправнѣе.

„Графъ Владиміръ Орловъ".

20-го марта
1770.

VII.

Дневникъ путешествія, въ 1770 г., въ Кіевъ и въ свои вотчины.

Переписка съ учеными и съ братьями прерывается въ мартѣ мѣсяцѣ, и ее замѣняетъ краткій собственноручный дневникъ втораго путешествія по *Россіи* Графа Владиміра Орлова. Это путешествіе, исполненное лѣтомъ 1770 года, въ веселомъ, часто шутливомъ расположеніи духа, съ частымъ выраженіемъ восхищенія красотами природы, изобилуетъ подробностями, которыя собирались, повидимому, какъ матеріалы для какого нибудь полнаго сочиненія. Описаны и слой земли, и мѣстныя растенія съ названіями латинскими и русскими, и народонаселеніе, и теченіе рѣчекъ съ указаніемъ ихъ мѣста происхожденія и истока. Послѣднее обстоятельство имѣлось, вѣроятно, въ виду для составленія въ большомъ масштабѣ карты или атласа Россіи, о которомъ рѣчь часто идетъ въ перепискѣ Орлова. Мы быстро послѣдуемъ за путешественникомъ и не пройдемъ молчаніемъ всѣхъ названныхъ имъ мѣстъ и людей, хотя съ того времени первыя много измѣнились, а послѣднія сошли съ лица земли. Случаются большія про-

странства безъ деревень и жилья, — и путешественникъ останавливается для обѣда на поляхъ при рѣчкахъ.

Онъ поѣхалъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ изъ Москвы на Кіевъ, Полтаву, Харьковъ, Воронежъ, Саратовъ, Сызрань, во вновь пожалованныя братьямъ Орловымъ имѣнія Усолье и Новодѣвичье, которыя путешественникъ осматриваетъ уже не съ научной только, но и съ хозяйственной, помѣщичьей точки зрѣнія. Въ послѣднихъ мѣстахъ онъ пробылъ, со включеніемъ разъѣздовъ, около трехъ недѣль и потомъ возвратился въ Петербургъ. Онъ путешествовалъ, какъ видно изъ записокъ, съ веселымъ собесѣдникомъ Мещериновымъ, уже знакомымъ читателю.

Дневникъ начинается съ Москвы. Мѣста между селами Пахрой и Лопасней, тѣ самыя, въ которыхъ пришлось Орлову впослѣдствіи поселиться и провести большую часть жизни, описаны имъ, какъ „хорошія съ многими рощами". Хатунская волость, какъ видно, еще не была пожалована фамиліи Орловыхъ. Графъ обѣдаетъ въ Серпуховскомъ уѣздѣ, въ селѣ Семеновскомъ, у Петра Ѳедоровича Нащокина; ужинаетъ — у Александра Ѳедоровича Брянчанинова. Ночлегъ былъ въ деревнѣ Льва Александровича Нарышкина. Деревья, травы и цвѣты описаны съ любовью. „Цвѣла ольха, а нѣкоторыя деревья уже отцвѣли — орѣшникъ, ива и нѣкоторые полевые цвѣточки". Въ степяхъ вниманіе обращено на травы, особенно на ковыль, гдѣ степь пашется и сколько и какъ мало она населена. „Въ Тульскихъ ружейныхъ фабрикахъ дѣлаютъ (въ 1770 году) до 1200 ружей въ недѣлю и по 1200 шпагъ; считаютъ пару пистолетовъ противъ одного ружья. Лѣса переводятся и пр." „Все сіе свѣдалъ я отъ Тульскихъ мѣщанъ".

„18 Апрѣля поѣхали далѣе, нашли множество цвѣ-

товъ, все почти одинакихъ, разныхъ было 6 или 7, между которыми множество находились желтаго fumaria“...... Въ городѣ Черни всѣ дома крыты соломой, неисключая и самой Канцеляріи“. Здѣсь молодой путешественникъ вздумалъ повторить шутку, сыгранную съ профессоромъ Эйлеромъ, и она на этотъ разъ удалась и инкогнито было выдержано до конца, какъ видно изъ слѣдующаго разсказа. „Заѣхали къ Григорью Васильевичу Козицкому на однихъ роспускахъ и зашли къ воеводѣ подъ именемъ иностранныхъ, котораго въ ономъ и увѣрили; онъ какъ самъ бывалъ въ Петербургѣ, то много насъ распрашивалъ объ ономъ, принялъ насъ очень ласково и потчивалъ чаемъ; были у него Канцеляристъ, приказчикъ Таракановъ, и повѣренный Кабачный, — всѣхъ онъ ихъ посадилъ; видно было по его разговорамъ, что онъ о насъ совсѣмъ несомнѣвался; Канцеляристъ же и Приказчикъ быстро глядѣли на насъ; полчаса побывъ, простились. Онъ насъ проводилъ на дворъ и поѣхали въ большой Скуратовъ..... Ежели не знаетъ, кто про Чернь, то всякій назоветъ деревней, а не городомъ; въ городѣ 3 церкви маленькія деревянныя. Сей день наѣзжали очень хорошія мѣста, въ первый разъ слышали кукушку, а соловьи хотя нѣсколько дней, какъ тамъ сказывали и кричатъ, только мы не слыхали.“ „20 Апрѣля пріѣхали въ 10 часу утра въ Мценскъ“; „мѣщанство гораздо не богатое, къ тому же перессорилось между собою“. „Орелъ городъ есть знатнѣйшій изъ Украйны со стороны торга хлѣбомъ, немалъ гораздо, мы проѣзжали по немъ около 3 верстъ.“

22 апрѣля, — село Чуватино Ивана Ив—ча Сенявина.

23 апр., — „Мѣста для глазъ ни хороши ни дурны“; Сѣвскъ. Далѣе постоялые дворы, деревень нѣтъ.

25 апр., — Глуховъ.

26 апр. „Магдебургскаго права *) Нѣжинскій полкъ не имѣетъ“.

27 апр. „Батуринъ, Графовъ Кирилла и Алексѣя Григорьевичей Разумовскихъ. Въ первый разъ увидѣлъ, что пашутъ двумя волами и двумя лошадьми плугомъ, прежде пахали все одною лошадью и легкою сохою; ежели не втрое, то конечно вдвое пашутъ плугомъ глубже“.

1 мая путешественникъ въ Кіевѣ. Онъ тамъ занятъ обходомъ пещеръ Антоніевской и Ѳеодосіевской, монастырей и церквей, посѣщаетъ Академію, гдѣ учатъ по-латыни, по-французски, по-нѣмецки, по-польски, по-гречески, по-еврейски и по-русски.

6 мая, — Переяславль.

8 мая, — Лубны. „Много по обѣимъ сторонамъ кургановъ разной величины. Жители сказываютъ, что были въ этихъ странахъ побоища между Батыемъ и русскими“.

......„Во всякомъ полку, мнѣ сказывали, не навозятъ; жители лѣнивы; больше всѣхъ полковъ сѣятъ табакъ разныхъ сортовъ“.

10 мая, — Полтава. „Ѣздили на мѣсто, гдѣ была баталія между шведами и русскими, на 7-й верстѣ отъ Полтавы. Мѣсто все ровное, посреди курганъ, гдѣ погребены шведы и русскіе, сіе мѣсто отстоитъ верстахъ въ 2-хъ отъ Ворсклы. Нѣсколько видно еще изъ Шведскихъ и изъ Русскихъ редутъ; больше никакихъ остатковъ нѣтъ.“ „Монастырь хорошъ, строенъ Кочубеемъ. Карлъ XII стоялъ въ ономъ передъ баталіею, и когда ѣздилъ рекогносцировать, то раненъ былъ въ ногу казакомъ“.

21 мая, — село Чернещино. „Въ Малороссіи упряжка была очень дурная и маллороссіяне совсѣмъ ѣздить неумѣ-

---

*) См. Приложеніе IV.

ютъ. Народъ очень лѣнивъ и пьянъ, веселъ, ласковъ, чистосердеченъ, и очень простъ; вино зачинаютъ пить съ малолѣтства, и мальчики и дѣвушки и бабы такъ же почти пьянствуютъ, какъ мужики. Переходъ съ земли на землю сталъ имъ нынѣ труднѣе, однако и теперь иногда утекаютъ".

13 мая, — Перекопъ и Любатино.

14 мая, „Харьковъ городъ немалый, строеніе посредственное".

15 мая обѣдали при рѣчкѣ Бабкѣ, и ночь — въ слободѣ Волчьей.

16 мая, — Николаевка - Слоновка.

17 мая, — слобода Веселая.

18 мая, — слобода и городъ Ольшанъ и Острогожскъ „Городъ немалый, выстроенъ изрядно. Послѣ обѣда ѣздили въ селеніе, гдѣ съ 70 семей изъ разныхъ земель — изъ Виртемберга, изъ Пфальца и изъ другихъ мѣстъ; большая часть изъ нихъ поведенія очень дурнаго и совсѣмъ нехозяева и не хлѣбопашцы. Селеніе выстроено изрядно; 7 верстъ отъ города находится хлѣбъ поселянскій съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ они сюда пріѣхали, уже тому 5 лѣтъ, несравненно хуже хлѣба, который подлѣ ихъ Черкесы пашутъ".

19 мая, — Болдыревка, Терново, рѣчка Дѣвица; въ ней купались.

20 мая, — Воронежъ; „городъ строеніемъ всѣхъ украинскихъ виднѣе; немалое число каменныхъ домовъ, изъ которыхъ нѣкоторые хорошо представляются"; фабрики солдатскаго сукна.

21 мая „ѣздили въ Тавровъ, верстъ съ 10 отъ Воронежа; сдѣлана крѣпостца на версту кругомъ, строеніе каменное очень хорошее и теперь стоитъ только безъ кровли, много было матеріала запасено и зачаты уже

были строиться большіе военные корабли на докахъ по 60 пушекъ; послѣ же смерти Петра I-го все оставлено; тутъ находится 9 доковъ, которые уже много завалились; течетъ одна только рѣчка Тавровка не въ дальнемъ разстояніи отъ Воронежа. Сказываютъ, что вода въ Тавровкѣ въ водополы бываетъ очень велика. Также и въ Воронежѣ. Лѣтъ около 20 отъ пожара степи сжегся весь Тавровъ и съ матеріалами тамъ находящимися; одно только каменное строеніе осталось безъ крышки. Подлѣ крѣпости много вишни степной, терна, Божьяго дерева и розы дикой".

23 мая „ночевали въ селѣ Токсѣ(?), при рѣчькѣ того же имени; душъ въ немъ 600, живутъ все однодворцы. Пашни было мало и столько ковыля на лугахъ было, какъ будто нарочно посѣянъ былъ, лѣса не было, все черноземъ, великое множество по степи сурковъ; въ сихъ мѣстахъ прежде бывали дикія лошади, тому лѣтъ съ 10 назадъ".

24 мая, — Макарьево и Борисоглѣбскъ.

25 мая „пріѣхали въ Третьяково село немалое однодворческое, 30 верстъ отъ Борисоглѣбска, въ немъ есть и помѣщичьи крестьяне; Преображенскій протопопъ имѣетъ тутъ нѣсколько крестьянъ; мылись въ банѣ 43° теплоты по реомюру".

26 мая „пріѣхали въ село Красовку Льва и Александра Александровичей Нарышкиныхъ. Рѣка Медвѣдица. По всей степи почти только одна трава ростетъ ковыль; пашни же совсѣмъ нѣтъ; сія трава совсѣмъ пропадаетъ; сурковъ великое множество, водятся по большой части по малымъ курганчикамъ, которые, я думаю, сдѣлались отъ ихъ норъ. Есть нѣсколько хуторовъ по упомянутымъ рѣчкамъ въ сторонахъ".

27 мая, — „село Острова принадлежитъ Государю. Ночевали въ Баландѣ село большое, принадлежитъ Шереметьеву“.

28 мая, — Лысыя горы. — Двоянки, деревня Кириллы Григорьевича Разумовскаго. „Отъ самаго Воронежа по Саратовъ жилья очень мало, все степь и до Борисоглѣбска почти безлѣсная, а отъ Борисоглѣбска до Баланды совершенно безлѣсна“.

Съ 29 мая по 2 іюня въ Саратовѣ.

2 іюня, — село Елшанка.

3 іюня, — Куриловка, синодская.

4 іюня, — Тугускина, „мѣста отъ Куриловки были все гористыя. Ночевали въ Курлеяхъ село немалое; мѣста очень гористыя и виды хороши“.

5 іюня обѣдали въ Кулаткѣ; ночевали въ селѣ Верхней Мазѣ, Графа Петра Ивановича Панина.

6 іюня, — Сызрань, Костычи. Ѣхали подлѣ Волги.

7 іюня пріѣхали въ Переволоку, первое село Графовъ Орловыхъ „Осматривали тотъ бугоръ, который Палласъ выхваляетъ; съ котораго дѣйствительно видъ очень хорошъ. Есть въ близи удобное мѣсто къ постройкѣ дома“ *).

---

*) Видно и по этимъ словамъ и изъ писемъ Палласа, выхваляющаго разныя мѣста, какъ особенно хорошія для постройки дворца для Графа Владиміра Григорьевича, что онъ въ своей юности имѣлъ желаніе построить большой и красивый домъ, въ видѣ замка, въ этомъ краю, самомъ живописномъ изо всѣхъ береговъ Волги; но это намѣреніе не исполнилось и Графъ устроилъ свою лѣтнюю резиденцію, какъ уже выше было сказано, въ Серпуховскомъ уѣздѣ. Въ послѣдніе же годы его жизни большой каменный домъ съ флигелями и службами былъ выстроенъ

8 іюня — пріѣздъ въ Усолье.

17 іюня „ѣздили на караульный бугоръ всей компаніей и любовались болѣе часу хорошимъ видомъ“.

18 іюня „поѣхали по деревнямъ, мѣста гористыя и впадины большія. Вечеромъ пріѣхали въ Новодѣвичье — село уже почти все выстроено, хотя съ годъ тому какъ былъ большой пожаръ“.

19 іюня „ѣздили по утру съ собаками, много зайцевъ вездѣ, какъ и тутъ наѣхали“.

20 іюня — Шигоны.

21 іюня — Тайдаково. „Послѣ обѣда Чуваши молились Богу въ Кереметѣ. Во всѣхъ сихъ помянутыхъ деревняхъ строеніе очень изрядное, и крестьяне кажутся хорошаго состоянія и живутъ при самомъ нынѣшнемъ неурожаѣ хорошо. Казались вездѣ моему пріѣзду рады, также и тому, что они за насъ достались. Въ Переволокѣ, Усольѣ, Ахтушѣ, Козьмодемьянскѣ, Шиганахъ согласились имѣть училище на господскомъ содержаніи; въ Новодѣвичьемъ же не хотѣли; скоро послѣ того прислали депутатовъ съ тѣмъ, что не только согласились, но и выбрали мальчиковъ для ученья“ *).

22-го іюня „поѣхали послѣ обѣда изъ Усолья. Осмотрѣвъ Комаровку, гдѣ 135 душъ, поѣхали съ собаками и шли до самой Переволоки; въ островахъ чрезвычайно много было зайцевъ. Въ Переволокѣ ночевавъ

въ Усольѣ, но Графъ никогда не видѣлъ его. Домъ этотъ былъ впослѣдствіи увеличенъ, преимущественно по хозяйственнымъ постройкамъ, его наслѣдникомъ и внукомъ Графомъ Орловымъ-Давыдовымъ.

*) Предположеніе объ устройствѣ училища въ Усольѣ осуществлено Графомъ вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ.

и по утру осмотрѣвъ холмъ, выхваленный Палласомъ, поѣхали далѣе къ Рязани. Версты съ 3 мѣсто все возвышается отъ села, и сей холмъ показался намъ несравненно лучше, какъ Палласовъ: онъ выше онаго гораздо, видъ съ него пространнѣе, да и то что онъ 5 верстъ отъ Печерской границы; прочія же всѣ выгоды по крайней мѣрѣ равны тому холму, ежели еще непревзойдутъ; помянутый же холмъ въ 5 верстахъ только отъ Рязани, гдѣ мы обѣдали; тутъ 545 душъ и много охотниковъ выходитъ на Безенчукъ; мужики Афанасіемъ Степановичемъ Мещериновымъ очень похвалены со стороны хлѣбопашества.... Съ Севрюкаева переѣхали черезъ Волгу на Безенчукъ, ѣхавъ около 5 верстъ водою и только успѣли выйти изъ шлюпки, то сдѣлалась пресильная буря, могущая причинить намъ бѣду. Того же вечера ѣздили вверхъ Безенчука верьхами, что дѣлало около 13 верстъ. Степь отъ рѣки внутрь отъ 5 до 6 верстъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Безенчукъ впадаетъ въ Волгу, а чѣмъ больше вверхъ подаешься, то уже становится такъ, что на 13 верстъ или не много по болѣе идетъ въ степь. На всемъ семъ пространствѣ раскидано множество островковъ, одинъ подлѣ другаго, нѣкоторые изрядной величины. Сію степь называютъ Яицкою и сколько глаза завидятъ, идетъ ровна. По другую сторону Безенчука подошли поемные большіе луга, намъ принадлежащіе. Земля на степи хорошая, черная и трава растетъ хорошая. Сія степь способна къ населенію со всѣхъ сторонъ“ *).

---

*) Плаваніе и поѣздка на Безенчукъ, исполненныя, какъ видно, не безъ труда и опасностей Графомъ Орловымъ, повели къ весьма полезному результату для населенія степей, преимущественно

26-го іюня „обѣдали у Бригадира Неѣлова, онъ живетъ верстъ съ 6 отъ Березовки. Послѣ обѣда были въ Аскулѣ, а оттуда проѣхали въ Сосновый Солонецъ, тутъ и ночевали, въ первой 332 души, а въ послѣдней 394“.

27-го іюня „были въ Александровскомъ селѣ; заѣзжали въ Чувашскую деревню Яблоновку; завтракали въ Валовкѣ, гдѣ мужики въ хлѣбопашествѣ, по свидѣтельству Афанасія Степановича, имѣютъ передо всѣми преимущество. Оттуда переправились чрезъ Усу, почти при самомъ устьѣ, гдѣ она гораздо широка; заѣзжали въ Березовку, также и на свой пчельникъ. Крестьяне казались мнѣ рады и принимали меня вездѣ хорошо“.

28 и 29-го іюня „были въ Усольѣ. Послѣдняго числа пріѣхалъ Иванъ Андрѣевичъ Рейнсдорпъ съ сожительницею“.

30-го іюня „ѣздили на сѣнокосъ, гдѣ кромѣ Усольскихъ и Березовскихъ косцовъ были созваны съ 400 человѣкъ съ Новодѣвиченской, Усольской и Переволкской волостей. Время было дождливо и косить было неудобно. Косцы, расхлѣбавъ кашу и роспивъ пиво, пѣли

съ нагорной стороны Волги, гдѣ нивы между горами и лѣсами уже начинали испахиваться. Безенчукъ есть рѣчка, протекающая по самой плодородной почвѣ и впадающая въ Волгу. Вся луговая сторона Волги, противъ Самарской Луки, принадлежавшая братьямъ Орловымъ и поступившая въ 1842 году по большей части въ удѣльное вѣдомство, была оживлена поселеніемъ въ ней хуторовъ, которые сдѣлались въ непродолжительное время богатыми деревнями и носятъ до сихъ поръ крестныя имена разныхъ членовъ фамиліи Орловыхъ: Ивановка, Григорьевка, Алексѣевка, Ѳедоровка, Владиміровка, Екатериновка, Александровка, Натальино.

пѣсни, бились подъ кулачки и разнымъ образомъ веселились. Послѣ обѣда Ивана Андрѣевича отправили прямо въ путь, а мы, переночевавъ въ Усольѣ, на другой день 1-го іюля отъѣхали 60 верстъ и имѣли ночлегъ въ Теренгѣ. Мѣста хорошія; много рѣчекъ, въ которыхъ вода чиста и хороша".

2-го іюля „пріѣхали вечеромъ въ Симбирскъ.... Неподалеку отъ города видна въ лѣвой рукѣ рѣка Свіяга, течетъ въ разсужденіи Волги на гораздо высокомъ мѣстѣ, въ плоскихъ берегахъ и совсѣмъ въ противную сторону" *).

---

*) Молодой путешественникъ, обращавшій вниманіе на всѣ попадавшіяся на его пути рѣчки, не могъ не записать себѣ на память страннаго явленія побочной, но вовсе не малой рѣки, текущей въ Симбирскѣ, въ 2 верстахъ разстоянія отъ главной рѣки Волги, но идущей противъ ея теченія и впадающей въ нее нѣсколько сотъ верстъ выше, а именно при городѣ Свіяжскѣ. Нѣсколько лѣтъ послѣ Графъ, разводя паркъ свой въ серпуховскомъ имѣніи, устроилъ тамъ русло для теченія воды изъ двухъ ключей при такой тонко-исчисленной нивеллировкѣ, что одинъ ручей течетъ въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія въ противную сторону къ другому ручью и одинъ ручеекъ проведенъ такимъ образомъ на 1000 саженъ противъ теченія рѣки Лопасни, въ которую онъ впадаетъ. Этотъ фокусъ (concetto) противенъ всѣмъ правиламъ садоводства, которое имѣетъ цѣлью подражать природѣ, а не идти ей наперекоръ; но фокусъ этотъ является именно въ городѣ Симбирскѣ и можетъ быть Графъ Орловъ захотѣлъ воспроизвести въ своемъ паркѣ своеобразное теченіе Свіяги, которымъ геологъ Мурчиссонъ былъ столь пораженъ 70 лѣтъ послѣ путешествія Орлова. Кстати, одинъ англійскій инженеръ, указывая автору настоящаго разсказа на положеніе Симбирска между двумя противоположно-текущими рѣками, предсказывалъ

3-го іюля „переѣхали чрезъ Волгу и обѣдали въ селѣ Архангельскомъ у Мих. Ив. Наумова, а ночевать пріѣхали въ Вознесенское“.

4-го числа осматривалъ конскій заводъ и ѣздилъ въ село Кременки.

5-го іюля вечеромъ пріѣхали въ Симбирскъ.

6-го числа поѣхали далѣе и ночевали 25 верстъ отъ Симбирска.

До 15 числа проѣхали Арзамасъ, Муромъ, Владиміръ и прибыли въ Островъ, имѣніе Гр. Алексѣя Гр. Орлова, гдѣ остались 3 дня. „Какъ скоро проѣдешь Алатырскій уѣздъ и въѣдешь въ Арзамасскій, то розбои кончатся и искони-бѣ тамъ объ нихъ не знаютъ, и сія тишина продолжается до самой Москвы, разумѣя разбой деревень, а не о шишиморахъ“.

21-го іюля „обѣдали на Черной Грязи и ѣхали всю ночь“.

22-го іюля ночевали въ Твери. Проѣхали Торжокъ, Ядрово и „превеликое озеро Валдай, которое чрезвычайно глубоко и отмѣнно вода хороша въ немъ, въ иныхъ мѣстахъ рыбы очень много — снятки и сельди, — пріѣхали 26 числа въ Новгородъ. Отъ Бронницъ идетъ дорога вся по мостамъ; по обѣимъ сторонамъ болото; лѣсъ дурной соснякъ и ельникъ. Верстъ за 10 отъ Новгорода мѣста пойдутъ по суше и на всѣ стороны поля, и составляютъ видъ въ разсужденіи здѣшнихъ мѣстъ хо-

---

богатую будущность этому городу, потому что обращеніе свіяжской воды трубами въ Волгу доставитъ по значительности паденія огромную производительную силу, особенно дорогую въ то время, когда паровая сила вздорожаетъ отъ недостатка топлива.

рощт.—Отъ Чудова пойдутъ мѣста несравненно хуже, очень болотны и лѣсисты; чѣмъ ближе къ Петербургу тѣмъ хуже кажутся. Отъ Подберезья до Ижоры проѣхали одну или двѣ маленькія рѣчки. Ночевали".

27-го іюля „пріѣхали въ 8 часу пополудни въ Ижору, тутъ и ночевали. Строеніе отъ Новгорода хуже нежели отъ Москвы къ Новгороду".

Сими словами заканчивается бѣглый дневникъ путешествія, совершеннаго Владиміромъ Григорьевичемъ въ 1770 году.

VIII.

Два письма въ Академію Наукъ по возвращеніи изъ путешествія. — Первая депеша объ истребленіи турецкаго флота при Чесмѣ. — Письма къ разнымъ лицамъ о Чесменской побѣдѣ. — Письма къ братьямъ за границу. — Приглашеніе въ Россію іерарха Евгенія Булгариса. — Письма въ Коммисію Академіи.

По возвращеніи изъ путешествія по Россіи, Графъ написалъ слѣдующія два письма:

„Въ Академическое собраніе.

1) „Предложено было отъ меня Академическому собранію, чтобы оно принявъ въ разсужденіе всѣ происшествія, касающіяся до предпріятыхъ Академіею въ прошломъ году астрономическихъ, такъ же и прочихъ экспедицій, подумало: не заслуживаетъ ли сіе дѣло, чтобы о немъ сообщить свѣту обстоятельное извѣстіе особливою книгою. Мнѣніе о семъ Академическаго собранія разсмотрѣлъ я, въ которомъ оно и положило, сочинить сію книгу на французскомъ языкѣ: но я за полезнѣйшее призналъ издать оную на первый случай предпочтительно на россійскомъ, и дѣло сіе препоручилъ г. Академику Ру-

мовскому. И для того приказалъ, для лучшаго его въ ономъ успѣху, всѣ письма касающіяся до сего дѣла брать ему какъ изъ Академическаго собранія, такъ и изъ Коммисіи невозбранно, и ежели ему понадобится при томъ писецъ, то дать ему изправнаго".

2) „Ея Императорское Величество всемилостивѣйше указала: изъ всѣхъ животныхъ какъ по нынѣ присланныхъ, такъ и впредь присылаемыхъ въ Академію изъ экспедицій, кромѣ насѣкомыхъ, когда Академія удовольствуетъ себя лучшими изъ оныхъ, изъ остальныхъ за излишествомъ отослать и въ предь отсылать ко мнѣ каждаго по два экземпляра.

„Графъ В: Орловъ" *).

Сентября 4 дня
1770 года.

„Въ учрежденную при Императорской Академіи Наукъ Коммисію.

„По повелѣнію моему книжная лавка разсмотрѣна тѣми, которымъ дѣло сіе препоручено было. Мнѣніе ихъ я объ ономъ видѣлъ, и за нужное призналъ нѣкоторыя перемѣны здѣлать; а теперь отдаю оное въ Коммисію съ тѣмъ, чтобы немедля къ исполненію онаго приступить.

„Графъ В: Орловъ" **).

Сентября 30 дня
1770 года.

---

*) (Изъ дѣлъ Конференціи Академіи Наукъ 1770 г.)
**) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ 1770 г.)

24-го іюня 1770 года — день истребленія турецкаго флота Алексѣемъ Орловымъ подъ Чесмою — проведенъ былъ младшимъ его братомъ Владиміромъ въ Заволжскихъ степяхъ, какъ было видно изъ его дневника. 17-го іюля его журналъ оканчивается въ Ижорѣ, и надо изъ этого заключить, что 18-го онъ былъ уже въ Петербургѣ; но изъ писемъ его не видно, когда вѣсть о памятной Чесменской битвѣ дошла до Петербурга. — 13 сентября въ Государственномъ Совѣтѣ читана слѣдующая депеша Графа Орлова отъ 28 іюня объ истребленіи турецкаго флота при Чесмѣ:

„Всемилостивѣйшая Государыня!

„Изъ подъ острова Наксіи, отъ 21-го числа сего мѣсяца, чрезъ нарочно посланнаго полковника Маслова, я имѣлъ счастіе донести Вашему Императорскому Величеству, о всѣхъ случившихся дѣлахъ врученной мнѣ экспедиціи. Я поручилъ ему донести и о причинахъ оставленія Мореи, также и о причинахъ соединенія обѣихъ эскадръ вмѣстѣ. Теперь доложу я о томъ, что по соединеніи эскадръ до сего времени случилось.

„По отправленіи Маслова, получили мы извѣстіе, что непріятельскій флотъ стоитъ на якорѣ подлѣ острова Сціо. Не медля ни мало, положили атаковать оный; снялись съ якоря и пошли въ путь свой. Спѣшили болѣе и для того, чтобъ не допустить соединиться капитанъ-пашѣ съ эскадрою, которую онъ ожидалъ въ подкрѣпленіе себѣ изъ Цареграда. 23-го числа, подъ вечеръ, чрезъ посланное напередъ судно, увѣдомилися, что непріятельскій флотъ видѣнъ былъ подъ парусами

въ каналѣ острова Сціо. Вѣтеръ дулъ намъ способный. Въ ночь подошли ко входу онаго канала и близь его лавировали до свѣта. При настающемъ утрѣ 24-го числа, входя въ каналъ, открылся намъ ясно непріятельскій весь флотъ, стоящій на якорѣ, вдоль берега Натолійскаго, близъ крѣпостцы и порта Чесме. По числу онаго примѣтили, что старанія наши воспрепятствовать соединенію были тщетны. Оный уже состоялъ въ шестнадцати линейныхъ корабляхъ, изъ которыхъ шесть было отъ 90 до 80, прочіе отъ 70 до 60 пушекъ; при томъ еще находилося шесть фрегатовъ, нѣсколько шебекъ, бригантиновъ, и множество полугалеръ, фелукъ и другихъ малыхъ судовъ. Увидя оное сооруженіе, ужаснулся я и былъ въ невѣдѣніи, что мнѣ предпринять должно; но храбрость войскъ Вашего Императорскаго Величества, рвеніе всѣхъ быть достойными рабами Великой Екатерины, принудили меня рѣшиться и, не смотря на превосходныя силы, отважиться атаковать, пасть или истребить непріятеля. Въ десять часовъ сдѣланъ былъ сигналъ къ атакѣ, въ полъ-двѣнадцата, передовые корабли начали сраженіе; въ половинѣ перваго — сдѣлалося общимъ. Какъ ни превосходны были силы непріятельскія, какъ храбро оныя ни защищалися, но не могли вытерпѣть жаркаго нападенія войскъ Вашего Императорскаго Величества; по продолжавшемся чрезъ два часа жесточайшемъ пушечномъ и ружейномъ огнѣ, наконецъ принужденъ былъ непріятель, отрубя якори, бѣжать въ великомъ смятеніи въ портъ, подъ крѣпость называемую Чесме. Всѣ корабли съ великою храбростію атаковали непріятеля, всѣ съ великимъ тщаніемъ исполняли свою должность; но корабль адмиральскій „Святаго Евстафія“

превзошелъ всѣ прочіе. Англичане, Французы, Венеціане и Мальтисцы, живые свидѣтели всѣмъ дѣйствіямъ, признавалися, что они никогда не представляли себѣ, чтобъ можно было атаковать непріятеля съ такимъ терпѣніемъ и неустрашимостію. 84-хъ пушечный непріятельскій корабль былъ уже взятъ кораблемъ адмиральскимъ, но, по несчастію, загорѣлся оный, и сжегъ корабль „Святаго Евстафія“. Кромѣ адмирала, капитана и человѣкъ сорока или пятидесяти разныхъ чиновъ, никого съ онаго не спаслося, оба подорваны были на воздухъ. Какъ ни чувствительна была для насъ потеря линейнаго корабля, но, увидя непріятельское положеніе, робость ихъ и безпорядокъ, въ которомъ они находилися, утѣшился, получа надежду истребить оный совершенно. Тотчасъ же бомбардирскому кораблю велѣно было на небольшое разстояніе отойтить отъ флота, и кидать въ кучу непріятельскихъ кораблей бомбы, что онъ исполнилъ съ великою удачею; велѣно было еще, изъ греческихъ лодокъ, какъ возможно скорѣе, пріуготовить четыре брандера. Сколько стараній приложено ни было, но въ одну ночь оные поспѣть никакъ не могли. Въ полдень 25-го числа, брандеры окончены. Сдѣланъ былъ совѣтъ; положено атаковать непріятеля вторично; брандеры послать подъ прикрытіемъ четырехъ линейныхъ кораблей, двухъ фрегатовъ и бомбардирскаго судна. Распорядя таковымъ образомъ, назначенъ былъ предводительствовать эскадрою флота капитанъ-бригадиръ Грейгъ, который, въ полночь на 26-е число Іюня, снявшись съ якоря, и не смотря ни на баттарейный, ни на корабельный непріятельскій огонь, приблизился къ непріятелю во всякомъ порядкѣ, подъ жестокою пушечною стрѣльбою послалъ брандеры, но, не допустивъ еще оныхъ, брандъ-кугелями зажегъ

непріятельскій корабль. Какъ отъ онаго, такъ и отъ дошедшихъ брандеровъ, почти весь флотъ вдругъ загорѣлся; съ великимъ трудомъ могли мы оттуда только вывести одинъ непріятельскій корабль, пять полугалеръ и нѣсколько десятковъ большихъ и малыхъ шлюпокъ; прочіе же всѣ, безъ остатку, въ гавани сожжены; въ четыре часа времени не осталося отъ сего великаго вооруженія ничего, кромѣ печальныхъ слѣдовъ разбросанныхъ частей по всему берегу и порту. Кромѣ потери линейнаго корабля и всего его экипажа, на которомъ было, какъ адмиральскіе всѣ, такъ и моихъ съ полтораста тысячъ рублевъ, потеряны обѣ канцеляріи и половина большая писемъ важныхъ; прочій уронъ, въ разсужденіи такой важной побѣды, никакого вниманія не заслуживаетъ. Какія были поврежденія въ корабляхъ, почти всѣ исправлены.

„Прискорбно мнѣ, Великая Государыня, что я не могу, и впредь надежды не имѣю, поздравить Ваше Величество съ сухопутною, равною морской, побѣдою; ежели бы былъ такъ счастливъ, желанія бы мои совершенно были удовольствованы, могъ бы тогда надѣяться, заслужить Ваше благоволеніе. Нынѣ же не остается мнѣ другаго, кромѣ какъ стараться запереть подвозъ въ Царьградъ и стараться еще, если можно, возвратить государству издержки, употребленныя на сію экспедицію.

„Чрезъ взятыхъ плѣнниковъ получено извѣстіе, что въ Константинополѣ есть еще три большіе корабля, два строются въ ономъ, два въ Родосѣ, два въ Митиленѣ и пять изъ александрійскихъ большихъ купеческихъ судовъ, велѣно вооружить поспѣшнѣе. Ежели бъ и всѣ оные были готовы и соединилися, не думаю, чтобъ могли воспрепятствовать положенію вновь сдѣланному. Не опас-

ны уже мнѣ морскія турецкія силы. Боюсь, ежели воспрепятствуетъ что нибудь исполненію; вѣрно не иное, какъ моровое повѣтріе и слабость многихъ кораблей для зимняго времени.

„28-го числа іюня, отъ вони великаго числа побитыхъ и потопшихъ людей, и чтобы поспѣшить занять свой постъ въ Дарданеллахъ, снялись съ якоря и пошли въ путь свой. Надѣюся, что въ скоромъ времени придемъ къ назначенному мѣсту.

„Всемилостивѣйшая Государыня! Напередъ прошу прощенія. Ежели контръ-адмиралъ Эльфинстонъ не перемѣнитъ своего поведенія, я принужденнымъ найдуся, для пользы службы Вашего Величества, отнять у него команду и поручить оную флота капитанъ-бригадиру Грейгу, котораго достоинства, вѣрность, усердіе, прилежаніе и благоразуміе увѣряютъ меня, что подъ его предводительствомъ дѣла пойдутъ гораздо успѣшнѣе.

„Всемилостивѣйшая Государыня! Препоручаю всѣхъ со мною бывшихъ, а особливо сего *) искуснаго и неутомимаго человѣка въ милость Вашего Величества.

„Всеподданнѣйшій рабъ,
„Графъ Алексѣй Орловъ".

При островѣ Сціо
Іюня 28-го числа, 1770 года.

(Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Т. I. Стр. 54—57.)

---

*) Гвардіи маіора Долгорукова, съ которымъ было отправлено донесеніе.

Графъ Владиміръ пишетъ повѣренному Кордюкову о покупкѣ 106 букварей хорошей церковной печати, какъ видно для вновь устроивавшихся крестьянскихъ школъ въ Симбирскомъ имѣніи, — заказываетъ въ Тулѣ сто солдатскихъ ружей со штыками также для Усолья, и очень занятъ хозяйственными распоряженіями. Въ самой перепискѣ Графа Влад. Гр-ча первая вѣсть о Чесменской побѣдѣ встрѣчается въ письмѣ (безъ числа) къ Мещеринову:

„Здорово Фока.

„Поздравляю тебя съ побѣдою, совершенно одержанною надъ Турками, подъ предводительствомъ брата Алексѣя Григорьевича и прилагаю оной нѣсколько описанія. Ты можешь ихъ раздать кому заблагоразсудишь; также посылаю тебѣ оду Хераскова, она показалась достойною вашего чтенія. Газеты будутъ къ тебѣ присылаемы, а по сіи поры не могъ этаго исполнить за многими суетами. Я переѣхалъ на свой дворъ въ Милліонной, у брата Ивана Григорьевича не покойно было для родинъ хозяйки. Мужиковъ съ рыбою пришли ко мнѣ прямо и скажи имъ гдѣ мой домъ. Старикъ всякій день почти ко мнѣ ѣздитъ. Хозяйка еще неродила, а родитъ конечно нынѣшній мѣсяцъ. Письма твои я получилъ; въ одномъ и о кормилицахъ было писано, — я уже здѣсь нашелъ хорошую. 100 ружей и 100 подсумокъ, также 140 букварей и 70 псалтырей у меня готовы; ружья кажется хороши, хотя не новыя. Когда все получишь, то отпиши ко мнѣ какъ тебѣ понравятся, да также и о томъ не удобно ли сіе переслать съ тѣми крестьянами, которые рыбу сюда привезутъ. Мнѣ кажется

лучше послать съ ними, нежели съ посторонними. Ежели тебѣ еще что надобно, то пиши ко мнѣ и адресуй прямо, а я уже буду умѣть исполнять по онымъ, и писемъ таковыхъ въ кувертѣ старику непосылай, а то вѣдь онъ тотчасъ помѣшаетъ. Покупка та вся стоитъ болѣе 400 рублей, то переводя 4000 опредѣленныя, переведи и сіи 400 руб. тутъ же и перешли мнѣ эти деньги, конечно, къ новому году, а мнѣ въ деньгахъ нужда: строеніе моего дома безпорядокъ большой сдѣлало въ моихъ расходахъ. Приложенное письмо отошли къ Вас. Ив. Наумову. Гр. Вас. Козицкій писалъ два раза къ Мясникову и отвѣта еще не получилъ: Прощай Фока пиши пожалуй почаще".

Въ другомъ письмѣ Мещеринову упоминается о высылкѣ 12 отставныхъ солдатъ и капрала въ Усолье и прибавляется къ концу письма, что братья пожалованы: Ѳедоръ Генералъ-Поручикомъ и орденомъ св. Георгія 2 класса, а Алексѣй Генералъ-Аншефомъ и Георгіемъ 1 класса.

Оттого ли, что, за неизвѣстностью прямаго адреса братьевъ, Графъ Владиміръ къ нимъ не писалъ, или письма были писаны, но не взято съ нихъ копій, — слѣды переписки съ братьями возобновляются только съ декабря мѣсяца. Имя Чесмы въ нихъ ни разу не встрѣчается и, вмѣсто торжества одержанныхъ побѣдъ, выражаются пламенныя желанія о прекращеніи войны.

Къ этому же времени относится слѣдующее письмо на имя Князя Василія Владиміровича Долгорукова.

«Октября 28 дня.

„Здравствуй повѣса.

„Подлинно мы здѣсь о тебѣ наслышались: дай Богъ

впередъ таковое слышать. Хотѣлося мнѣ тебѣ оное отписать, ты я думаю сюда будешь: милости просимъ. То уже зарядимъ пешкомъ иттить въОраніенбаумъ. Пожалуй не оставляй братцевъ Елисаветы Ивановны *); да навѣдайся, какъ они себя вели при послѣднихъ дѣлахъ. Отпиши ко мнѣ чистосердечно при вѣрномъ случаѣ. Князя Юрія мы ожидаемъ съ нетерпеніемъ. Вы можетъ быть оба вмѣстѣ съѣдитесь. Тото наскажете, а вишь ты молоть то лихъ. Однако я думаю, что Князь Юрій скорѣе будетъ тебя. Прощай. Хозяйка моя кланяется тебѣ. Она еще не родила. Поклонись отъ меня пожалуй Бауеру когда ты будешь съ нимъ вмѣстѣ.

„Вѣрный слуга“.

Нѣкоторыя извлеченія изъ переписки Владиміра Орлова съ братьями даютъ общее понятіе о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, равно какъ объ образѣ жизни перваго въ Петербургѣ.

„Декабря 7. Голубчики братцы, здравствуйте! Подлинно вы насъ наказываете: уже тому мѣсяцевъ съ пять, какъ вы писали; съ того же времени никакаго непосредственнаго извѣстія нѣтъ. Трудно подумать, чтобъ вы во все сіе время неимѣли случая письма пересылать. Ежели сіе такъ, то вы грѣшите и противу насъ, и противу Государыни, оставляя такъ долго въ неизвѣстности. Государыня очень сожалѣетъ объ ономъ, а мы — чрезвычайно. Пожалуйста сударики, хотя впередъ почаще пишите, ежели то можно. — Браиловъ взятъ въ другой разъ. Турки его, точно какъ Хотинъ, совсѣмъ оставили;

*) Молодыхъ Штакельбергъ.

первый же разъ крѣпко защищали и нашихъ пропало немало. Между офицерами убитъ средній братъ моей хозяйки, малый очень хорошъ. Она дней съ пять объ ономъ свѣдала и печалится гораздо объ немъ: онъ изъ братьевъ былъ у ней любимый. Я стараюсь ее, сколько возможно, въ ономъ утѣшить и теперь получше гораздо стала, нежели сначала было. Я во всѣ сіи дни почитай, отъ нее неотходилъ. Г. Брюсъ пожалованъ Генералъ-Адъютантомъ третьяго дня; чрезвычайно доволенъ; пріѣхалъ сюда съ недѣлю. Князю Юрію данъ Орденъ 3-й ст. св. Георгія съ пріѣзда его, а недѣли съ полторы получилъ Александровскій. — Маслову данъ 4-й ст. Орденъ Св. Георгія. Всѣ очень желаютъ любящіе васъ, чтобъ вы возвратились и думаютъ, что вы здѣсь въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ гораздо болѣе нужны, нежели тамъ, и мнѣ самому тоже кажется. Всякій день молю Бога, чтобъ далъ намъ миръ. Петръ Ив. Панинъ просилъ неотступно объ отставкѣ и получилъ оную; на мѣсто его назначенъ Князь Вас. Мих. Долгорукій, онъ теперь здѣсь и когда въ армію поѣдетъ еще неизвѣстно. Сюда съѣхалось генераловъ съ 6 изъ арміи: Потемкинъ, Рѣпнинъ, Брюсъ, Гербель, Санмаркъ, Бауеръ. Нѣкоторые уже назадъ поѣхали. — 4 недѣли назадъ далъ Богъ мнѣ дочь — названа Катей *). Хозяйка моя родила благополучно и настоящая мука неболѣе 2-хъ часовъ продолжалась. Государынѣ угодно было ее крестить. По сю пору все спитъ и только просыпается какъ сосетъ. Хозяйка послѣ родинъ, слава Богу, здорова и совсѣмъ почти

---

*) *Екатерина Владиміровна Новосильцева*, основательница Орлово-Новосильцевскаго заведенія.

оправилась. Я и оная вамъ кланяемся и цѣлуемъ ваши ручки. Все милое ваше здорово, братья тоже. Прощайте голубчики“.

„№ 72. — Здравствуйте голубчики, братцы! Получивъ извѣстіе, что вы пріѣхали въ Италію, сдѣлался съ братьями споръ. Каждому хотѣлось васъ видѣть и каждый изыскивалъ доказательства и утверждалъ пользу ѣзды своей. Знатно заспоромъ никому неѣзжать. Удивились мы сперва очень, что вы пріѣхали въ Италію и не знали чему приписать; получивъ же обстоятельнѣе извѣстіе, что флотъ въ Архипелагѣ оставили и на двухъ корабляхъ пришли въ Италію въ добромъ здоровьи, успокоились. Теперь ждемъ съ крайнимъ нетерпѣніемъ, съ часу на часъ, отъ васъ обстоятельныхъ извѣстій. Ежели, паче чаянія, по сіе письмо вы оныхъ не послали, то ради Христа поспѣшите оными: вы не можете себѣ вообразить, сколь намъ тягостна и горька была неизвѣстность, въ которой мы почти съ полгода находились. Заизлишнее почитаю повторять тѣ извѣстія, которыя Димонъ сообщилъ. Мы всѣ здѣсь, слава Богу, здоровы. Дочь моя новорожденная и мать въ добромъ здоровьи. Алексаша мой становится смышленъ, при томъ и упрямъ. Я съ нимъ упрямлюсь и имѣю удовольствіе всегда почти переупрямить, хотя ему то слезъ стоитъ. Трудненько мнѣ бываетъ, когда случится при томъ братъ Иванъ: Алексаша только что кричать, а Иванъ изъ горницы бѣжать! Миру мы здѣсь ждемъ, какъ вóронъ крови, — авось Богъ и дастъ! Надежда нѣкоторая къ этому есть, — чрезъ скорое время я думаю откроется. Получимъ ли мы оный? Съ нашей стороны кажется, что

мы отъ онаго не прочь, но нельзя же сказать, чтобы и очень желали.... По внутреннимъ обстоятельствамъ, сколько я оное смыслю, какъ въ разсужденіи денегъ на издержки войны и добраго внутренняго распоряженія для благоденствія общества — онъ намъ очень нуженъ. Сіе слышу я отъ всѣхъ почти въ тѣ дѣла употребленныхъ. У насъ и въ мирное время дѣла Государственныя еще въ такомъ состояніи находились, что большія поправки требуютъ; война же теперешняя отвлекла совсѣмъ почти отъ оныхъ. Мы трое съ нашей стороны сколько можемъ..... сіе дѣло и многіе другіе имѣющіе въ ономъ участіе, каждый по своей силѣ, тоже дѣлаютъ. Князь Вас. Мих. Долгоруковъ поѣхалъ нѣсколько дней Главнымъ надъ 2-й арміей. Петръ Ив. Панинъ находится въ Харьковѣ боленъ и никто не знаетъ будетъ ли онъ сюда. Братъ его Никита Ив. съ того времени, какъ онъ пошелъ въ отставку, унылѣе гораздо сталъ".

„Декабря 28. — Братцы голубчики, здравствуйте! Дни съ два имѣли мы удовольствіе получить отъ тебя Алеханъ, письмо. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ обстоятельнаго извѣстія. Братъ Григорій вчерашняго дня былъ отъ нетерпѣливости дурнаго нрава, хотя и знаетъ, что теперь курьеру быть еще нельзя. Дня съ три возвратился Принцъ Гейнрихъ сюда, хвалитъ Москву и будто говоритъ: естьли бъ ему случилось въ Россіи жить, то бы онъ одинъ мѣсяцъ въ Петербургѣ, шесть — въ Москвѣ, а пять въ Лагерѣ проводилъ. Я самъ сего отъ него не слыхалъ и за правду не выдаю. Онъ здѣсь

конечно, я думаю, и новый годъ возметъ, а послѣ того скоро уѣдетъ" *).

„№ 78. Декабря 31. — Братцы голубчики, здравствуйте! Мы по сіе время еще курьера отъ васъ неполучили. Вчерашній день были мы всѣ трое въ Штегельмановомъ домѣ. Государыня и Великій Князь и Принцъ Генрихъ много бѣгали и танцовали. Принцъ учился порусски плясать и пѣть. Выѣхали часу въ 4-мъ пополуночи. Весело было и шумно. Поздравляю васъ голубчики съ прошедшими праздниками. Погода настала холоднѣе и мороза два три были изрядные. Мы всѣ слава Богу здоровы. Прощайте голубчики! Дай Богъ васъ видѣть скоро и въ добромъ здоровьи".

„Января 4. — Братцы сударики, здравствуйте!

„Письмо твое, Алеханъ, послѣднее отъ 3 Декабря мы получили, по которому еще къ тебѣ братъ Өедоръ не пріѣхалъ. Дай Богъ скоро услышать, что онъ здоровъ и съ тобою. Обстоятельнаго же извѣстія здѣсь съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ. Мѣшечко присылай къ намъ, давно было пора — не вѣчно же терпѣть его

*) *Принцъ Генрихъ (Фридрихъ-Людовигъ)*, братъ Прусскаго короля Фридриха II, былъ присланъ къ Екатеринѣ II съ тайнымъ порученіемъ примирить Россію съ Портою, чтобы такимъ образомъ освободить Пруссію отъ обѣщанной ею Россіи помощи, въ случаѣ продолженія Русско-Турецкой войны. Принцъ Генрихъ прибылъ въ Петербургъ 1 октября 1770 г., 13 декабря выѣхалъ въ Москву, а 21-го вернулся въ Петербургъ, гдѣ оставался до 26 января 1771 г.

пакости. Письмо, сочиненное Өедоромъ и переведенное Домашневымъ здѣсь безъ ума всѣ хвалили и называли мейстерштикъ въ совершенствѣ, — оное было намъ очень не непріятно. За гостинецъ Алеханъ, посуленный благодарствую. Ты и Федоръ посулили еще не ѣздя въ Архипелагъ также прислать Лизѣ гостинцу, только она ничего неполучила. У насъ здѣсь Принцъ поживаетъ и еще дней съ десятокъ пробудетъ. Въ присутствіи его въ Москвѣ весь городъ перебѣсился, даже старики и старухи всѣ разряжены были въ прахъ и на пикникѣ болѣе 600 человѣкъ было; подлѣ его сажали Мосальскую и Шереметеву, не дочь Петра Борисовича, и они ему очень хороши показались. Съ Принцемъ въ Москвѣ былъ Ив: Гр. Чернышевъ и все проводилъ. У насъ стало холодно, а изъ Москвы пишутъ, что отъ тепла рѣки прошли въ Декабрѣ мѣсяцѣ; и здѣсь 27 дождь шелъ и сдѣлалось было отъ этой превратной погоды много болѣзни. Мы всѣ, слава Богу, здоровы. Лиза и я цѣлуемъ васъ заочно“.

„Января 7-го. Братцы, голубчики, здравствуйте! Феденька, на тебя Иванъ сердится, что изъ Мессины неписалъ. Оправдайся или повинись, а старикъ шумитъ. Вчера полки были на Іорданѣ; изъ гвардіи — Преображенскій и лучше собою и лучше маршировалъ. Я, Алеханъ порадовался и, сказываютъ мнѣ, что онъ во всемъ преимуществуетъ передъ другими полками. Пріѣхалъ сюда къ намъ Мих. Мих. Философовъ *), я думаю на житье, а на его мѣсто кто точно поѣдетъ — я

*) Онъ съ 1768 г. былъ посланникомъ въ Копенгагенѣ.

еще не знаю. Онъ въ такой жестокой ипохондріи, что узнать его нельзя. Лицо на немъ очень печальное и кажется ковсѣмъ недовѣренность. Я къ нему приласкавшись, сказалъ только: желаю тебѣ веселѣе здѣсь быть, — то у него въ три ручья слезы полились..... Я знаю, что онъ и прежде былъ чувствителенъ, но конечно, не до такой степени. Государыня къ нему милостива. Отъ васъ братцы, и по сію пору нѣтъ извѣстія обстоятельнаго чрезъ куръ-ера. Дожидаемся, какъ воронъ крови. Подлинно, Алеханъ, описанъ ты въ англійскихъ газетахъ. Я не знаю, свѣдомо ли тебѣ; Конечно такъ хорошо, что едва можно тебя между людьми считать. Заключеніе въ описаніи: „изъ всѣхъ кого я знаю, какъ чрезъ книги, такъ и персонально, нѣтъ, говоритъ сочинитель, ни однаго, который бы такъ близко къ совершенству подходилъ“, какъ Ваше Сіятельство. А. Федю моего голубчика, также изрядно похваляетъ, но поставилъ въ довольномъ разстояніи отъ тебя, сказавъ, что братъ его меньшой во многомъ ему не уступитъ. Если бы я Алеханъ, тебя описывалъ, то непрогнѣвайся, чтобъ я вообще сказалъ: Федя тебѣ ни въ чемъ не уступитъ, развѣ въ одномъ упрямствѣ. Принцъ Генрихъ занемогъ было гораздо, однако есть легче. Сегодня его рожденіе или имянины, будетъ благородная комедія и маскарадъ для него; онъ назначилъ день отъѣзда 17-е Января. Прощайте, голубчики. Всѣ ваши родственники и милые здоровы“.

„Января 11-го. Братцы, голубчики, здравствуйте! Письмо отъ тебя, Алеханъ, третье получили, а все братъ Өедоръ еще въ Ливорно не пріѣхалъ. Дай Богъ

скоро услышать, что онъ здоровъ и съ тобою. Вы писали, что у васъ слухъ пронесся о войнѣ между Англіей и Испаніей, однако по здѣшнимъ извѣстіямъ еще неоткрылось. Курьеры гонятся отъ насъ, — чаю давно къ вамъ доѣхалъ. Благодарствую, Алеханъ, за твое доброе желаніе — чѣмъ больше дѣтей, тѣмъ лучше. Если этихъ Богъ здоровье сохранитъ, то мнѣ болѣе нехочется. А Катюшка моя гораздо смѣется, теперь десятая недѣля, и такъ здорова, что почти отъ рожденія ни пылинки лекарства не принимала. У меня съ ними возни довольно. Алексаша любитъ ее очень, обнимаетъ и цѣлуетъ. Онъ начинаетъ говорить, а ползаетъ почти въ совершенствѣ: первое его слово — дядя, зубовъ у него вырѣзалось уже и два коренныхъ, а прочіе видны. Дня съ три пожалованы Степ. Вас. Перфильевъ и Князь Ив. Сер. Барятинскій въ Генералъ Маіоры и оставлены при старомъ мѣстѣ. Степану я очень радъ. Еще пережалованы кое кто въ Генералъ Маіоры, Бригадиры и Полковники, но я ихъ не помню. У насъ всѣ, слава Богу, здоровы. Лиза цѣлуетъ твои ручки и я. Прощайте, голубчики. Ѳедоръ! Я собираюсь твоего Гельвеціуса читать, отпишу я къ тебѣ —каковъ онъ по моему мнѣнію. Я всякую недѣлю пишу къ вамъ по два раза, съ тѣхъ поръ какъ въ Ливорно. Послалъ я къ вамъ книжку съ французскаго переведенную — о существѣ Бога, — на французскомъ она чрезвычайно хороша, не знаю, каково то переведена. Отпишите получили ли? Братья здоровы".

„№ 83. Января 13. — Здравствуйте, голубчики, братцы! У насъ здѣсь все постарому и теперь особливо ничего неслыхать. Между Испаніей и Англіей будетъ ли

война — неизвѣстно еще здѣсь. Чтожъ Шоазель и Праленъ смѣнены, о томъ мы съ недѣлю вѣдаемъ и ужъ во французскихъ газетахъ о томъ пишутъ. Также въ Датскомъ дворѣ нѣсколько времени тому, какъ особые управляющіе главными дѣлами перемѣнены. Сказываютъ, что Петръ Ив. Панинъ пріѣхалъ въ Москву; будетъ ли сюда—не знаю. О братѣ Федорѣ все мы еще не знаемъ — пріѣхалъ ли онъ къ тебѣ. Какъ хочется отъ васъ получить подробное извѣстіе; надѣемся, что теперь уже курьеръ въ дорогѣ и скоро сюда будетъ. — Зима у насъ нынѣшній годъ стоитъ очень не студена. Въ Твери 27 Декабря прошла Волга, но теперь опять стоитъ, и сказываютъ вихръ такой былъ, что желѣзные листы съ кровли рвало. Прощайте, голубчики. Братья и я здоровы, милые ваши, мои малютки и Лиза тоже. Катя моя начинаетъ меня тѣшить смѣхомъ и еще кой чѣмъ, только сказать неумѣю".

„Января 18. — Братцы, сударики, здравствуйте. Почты съ двѣ писемъ отъ тебя Алеханъ нѣтъ; курьеръ еще отъ васъ непріѣхалъ; мы ждали, ждали, да и устали. Гость Принцъ Генрихъ завтра отъ насъ поѣдетъ. У насъ въ городѣ здѣсь болятъ много горломъ, въ томъ числѣ я и моя хозяйка; дня съ 4 невыѣзжаемъ со двора. На мѣсто Князя Мих. Никитича Волконскаго поѣдетъ отсюда, я думаю, скоро г. Салдернъ *). Братъ Иванъ пришлетъ къ вамъ въ скоромъ времени курьера. Братья здоровы и я совсею моею семьею. Я и хозяйка цѣлуемъ

---

*) Приближенное къ Графу Н. И. Панину лицо, посломъ въ Варшаву.

ваши ручки. О братѣ Ѳедорѣ вчерашній день читалъ въ первый разъ въ газетахъ, что онъ благополучно пріѣхалъ въ Мессино".

„Января 21. — Б. С. здр. Вчера мы всѣ трое писали къ Вамъ съ курьеромъ. Я ему показывалъ сына, а дочь спала. Третьяго дня Принцъ ночью отсюда выѣхалъ. У насъ здѣсь стужа стоитъ очень крѣпка. Отъ васъ курьера еще все нѣтъ. Вчерашняго дня читалъ я въ нѣмецкихъ газетахъ о блокадѣ Лемноса и о произшедшемъ при томъ. Милость твою, Алеханъ, вознесутъ до небесъ и здѣсь о твоихъ поступкахъ въ разсужденіи Турокъ всѣ безъ ума. Конюха мои пріѣхали изъ Москвы, — они жили у тебя въ Островѣ; сказываютъ, что тамъ все здорово. Про Петра Ивановича слышалъ отъ Мелиссина *), что онъ ѣхалъ съ нимъ до Орла и тамъ остановился въ своихъ деревняхъ; сказываютъ сталъ хворъ, слабъ и печаленъ; доктора ему совѣтуютъ ѣхать къ водамъ; объ отставкѣ его въ Москвѣ многіе сожалѣли. Прощайте Сударики".

„Января 28. — Бр. Суд. Здр. Почтъ пять отъ васъ никакого извѣстія нѣтъ; что вамъ сдѣлалось, что вы рѣдко такъ пишите, а курьера ждемъ да недождемся; о Федѣ не знаемъ — пріѣхалъ-ли онъ въ Ливорно. Мы здѣсь живемъ все постарому, ни шатко, ни валко. Намъ кажется, что насъ троихъ здѣсь мало и чтобъ цѣлое составить много недостаетъ. Теперь уже голубчики за

*) Петръ Ивановичъ, бывшій учитель Орловыхъ въ Сухопутн. Кадетск. Корпусѣ.

половину третьяго году пошло, когда то велитъ Богъ свидѣться?... Не думали, чтобъ мы настоль долгое время разстаемся... Съ отмѣнною радостью слышалъ, что отецъ той дѣвушки, которой ты перстень брилліантовый подарилъ и отпустилъ въ Царьградъ, отзывается о тебѣ, Алеханъ, такъ, что онъ въ вѣкъ не позабудетъ отмѣннаго твоего одолженія къ нему и чтобъ онъ за первое благополучіе почелъ, когда бы могъ тебѣ отслужить. Спрашивалъ — нѣтъ ли братьевъ твоихъ при арміи Петра Александровича? Сказано ему что мы въ Петербургѣ. Сей турокъ находится теперь при визирѣ командующемъ арміею и велѣно визирю безъ его совѣтовъ ничего не дѣлать. Прощайте, голубчики".

„Братцы, сударики, здравствуйте. Будетъ болѣе 5 недѣль, какъ мы отъ тебя, Алеханъ, никакаго извѣстія неимѣемъ. О Федорѣ все не знаемъ — съ тобою ли онъ. Всякую почту ласкали себя надеждой и всякій разъ обманывались. Пожалуйста, голубчики, неоставляйте насъ въ такой неизвѣстности, когда отъ васъ то зависитъ, а она ей ей тяжела. У насъ наступила масляница. Вчерашній день былъ маскарадъ у Государынѣ въ Ермитажѣ и состоялъ изъ 50 человѣкъ; продолжался до 2-го часу; много пляски и рѣзвости было; Государыня была весела. Эка диковинка! Писать къ вамъ многаго не знаю какъ-то балу быть, а говорить на день, другой, третій бы было. Вы конечно съ своей стороны не въ такомъ состояніи. Что это братья заѣхали! Дѣламъ вашимъ и по сихъ поръ конца не видать; если скоро будетъ имъ конецъ, то вымѣняю свѣчу Николаю Чудотворцу въ руку толщины".

„Февраля 10. — Бр. Суд. Здр. Ай, Алеханъ, какой ты нравоучитель сталъ! Я уже тебя почти и неузнаю. Послѣднее твое письмо полно нравоученія. Было времячко, что и тебѣ нравоученіе очень надобно было. Слава Богу что ты теперече самъ тѣмъ нравоученіе дѣлаешь, отъ которыхъ они тебѣ шли прежде. Но, пожалуйста будьте покойны, что мы еще въ такомъ состояніи, что большія нравоученія еще не очень нужны. Мнѣ кажется, Алеханъ, съ твоимъ нравоученіемъ и немножко плутовство смѣшано. Ты зналъ, въ какія руки оно попадется, и подлинно, Димонъ *) отъ него безъ ума. Ежели ошибся, то прости мнѣ. Мы отъ тебя Алеханъ, до послѣдняго письма почти писемъ не получали, и начинали уже гораздо безпокоиться. Что это отъ Ѳеди по сихъ поръ ни строчки нѣтъ? Онъ безсовѣстно лѣнивъ! Развѣ изъ Мессины писать ему нельзя было? Вчера Ѳедя праздновали твое рожденіе. Обнималъ я тебя въ мысляхъ и всѣ твои пальчики разцѣловалъ. О, дай то Боже, чтобы хотя на будущій годъ симъ счастіемъ въ самомъ дѣлѣ пользоваться! Г. Салдернъ конечно поѣдетъ посломъ въ Польшу. Онъ уже къ оному и готовится. Гр. Петръ Ив. Панинъ живетъ въ Москвѣ уже съ мѣсяцъ и не слышно, чтобъ сюда хотѣлъ пріѣхать. Мы отъ васъ гонца съ нетерпѣніемъ ожидаемъ. Лиза обѣщаетъ свой проступокъ загладить: болѣе Катюшъ не родить, а все Ванюшъ. Димонъ просилъ меня усердно, чтобъ я первому будущему сыну далъ имя

---

*) Димонъ, кажется, условленное между братьями Орловыми названіе одного лица, котораго не считали удобнымъ называть по собственному имени. Не происходитъ ли оно отъ греческаго Δαιμιον — духа вдохновителя Сократа.

Алексѣя. Прощайте Голубчики! Вся наша семья и всѣ ваши милые здоровы. Я и Лиза цѣлуемъ ваши ручки".

„Февраля 22. Братцы, Голубчики, здравствуйте! Письмо твое, Алеханъ, послѣднее дня съ три получили. Слава Богу, что ты здоровъ и желаемъ, чтобъ Ѳедоръ къ тебѣ пріѣхалъ поскорѣе. Ему бѣдняжкѣ, чаю, скучно одному. Пожалуйста, пишите къ Димону ежели можно всякій разъ когда къ намъ пишите; а онъ теперь не доволенъ, что къ намъ письма есть, а къ нему нѣтъ. У насъ теперь здѣсь все тихо и ничего особливаго въ разсужденіи насъ не слыхать. Готовимся къ войнѣ, также и Турки, сказываютъ, къ тому же готовятся. Повидимому не будемъ мы имѣть счастіе видѣть васъ весною или лѣтомъ здѣсь. Съ начала зимы была къ тому изрядная надежда, а нынѣ всякій часъ исчезаетъ. Объ Англіи слышно и о Франціи тоже, что по внутреннимъ дѣламъ у нихъ очень пестро, — чѣмъ то кончится? Начало зимы у насъ здѣсь было очень тепло, а теперь стоятъ такіе морозы, каковые и въ Крещеніе не всегда бываютъ. Мы всѣ здѣсь, слава Богу здоровы. Я и Лиза цѣлуемъ ваши ручки. Циплята мои также здоровы".

„№ 97. — Здравствуйте Голубчики, родимые братишки. Письмо твое, Алеханъ послѣднее получили. Видно, что ты веселъ былъ. Желаніе твое сюда пріѣхать произвело почти закладъ между мною и Григоріемъ: онъ утверждалъ, что нельзя думать, чтобы ты пріѣхалъ, а я противное. Пожалуй, разрѣши намъ споръ. Что это, Ѳедя, какъ кладъ не дается. Очень давно, ждемъ

отъ тебя извѣстій, что онъ пріѣхалъ къ тебѣ, и всякое письмо твое въ надеждѣ насъ обманываетъ. Очень скучно такъ долго отъ него никакого извѣстія неимѣть; намъ всѣмъ здѣсь хочется, чтобы вы были вмѣстѣ. Можетъ быть въ томъ и никакой нужды нѣтъ, однако хочется. Ты пишешь, какъ мы о твоемъ пріѣздѣ сюда думать будемъ. Я съ моей стороны скажу тебѣ: ежели ты чрезъ отсутствіе ничего не упустишь, то никто онаго ни дурачествомъ, ниже слабостію, мнѣ кажется, назвать не можетъ. Развѣ спорщикъ какой. Поздравляйте меня, Алеханъ и Федя, съ тѣмъ, что я нынѣ передъ прежнимъ очень мало спорю. Вы этому можетъ быть нескоро повѣрите, только это правда, и нигдѣ мнѣ такъ не весело, какъ сидѣть дома съ дѣтенками. Катенька у меня что за весельчакъ будетъ! Уже и теперь все умывается и сидитъ такъ прямо, какъ въ шнурованіи. Ей чрезъ недѣлю будетъ 4 мѣсяца, а Алексашѣ сегодня годъ 7 мѣсяцевъ; у него вышло 12 зубовъ, въ томъ числѣ 4 коренныхъ, а теперь рѣжутся глазные,— дня съ 4 отъ того хвораетъ, теперь однако получше становится. Мнѣ присовѣтывали для здоровья сидѣть въ ваннѣ, въ тепловатой водѣ. Я съ недѣлю какъ употребляю и чувствую перемѣну примѣтно къ лучшему. Къ вамъ теперь пишу изъ ванны; всегда когда я въ ваннѣ, то веселѣе. Примѣтили вы бы изъ письма, когдабъ я вамъ несказалъ. Графъ Петръ Ив. Панинъ живетъ въ Москвѣ и выѣзжаетъ; сюда будетъ или нѣтъ не слышно, а больше кажется небудетъ. Генералъ Бауэръ ѣдетъ сегодня въ 1-ю армію; онъ здѣсь принятъ очень хорошо отъ Государыни, также и братъ Григорій его любитъ; онъ кажется имѣетъ достоинство, разсуждаетъ хорошо и твердо о своемъ ремеслѣ, смѣлъ гораздо, но

не много и заносчивъ. Рѣпнинъ уже недѣли 2—3 какъ поѣхалъ въ 1-ю армію; хотѣлось ему, сказываютъ, очень опять у поляковъ побывать, только неудалось: Салдернъ, я думаю, скоро поѣдетъ, а Волхонскій сюда возвратится. Прощайте Сударики. Лиза и я цѣлуемъ ваши ручки, а дѣтенушки испрашиваютъ благословленіе“.

„№ 101. — Бр. Суд. Здравствуйте. Одно письмо Алеханъ отъ тебя изъ Риги, а другое изъ Гданска получили. Спасибо, что писалъ. Желаемъ тебѣ такъ счастливо путь свой докончить, какъ началъ. По отъѣздѣ твоемъ получены изъ Италіи раза съ три письма. О Федѣ здѣсь ни слуху, ни духу. Досадно очень, что столь много препятствій ему случилось. Дай Богъ поскорѣе услышать, что онъ съ тобою. Ѳедя ты пріобрѣлъ себѣ сообщника: Баскакову я далъ читать любимую твою книжку; онъ ее два раза уже прочелъ и еще читаетъ, и она ему очень полюбилась. Я еще все времени не имѣлъ ее со вниманіемъ прочесть; а безъ того и приниматься нехочу; а когда прочту, то и скажу мое мнѣніе прямо между Руссо и имъ, — разумѣется, ежели сіе сравненіе смогу сдѣлать. Дворъ уѣхалъ въ Царское Село уже болѣе недѣли. Снѣгу здѣсь по полямъ въ самыхъ мелкихъ мѣстахъ болѣе аршина, а въ иныхъ болѣе двухъ. Чрезъ Неву еще въ каретахъ ѣздятъ, хотя уже съ недѣлю стоятъ дни очень теплые. Я будущій мѣсяцъ отсюда поѣду, конечно въ концѣ, ежели еще не прежде. Лиза благодаритъ, Алеханъ тебя, очень за поклонъ, кланяется вамъ обоимъ сама и цѣлуетъ ваши ручки“.

„№ 107 Мая 3. — Бр. Суд. здравствуйте. Вы теперь конечно уже вмѣстѣ. Курьеры, Ѳедоръ, отъ тебя пріѣхали дня съ три. Спасибо и много спасибо за обстоятельное письмо; правда, есть что почитать; мы его раза съ два, несмотря на величину, прочли къ ряду. Можетъ быть и еще столько же бы прочли, но братъ Григорій въ тотъ день пріѣхалъ въ Совѣтъ въ Петербургъ и увезъ съ собою письмо въ Царское село. Вообще я съ твоими мыслями очень согласенъ; о главныхъ и первыхъ обстоятельствахъ точно тѣже понятія имѣлъ, какъ и ты, прежде нежели отъ тебя какое нибудь извѣстіе было объ ономъ. Есть же еще кое что въ твоихъ мысляхъ, о чемъ я ни да ни нѣтъ сказать немогу, неимѣя къ тому достаточнаго свѣдѣнія. Мы незнаемъ еще, какъ братъ и Димонъ объ ономъ думаютъ, — съ тѣхъ поръ мы съ нимъ не не видались. Лиза за гостинецъ благодаритъ тебя, Федя, и цѣлуетъ твои ручки. Спрашиваешь ты чтобъ мы отписали чтó намъ прислать? Мы оба думали, однако незнаемъ что, — такъ оставляемъ на вашу волю. За штаны триповыя благодарствую; я бы конечно въ этотъ уборъ нарядился, который ты описываешь, да и съ превеликимъ удовольствіемъ, ежели бъ мнѣ въ немъ тебя встрѣтить. Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ поѣду я къ водамъ, или въ половинѣ, или въ исходѣ. Армія 2-я выступила изъ зимныхъ квартиръ. Здѣсь ничего особливаго нѣтъ, о чемъ бы къ вамъ писать. Братья здоровы. Семья моя здорова и знакомые ваши всѣ здоровы“.

„№ 109. — Новаго вамъ скажу: Генералъ Вейсманъ съ 1400 Гренадеръ и съ 200 солдатъ, подъ прикрытіемъ 2 маленькихъ пушечекъ переѣзжалъ на маленькихъ судахъ на ту сторону Дуная, къ городу Исакчи. Водою

онъ ѣхалъ 40 верстъ. Въ 5 часу по утру прибывъ къ помянутому мѣсту, оставя 200 солдатъ и 2 пушки для защиты судовъ, самъ напалъ на ретраншаментъ, выбилъ непріятеля, шелъ далѣе, встрѣтился съ кавалеріею и опрокинулъ её, наконецъ вошелъ въ городъ и оттуда выгналъ остальныя войска. При сраженіи у нашихъ не было ни одной пушки, у нихъ же, напротивъ — 51, изъ коихъ взяты съ бою, другія прикованы. Магазинъ превеликій сожженъ съ хлѣбомъ и всякими припасами: хлѣба однаго было до 26000 четвертей. Судовъ съ 30 взято съ собою, болѣе же 30-ти сожжено. Когда жгли и забирали съ собою, то 180 человѣкъ держали зáмокъ въ блокадѣ, чтò продолжалось болѣе полусутокъ, который обширенъ и куда вкинулись при разсѣяніи войска 500 Янычаръ. Турецкихъ войскъ было всѣхъ 6200, янычаръ 1500 отборныхъ, да 3000 отборной конницы. Сіе достойно примѣчанія, что были при гренадерахъ артиллеристы съ припасами, и то было не безъ пользы, ибо выгнавъ непріятеля изъ ретраншамента и взявъ его пушки, употребляли ихъ противъ непріятеля самаго. Наканунѣ сего происшествія былъ самъ тутъ визирь изъ Бабадага, откуда до Исакчи считаютъ только 25 верстъ. Съ нашей стороны убито 14, а съ ихъ сказываютъ, болѣе 500, да взято въ полонъ 80 и еще 30 плотниковъ, они намѣрены были противъ этаго мѣста мостъ сдѣлать чрезъ Дунай. — Здѣсь пришло еще извѣстіе на этихъ дняхъ, что Обрѣзковъ *) со всѣми его домашними выпущенъ и скоро поѣдетъ въ Россію. Поздравляю васъ съ онымъ".

---

*) Алексѣй Михайловичъ — вашъ резидентъ въ Константинополѣ.

Орловъ оказалъ около того же времени большую услугу отечеству приглашеніемъ въ Россію свѣтила греческаго народа, знаменитаго и въ нашей церковной іерархіи Евгенія Булгариса, уроженца острова Корфу, основателя Духовной Академіи въ Ватопедскомъ монастырѣ, на Аѳонѣ, впослѣдствіи учителя и начальника философствующихъ въ Патріаршей Гимназіи въ Константинополѣ. Орловъ, вѣроятно, узналъ отъ своихъ корреспондентовъ изъ Лейпцига о прибытіи туда Евгенія, для напечатанія своего творенія о Логикѣ, и указалъ на него для перевода на греческій языкъ наказа Коммисіи о сочиненіи проекта новаго уложенія.

Графъ написалъ Евгенію два слѣдующія письма:

I.

„Monsieur.

„S. M. Impériale m'a chargé de Vous faire part, que si Vous voulez venir à Pétersbourg, Elle vous faire tenir une pension de mille roubles par an, et que Vous aurez la bibliothèque de Patriarche où se trouvent toutes sortes de livres curieux et intéressants en langue grecque et quelques'uns en langue latine. Vous pouvez en choisir et faire imprimer selon vos lumières. Venez, Monsieur, je crois qu'on ne Vous laissera pas manquer ici du nécessaire. Si Vous y consentez et m'en faites part, on Vous enverra aussi l'argent pour Votre voyage et pour moy je serai fort charmé de voir établir à Pétersbourg une personne que j'éstime tant du coté de la littérature, que du coté de l'honneteté.

„Je suis. . . . .

(le 14 May 1771.)

II.

„Monsieur.

„J'e viens d'apprendre de M. Heinitz que Vous etes tout prêt pour le voyage et que Vous n'attendez qu'une lettre de moi pour l'entreprendre. Commençez donc Votre voyage, Monsieur, et je souhaits que Vous arriviez sain et sauf ici. Je suis fort faché, que je ne profiterai pas de Votre présence à Pétersbourg. Ma santé exige que je fasse cet été une cure aux bains. Cela ne doit pas Vous empêcher de venir ici. L'Impératrice vous connait de réputation et vous pouvez, à votre arrivée vous adresser au Grand Veneur Narischkin qui est fort de vos amis, et à M. Kositzky, Sécretaire de Sa Majésté Impériale et ce dernier je recommandai particulièrement votre affaire. Il est un ami declaré de tous les savans. J'ai l'honneur d'être“. . . . . .

Евгеній Бугларисъ дѣйствительно пріѣхалъ въ С.-Петербургъ въ томъ самый годъ, когда къ нему было писано послѣднее письмо, и получилъ назначеніе придворнаго библіотекаря. Онъ былъ посвященъ въ іеромонахи, а въ 1775 году данъ былъ указъ Святѣйшему Синоду объ учрежденіи въ Новороссійской и Азовской губерніяхъ новой епархіи, подъ названіемъ Славянской и Херсонской, въ которую Государыня повелѣла: *„по случаю переселившихся въ тотъ край иноплеменниковъ* *), *незнающихъ русскаго языка, а исповѣдывающихъ однако православную греческую вѣру, посвятить въ Архіепископы Грека іеромонаха Евгенія, яко мужа высокаго разума, благочестіемъ и всѣми добродѣтелями для упа-*

*) То были Славяне?

сенія стада Христова отлично одареннаго". Евгеній издалъ множество сочиненій и переводовъ Богословской и свѣтской литературы, но оставилъ сверхъ того много не изданныхъ. Онъ умеръ въ Петербургѣ 1806 года, на 91 году жизни, и послѣдніе свои дни окончилъ за переводомъ „Les confessions de St. Augustin".

Въ томъ же 1771 году были написаны слѣдующія письма:

„Милостивый Государь мой
„Федоръ Матвѣевичь*).

„Когда случится проѣзжать посланному отъ меня капитану Исленьеву за границу къ нашей арміи, для наблюденія къ совершенству географіи; то прошу его во всѣхъ нуждахъ не оставить, чемъ меня одолжите.

„Покорный слуга
„Г. Владиміръ Орловъ".

въ С: Петербургѣ
генваря дня
1771 года.

„Гр. Румянцову **).

„Милостивый Государь мой Графъ Петръ Александровичь.

„Подателя сего письма, какъ человѣка хорошаго и изкуснаго, поручаю въ милость Вашего Сіятельства. Онъ посланъ по имянному Указу ѣздить по Россіи и съ дозволенія-жъ Ея Величества посылается нынѣ

*) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ 1771 г.)

**) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ 1771 г.)

въ Вашу сторону. Прошу его Ваше Сіятельство во всѣхъ его надобностяхъ неоставить, также выдавать ему деньги какъ на чрезвычайныя издержки, такъ и жалованіе его, когда онъ потребуетъ. На чрезвычайныя издержки отъ двухъ до трехъ сотъ руб. всякій разъ, какъ потребуетъ, чемъ меня одолжите, и гдѣ прикажите, то я оныя деньги Вашему Сіятельству съ благодарностью вручу. Исленьева предметъ дѣлать наблюденія астрономическія для совершенства Географіи. Я однаго ученаго, Крафта, къ Вамъ посылалъ; однако онъ изпужавшись воротился изъ Хотина. Пожалуй Ваше Сіятельство неоставте его Вашимъ вспоможеніемъ въ семъ нужномъ и полезномъ для Государства дѣлѣ.

„Вашего Сіятельства
„покорный слуга
„Г. В: Орловъ.

въ С: Петербургѣ
Генваря дня
1771 года.

„Исленьевъ получаетъ жалованья пятьсотъ пятьдесятъ семь рублей".

„Ив. Ив. Исленьеву *).

„Іванъ Ивановичь здравствуй.

„По полученіи моего письма немѣшкай долго и ступай прямо въ армію. Что вамъ тамъ дѣлать, предписано въ приложенной здѣсь инструкціи. Я отъ васъ совершеннаго успѣха ожидаю и надѣюся, что вы пообыкновенному тщанію не упустите ни чего къ достиженію намѣренія академіи. Когда вы на васъ возложенное дѣло

*) (Изъ дѣлъ Коммисіи Академіи Наукъ 1771 г.)

исполните, то я конечно не премину объ васъ стараться; а сіе дѣло Государству нужно и полезно. Отпишите мнѣ, желаете ли вы быть при академіи: тобъ я васъ могъ помѣстить при географическомъ департаментѣ. А есть-либъ сіе мѣсто вамъ и не полюбилось; то вы всегда можете имѣть другое. Къ Петру Александровичу Румянцову писалъ о тебѣ особливо, также къ князю Василію Михайловичу Долгорукому. Адресуйся къ нимъ, они тебя въ твоихъ нуждахъ неоставятъ. Также я и о жалованіи твоемъ писалъ, чтобъ они тебѣ по требованіямъ твоимъ выдавали. Естьли Генералъ Бауеръ будетъ находиться при арміи, онъ охотникъ до географическихъ работъ, и ты можешь съ нимъ совѣтоваться. Что до язвы касается, то сколько здѣсь извѣстно, она совсѣмъ утихла; но ты для своей безопасности можешь вездѣ навѣдываться. Желаю тебѣ щастливой путь. Уводомляй насъ всякій разъ, когда будешь случай имѣть. Слободскому Губернатору Гдну Щербинину и Гдну Воейкову прилагаю по письму. Когда тебѣ въ которомъ нужда будетъ, то ты тому мое письмо отдать можешь.

„Доброжелательный слуга

„Графъ Владиміръ Орловъ“.

Въ С: Петербургѣ
Генваря дня
1771 года.

(Переводъ.)

Представлено 4 марта 1771.

„Мнѣ было пріятно, еслибы Академія обсудила предложеніе г. Бернулли, относящееся къ кораблямъ и сообщила бы мнѣ свое мнѣніе относительно примѣнимости этаго опыта.

„В: Г: О“.

(Переводъ.)

Читано въ Академіи 8 Апрѣля 1771.

„Въ слѣдующемъ Собраніи представте гг. Академикамъ отъ моего имени, что я считаю достойными быть Академиками гг. Адъюнктовъ: Лекселя—по части Астрономіи, Крафта — по Экспериментальной Физикѣ, Лепехина и Гильденштедта—по Естественной Исторіи. Но пока мнѣнія Членовъ мнѣ еще неизвѣстны, я ихъ не назначаю въ оные. Прочтите эту мою записку и сообщите Академикамъ, чтобы они всѣ явились въ слѣдующую пятницу. Оба Адъюнкта, Лексель и Крафтъ, не должны присутствовать на этотъ разъ.

„В: Г: Орловъ".

(Переводъ.)

Представлено Академическому Собранію 29-го Апрѣля 1771.

„Я остаюсь при томъ, чтобы воротить г. Фалька; но желаю чтобы Академія сдѣлала это осторожно, такъ чтобы такое предложеніе показалось ему какъ можно менѣе обиднымъ. Напишите г. Палласу, что Академія и я очень довольны его предположеніемъ ѣхать въ Китай и считаемъ, что это намѣреніе можетъ быть плодотворно во многихъ отношеніяхъ, но въ какихъ именно, онъ лучше знать можетъ. Пусть же наведетъ подробныя справки; я самъ напишу ему письмо по этому дѣлу и присоединю еще одно къ Иркутскому Губернатору. Вообще напишите ему, что весь его планъ мнѣ весьма нравится.

„В: Г: Орловъ".

29 Апрѣля 1771.

IX.

Моровая язва въ Москвѣ. — Дневникъ путешествія за границу для поправленія здоровья.

1771 годъ ознаменовался относительно Орловыхъ подвигомъ гражданскато самоотверженія. Графъ Григорій, любимецъ, щедрый расточитель обильно изліянныхъ на него богатствъ, строитель арсенала, основатель Вольнаго Экономическаго Общества, благодѣтель прибѣгавшихъ къ его помощи,—обрадовался случаю принести въ жертву общественной пользѣ не однѣ деньги, но и собственную безопасность. Страшная моровая язва свирѣпствовала въ Москвѣ. Мятежъ, сопровождавшійся умерщвленіемъ въ Донскомъ монастырѣ Архіепископа Амвросія, за перенесеніе съ Варварскихъ воротъ въ другое мѣсто иконы Богоматери, около которой народъ толпился, былъ усмиренъ Еропкинымъ. Нѣсколькими залпами картечи положено было на мѣстѣ множество мятежниковъ. Предстояла надобность устранить главныя причины распространенія заразы, уничтожить народное

отвращеніе къ больницамъ и карантинамъ и положить конецъ недобросовѣстности должностныхъ лицъ и врачей. Григорій Орловъ чувствовалъ себя въ силахъ поднять духъ народа, пощаженнаго заразой, и это дѣло должно было льстить его самолюбію. Его отважность, воспѣтая поэтами, обнаружилась, надо правду сказать, не столько въ презрѣніи къ смерти, сколько въ отсутствіи всякаго опасенія зависти придворныхъ людей, всегда готовыхъ воспользоваться удаленіемъ временщика. Любимецъ, болѣе осмотрительный, хотя и не менѣе мужественный Григорія Орлова, не рѣшился бы удалиться въ такую критическую минуту отъ престола. Григорій Орловъ, напротивъ, поѣхалъ въ Москву и началъ терять свое значеніе при Дворѣ именно въ то время, когда оказывалъ наибольшую услугу отечеству и ободрялъ москвичей своей неустрашимой дѣятельностью. Тріумфальныя ворота и другія почести для него готовились, но, не менѣе того, Орловъ, по возвращеніи въ Петербургъ, нашелъ большую перемѣну во взглядѣ Императрицы на дѣла. Она была теперь расположена, по совѣтамъ Графа Панина, покончить съ Турецкою войною*). Мы

---

*) Впослѣдствіи Григорій Орловъ возвратился ко Двору, но прежнее расположеніе къ нему Императрицы не возвратилось. Не возвратилось также и прежнее его вліяніе на дѣла, а оно было вообще полезно. Орловъ хотя и не обладалъ самъ серьезнымъ образованіемъ, былъ другомъ и покровителемъ просвѣщенія; онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ весьма немногихъ, которые желали бы улучшить положеніе русскаго крестьянина; онъ же въ совѣтахъ Императрицы по дѣламъ внѣшней политики постоянно настаивалъ на покровительствѣ единоплеменникамъ нашимъ въ Польшѣ и единовѣрцамъ въ Турціи, угадывая своимъ

должны были упомянуть объ этихъ обстоятельствахъ потому, что они впослѣдствіи повели еще къ большимъ перемѣнамъ въ политическомъ положеніи Орловыхъ и отразились на будущности всей ихъ фамиліи, въ томъ числѣ и на Владимірѣ. Но въ письмахъ сего послѣдняго къ братьямъ не упоминается вовсе о дѣятельности въ Москвѣ любимаго всѣмъ семействомъ Григорія. Въ это самое время Графъ Владиміръ Григорьевичъ предпринялъ путешествіе за границу для поправленія своего здоровья.

Постоянныя умственныя занятія и не менѣе утомительная суета свѣтской жизни, отъ которой не можетъ удалиться человѣкъ высшаго круга общества, подѣйствовали вредно на здоровье Владиміра Орлова. Онъ чувствовалъ большой упадокъ силъ, совѣтывался съ самыми знаменитыми медиками того времени и получилъ отъ нихъ отзывъ самаго неутѣшительнаго свойства. Гаубіусъ и другіе врачи дали ему письменно свои мнѣнія и совѣты, которые были записаны и тщательно сохранены, а нѣкоторые изъ нихъ уцѣлѣли въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій. Медики совѣтывали больному леченіе минеральными водами, и больной напра-

---

русскимъ чувствомъ направленіе, которому неизмѣнно долженствовала бы слѣдовать наша политика, гораздо вѣрнѣе, чѣмъ понимали ее многіе, можетъ быть превосходившіе его способностями. Григорій Орловъ первый между русскими государственными людьми высказался за возстановленіе независимости турецкихъ христіанъ, и открылъ такимъ образомъ путь блестящему составителю *Греческаго Проекта*, Потемкину. — (Чтеніе изъ Русск. Исторіи, П. Щебальскаго.)

вилъ, какъ будетъ видно, всю энергію своего характера на поправленіе своего здоровья.

Любопытно читать страшныя предвѣщанія докторовъ, отнимавшихъ почти всякую надежду на выздоровленіе молодаго семьянина, которому однако удалось дожить до 88 лѣтъ. Еще любопытнѣе читать отчетъ больнаго о размѣрахъ употребленія имъ воды въ разныхъ мѣстахъ, и въ одномъ и томъ же году, и объ исполинскихъ его подвигахъ въ промежуткѣ лечебныхъ курсовъ. Ни то, ни другое не похоже на умѣренное употребленіе водъ въ наше время, ни на предписываемое отдохновеніе (Nachkur) послѣ питія водъ.

Дневникъ сего заграничнаго путешествія очень коротокъ и, къ сожалѣнію, статистическія подробности занимаютъ въ немъ много мѣста, а весьма немного — разсказъ объ интересныхъ личностяхъ, съ которыми Графъ встрѣчался за границей. Такъ, напримѣръ, сказавъ въ двухъ словахъ о своемъ свиданіи съ братьями Алексѣемъ и Ѳедоромъ въ Италіи, онъ прибавляетъ только, что въ то время въ Ливорно поспѣлъ горохъ.

Графъ описывалъ Западную Европу, особенно на первыхъ страницахъ своего дневника, въ томъ же наблюдательномъ духѣ, съ которымъ въ путешествіяхъ по Россіи обращался къ теченію рѣкъ и къ почвѣ.

Изъ слѣдующихъ извлеченій читатель скорѣе познакомится съ личностью автора дневника, нежели съ людьми, съ которыми онъ встрѣчался. Въ Англіи путешественникъ выведенъ былъ изъ своего постояннаго спокойствія удивленіемъ и благосостоянію жителей и фабричной дѣятельности, и политическимъ учрежденіямъ народа, тогда уже первенствовавшаго въ просвѣщеніи. Владиміръ Орловъ былъ тронутъ дружеской привѣтли-

востью англичанъ и, не смотря на обычный его лаконизмъ, видно, какъ онъ пораженъ былъ преніями въ Нижней Палатѣ Великобританскаго Парламента.

Молодой путешественникъ, объѣзжавшій верхомъ два года предъ тѣмъ заросташіе камышами и впослѣдствіи недовершенные каналы между Дономъ и Волгою, перенесенъ въ страну, гдѣ находятся въ полномъ дѣйствіи каналы, проведенные подъ сводами въ землѣ или между стѣнами на открытомъ воздухѣ. Одно изъ этихъ чудесныхъ произведеній было только что создано иждивеніемъ лорда Бриджватера, и трудно сказать, чтó болѣе удивляло Орлова: развитіе ли техническаго искусства въ Англіи, или же великодушіе могущественнаго аристократа.

Дневникъ Владиміра Григорьевича начинается выѣздомъ изъ Петербурга, 1771 года 1 іюня, въ 7 часовъ по утру, съ женою, дѣтьми и фрейлиною Роткирхъ.

Извлекаемъ собственныя слова изъ тетради путешественника.

„Эстляндцы очень бѣдны, въ нѣсколькихъ домахъ былъ я самъ и разговаривалъ, — тотъ благодаритъ Бога, который имѣетъ салакушку соленую, ржаной хлѣбъ безъ мякины и квасъ; рѣдкіе изъ нихъ и по праздникамъ ѣдятъ мясо, волосъ не чешутъ, языкъ похожъ на чухонскій, живутъ чрезвычайно скверно, избы черныя съ палатями, бревна по самый полъ коптѣютъ, двери низенькія, сквозь которыя дымъ проходитъ, у каждаго баня, ходятъ всякую недѣлю, не лежатъ, а сидятъ на перекладинахъ, которыя подъ самымъ потолкомъ, гдѣ и парятся, очень лѣнивы, неопрятны, къ пьянству чрезвычайно склонны и мужчины и женщины, сказываютъ дворянство держитъ крестьянъ своихъ въ черномъ тѣлѣ.

(18 іюня, Рига.) „Латыши живутъ гораздо лучше, и почитаются какъ до Риги, такъ и къ Вендену лучшими крестьянами изо всей Лифляндіи, но и они ѣдятъ мясо только осенью, одѣваются мужчины и женщины несравненно опрятнѣе. Лифляндцы, мнѣ показались опрятнѣе и Русскихъ, вмѣсто лаптей, когда не тяжелую работу производятъ, носятъ башмаки всѣ изъ кожи безъ подошвъ, женщины имѣютъ передники, а дѣвки носятъ шляпы распущенныя; въ домахъ ихъ приборнѣе и чище, и Латыши большею частью употребляютъ хлѣбъ съ мякиною, весною же рѣдкій своимъ хлѣбомъ пробавляется, а занимаютъ у господъ до осени и на двѣ четверти платятъ по полуосминѣ и болѣе, трезвы и прилежны, у многихъ избы бѣлыя. По примѣчанію моему, помѣщики держатъ въ черномъ тѣлѣ Эстляндцевъ и Латышей. Во всей Лифляндіи крестьяне только живутъ по одному двору, гдѣ находится одинъ хозяинъ, ему приданы нѣсколько работниковъ и работницъ, которыя зависятъ совершенно отъ него и помѣщикъ взыскиваетъ всѣ работы съ хозяина. Дѣти отъ отцевъ берутся и раздаются по хозяевамъ“.

(24-го) „Латыши Курляндскіе живутъ гораздо лучше Лифляндскихъ, да и земля у нихъ гораздо плодороднѣе, особливо подлѣ Либавы и въ нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ. Крестьянинъ Курляндскій есть совершенный невольникъ. Помѣщикъ можетъ засѣчь его до смерти и никому въ томъ не отвѣчаетъ. Ежели одинъ подданный умертвитъ другаго, то помѣщикъ имѣетъ право простить убійцу, самъ на смерть не осуждаетъ, а долженъ созвать 7 сосѣдей, но довольно и 5, объявляетъ имъ преступленіе, судьи разсматриваютъ и налагаютъ наказаніе. Помѣщикъ не долженъ мѣшаться въ сужденіе, увеличить

наказаніе помѣщикъ не можетъ, а имѣетъ право не только уменьшить, но даже и освободить отъ смерти; ежели умерщвленъ подданный у другаго помѣщика, то производится судъ такимъ же образомъ, какъ и выше написано, и въ семъ случаѣ помѣщикъ убитаго имѣетъ право простить убійцу, хотя бы онъ осужденъ былъ на смерть, тѣмъ вся тяжба и кончится и переносу по оной никуда не бываетъ".

(28 іюня—19 іюля,—Мемель, Тильзитъ, Кенигсбергъ, Данцигъ, Франкфуртъ на Одерѣ.)

„Отъ Вислы до Данцига насыпано деревень, крестьяне живутъ въ большомъ изобиліи, многіе имѣютъ у себя болѣе 20 лошадей".

„Отъ Данцига и до Франкфурта земля не плодородна, жители бѣдны, строеніе въ деревняхъ худо и крыто соломой".

(23. Дрезденъ — Карлсбадъ.)

„Здѣсь пилъ я воду три недѣли, началъ съ 3-хъ и дошелъ до 15 стакановъ, цвѣтъ лица сдѣлался гораздо лучше".

„29 Августа оставилъ Карлсбадъ. Пробылъ 2½ недѣли въ Лейпцигѣ". (Вейсенфельсъ, Наумбургъ, Эрфуртъ, Гота, Эйзенахъ, Фульда.)

(24 сентября — Ганау.)

(25-го — Франкфуртъ.)

„Во время нашего пребыванія пріѣхали туда Княгиня Дашкова и Каменская, два дня проводили съ ними. Чрезъ нихъ познакомились съ купцомъ Когель, у котораго и обѣдали всѣ вмѣстѣ".

(29 сент. Майнцъ. 30-го — Мангеймъ. 3 окт. — Страсбургъ. 7-го — Базель.)

„Вообще должно замѣтить, что въ католическихъ зе-

мляхъ жители не наблюдаютъ такой чистоты, какъ въ лютеранскихъ".

„Въ Эльзасѣ жители гораздо учтивѣе, чѣмъ въ Германіи, особливо простой народъ".

„Въ Базелѣ познакомился я съ старикомъ Бернулли (Бернъ). Окрестности его очень пріятны и неподалеку находятся снѣжныя горы, во все лѣто покрытыя снѣгомъ и представляющія прекрасные виды, ибо при солнечномъ сіяніи подобны они освѣщеннымъ облакамъ, около горизонта находящимся. 17-го Октября прибыли въ Беве".

„Въ Кантонахъ Базелѣ, Солотурнѣ и въ Бернѣ мужики постарѣе бородъ не брѣютъ, но въ Вализерландѣ брѣются всѣ".

„Въ Бернѣ посѣтилъ я Галлера обхожденіе его просто, — онъ жаловался на стараго Эйлера, будто бы онъ воспрепятствовалъ ему быть членомъ Петербургской Академіи" *).

„Отъ 17 Октября до 17 Марта 1772 г. жили въ Веве" **).

---

*) Галлеръ, швейцарскій медикъ, получилъ званіе Почетнаго Члена Академіи въ 1776 году; умеръ 1777 г.

**) Графъ и Графиня, во время своего жительства въ Веве 1772 г., завели знакомство съ мѣстнымъ обществомъ и принимали его, какъ видно изъ сохранившихся тамъ до нашего времени приглашеній, на вечера музыкальные и другіе, которые начинались въ 5 часовъ по полудни. Жители Веве разсказывали внучкѣ Гр. Орлова, Кн. Елизаветѣ Петровнѣ Долгорукой, какъ Графъ прививалъ самъ оспу крестьянскимъ дѣтямъ этой мѣстности.

„17 Марта пустился верхомъ въ Италію повидаться съ братцемъ Алексѣемъ Гр. куда и пріѣхалъ въ 17 дней“.

(Шамбери) „На горахъ ростетъ по мѣстамъ лиственница, нигдѣ я не встрѣтилъ столь много печальныхъ видовъ какъ въ сей землѣ“.

„Отъ Монтсени доѣхали въ одинъ день до Турина. Дорога идетъ по долинѣ, она сначала очень узка, потомъ часъ отъ часу расширяется и становится около Турина очень широкою; въ Туринѣ пробылъ одинъ день и отправился въ Мейландію (Миланъ?), гдѣ также одинъ день проводили и видѣли отмѣнно великолѣпную церковь и чрезвычайной величины. Мейландскія и Піемонтскія земли очень хорошо обработаны. Тутъ ростетъ великое множество шелковицы, всѣ поля наполнены ею, да и другими плодоносными деревами. Около деревъ ростетъ виноградъ. Не смотря на сильную тѣнь, происходящую отъ деревъ, все вовремя поспѣваетъ, и сіе только свойственно землямъ теплымъ. На дорогѣ находились Плезансъ, Парма, Модена и Болонья. Во всѣхъ сихъ городахъ церкви прекрасныя. Модена хотя мала, но построена хорошо. Въ Плезансѣ течетъ По. Отъ Веве до Болони употребили 14 дней и ѣхали все верхами. Отъ Монтсени до Болони простирается почти безпрерывно низкая долина, вся очень обработана и крайне плодородна, съ обѣихъ сторонъ окружена превысокими горами; вода въ рѣкахъ мутна и воздухъ осенью и весною нездоровъ. Въ земляхъ Миланской и Піемонтской ростетъ сарачинское пшено. Сѣютъ оное въ самыхъ низкихъ мѣстахъ, которыя потомъ наводняются. Въ Болоньѣ взяли почту и употребили 14 часовъ до Флоренціи. Городъ сей великъ, много зданій прекрасныхъ: храмъ Св. Лаврентія чрезвычайнымъ великолѣпіемъ и богатствомъ

славенъ по всей Европѣ, и трудно ему найти подобный, онъ созидается изъ давнихъ лѣтъ и часъ отъ часу получаетъ болѣе совершенства. Видали во дворцѣ самыя рѣдкія картины и славную галерею. Окрестности сего города состоятъ въ возвышеніяхъ и представляютъ очень хорошіе виды. Земля и здѣсь отмѣнно обработана. Отъ сего мѣста пріѣхали въ 10 часовъ въ Пизу, у братца пробыли 6 дней, провели одинъ день въ Ливорнѣ и катались на шлюпкѣ по морю, всходили на русскій фрегатъ, который въ то время находился около 2 верстъ отъ города. Въ Ливорнѣ въ сіе время поспѣлъ горохъ. Взяли почтовыхъ лошадей и возвратились въ 6 дней въ Миланъ. Дорога была таже".

(17 апрѣля — Большое Озеро, Изола Белла, Изола Мадре. 19 апрѣля достигли подошвы С. Плонъ.)

„Гора сія есть наиужаснѣйшая, надлежитъ ѣхать почти безпрестанно по самой узенькой дорожкѣ подлѣ пропастей глубочайшихъ, и на верху оной было еще болѣе сажени снѣгу, въ которомъ лошади наши ежечасно обрывались, и мы принуждены были идти пѣшкомъ, даже и сіе утро шелъ снѣгъ превеликій. Какъ скоро спустились въ долину Вализеръ Ланда, тутъ встрѣтили насъ теплый воздухъ, зелень и плоды. 4 дня ѣхали сею землею и возвратились въ Веве".

[Пройденный путь описанъ: долины, горы, Рона, безумные (crétins), зобы.]

(Отъѣздъ съ семействомъ изъ Веве и путь чрезъ Женеву, прекрасную область Бургундію, Дижонъ и Ліонъ, въ Парижъ.)

„Прибылъ въ Парижъ еще въ Маѣ и прожилъ тамъ 3 недѣли. Въ сіе время видѣлъ раза 4 или 5 Руссо, посѣщалъ много разъ Дидерота и былъ однажды у Мар-

киза Мирабо, также и у Даламберта. Руссо полюбилъ меня, просилъ ходить къ нему почаще и много ласки оказывалъ. Осмотрѣлъ Версалію съ ея окружностями, Марли и Бельвю. Изъ Парижа пустился въ Спа".

(Монсъ, Брюссель — „городъ небольшой, но прекрасный", Лувень, Тирлемонъ и Литтихъ.)

„По прибытіи въ Ахенъ, принялся я немедленно пить воду, что и продолжалось 12 дней, употребляя по 5 стаканчиковъ въ день..... Потомъ возвратился въ Спа и началъ пить пугонъ по 5 стакановъ, каждый по 5 унцій. Вода отягощала желудокъ. Сіе произошло повидимому отъ безпорядочной жизни, я ѣлъ много и сидѣлъ дома за картами. Сію воду пилъ я 3 недѣли; цѣлую недѣлю пилъ жеронстеръ, на день по 5 стакановъ, каждый по 5 унцій, но безъ пользы и рѣшился оную оставить. Началъ опять пить пугонъ и продолжалъ 4 недѣли".

(Путешествіе въ Голландію: Мастрикъ, Герцогенбушъ, Роттердамъ, Гагу, Амстердамъ и обратно чрезъ Утрехтъ, Лейденъ, Гагу, Роттердамъ, Мордикъ и Антверпенъ.)

„По совѣту доктора Мальяра, съ которымъ тогда познакомился, употреблялъ я Савоньеръ и Грасбекъ по 5 стакановъ, каждый по 5 унцій, 2 недѣли къ ряду. Послѣдніе 12 дней пилъ я еще пугонъ и чувствовалъ болѣе пользы передъ прежнимъ. Въ исходѣ Сентября оставилъ Спа. Прибыли 4 Октября въ Кале. 5-го сѣли на корабль, — онъ не могъ войти въ гавань, и мы принуждены были доплыть до Довера въ маленькихъ лодочкахъ. 8-го прибыли въ Лондонъ, остановился только нѣсколько дней, а 16-го пустился странствовать по землѣ".

(Виндзоръ, Оксфордъ.) „Замокъ Бленгеймъ, принадлежащій фамиліи Марлборугской, сіе строеніе рѣдкое и

прекрасное“ (Садъ Лорда Темпеля въ Стовѣ). „Сей изъ первыхъ расположенныхъ по Англійскому вкусу“. — „Поля осажены плотнымъ кустарникомъ, чтó не мало украшаетъ. Скотъ остается и по ночамъ въ полѣ.... Очень много поденщиковъ, изъ которыхъ нѣкоторые довольно бѣдны. Былъ у Лорда Литлетона въ саду, въ которомъ мало искуства, но положеніе прекрасное и виды отмѣнные“.

(Дерби, Манчестеръ.)

„11 миль отъ Манчестера видѣлъ каналъ, — сдѣлалъ его Герцогъ Бриджватеръ, — возятъ по немъ въ городъ каменныя уголья, построенъ очень хорошо, и конечно стóитъ большаго иждивенія. Сей каналъ проведенъ теперь до Ливерпуля, стѣны и сводъ онаго сдѣланы изъ простаго кирпича, и такъ крѣпки, что ни гдѣ ни малѣйшей порчи не видно; онъ простирается на 2 мили подъ землю до самаго мѣста, гдѣ копается уголь, подвозъ водою унизилъ много цѣну. За сіе благодѣяніе народъ обожаетъ Герцога, особливо бѣдные“.

(Бристоль, Батъ.)

„4 Ноября пріѣхала жена моя и съ дѣтьми въ Батъ.... Трактиры здѣсь чрезвычайно хороши, даже и въ деревняхъ, по проселочнымъ дорогамъ.... Въ сей землѣ надѣлано очень много каналовъ. Мнѣ случилось видѣть три, которые ведены чрезъ рѣки, поперегъ оныхъ; сперва состроятъ сводъ съ одного берега на другой, потомъ по обѣимъ сторонамъ онаго стѣны, и вода находится въ нихъ какъ въ ящикѣ. Народъ рослъ и имѣетъ видъ здоровый. Рѣдко увидишь блѣднаго и слабаго, нигдѣ не видалъ я столь здороваго народа.

Даже и Лондонскіе жители имѣютъ видъ здоровый. Чай въ столь великомъ употребленіи, что близь Лондона нѣтъ ни однаго работника, даже и самаго бѣднаго, который бы не пилъ чаю, хотя однажды въ день. Въ семъ путешествіи товарищъ мой былъ Рохлеръ. Батъ городъ очень небольшой, но прекрасный, зданія отмѣнныя и великолѣпныя, окруженъ со всѣхъ сторонъ возвышеніями, зелень и въ сіе время была почти, какъ середь лѣта, и по увѣренію жителей, во всю зиму продолжается. Здѣсь находятся три цѣлительные ключа, — изъ однаго пилъ я двѣ недѣли. Здѣсь я остановился 8 недѣль, а къ новому году возвратился въ Лондонъ".

Лондонъ и Парижъ встрѣчаютъ чужестранца очень разнохарактернымъ образомъ и вліяніе этихъ городовъ на пріѣзжаго столь же различно, какъ оказываемый пріемъ. Чужестранцу, прибывшему въ Лондонъ, надобно непремѣнно дать себѣ вѣсу, а въ Парижѣ, напротивъ, дабы осмотрѣться и находить удовольствіе, всего чаще приходится поступиться тѣмъ общественнымъ положеніемъ, которымъ пользуешься въ своемъ отечествѣ. Въ Лондонѣ *городъ* (city), *восточный*, весь посвященъ дѣловой дѣятельности, а обитаемая, какъ высшимъ, такъ и среднимъ классами общества — часть столицы, есть западная. — Чужестранецъ, очутясь въ этой части города, святилищѣ моды и всего порядочнаго, почувствуетъ себя совершенно изолированнымъ и умирающимъ со скуки, если не озаботится завести знакомства, не позаймется съ особой тщательностію своей одеждой и не будетъ представленъ въ лучшіе дома; притомъ не безъ большаго труда проникнетъ онъ въ высшія сферы политическія и великосвѣтскія.

Роскошные и великолѣпные своими фасадами клубы, весьма мало доступны, — и въ 1772 году бывшій мѣстомъ собранія значительнѣйшихъ людей — Уайтъ-клобъ, по всей вѣроятности, былъ вовсе недоступенъ чужестранцу. Въ Парижѣ пріѣзжаго встрѣчаютъ сами собою удовольствія; тотчасъ привлекаетъ его Итальянскій бульваръ, кофейни, театры, салоны; ходячею монетою служитъ ему преимущественно добродушіе, и если онъ хотя нѣсколько бывалый человѣкъ и bon enfant, то весьма скоро будетъ встрѣчаться на ногѣ добраго знакомаго со всѣми значительными тамъ людьми.

Королемъ Великобританскимъ былъ въ то время почтенный, впослѣдствіи сумасшествіемъ пораженный, Георгъ III, твердый, по словамъ иныхъ, упрямый и закоснѣлый, по выраженію другихъ, — въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, говорили первые, въ своихъ религіозныхъ предразсудкахъ — говорили послѣдніе. Вѣрный присягѣ, данной имъ при восшествіи на престолъ, — защищать протестантскую церковь, — онъ не соглашался дать эмансипацію, т. е. участіе въ народномъ представительствѣ своимъ подданнымъ римско-католическаго исповѣданія. По общему мнѣнію всѣхъ, онъ былъ человѣкъ глубоко религіозный и строго-нравственной жизни. Министромъ его былъ въ 1773 г. Lord North, тотъ самый, который впослѣдствіи своей неосмотрительной политикой и стѣсненіемъ торговли американцевъ, тогда еще великобританскихъ подданныхъ, возбудилъ несчастную войну и причинилъ окончательное отдѣленіе американскихъ колоній отъ Великобританіи. — Первые ораторы новѣйшихъ временъ — старшій и младшій Питты, Буркъ и 22-лѣтній Чарльсъ Фоксъ — изо всѣхъ можетъ быть самый геніальный,

были членами Парламента. Они еще въ то время не достигли той славы, которая скоро увѣнчала ихъ имена. Американскія дѣла уже съ 1765 года занимали Парламентъ и озабочивали правительство, но война съ Америкой окончательно возгорѣлась только въ 1775 году. — Отважные вожди оппозиціи, желавшіе отстранить предвидѣнныя ими бѣдствія и удалявшіеся отъ Двора, не могли встрѣчаться тамъ съ русскимъ путешественникомъ. Онъ видѣлся во Франціи съ энциклопедистами, прогрессистами, несравнно опаснѣйшими обществу, чѣмъ англійскіе виги; но въ Англіи онъ могъ развѣ съ галлереи Нижней Палаты увидать и услышать вышепоименованныхъ ораторовъ.

При Сентжемскомъ Дворѣ Владиміръ Орловъ отличался отъ многихъ знатныхъ иностранцевъ и отъ своихъ соотечественниковъ тѣмъ, что не имѣлъ никакихъ орденовъ — ни звѣзды, ни ленты, ни малѣйшаго креста. Это отсутствіе знаковъ отличія не удивляло англичанъ, которые, хотя и видѣли у себя весьма немногихъ кавалеровъ Подвязки и нѣсколько бо́льшее число кавалеровъ, украшенныхъ знаками отличія за особыя заслуги, — привыкли видѣть неукрашенными никакимъ подобнымъ знакомъ самыхъ знаменитыхъ своихъ государственныхъ людей, равно какъ потомковъ тѣхъ старинныхъ родовъ, которые прославились въ крестовыхъ походахъ и были воспѣты Аріостомъ. Графъ Владиміръ Орловъ былъ принятъ англійскимъ обществомъ съ уваженіемъ, но при отъѣздѣ его выразилась уже къ нему искренняя любовь. Его природная привѣтливость понравилась англичанамъ. Герцогъ Нортумберландскій, разставшись съ Орловымъ, послалъ ему въ подарокъ пару отличныхъ лошадей; — Орловъ отдарилъ его соболями. Съ нимъ и съ другими

англичанами онъ переписывался конфиденціально о своихъ семейныхъ дѣлахъ и о здоровьи своей жены и дѣтей. Въ самомъ дневникѣ онъ пишетъ весьма мало о лондонской своей жизни.

Вотъ его слова:

„Пять разъ былъ я съ женою при дворѣ, Король и Королева обходились съ нами съ отмѣнною милостію. Король говорилъ часто со мною о моей семьѣ, многія подробности были ему извѣстны, что меня не мало удивляло. Онъ зналъ, что мои братья сильны, что старшій при нынѣшнемъ правленіи не служилъ и многія другія обстоятельства. Услышавъ отъ меня, что мы живемъ не въ раздѣлѣ, крайне сему удивлялся. — Королева обходилась также милостиво съ женою моею и при первомъ представленіи сказала: наконецъ имѣю я удовольствіе васъ видѣть! При дворѣ большаго великолѣпія нѣтъ, да и ничего такаго, чтобы заслуживало особое примѣчаніе. Герцогъ Нортумберландъ съ супругою своею, Милордъ Шельборнъ, Болби и Г. Морицъ оказывали намъ отмѣнныя ласки, особливо домъ Герцога Нортумберланда. Они всѣми силами старались сдѣлать пребываніе наше пріятнымъ со всѣхъ сторонъ и въ Лондонѣ и въ Батѣ. Въ Батѣ познакомился я съ славнымъ Гонъ, который имѣлъ первую торговую контору въ Амстердамѣ. Былъ два раза въ Нижнемъ Парламентѣ. Споръ шелъ о войнѣ съ Караибами, живущими на островѣ С. Винцента. Приказано было войти тремъ свидѣтелямъ, которые нѣсколько времени на семъ островѣ находились. Каждый членъ имѣетъ право спрашивать свидѣтелей. Сказываютъ, что $^2/_3$ членовъ на сторонѣ королевской, слѣдовательно дворъ можетъ все сдѣлать, что захочетъ. Сіе собраніе произ-

вело во мнѣ пріятное впечатленіе, и *я ощущалъ почтеніе къ оному*".

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе английскихъ садовъ:

„При расположеніи оныхъ стараются они подражать природѣ и скрыть работу, которая необходима и часто много труднѣе бываетъ, нежели въ регулярныхъ; въ сихъ садахъ все разбросано—индѣ лѣсокъ, индѣ кустарникъ, индѣ цвѣты, индѣ лужекъ".

18 февраля Орловъ оставилъ Лондонъ. На обратномъ пути „точно искушеніе — прожили три недѣли въ Ахенѣ, пилъ я воду, но она мнѣ сей разъ ни добра, ни худа не сдѣлала. Около 1 Апрѣля трава давольно позеленѣла, крыжевникъ началъ распускаться и нѣкоторые ранніе цвѣты показались: цикорія, фіялка, мята и другіе"...... 23 мая пріѣхали въ Спа. „Тамъ, ужъ безъ того нельзя, мы начали употреблять *Савоньеръ* и продолжали 3 недѣли, а пили и т. д. Вода сія чрезвычайно полезна была для насъ обоихъ, а паче для жены, ибо она находилась еще (послѣ болѣзни въ Ахенѣ) въ великой слабости...... и дѣйствіе сей воды для нея удивительно полезно было. Потомъ употребляли пугонъ, но сія вода не годилась для насъ, принялись за жеронстеръ, пили около 4-хъ недѣль", — и послѣ того уже болѣе нѣтъ рѣчи объ употребленныхъ имъ водахъ.

Дневникъ оканчивается выѣздомъ изъ Франкфурта на Майнѣ и слѣдующими словами: „Отсюда пустились прямо въ Петербургъ, куда и возвратились благополучно около начала Сентября; дорога шла большею частію чрезъ тѣ же самыя мѣста, чрезъ которыя ѣхали изъ Петербурга до Франкфурта, а потому и не нужно повторять оныя".

Описанное въ дневникѣ леченіе, которое можно назвать героическимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удачнымъ по послѣдствіямъ, отличается довольно рѣзко отъ нынѣшняго: теперь совѣтуютъ очень умѣренное употребленіе водъ, но за то требуютъ, чтобы больные почти каждый годъ возобновляли свое леченіе. Какой изъ двухъ методовъ лучше,—рѣшить не намъ. При нынѣшнемъ методѣ заграничныя путешествія сдѣлались періодической надобностью для больныхъ, и потому столько теперь русскихъ проводитъ большую часть своей жизни за границей!... Владиміръ Орловъ хотѣлъ кончить заразъ свое леченіе, и, занимавшись имъ два года съ послѣдовательностью и настойчивостью, которая вѣроятно выводила изъ терпѣнія нашего читателя, возвратился въ Россію, и болѣе за границу не ѣздилъ ни для поправленія здоровья, ни для какихъ либо другихъ цѣлей. Но, не ѣздя за границу, онъ тѣмъ не менѣе въ теченіе всей жизни придавалъ важное значеніе систематическому сбереженію здоровья. Впечатлѣнія путешествія по Англіи обнаружились впослѣдствіи въ разныхъ распоряженіяхъ частной жизни Орлова. Онъ занялся очень серьезно устройствомъ сельской своей резиденціи, оставилъ первую мысль строить большой дворецъ въ Симбирской губерніи и выбралъ мѣстность болѣе доступную, особенно въ то время, когда средства сообщенія были самыя недостаточныя, и потому поселился окончательно въ Московской губерніи. Тутъ, какъ будетъ видно впослѣдствіи, онъ соединилъ по возможности все, что могло составлять наслажденіе сельской жизни; тутъ принималъ онъ родственниковъ и друзей, которые у него гостили по цѣлымъ недѣлямъ.

Можно также замѣтить слѣды англійскихъ впечатлѣній и проявленіе англійскаго либерализма въ одномъ,

весьма важномъ трудѣ Орлова, именно въ сочиненіи уложенія для управленія своихъ многочисленныхъ подчиненныхъ. Мы дойдемъ своимъ чередомъ до описанія фактовъ, указанныхъ здѣсь только по отношенію къ заграничному путешествію Орлова.

Между тѣмъ онъ не предавался ни унынію, ни мысли распроститься съ жизнью еще въ цвѣтѣ лѣтъ. Онъ боролся съ недугомъ и преодолѣлъ его съ Божьей помощью, и многими годами пережилъ своихъ братьевъ, одаренныхъ несравненно болѣе сильнымъ сложеніемъ. Онъ въ 1773 году становится опять жителемъ Петербурга.

Графъ вступилъ вновь въ должность Директора Академіи въ сентябрѣ 1773 года, какъ видно далѣе изъ писемъ его къ губернеру Гейницу отъ 6 сентября и къ Миллеру въ Москву — отъ 9 сентября.

X.

Письма Графа къ разнымъ лицамъ, по возвращеніи въ Россію. — Циркуляры въ вотчины. — Письма къ братьямъ и къ другимъ лицамъ. — Увольненіе Графа отъ должности Директора Академіи.—Отношенія къ Академикамъ Графа и его преемника Домашнева.—Выдержка изъ писемъ Графа къ брату Графу Алексѣю Григорьевичу и др.

Молодой путешественникъ, возвратившись въ Россію, провелъ въ Петербургѣ остальную часть 1773 года. Его переписка наполнена распоряженіями о высылкѣ въ Россію вещей, купленныхъ имъ преимущественно въ Англіи, сношеніями съ гостепріимными англійскими пріятелями, съ которыми онъ только что разстался, справками о русскихъ воспитанникахъ за границею, офиціальными и партикулярными сношеніями съ учеными и нѣкоторыми политическими дѣятелями, хозяйственными распоряженіями по имѣніямъ, наконецъ — самымъ дружескимъ обмѣномъ мыслей съ старшимъ братомъ, Графомъ Иваномъ Григорьевичемъ. Младшій братъ называетъ его въ письмахъ лично къ нему папинькой, а въ письмахъ

къ другимъ — старикомъ. Старикъ сей былъ предметомъ самаго нѣжнаго и неусыпнаго попеченія младшаго брата, но и причинялъ послѣднему не мало заботъ неумѣстнымъ иногда вмѣшательствомъ въ управленіе имѣніями, которыя были еще не раздѣлены между братьями, какъ было видно изъ разговора Графа Владиміра съ королемъ Георгомъ III. Безпорядокъ въ управленіи общимъ достояніемъ долженъ былъ озабочивать всѣхъ пятерыхъ братьевъ не менѣе, чѣмъ долги, особенно значительные щедраго до расточительности Князя Григорія Григорьевича.

По поводу ожидаемыхъ изъ Лондона: кареты, фортепіано, соломорѣзки и пожарной трубы съ принадлежностями, Графъ пишетъ: „Александръ Семеновичъ Пушкинъ (русскій посолъ въ Лондонѣ) благоволитъ приказать перевести съ англійскаго языка на русскій наставленіе какъ обращаться съ трубою, и вообще всякаго рода пересылаемыя бумаги въ избѣжаніе недоумѣнія подобнаго происшедшему съ англійскими конюхами". Чрезъ Пушкина же заказаны двѣ коляски. Изъ Франкфурта высылалось полотно, изъ Амстердама — вина, сахаръ и кофе, изъ Парижа — дамскія платья на 5,000 ливровъ, изъ Спа — минеральныя воды.

Графъ извѣщаетъ герцога Глочестера, отъ 6-го сентября, что, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, онъ тотчасъ засвидѣтельствовалъ Императрицѣ особенное почтеніе и преданность со стороны герцога, чѣмъ Ея Величество была очень тронута, поручивъ съ своей стороны увѣрить Его Высочество въ искреннемъ къ нему расположеніи. Затѣмъ, отъ имени братьевъ Алексѣя и Θедора и отъ себя лично свидѣтельствуетъ герцогу глубочайшее почтеніе.

Собольи палатины отправлены въ подарокъ двумъ англійскимъ пріятельницамъ Графини, а герцогу Нортумберландскому, особенно гостепріимному и внимательному, подарены и отправлены какія-то особенной породы красныя утки.

Переписка о молодыхъ русскихъ заграничныхъ студентахъ дѣятельно продолжается по-прежнему. По просьбѣ брата, Графа Алексѣя, Владиміръ Григорьевичъ освѣдомляется у г. Буньона объ успѣхахъ и поведеніи учившагося въ Лозаннѣ молодаго Островскаго, за которымъ отправленъ былъ офицеръ. Но возвращеніе Островскаго въ Россію, кажется, не состоялось; по крайней мѣрѣ, два мѣсяца спустя, Графъ Владиміръ Григорьевичъ, на замѣчаніе того же Буньона о томъ, что Островскаго „затрудняютъ извлеченія", отвѣчалъ, что такія занятія весьма полезны и не слѣдуетъ отъ нихъ отказываться, а должно выбирать предметы, доступные понятіямъ ученика. Графъ проситъ г. Буньона сообщать почаще и подробнѣе объ успѣхахъ въ занятіяхъ и наклонностяхъ Островскаго. Другой изъ братьевъ Орловыхъ принимаетъ живое участіе въ успѣхахъ еще одного юноши, который воспитывался въ Лейпцигѣ, подъ руководствомъ гувернера Гейница; Владиміръ Григорьевичъ, по порученію брата, одобряетъ распоряженія Гейница и входитъ самъ въ подробности, отклоняя Гейница отъ намѣренія вырвать у юноши двойные зубы и прося занять его верховой ѣздой для укрѣпленія силъ. Спрашивается мнѣніе доктора Тиссота о кривобокости мальчика и недостаточномъ развитіи одной изъ его ногъ. Другой воспитанникъ въ Лейпцигѣ, родственникъ Орловыхъ, Зиновьевъ—предметъ особеннаго попеченія Графа Владиміра и разныхъ его писемъ къ наставникамъ, банки-

рамъ и къ самому Зиновьеву. Возвращеніе его въ Петербургъ, вслѣдствіе представленія о томъ Князя Григорія, разрѣшено было самою Государынею. Графъ Владиміръ посылаетъ ему 250 червонцевъ на покупку дорожнаго экипажа и тройки лошадей, разрѣшаетъ добавку, въ случаѣ нужды, еще 50 червонцевъ, но полагаетъ, что при должной бережливости можетъ оказаться, за издержками путешествія, значительный остатокъ. Учителю („гофмейстеру") Константину послано денежное награжденіе и переписка съ нимъ заключается благопожеланіями.

Кромѣ самыхъ дружескихъ писемъ къ Палласу, путешествовавшему по Россіи, и Гейницу въ Лозанну, осталась въ исходящей книгѣ Графа Владиміра Григорьевича 1773 года слѣдующая копія съ письма его къ Жанъ Жаку Руссо:

„Vous avez voulu que je Vous donne des nouvelles à mon arrivée ici. Je le fais avec plaisir. En quittant Paris je me proposais de retourner la même année chez moi; mais une maladie d'un de mes enfants m'en a empêché. Il n'y a que quelques semaines que je suis ici. Mon voyage a fini bien heureusement. Je me porte fort bien avec toute ma famille. Je Vous le souhaite aussi du fond de mon coeur. Je me rapelle avec beaucoup de plaisir l'accueil amical et obligeant que Vous m'avez fait, il ne s'effacera jamais de ma mémoire. J'envoie cette lettre à mon banquier de Paris. Si Vous m'écrivez envoyez lui les Votres. Ce banquier doit Vous rendre des semences, que je Vous ai envoyés avec l'envoyé de Russie, Prince Borétinski. On m'en a encore promis pour Vous. Je souhaite qu'elles Vous fascent

quelque plaisir. Vous m'obligerez beaucoup en me donnant de Vos nouvelles de temps en temps. Croyez que je ne m'y intéresse pas peu. Excusez mon mauvais français, et que je ne Vous écrive pas de ma propre main. La faiblesse de ma vue m'en empêche.

„P. S. Nous possédons ici depuis quelque temps Mr Diderot et Mr Grimm, ils se proposent de passer ici une bonne partie de l'hyver. Faites bien mes compliments à Madame Votre femme.

„NB. L'adresse de ce banquier est: à Mr Nicolas Marcet banquier. Le 8 Novembre 1773“.

Къ Графу Владиміру Григорьевичу обращаются за ходатайствомъ по разнымъ дѣламъ: Князь Репнинъ, Баронъ Строгоновъ, г. Ливенъ, и видно по отвѣтамъ Графа, что онъ продолжаетъ пользоваться милостивымъ расположеніемъ и довѣріемъ Императрицы.

Имѣнія Орловыхъ оставались нераздѣленными до 1773 года, и даже въ этомъ году не послѣдовало никакого раздѣльнаго акта, но было сдѣлано, вслѣдствіе быть можетъ словеснаго соглашенія между братьями, слѣдующее распоряженіе въ формѣ приказа, или по тогдашнему „указа“, въ разныя вотчины—Ярославскія, Костромскія, Нижегородскія и Владимірскія, — за подписью одного старшаго брата, Графа Ивана.

Указъ Ярославской и другимъ вотчинамъ, 8 ноября 1773 года:

„Съ полученія сего нашего указа повелѣвается вамъ всѣмъ отнынѣ въ послушаніи быть у брата Графа Владиміра Григорьевича, и для того какъ отписки писать, такъ и всякія представленія отъ вотчины чинить на имя

его въ Петербургъ, и на то, какіе отъ него насылаемы вамъ будутъ письменныя или словесныя повелѣнія, оныя вы непремѣнно должны исполнять и во всемъ волѣ его повиноваться, равнымъ образомъ и положенной на васъ Господской оброкъ ежегодно платить имѣете въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отъ него указано вамъ будетъ. Подлинный за рукою Графа Ивана Григорьевича".

Съ этого собственно времени и начинаются дѣйствія Главной Конторы Графа Владиміра Григорьевича.

Первыми распоряженіями вновь вступившаго въ управленіе имѣніями хозяина были приказы: о своевременной высылкѣ оброка, по 4 руб. съ души въ годъ; о порядкѣ построекъ въ деревняхъ, а именно: о выносѣ бань за черту селенія, о разстояніи между домами, о возведеніи въ переулкахъ каменныхъ стѣнъ для защиты отъ огня, о посадкѣ деревьевъ на улицахъ, о постройкѣ каменныхъ лавокъ, о способахъ тушенія пожаровъ; о раздѣлѣ земли, каковому быть „истинному по качеству земли, а не по числу, для чего должно въ удобное время выбрать къ тому совѣстныхъ и знающихъ крестьянъ"; объ ограниченіи крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ, о назначеніи бѣднымъ вдовамъ пропитанія отъ міра, о выборѣ бурмистровъ; предоставленіе бурмистру и выборнымъ права рѣшать безъ міру маловажныя дѣла; дѣла же бóльшей важности, касающіяся всего общества, рѣшать при участіи выборныхъ отъ всѣхъ деревень; о содержаніи лѣсовъ, о запрещеніи охоты сосѣднимъ помѣщикамъ въ графскихъ дачахъ во все время года, кромѣ осени. Эти приказы и распоряженія повторяются и пополняются до 1778 года. Въ семъ послѣднемъ году отправляются десять псалтырей въ село Люткино и предписывается, чтобы нарѣзать господскія и крестьян-

скія пашни *одинаковой доброты и одинаковой отдаленности отъ селеній*; а въ 1780 году устроивается въ Бѣжецкой вотчинѣ училище для 30 мальчиковъ.

Въ декабрѣ 1773 года разосланъ былъ слѣдующій циркуляръ:

„Во всѣ мои деревни.

„Окончили ли вездѣ рекрутскій наборъ и когда, въ рекруты отданы изъ своихъ или куплены, и сколько именно куплено и отдано изъ своихъ и для чего меня объ ономъ отпискою по сію пору не увѣдомили? Увѣдомить меня, какимъ образомъ разкладку дѣлали въ послѣднемъ рекрутскомъ наборѣ. Уже теперь нужно думать о рекрутскомъ наборѣ, и заблаговременно не упуская времени приступить къ оному. Такимъ образомъ лучше сдѣлать, нежели дожидаться объявленія о рекрутскомъ наборѣ. Созовите міръ и объявите ему моимъ именемъ, что я приказываю подумать ему и согласясь положить, какъ впередъ навсегда дѣлать разкладку по крестьянамъ въ рекрутскомъ наборѣ. Я дозволяю міру расположеніе сдѣлать и отписать ко мнѣ подробно о сей разкладкѣ для утвержденія. Когда въ семъ дѣлѣ (крестьяне) разобьются на двѣ части, то обѣихъ частей прислать мнѣнія, описавъ подробно причины, почему которая утверждаетъ. Какъ дѣлали разкладку оброка прежде, и какъ нынѣ сдѣлали, доставшись за насъ, часто ли бываютъ мірскія сходки, и по какимъ дѣламъ кто ихъ созываетъ, отъ всякаго ли дома бываетъ мужикъ или болѣе, всякому ли вольно изъ крестьянъ придти на сходку, кто только пожелаетъ; кто смотритъ, чтобы на сходкѣ не было ссоры и безпорядковъ; о всемъ семъ меня увѣдомить. Мірскіе приговоры записываютъ ли въ книгу,

также и расходы, у кого сія книга на рукахъ? Мірскіе приговоры, которые сюда ко мнѣ посылаются, всѣ ли ихъ бывшіе на сходѣ подписываютъ? или неумѣющіе грамотѣ уполномочиваютъ другихъ? Когда они не всѣ подписываютъ, то для чего? когда на мірской сходкѣ крестьяне не всѣ согласны — одна часть одного мнѣнія, а другая—другаго, то записываютъ ли оныя? Ежели не записываютъ, то впредь записывать и присылать тѣ дѣла, которыя до утвержденія моего касаются, со мнѣніями обѣихъ частей. Кто отправляетъ дѣла Государевы и дѣла по городу? Со времени нынѣшней войны сколько отдано въ рекруты изъ своихъ и сколько куплено?

„Бурмистрамъ, старостамъ и другимъ чиновнымъ людямъ дѣлались ли какія льготы прежде и дѣлаются ли нынѣ? ежели не дѣлаются, то отписать для чего; сколько чиновныхъ людей, прислать извѣстіе, и всѣ ли они погодно перемѣняются, какое каждый имѣетъ дѣло. Указамъ брата Ивана Григорьевича всѣмъ прислать ко мнѣ копіи или списки. Межеваніе началось ли, что сдѣлано по оному, и какіе споры и съ кѣмъ, увѣдомить меня. Я желаю, чтобъ бѣднымъ и сиротамъ притѣсненія отъ богатыхъ небыло, чего очень беречься надобно; когда такое дѣло до свѣдѣнія моего придетъ и я невинность увижу, то не упущу жестоко за оное наказать. О всемъ, что здѣсь написано, увѣдомить меня не теряя времени; о полученіи сего моего указа увѣдомить меня тотчасъ“.

Переписка по дѣламъ Усолья, хотя не поступившаго еще въ непосредственное владѣніе кого либо одного изъ братьевъ, продолжалась съ Мещериновымъ и относилась къ высылкѣ мальчиковъ, назначенныхъ въ ученіе „архитекторству“, конторскому порядку и сельскому хозяйству у лифляндскаго родственника, къ выписыванію изъ

Архангельска сѣмянъ лиственницы и къ найму медика для Усолья.

Копіи съ писемъ къ чтимому „старику, папинькѣ", Графу Ивану Григорьевичу сохранились въ тетрадяхъ графскихъ исходящихъ бумагъ. Онѣ писаны рукою писаря чрезвычайно небрежно, со множествомъ ошибокъ противъ грамматики, которая, впрочемъ, въ то время еще не получила права гражданства. Эти ошибки не были поправлены Графомъ, который, по слабости зрѣнія, затруднялся чтеніемъ. Много въ этихъ письмахъ пробѣловъ, есть въ нихъ также не всегда понятныя для насъ ссылки на происшествія, въ тогдашнее время всѣмъ извѣстныя и съ тѣхъ поръ забытыя. Какъ бы тамъ ни было, приводимъ эти письма въ настоящемъ ихъ видѣ, не дозволяя себѣ никакихъ измѣненій.

„Папинька Сударушко здравствуй, Каково-то у васъ время? У насъ довольно холодно и морозитъ уже дни съ четыре. Отъ тебя писемъ еще нѣтъ; Старикъ залѣнился. Слышали что ты пріѣхалъ во вторникъ въ Москву. Ждемъ извѣстія какъ ты время свое препроводишь. Дѣтки твои и внучата здоровы. Братья тоже. Григорій вчерась съ дежурства смѣнился. Въ субботу 9-го числа дворъ пойдетъ въ Царское Село, Государыня и Великій Князь проживутъ тамъ я думаю весь нынѣшній мѣсяцъ. Дни съ три какъ Государыня занемогла было немного, казалось простудою, теперь Слава Богу ходитъ, совершенно поправилась. У насъ все старое по старому, только что Папиньки очень жаль. Ты въ моемъ домѣ большую пустоту сдѣлалъ своимъ отсутствіемъ.

„Римской исторіи Ролленовой перваго тому не на-

шлось, не взялъ ли кто изъ твоихъ людей съ собою? также исторіи Щербатовой перваго тома не нашлось, да еще былъ маленькій телескопецъ, у тебя ли онъ? Я теперь вступилъ во всѣ правленіи и въ деревенскіе и въ академію и въ собраніе переводовъ. Не брани меня, Папинька, что я ленивъ, и домомъ еще всѣмъ управляю. Федя же повѣса ни за что не принимается, только что лѣтаетъ. Прощай Голубинька. Дай Богъ чтобъ ты былъ веселъ. Кланійся отъ меня Всеволодскимъ, Обухову *) и всѣмъ знакомымъ.

„Государыня велела тебѣ кланится. Я къ Екатеринѣ Михайловнѣ посылаю тоже поклонъ".

Ноябр. 8 дня 1773 г.

„Папинька Сударушко Здравствуй. Дворъ уѣхалъ 9-го ч. въ Царское Село. Мы съ Федоромъ ѣдимъ туда завтра, возвратимся чрезъ два дни. Нева стала, противъ Сената осталась сквозная полынья сажень на сорокъ ширины отъ одного берега до другаго, и по ней вчерашній день переѣзжали на шлюпкахъ. Послѣдними нынѣшними морозами затянуло ее почти совсѣмъ. Морозы болѣе недѣли всякій день сильнѣе становятся.

„Нынѣшній же морозъ и гораздо нарочитъ. Въ первые были 4 градусовъ, а сегодня 12 по реомюру; такъ сухо, что много пыли по улицамъ, башмаки вымараешь, пыль какъ среди лѣта, такія то диковинки у насъ безъ тебя пошли. Охотники санные тужатъ что еще снѣжинки нѣтъ. Мы всѣ здоровы и всѣ по старому, тишь да гладь да Божья благодать, какъ при тебѣ. Дочь моя здорова.

---

*) Извѣстные пособники возведенія Екатерины на престолъ.

Маминька тоже, Сынишка несовсѣмъ. Эти дни было совсѣмъ оправился, нынче же ему не очень ловко, хотѣлъ бы тебѣ еще чего нибудь новаго писать да ничего не знаю. Николай Ивановичъ Салтыковъ поѣхалъ съ Его Высочествомъ въ Царское Село, какъ дворъ возвратится сюда то будетъ онъ жить во дворцѣ, и покои ему уже назначены.

„Позабылъ было тебѣ написать что слухъ носится, когда Салтыковъ назначенъ былъ къ Великому Князю, то Графъ Дмитрій Михайловичъ Матюшкинъ не очень онымъ доволенъ былъ.

„Вотъ тебѣ всѣ сказки, прощай Голубчикъ, кланійся отъ насъ знакомымъ, а особливо Всеволодскимъ и Обухову“.

Ноября 14 дня 1773 г.

„Папинька Сударушко Здравствуй. Послѣднее твое письмо отъ 11 Ноября получили. Радуемся что ты здоровъ. Пеняешь и бранишь ты напрасно Нумеръ моихъ писемъ доказываетъ что я къ тебѣ всякую недѣлю пишу и надѣюсь впередъ что ты отдашь мнѣ справедливость и преимущество передъ братьями въ перепискѣ, по крайней мѣрѣ столько же буду исправенъ какъ они. Кн. Вяземской обѣщаетъ брату Алексѣю опредѣлить брата Алексѣя Васильевича Еврейнова. Симбирскихъ купцовъ дѣло уже въ Сенатѣ было. Кн. Ал. А. Вяземской сказывалъ мнѣ, что онъ выписку изъ опредѣленія казалъ Симбирскому купцу Маленькому: рѣшеніе не совсѣмъ въ пользу ихъ. Сей докладъ будетъ поданъ Государынѣ. На прошедшей недѣлѣ мы были въ Царскомъ селѣ, тамъ всѣ здоровы, и все идетъ очень хорошо, въ концѣ нынѣшней поѣду опять туда.

Дворъ возвратится совсѣмъ 25 сего мѣсяца, въ Сарскомъ селѣ былъ маленькій маскарадъ—женщины перерядились въ мущины, а мущины въ женщины и все это учреждено было потихоньку отъ Государыни. Собрались всѣ въ передней великаго Князя, гдѣ и ихъ Высочества были также наряжены, и въ этомъ уборѣ дождались выходу Государыни. Тогда музыка загрѣмела, пошли по польски танцовать передъ Государыней въ маскахъ. Потомъ стали вокругъ Государыни и она изволила узнавать, человѣкъ съ десять совсѣмъ узнать не могла. По общему признанію я въ женщинахъ лучше всѣхъ былъ. Федоръ былъ передо мною ничто и онъ самъ не спорилъ, нарумянилъ себѣ такъ щеки, что и папинька меня не узналъ (бы.).

„Братъ Григорій нынѣшнюю недѣлю дежурный въ Сарскомъ Селѣ: сегодня снѣгу выпало, и скоро я думаю путь станетъ. Алексѣй уже катался въ саняхъ, коренная и пристяжная обѣ англійскіе, каряя, рыжая и въ пристяжкѣ бурая, онъ ими доволенъ и намѣренъ ими оезжать (sic); какъ путь станетъ, то онъ не замѣшкаетъ ѣхать къ тебѣ. Во все время былъ Слава Богу очень веселъ. Семья моя вся здорова, всѣ у папиньки цѣлуютъ руки. Алексаша мой дни съ два какъ лучше. Просимъ у тебя благословенія“.

Ноября 22 дня (1773 г.).

„Папинька Сударушко Здравствуй. Что тебѣ вздурило? писемъ отъ тебя нѣтъ болѣе недѣли. Ежели ты на меня сердишься, то ты неправъ. Я къ тебѣ всякую недѣлю пишу. Братъ Алексѣй еще здѣсь. Снѣгу отпало, не замѣшкаетъ я думаю къ тебѣ ѣхать. Я

выздоровѣлъ почти совсѣмъ, только немного опухоль еще есть на щекѣ, и не смѣю выѣзжать. Дни чрезъ два думаю можно будетъ. Братъ Федоръ влюбленъ очень, и всякій день отъ пяти часовъ до перваго не бываетъ дома; да часа два еще къ тому употребляетъ на переписки, только что глаза продеретъ, то письмо въ руки, и только что встанетъ, то за перо отвѣчать. Скоро его предметъ на нѣсколько мѣсяцовъ удалится и такъ онъ придетъ въ порядокъ. Алеханъ по временамъ веселъ, недавно очень сурну (sournois) наворотилъ было, можетъ быть не совсѣмъ правъ, теперь получше.

„Изъ Порѣчья пишутъ, что 2600 отдано Сахарову. Отъ отца его здѣсь ети деньги не такъ скоро получу. Самый тотже просилъ меня о семъ же дѣлѣ. Я ему отказалъ, и такъ Папинька ты самъ начинаешь безпорядки дѣлать, а лучше выдавать въ такомъ случаѣ только, когда сперва я самъ деньги получу отъ мужика и отписку пошлю объ ономъ въ деревню. Пишутъ ко мнѣ еще оттуда же, что 500 руб. послано въ Московскую домовую канцелярію. Я не знаю для чего и по чьему повелѣнію, также и то, что тебя туда ожидаютъ. Неужели ты уѣхалъ"....

„Прощай Голубчикъ. Мы всѣ здоровы и цѣлуемъ твои руки. Надѣйся на мои учрежденія, которыя будутъ сдѣланы, конечно ты и самъ ихъ похвалишь. Кирилычь говоритъ, зачемъ дискать Гр. Иванъ Григорьевичъ мѣшается въ подробное распоряженіе, вить вотъ тотчасъ сдѣлалъ неловко. Я его бранилъ, какъ онъ смѣетъ это говорить. А онъ говоритъ да какже? это правда; а я его за то еще болѣе бранилъ, хотя правду сказать и неловко сдѣлано".

Декабря 12. 1773 г.

„Папинька здорово живешь. Письма твои № 9 и 10 получилъ. Сожалѣю что угадалъ что тебѣ скучно. Коли дѣла таковы, то и причины достаточны. Хорошо сдѣлаешь, что пошлешь въ Вяземскія деревни межевщика. Мнѣ кажется ты съ лишкомъ сердишься на Фоку *). Онъ можетъ быть не столько виноватъ: а съ голыми руками право нечего дѣлать, когда бы Пугачевъ былъ такъ близко къ Москвѣ, то бы можетъ быть многіе бы изъ нее убрались. Можетъ статься, чтобы и старикъ уплелся: а то хорошо дурить и шумѣть какъ римлянинъ, когда предметъ страха далеко. Неправду ты пишешь, что твоя одна страница моихъ двѣ составляетъ. Братъ Алеханъ къ тебѣ еще не поѣхалъ. Сказывалъ онъ мнѣ, что можетъ быть на нынѣшней недѣлѣ поѣдитъ. Я не думаю. Теперь у него есть отправленіе въ Архипелагъ. Братья твои письма читали. Двухъ большихъ кромѣ утра дома никогда не застанешь, по вечерамъ никогда не бываютъ и обѣдаютъ нечасто дома. Холостяка метаетъ. Можетъ быть и у Алехана есть искра любовная, только еще не вѣрно, а подозрѣвать очень можно. Всѣ вечера онъ бываетъ не дома и большую часть проводитъ ихъ въ одномъ домѣ. Не думаю однако, чтобъ онъ замѣшкалъ долго къ тебѣ ѣхать. Послалъ къ тебѣ сегодня аглицкую коляску съ островскимъ извощикомъ. Желаю чтобъ она тебѣ понравилась. За нее и за людей, которыхъ онъ къ тебѣ привезетъ, деньги заплочены. Папинька не правъ, когда утверждаешь, что ты порядочно сдѣлалъ, приказавъ выдать деньги Кобелеву и Захарову въ деревняхъ прежде нежели я ихъ получилъ: по моему они бъ мнѣ должны

*) Мещериновъ.

были прежде отдать, а тогда бы ихъ выдать по отпискѣ моей. Дѣло уже сдѣлано. Ты ничего ко мнѣ не пишешь на что ты велѣлъ прислать 500 рублей въ домовую канцелярію въ Москву.

„Отпусти пожалуйста Ѳоку ко мнѣ повидаться хотя на недѣлю. Мнѣ сдѣлаешь большое удовольствіе. Я надѣюсь и Ѳокѣ будетъ не противно. У меня сынъ было опять нѣсколько прихварнулъ, простудился, теперь совсѣмъ почти опять оправился. Дулцинея Ѳедорова ускакала и онъ бѣднякъ не знаетъ по вечерамъ куда голову приклонить, сидитъ со мною также дома, а я братъ какъ насѣдка на яйцахъ, рѣдко очень который вечеръ дома не бываю, часто о папиньки помнится съ хозяйкою, и цѣлуемъ его въ милыя руки и съ удовольствіемъ вспоминаемъ часто его посѣщеніе. Среднія братья когда и заглянутъ, то и спѣшатъ уѣхать. Штакелбергъ третьяго дни пріѣхалъ. Лиза ему очень рада. Кобелевъ крестьянинъ приплелся. Онъ кажется добрый мужикъ. У насъ еще снѣгу мало. Время стоитъ не постоянное, въ одинъ день морозитъ, а въ другой оттепель. Вотъ тебѣ вѣсти, вся семья цѣлуетъ твои руки и проситъ у тебя благословенія.

„Отсюда взято двое клавиръ одни большіе, а другіе маленькіе. Маленькіе мои любимые, пожалуй пришли мнѣ ихъ назадъ и мнѣ ихъ очень хочется“.

Декабря 17 (1773).

Въ 1774 году готовилась большая перемѣна въ положеніи фамиліи Орловыхъ. Уже съ выѣзда, 25-го апрѣля 1772 года, изъ Царскаго Села въ Фокшаны Григорія Орлова посломъ на конгрессъ, Императрица

къ нему охладѣла, и Панинъ, его давнишній недоброжелатель, старался еще болѣе остудить отношенія Императрицы къ Орловымъ, любимцамъ народа и гвардіи и на которыхъ сама Екатерина смотрѣла, какъ на своихъ „ангеловъ хранителей“ *).

По возвращеніи въ Петербургъ, Григорій Орловъ, всегда почтительный къ Императрицѣ, всегда веселый, развязный и любезный съ знакомыми, не исключая и своихъ соперниковъ, уже не былъ любимцемъ Императрицы. Возвышеніе Потемкина, сдѣлавшагося съ марта 1774 года самымъ вліятельнымъ лицомъ въ Россіи, предвѣщало скорое паденіе Орловыхъ. Одинъ за другимъ всѣ пять братьевъ удалились отъ службы; Владиміръ еще продолжалъ въ 1774 году занимать должность директора Академіи.

О главныхъ происшествіяхъ 1774 года — усмиреніи Пугачевскаго бунта, готовившемся удаленіи отъ Двора Орловыхъ и возвышеніи Потемкина — упоминается въ перепискѣ этого года Графа Владиміра Григорьевича, въ которой однако самое большое мѣсто занято семейными дѣлами, рожденіемъ дочери Софіи, впослѣдствіи Графини Паниной, хозяйственными распоряженіями и намѣреніемъ „вить гнѣздо“ въ Хатуни, т. е. въ той мѣстности, въ которой Графъ Владиміръ Григорьевичъ впослѣдствіи основалъ свое собственное загородное жилище, не получившее еще тогда своего теперешняго названія — „Отрада“.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ подарилъ брату Графу Владиміру, изъ пожалованной ему самому, въ 1772 году, Хатунской волости, нѣсколько деревень, и Графъ Вла-

*) Депеша прусскаго посла Сольмса.

диміръ Григорьевичъ, не дождавшись совершенія законнаго акта, началъ постройку своего дома около 1775 года на землѣ, еще за нимъ неукрѣпленной, и купчую на это имѣніе получилъ отъ своего старшаго брата только въ 1783 году.

Графу Ивану Григорьевичу Графъ Владиміръ изъявляетъ удовольствіе, что Алеханъ заводъ свой*) нашелъ въ порядкѣ, и проситъ его, отъ имени супруги, выбрать верховую лошадь хорошую. Указъ брата Ивана, чтобы крестьяне не дѣлились, будетъ подтвержденъ не только въ Ярославскую, но и во всѣ другія деревни. Книги о раскладкѣ рекрутъ получилъ и по разсмотрѣніи ихъ сообщитъ свое мнѣніе. Сочувствуетъ поѣздкѣ его въ Порѣчье и совѣтуетъ заглянуть въ Ярославскія и Костромскія деревни; радуется пріѣзду Ѳоки. У брата Григорія былъ балъ, на которомъ были только англичане и протанцовали часу до 5-го; что Ѳедоръ сдѣлался домосѣдомъ и часто забавляетъ ихъ и себя штуками; а я, говоритъ о себѣ Графъ Владиміръ Григорьевичъ, „похожу болѣе на домового, когда надо выѣзжать, то тяжело".

Подъ заглавіемъ: „Во всѣ мои деревни", Графъ пишетъ: „Предъ симъ посланъ къ вамъ указъ отъ Генваря. По оному не умѣшкайте отвѣтомъ, а особливо о раскладкѣ рекрутъ сдѣлайте порядокъ и пришлите тотчасъ ко мнѣ на разсмотрѣніе, и еще подтверждаю чтобы объ отдачѣ рекрутъ для будущаго набора не мѣшкать и чтобъ сіе дѣло за благовременно исправить. Пьяницъ, воровъ и гулякъ и тому подобныхъ отдавать всегда можно безъ очереди, однако стеречься очень чтобъ бѣднымъ добраго житія никакого притѣсненія не дѣлать.

---

*) Конный.

Въ такихъ случаяхъ я конечно начальниковъ и тѣхъ которыя притесняли, жестоко накажу. Съ нѣкоторыми крестьянами, находящимися здѣсь теперь, Маковкиномъ изъ Матюшкиной, съ Захаровымъ изъ Порѣчья, Кобелевымъ изъ Спасской слободы говорилъ я и разсуждалъ чтобы первостатейные или лучшаго состоянія крестьяне при разкладкѣ рекрутъ несли болѣе тягости нежели бѣдные; они добровольно на оное согласились и я надѣюсь что и другіе первостатейные въ ономъ спорить не будутъ. Маковкинъ обѣщалъ добровольно всякій рекрутскій наборъ ставить по рекруту, имѣя только три души оплачивать. Я его похвалилъ ревность. О полученіи указовъ меня всегда увѣдомлять".

Слѣдующее письмо адресовано Графамъ Ивану и Алексѣю Григорьевичамъ: „Здравствуйте Голубчики. № 15 твой Иванъ получилъ. Михаилъ Федоровичъ сказывалъ мнѣ, что Иванъ поѣхалъ въ Порѣчье, а Алеханъ въ Хатунь. Желаю, чтобъ вы оба весело тамъ время проводили. Вчерась Государыня изволила быть въ монастырѣ и ихъ Высочества также. Играли комедію и италіанскую оперу, гдѣ и мы ваши слуги были, Государыня изволила пожаловать одной дѣвушкѣ брильянтовый перстень, а двумъ по тысячѣ рублей. Гр. Дмитрій Михайловичъ Матюшкинъ отставленъ. Слышалъ, что жалованье ему оставлено по смерть жены его. Старикъ, приказаніе твое въ разсужденіи мальчика дворянскаго сына стараться буду исполнить. Кланяются вамъ обоимъ Марія Павловна и Прасковія Александровна Брюсша. Мы дни съ три какъ у Графа Якова Александровича обѣдали. Онъ скоро ѣдетъ въ Москву. Графиня Брюсша велела сказать Алехану, что она радуется, что ему заводъ такъ понравился. Александра Гавриловича Бекле-

мишева письмо возвращаю. Дивова здѣсь нѣтто (sic) Балла отсюда скоро поѣдитъ, и проводитъ Дидерота до Гаги, откуда скоро обратно возвратится. Время у насъ стояло съ недѣлю хорошо и умѣренно, сего же дня очень тепло. Лиза велѣла себя извинить, что у ней глаза болѣли и еще теперь нѣсколько болятъ, для того она не писала. Вся семья моя здорова — дѣти, жена и братъ и вамъ того же желаю. Вчерась обѣдали у брата Григорья и всѣ гости почти были родня. Новаго за нимъ, что онъ нѣкоторыя блюда самъ раскладывалъ и потчиваетъ. Генваря 15 д. (1774)".

Письмо къ Графу Ивану Григорьевичу.

„Папинька Сударушка здравствуй. Фока прiѣхалъ третьяго дня, я его здѣсь не задержку, спасибо что отпустилъ, дворъ съ третьяго дни въ Царскомъ селѣ, болѣе двухъ недѣль тамъ не пробудетъ, письмо твое № 16 получилъ, жаль мнѣ что ты не успѣлъ побывать и по другимъ деревнямъ, повеленiя твои о распорядкахъ читалъ и въ свое время подтвержду. Брата болѣе я думаю въ Москвѣ нѣтъ, мы его ждемъ съ часу на часъ. Пришли мѣхъ соболiй о которомъ ты ко мнѣ писалъ. Лиза проситъ о немъ. Фока сказываетъ, что ты поѣдишь на низъ; мнѣ и брату Ѳедору кажется, что совсемъ оное не къ стати, пользы мало, а безпокойство конечно будетъ, всѣ сосѣды конечно въ разстройкѣ и это ты брамербаришь совсѣмъ не въ попадъ. Лучше поѣзжай по новымъ деревнямъ въ Ярославль, Кострому и Городецъ. Прощай" (Февраль 1774).

Ему-же.

„Папинька Здравствуй, Фока вручитъ тебѣ сiе письмо. Мы очень весело время съ нимъ проводимъ. Онъ много

хохоталъ да и мы не меньше. Онъ засвидѣтельствуетъ же тебѣ, съ какимъ раченіемъ исполняю я твои повеленія: первый дворянинъ былъ записанъ уже до его пріѣзда, а пріѣхавшій съ нимъ также опредѣленъ. Никто изъ братьевъ не похваляетъ что ты намѣренъ ѣхать въ низовыя деревни: но напротивъ всѣ мы одного мнѣнія, что это дѣло совсѣмъ безразсудное, и совсѣмъ теперь еще не въ пору и не къ стати. Удивительно будетъ, ежели ты въ ономъ нашему совѣту противно поступишь, и то-то будетъ упрямость очень предосудительное.

„Деревень много, въ любыя поѣзжай. Я бы желалъ, чтобы ты въ мои Ярославскія и Костромскія съѣздилъ, и тамъ бы можетъ быть споровъ сто прекратилъ, и конечно бы твое присутствіе тамъ было бы не безполезно, а между тѣмъ спокойствіе будетъ болѣе утверждено можетъ быть; пожалуй папинька не упрямся и не ѣзди теперь на низъ. Письмо твое отъ 5 Февр. получилъ. Брата мы Алексѣя сюда давно ждали, пріѣзжіе разные сюда намъ подали къ тому надѣжды. Тяжело мнѣ съ Фокою разстаться, но онъ уже безпокоинъ и спѣшитъ къ тебѣ, да и я мое слово хочу тебѣ сдержать. Спасибо что его отпустилъ, а онъ тебя самолично намѣренъ благодарить; намъ обѣимъ была большая пріятность при свиданіи. Записку Фокѣ далъ я о мальчикахъ. Мнѣ кажется очень нужно заводить таковыхъ людей. Я много резоновъ на то имѣю да и ты конечно объ ономъ не сомнѣваешься. Пожалуй пришли ихъ не умѣшкая. Нынѣшній годъ мнѣ Полманъ измѣнилъ и никакой провизіи, какъ прежде не даетъ и говоритъ, что у него нѣтъ. Мы просимъ тебя всѣ сообща, Володиміръ, Федоръ и Лиза отдать намъ Бежецкую деревню въ правленіе. Она тебѣ большой пользы не принесетъ, а намъ

большую принесла бы въ хозяйствѣ. Просимъ тебя сію отеческую милость учинить а у насъ уже есть кой какіе прожекты съ Лизою, какъ всякую всячину тамъ завѣсти, птицу всякаго рода такъ какъ у Семена К. Нарышкина, каплуновъ и прочихъ. Сею мыслею занимается очень Лиза и веселится; уже нашла для таковыхъ заведеній хорошую хозяйку, которая туда пошлется и надѣется твердо, что Папинька ее сего удовольствія не лишитъ. И такъ будутъ у насъ не только оброчные по твоей милости, но и экономическіе (т. е. хлѣбопахатные крестьяне?). Въ Сергіевомъ монастырѣ съ Кузминымъ я о твоей запискѣ говорилъ, онъ точно отъ себя писалъ, и нѣтъ въ этомъ никакого сомнѣнія. О нѣкоторыхъ обстоятельствахъ я Фокѣ изъяснилъ: онъ тебѣ ихъ перескажетъ. Они такъ хорошо идутъ что лучше желать нельзя. Дай Богъ чтобы всегда такъ сохранились. Послѣ твоего отъѣзда получили они совсѣмъ новый образъ къ лучшему, и по сіе время становились все лучше. Вотъ, братъ, тебѣ добрыя вѣсти, такому патріоту, какъ ты, за одну такую вѣсть можно и двѣ бежецкія деревни отдать. Время у насъ стоитъ безпутное, о чемъ тебѣ Фока скажетъ. Вся моя семья здорова кланіется тебѣ и цѣлуетъ руки. Время которое съ Фокою я проводилъ почти состояло все въ разговорахъ, и такъ мнѣ будетъ первые дни скучно. Сейчасъ Фока къ тебѣ скачетъ и мы разговаривая о твоемъ заводѣ, слышимъ что между прочими лошадьми есть у тебя очень хорошія и емскіе; наши поустарѣли. Чтобы не тратить понапрасну денегъ, вмѣсто того чтобы продавать на сторону одолжи, старинушка, пришли къ намъ осмерикъ, какія тебѣ понравятся, ты въ грязь лицемъ не ударишь а мы у тебя за то ручки разцѣлуемъ. Фока сказываетъ что у тебя 60

мериновъ, Слава Богу, старинушка, есть изъ чего и намъ удѣлить и сія просьба къ Папинькѣ отъ насъ троихъ же. Были рѣчи иногда и о хозяйствѣ, и онъ (Фока) отъ тебя ожидаетъ нѣчто великаго, ежели примешься. Пространству твоихъ мыслей въ сей части удивляется, а что касается до торговли: то тутъ онъ ужъ ума не умѣетъ приставить, и только съ восклицаніемъ кричитъ: Великъ Графъ въ хозяйствѣ а несравненъ въ торговлѣ“.

(Февраль 1774 г.)

Между письмами къ братьямъ попадаются и другія, потерявшія всякій интересъ для современнаго читателя. Извлекаемъ однако, образецъ разныхъ въ томъ же родѣ писемъ, слѣдующія академикамъ Гильденштедту и Эйлеру:

Гильденштедту (января 1774) Графъ пишетъ о принятіи управленія Академіею. Свидѣтельствуя вообще о высокомъ своемъ мнѣніи касательно дѣятельности Гильденштедта, выражаетъ однако свое неудовольствіе на то, что онъ ничего не отдаетъ въ печать, и проситъ прислать для нея хотя начало своего путешествія, по примѣру его товарищей; затѣмъ желаетъ ему всего хорошаго.

Леонарду Эйлеру (2 февраля) изъявляетъ сожалѣніе о томъ, что Эйлеръ, по причинѣ разстроеннаго здоровья, не можетъ продолжать службы при Коммисіи (Академіи), также какъ и сынъ его, прибавляя, что самъ не можетъ уволить Эйлера отъ должности, а доложитъ о томъ Императрицѣ. Предлагаетъ до того времени еще окончательно обдумать свое намѣреніе объ оставленіи службы и ожидаетъ его отвѣта.

Графа Ивана Григорьевича Графъ Владиміръ благодаритъ за уступку ему Бѣжецкой деревни и за присланный соболій мѣхъ для супруги, которая опять беременна. Проситъ разгадать причину меланхоліи Ѳедора, обѣщаясь впослѣдствіи сообщить свое о томъ мнѣніе. Благодаритъ за согласіе его прислать мальчиковъ и проситъ поспѣшить окончаніемъ межеванія тѣхъ деревень, о которыхъ будетъ докладъ идти, чтобъ это дѣло не затянулось.

„Папинька Сударушко Здравствуй. Я радъ очень что ты не поѣхалъ, отпустилъ одного Фоку и братья всѣ это похваляютъ. Я къ тебѣ все пишу, какъ обыкновенно. Напрасно ты меня непостоянствомъ въ послѣднемъ письмѣ попрекаешь. Благодарствую что велѣлъ намъ прислать два цуга. Только нѣтъ нужды, чтобъ они были одношерстныя. Ихъ Высочества говѣли на первой недѣлѣ. Государыня же еще не изволила говѣть. Дворъ здѣсь пробудетъ по крайней мѣрѣ до конца поста. Алексѣй сегодня немножко прихворнулъ. Мы всѣ здоровы. Хозяйка и дѣти мои также. Вчерась обѣдали у Фридрикса, гдѣ былъ жестокій петушій бой. Алехановы петухи всѣхъ побили. Прощай голубчикъ цѣлую со всей семьей твои руки“.

(Марта 1774 г.)

Брилу (въ Иркутскѣ) Графъ благодаритъ отъ себя и отъ имени Академіи за присланную карту, которая передана въ Географическій Департаментъ, и проситъ прислать также карту ввѣренной ему губерніи. Благодаритъ и за вспоможеніе Палласу.

Графа Ивана Григорьевича (20 марта) увѣряетъ въ еженедѣльной отправкѣ къ нему писемъ, зная, что они доставляютъ ему утѣшеніе. Сообщаетъ о пожалованіи Потемкина подполковникомъ Преображенскаго полка „и онъ тотъ же день былъ у брата Алексѣя по утру“; о бывшемъ театральномъ представленіи и богатомъ ужинѣ у Анны Родіоновны, гдѣ въ числѣ множества званыхъ гостей были и они четверо (братьевъ) и его супруга.

Какъ видно изъ разныхъ предъидущихъ писемъ, Графъ Владиміръ писалъ часто за братьевъ по дѣламъ, которыя относились болѣе къ нимъ, чѣмъ къ нему, напримѣръ: по воспитанію за границей молодыхъ людей, участью которыхъ братья особенно интересовались. Слѣдующее письмо написано Владиміромъ, по просьбѣ Алексѣя, къ храброму его сподвижнику въ Чесменскомъ бою. Можно изъ него заключить, что разстроившіяся-было отношенія между Графомъ Орловымъ-Чесменскимъ и адмираломъ Эльфинстономъ окончательно возстановлены. Между вещами Графа Орлова-Чесменскаго въ Воронежскомъ его имѣніи нашелся писанный масляными красками весьма характерный поколѣнный портретъ адмирала Эльфинстона въ бѣломъ мундирѣ; на фонѣ картины изображены пылающіе корабли.

Графъ Владиміръ пишетъ Эльфинстону:

„Monsieur,

„Ce n'est pas la négligence qui a été la cause de ce que je n'ai pas répondu jusqu'ici. Votre lettre du 12 Novembre 1773, m'est parvenue juste dans le temps que mon frère Alexis se trouvait sur ses terres qui sont à trois cent lieues d'ici. Je n'ai pas manqué de

lui remettre Votre lettre à son retour ici, il m'ordonne de Vous assurer, qu'il est très satisfait de la justice que Vous lui rendez et qu'il n'a et n'a jamais en aucune inimitié vis-à-vis de Vous, qu'il Vous porte toujours les mêmes sentiments et qu'il se plaira à Vous rendre service toutes les fois qu'il en aura l'occasion. Pour moi, Monsieur, je me ferai plaisir de Vous rendre mes petits services et je souhaite beaucoup que je puisse remplir Vos desirs".

à Mr Elphingston.
à Hammersmith
Middlesex.

Графа Ивана Григорьевича Графъ Владиміръ (апрѣль) увѣдомляетъ о полученіи его письма изъ Острова и о возвращеніи изъ Гатчины брата Григорія, который отправился на дежурство въ Царское Село. Братъ Ѳедоръ заболѣлъ глазами отъ простуды. Изъ новостей сообщаетъ, какъ слухъ, о томъ, что отставнымъ запрещено будетъ носить мундиръ и къ дворцовому подъѣзду подъѣзжать на ямскихъ. Производство по военной службѣ было значительное.

„Папинька Сударушко здравствуй. Послѣдніе твои 2 письма получили и приложенное отъ Папа. Кириллычъ объ ономъ будетъ стараться (?) Федя прихворнулъ было глазами, простудилъ ихъ и принужденъ съ недѣлю былъ дома сидѣть. Со вчерашняго дни зачалъ опять выѣзжать. Дворъ еще въ Царскомъ Селѣ. Григорій поѣхалъ на дежурство туда дни съ три. Алексѣй также сутки на двое тамъ побывалъ и вчерась возвратился, и я туда же завтре поѣду. Алеханъ здѣсь долго не нажи-

19

ветъ. У слугъ вашихъ теперь такая конюшня верховыхъ лошадей, что можетъ быть ни одной въ городѣ нѣтъ, которая бы поравнялась, такъ то нашихъ знай. Въ сосѣдствѣ подлѣ меня есть манежъ у Семена Кириловича въ домѣ, гдѣ мнѣ позволено хозяиномъ ѣздить. Тамъ я встрѣчалъ часто Графа Никиту Ивановича Панина, и мы вмѣстѣ гарцуемъ и хозяинъ самъ часто на своихъ коняхъ выѣзжаетъ. Онъ хотя и постарѣе насъ обоихъ, однако гораздо получше ѣздитъ. Вся семья здорова. Цѣлуютъ всѣ твои руки".

Апрѣля 4 д.

Его же увѣдомляетъ (апрѣль) о возвращеніи Двора изъ Царскаго Села и о полученномъ извѣстіи о кончинѣ бабушки и матушки Великой Княгини, по которымъ наложенъ трауръ на 12 недѣль.

Ему же (17 апрѣля).

Оправдывается въ томъ, что не послалъ къ нему письмо съ братомъ Алексѣемъ, отзываясь слабостью своихъ глазъ и неимѣніемъ интересныхъ новостей. Высказываетъ предположеніе побывать лѣтомъ въ деревняхъ, которыми управляетъ. Извѣщая, что говѣетъ, проситъ наканунѣ причащенія у брата прощенія, въ чемъ передъ нимъ согрѣшилъ. Государыня также говѣетъ.

Ему же (апрѣль).

Сообщаетъ о наградахъ 21 апрѣля. Бибиковъ произведенъ въ подполковники Измайловскаго полка, Оренбургскому Губернатору пожалована Александровская

лента, а Генералъ-Маіорамъ Мансурову и Фрейману — Анненскія; молодая Бутурлина, Бибикова, Шкурина и др. приняты въ фрейлины; оба камердинера Государыни Михаилъ Өедоров. и Пановъ — въ рангъ полковниковъ. Алексѣй Иванычъ Бибиковъ на дняхъ умеръ. Государыня съ Ихъ Высочествами кушала въ монастырѣ, гдѣ воспитываются дѣвушки. По его стараніямъ Князь Вяземскій Афанасьева опредѣлилъ. Затѣмъ проситъ его и брата Алексѣя выбрать и привесть къ нему добрыхъ лошадей.

„Папинька Сударушка, здравствуй. Послѣднее твое письмо получили. Мы всякую недѣлю отъ тебя письма получаемъ. Радуемся, что ты здоровъ и веселъ. Дворъ пошелъ 3-го дни въ Сарское село. Сюда сегодня будетъ въ Катерингофѣ, ночевать же поворотится опять въ Сарское село. Все лѣто уже я думаю не возвратится сюда. Дунайка*) гонялъ вчерась со псами: наѣхалъ только двухъ зайцовъ; собаками своими очень доволенъ, и я думаю онъ тебѣ старинушка въ полѣ не уступитъ. Алеханъ скоро я думаю отъ сюда уберется, болѣе недѣли, я думаю, не проживетъ. Мы всѣ здоровы, хозяйка вчерась прихварнула. Врачи присовѣтывали ей кровь пустить, что же вчерась благополучно исполнено; нынѣшный день она слаба, теперь уже 3 мѣсяца ея беременность. Велѣла тебѣ кланится и цѣлуетъ тебѣ руки. Дѣтки мои здоровы. Цѣлуютъ также твои руки. Когда

*) Дунайко — прозвище, данное Графу Өедору Орлову. Можетъ быть это прозвище имѣетъ отношеніе къ упоминаемому въ народныхъ пѣсняхъ Дунаю — богатырю.

обстоятельства хозяйки моей дозволятъ, то я думаю въ Іюлѣ мѣсяцѣ погулять по деревнямъ, которыми я теперь управляю. У насъ время такъ хорошо стояло, что березки дни съ три совсѣмъ распустились. Братья теперь всѣ здѣсь. Прощай голубчикъ".

«Май.»

Ему же (8 мая). Предупреждаетъ его о своемъ пріѣздѣ тотчасъ по разрѣшеніи отъ бремени его супруги и проситъ не уѣзжать безъ него; не думаетъ попасть ни въ Вознесенское, ни въ Городецъ, ни въ Костромскія и Ярославскія деревни; въ Хатуни же намѣренъ пробыть много времени ....

„Пожалуйста Папинька не здури, не уѣзжай до меня". Сообщаетъ, что Г. А. Потемкинъ — Членъ Совѣта, а магистратскій судья Чебышевъ растратилъ казенныя деньги.

Ему же (май 1774 г.). Увѣдомляетъ о полученіи его письма изъ Хатуни и проситъ написать ему о тамошнихъ мѣстахъ, которыя, говорятъ, отмѣнны, въ разсужденіи собачьей охоты. Радуется пріѣзду туда Мещеринова и вновь проситъ подождать его пріѣзда туда же, говоря, что ему о многомъ нужно переговорить съ братомъ. Сообщаетъ, что Петръ Петр. Чебышевъ смѣненъ за растрату казенныхъ денегъ, въ чемъ самъ сознался Государынѣ, которая тѣмъ болѣе этимъ недовольна, что отличала его отъ другихъ; теперь онъ все продаетъ и все-таки не достанетъ на уплату забранныхъ денегъ.

Письма къ Академикамъ становятся рѣдки. Сохранилось, однако, одно, очень сердечное, къ Гмелину, котораго извѣщаетъ, что только что получилъ извѣстіе о постигшемъ его несчастіи (о какомъ именно, не сказано въ письмѣ) и тотчасъ же довелъ о немъ до свѣдѣнія Государыни. Со стороны Графа сдѣлано все возможное для избавленія его отъ постигшей бѣды. Государыня обѣщала употребить также всѣ зависящія средства къ освобожденію Гмелина, несчастіе котораго живо Ее тронуло, и Она, какъ мать, принимаетъ въ немъ живѣйшее участіе. Взаключеніе Владиміръ Григорьевичъ старается окончательно успокоить Гмелина увѣреніемъ, что ничто не будетъ упущено для избавленія его отъ несчастія; самъ Графъ и все его семейство глубоко тронуты его положеніемъ. Это письмо, для доставленія по принадлежности, приложено открытымъ при письмѣ къ тестю Гмелина, котораго старается также успокоить на счетъ зятя.

Шварцу, бывшему впослѣдствіи учителемъ сына Графа Александра Владиміровича и большимъ пріятелемъ отца, Графъ Владиміръ Григорьевичъ выражаетъ сожалѣніе по случаю смерти Гейница и поручаетъ выдать его родственникамъ оставшіяся послѣ него вещи и деньги, исключивъ изъ нихъ сумму, опредѣленную на содержаніе дѣтей. Поручаетъ ему приготовиться съ дѣтьми къ возвращенію въ Россію тотчасъ по полученіи слѣдующаго письма; сперва ѣхать на наличныя средства въ Лейпцигъ, гдѣ Шварцъ получитъ деньги для продолженія пути, при чемъ совѣтуетъ особенно заботиться о здоровьи дѣтей. Въ случаѣ нужды въ деньгахъ до пріѣзда въ Лейпцигъ, можетъ обратиться за

ними письменно къ Фреге. При письмѣ прилагается письмо отъ отца дѣтей.

Ольдекопу — поручаетъ выслать иллюминированное собраніе четвероногихъ по системѣ Бюффона, подобное присланному уже собранію птицъ; лучшее собраніе ихъ, по увѣреніямъ, принадлежитъ профессору Аллеману, напечатано въ Амстердамѣ; также коллекцію индѣйскихъ бабочекъ, англійскаго изданія.

(Эта коллекція много лѣтъ украшала комнаты въ Отрадинскомъ домѣ, но впослѣдствіи снята со стѣнъ.)

Катинькѣ (Графинѣ Тизенгаузенъ). Въ началѣ шутливо-нѣжнаго письма извѣщаетъ ее о благополучномъ разрѣшеніи ея сестры дочерью, прося сообщить объ этомъ всѣмъ роднымъ, въ особенности ея мужу и отцу, обожаемому всѣмъ свѣтомъ, котораго онъ самъ высоко почитаетъ и уважаетъ, хотя и не имѣлъ случая лично съ нимъ познакомиться. Цѣлуетъ руки сестрицы, желая ей всѣхъ благъ.

Графа Ивана Григорьевича извѣщаетъ о благополучномъ пріѣздѣ съ сыномъ въ Петербургъ и о радостной встрѣчѣ съ женою, для которой разлука съ нимъ была очень тяжела; старанія Дунайки утѣшить плакавшую супругу были безуспѣшны. На другой день по пріѣздѣ былъ въ Царскомъ Селѣ. Дворъ, по слухамъ, поѣдетъ нынѣшній годъ въ Москву, къ чему Государыня очень расположена. Въ виду сего проситъ брата озаботиться пріисканіемъ удобнаго для пишущаго жилища. Оба брата въ Гатчинѣ, куда Ихъ Высочества на дняхъ поѣдутъ кушать. Посылаетъ письмо, полученное отъ бра-

та Алексѣя, и напоминаетъ о межевщикѣ Одинцовѣ для размежеванія Ярославскихъ деревень.

Слѣдующее письмо къ Графу Алексѣю Григорьевичу особенно важно, какъ описаніе окрестностей будущей Отрады.

(Май 1774 г.?) „Алеханъ Голубчикъ здравствуй, три письма отъ тебя пріѣхавши сюда получилъ № 1, 2 и 3. благодарствую голубчикъ, что часто пишешь, меня извини въ молчаніи; когда я былъ въ деревняхъ и время не доставало и случая не было вѣрнаго письма пересылать. Въ отсутствіи я былъ девять недѣль. Въ Москвѣ всего только прожилъ пять дней, два дни были трое вмѣстѣ, и мало очень время оставалось однимъ быть; отъ утра до вечера гости были, можетъ быть часа три четыре были одни. Братъ Григорій ѣздилъ въ Ростовскія и Ярославскія деревни, и только успѣлъ на нихъ взглянуть, а пожить и поглядѣться времени не доставало. Онъ всего только былъ во всѣхъ деревняхъ дней пять, а я уже за то болѣе хлопоталъ, вездѣ нашелъ непорядки, въ разсужденіи короткости времени (пребыванія брата въ деревняхъ). Сколько смыслѣлъ и успѣлъ отвратилъ главные (безпорядки?), а всего въ порядокъ привести ни какъ не можно было. Въ твоей Хатунѣ всѣ мѣста выглядѣлъ и избралъ для дома мѣсто, гдѣ буду помаленьку и строиться. Положеніе деревни сей вообще хорошо и для житья выгодно. Крестьяне хлѣбопашцы и кажутся хороши. Мѣстоположеніе есть между тѣмъ очень хорошое, изъ того числа выбранное мною. Эта гора лежитъ точно противъ той горы, гдѣ для тебя будутъ хоромы строить. Мы будемъ верстахъ въ пяти другъ отъ друга, и въ зрительную

трубу можемъ глядѣть; я было нынѣшній же годъ хотѣлъ построить хоромы на выбранномъ мѣстѣ, въ чемъ мнѣ Алеханъ Московскій и руку помощи обѣщалъ; будучи здѣсь, по пріѣздѣ моемъ въ Хатунь подвелъ онъ подъ меня финтифаны и согласилъ чтобъ прежде хоромы построить для тебя. Онъ мнѣ разныя причины представлялъ, а настоящая и потаенная та чтобъ тебѣ сперва хоромы построить. Еще было у насъ маленькое несогласіе въ выборѣ деревень, только все кончилось ладно и дружелюбно, и онъ взялся на каменный домъ матеріалы заготовлять на будущій годъ и съ меня во всемъ подписку взялъ. Одной деревни костромской брата Григорія Григорьевича положеніе можетъ поровнятся съ Хотунскимъ; всѣ другія несравненно хуже. Я такъ отъ деревенскихъ хлопотъ усталъ, что съ превеликой радостью отъ туда ускакалъ. Хозяйка моя зачала было очень грустить и горько плакать обо мнѣ, а отъ онаго болѣе безпокоилась, что не имѣла долго извѣстія обо мнѣ. Дунайка старался утѣшать, только не всегда успѣвалъ. За что ее теперь по пріѣздѣ моемъ съ превеликимъ гнѣвомъ бранитъ и не даетъ ей слово молвить и всякіе угрозы дѣлаетъ (??). Старикъ живетъ въ Москвѣ гдѣ его нашелъ довольно скушнымъ, хотя онъ меня и увѣрялъ, что онъ доволенъ; только на лицѣ его онаго не видно, къ тому же сталъ хворъ, я прямо его болѣзни не зналъ; . . . .

. . . .

На Низъ онъ не поѣдитъ и зимовать будетъ въ Москвѣ. Онъ живетъ теперь въ Островѣ съ Фокою, веселится твоимъ заводомъ; жаль старинушки очень, что онъ одряхлѣлъ, да и того, что онъ очень мнителенъ, хоть и не признается. Прямой болѣзни у него нѣтъ, худѣетъ и

лихорадочныя припадки часто имѣетъ; ни онъ, ни докторъ его Ореусъ, что за болѣзнь — не знаютъ. Опасности ни какой по сію пору не видно. Онъ никогда почти нележитъ. Мое представленіе жить съ тобою принялъ онъ хорошо, только не могъ уговорить его поселиться съ нами, а все упрямится, и тянетъ на низъ, хотя и многія причины видятся, а особливо въ нынѣшнее время, для которыхъ бы ему надобно со мною согласится; я надѣюсь что время перемѣнитъ у него сіи мысли и онъ будетъ Хотунецъ.

„Братья оба въ Гатчинѣ, будутъ дни чрезъ три сюда назадъ, сказываютъ что Ихъ Высочества будутъ туда кушать на сихъ дняхъ.

„Я три дни, какъ здѣсь. Хозяйка моя безмѣрно мнѣ обрадовалась, даже и теперь еще не прошла радость. Послѣднее твое письмо къ брату Ивану переслалъ. У насъ крѣпко говорятъ, что дворъ поѣдетъ въ Москву. Иныя сказываютъ нынѣшнею зимою передъ Рождествомъ: кажется сіе вѣроятно, и я самъ отъ достовѣрныхъ людей слышалъ, что Государыня имѣетъ намѣреніе побывать въ Москвѣ. О братѣ Григорьѣ и здѣсь и въ Москвѣ всѣ говорятъ, что онъ намѣренъ ѣхать въ чужія краи.

„Оба Всеволодскіе отставлены съ жалованіемъ и съ пенсіею Генералъ-Порутчиками. Въ праздники сколько я зналъ пожалованія большаго не было, да и не о комъ не слыхать. Кн. Репнинъ пожалованъ Генералъ-аншефомъ и старшинство передъ Григоріемъ Александровичемъ взялъ; Румянцевъ Генералъ-Маіоромъ. Я не знаю увѣдомленъ ли ты былъ о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ отъ братьевъ, а какъ видется что ты желаешь знать по послѣднему твоему письму къ брату Ивану, для того

и увѣдомляю. Съ сего времени буду къ тебѣ писать порядочно, и ты конечно мною будешь доволенъ. Нумера съ изнова начну ставить“.

Въ объясненіе предъидущему письму слѣдуетъ здѣсь упомянуть, что изъ Хатунской огромной дачи Графъ Алексѣй Григорьевичъ подарилъ Графу Владиміру часть, на которой послѣдній и устроилъ свою усадьбу въ разстояніи, какъ сказано въ этомъ письмѣ, около 5 верстъ отъ Хатуни. Изъ Отрады, и именно съ существующей понынѣ китайской бесѣдки, можно видѣть Хатунскую церковь; но отъ господскаго дома въ Хатуни и слѣда не осталось. Мѣста, описанныя младшимъ братомъ старшему, находятся на берегу рѣки Лопасни, и дѣйствительно очень живописны.

Не извѣстно, о какомъ особенно красивомъ Костромскомъ имѣніи Князя Григорія Григорьевича идетъ рѣчь. Не извѣстно, кто такой „Алеханъ Московской“, требовавшій, чтобы были выстроены сперва хоромы Графа Алексѣя, а потомъ — Графа Владиміра.

„Алеханъ Голубчикъ Здравствуй. Послѣднее твое письмо братъ Григорій и Федоръ получили, а къ Ивану я послалъ. Въ прошедшемъ письмѣ писалъ я къ тебѣ, что я возвратился и всѣхъ домашнихъ слава богу нашелъ здоровыми. Хозяйка родитъ я думаю мѣсяца чрезъ два. Братъ Григорій вчерась пріѣхалъ изъ Гатчины. Сего же дня возвратился дворъ изъ Царскаго Села и сказываютъ останется здѣсь. Положеніе вѣрное что дворъ поѣдетъ въ Москву и мнѣ сказано, что велено уже домы скупать недалеко отъ Пречистинки и сказываютъ что по первомъ пути: сіе однако еще не такъ

вѣрно. Дня съ три кушали Ихъ Высочества у брата Григорія въ Гатчинѣ, и пробыли до пяти часовъ. Время у насъ стоитъ отмѣнно хорошо, такъ тепло почти какъ лѣтомъ. Обстоятельства хозяйки моей не дозволяютъ по первому пути намъ ѣхать въ Москву и я думаю съ Дупайкою и съ ней пробыть здѣсь до исхода Февраля или начала Марта, тогда будетъ потеплѣе и мы потащимся. Твоего домостроителя архитектора я призывалъ, и онъ обѣщаетъ нынѣшней же годъ подъ крышу подвести: домъ подлѣ тебя велено продавать, только нынче оцѣненъ въ 11.000 и нѣсколько сотъ. Вотъ тебѣ Алеханъ вѣстей куча. Ты спрашиваешь Григорія объ мѣстахъ. Я къ тебѣ вообще уже объ ономъ писалъ, а Грицъ можетъ быть позабудетъ, такъ я тебѣ скажу, что для меня Хатунь несравненно лучше Гатчины, мѣста всѣ сухія и веселыя, поля скатистыя, рощъ много, лѣса дровянаго тьма, строеннаго (sic) также, воды ключевыя хорошія и во множествѣ, крестьяне хлѣбопашцы и въ хорощемъ состояніи, однимъ словомъ деревня для меня очень хороша.

„Кланяйся Петру Григорьевичу и хозяйки его особливый поклонъ. Лиза и я съ дѣтушками цѣлуемъ твои руки. Она велела тебѣ сказать, что она желаетъ сына, и чтобъ онъ былъ на тебя похожъ. Прилагаю здѣсь письмо французское отъ учителя Алексаши. Оно до тебя принадлежитъ, подарковъ онъ отъ меня ни какихъ не получалъ, таковыя люди къ нимъ обыкновенно охотники“.

Августа 26 д.

Графа Ивана Григорьевича (1 сентяб.) извѣщаетъ объ отправкѣ къ нему кучера — нѣмца, а также коровы

и лошадей въ Островъ. Государыня намѣрена ѣхать въ Москву въ половинѣ декабря или января. Князь Репнинъ назначенъ посломъ въ Турцію. Князья Василій Долгорукій и Александръ Урусовъ подали челобитныя объ отставкѣ, которую намѣрены просить также Каменскій и Князь Юрій Долгорукій; Гр. Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ уволенъ отъ Коммисіи и Военной Коллегіи. Затѣмъ, въ выноскѣ, вычисляется расходъ на коровъ.

Графу Алексѣю Григорьевичу.—Спрашиваетъ: что бы подарить сочинителямъ Энциклопедіи, присланной Дикомъ; Государынѣ угодно это знать, равно и самъ не знаетъ—кто они такіе и гдѣ они; полагаетъ, что лучше всего наградить деньгами, прибавляя, что писалъ уже объ этомъ консулу Дику. Затѣмъ повторяетъ все сказанное въ предъидущемъ письмѣ объ отставкѣ Государственныхъ людей, присоединивъ къ нимъ и Григорія Вас. Козицкаго, равно и объ отъѣздѣ двора въ Москву. Заключаетъ письмо пожеланіемъ, чтобъ папинька былъ доволенъ своимъ Алексашею, который всегда казался ему мальчикомъ, подающимъ надежду.

Графу Ивану Григорьевичу.

„Скажу тебѣ о себѣ, что во мнѣ новый талантъ открылся. Братъ Григорій называетъ меня шутомъ да и необыкновеннымъ, и что я брата Федора совсѣмъ въономъ помрачилъ. Такъ то нашихъ знай! какъ до сорока лѣтъ доживу еще можетъ быть что нибудь откроютъ во внѣ вниманія достойное“. Сообщаетъ, что Волхонскій назначенъ Оберъ-Прокуроромъ въ Московскій Сенатъ, и Самойловъ въ 1-й департаментъ.

Всѣ Оберъ-Прокуроры подчинены Генералъ-Прокурору, который по челобитнымъ дѣламъ входитъ только въ тѣ, въ какія захочетъ. Выражаетъ надежду, что старикъ пріѣдетъ въ Петербургъ повидаться съ братомъ Григоріемъ, который самъ просился у Государыни отпустить его въ чужіе края и получилъ на это милостивое обѣщаніе. Онъ былъ въ Лиговѣ на новой охотѣ, билъ острогой рыбу, что ему очень понравилось.

Графу Алексѣю Григорьевичу сообщаетъ привезенное курьеромъ извѣстіе о поимѣ Пугачева Перфильевымъ, который отвезъ злодѣя въ Яицкій городокъ, съ чѣмъ и поздравляетъ, радуясь, что это дѣло удалось Перфильеву. Теперь надобно ожидать другаго курьера съ болѣе подробными свѣдѣніями. Поимка Пугачева принесетъ обществу не менѣе радости, чѣмъ миръ. Братья уѣхали на охоту въ Гатчину.

Ему же. Сообщаетъ болѣе подробныя извѣстія о поимкѣ Пугачева, не ручаясь пока, до пріѣзда другаго курьера, за ихъ достовѣрность: изъ разсыпанныхъ войскъ Пугачева, въ преслѣдованіи командами, по разбитіи его, пойманъ заводскій крестьянинъ, именемъ Мельниковъ, который при распросахъ объявилъ, что Пугачевъ взятъ и связанъ Перфильевымъ и другими яицкими казаками и повезенъ въ Яицкій городокъ. Голицынъ, поймавшій Мельникова, по сему извѣстію пошелъ съ командою своею въ этотъ городокъ взять сего злодѣя и находился отъ него только въ 130 верстахъ. Войско злодѣя было въ нуждѣ и ѣло лошадей. Это извѣстіе къ пишущему

пришло отъ Графа Петра Ивановича. Братья на охотѣ, и старикъ въ Хатунѣ гоняется за зайцами. Лошадь, подаренную имъ Графу Никитѣ Ивановичу, не хвалятъ. При Дворѣ и на половинѣ Ихъ Высочествъ еженедѣльно балы и концерты.

Графу Ивану Григорьевичу повторяетъ извѣстіе, одинаковое съ предъидущимъ, о поимкѣ Пугачева, присовокупляя, что недѣли съ три Государыня изволила ему сказать, что партія Пугачева была будто въ Усольѣ. Проситъ у брата подтвержденія этого извѣстія.

Графу Алексѣю Григорьевичу повторяетъ извѣстія о предстоящемъ отъѣздѣ брата Григорія. „Старику хочется увидаться съ Григоріемъ прежде его отъѣзда отсюда и старинушко пожалуетъ думаю къ намъ. Въ городѣ крѣпко говорятъ, что Грицу не ѣзжать, и что его не отпустятъ; на чемъ этотъ слухъ основанъ — совсѣмъ не знаю, а знаю то, что онъ просилъ словесно Государыню, и Она милостиво изволила оное обѣщать.

„Въ прежнемъ письмѣ писалъ я къ тебѣ, чтобъ подарить учителю Биньону триста до 400 рублей, и лучше деньгами нежели вещею. Коня твоего даренаго привели къ Никитѣ Ивановичу (Панину) недавно изъ Москвы. Увижу его спрошу — доволенъ ли онъ имъ. Брюсъ ему недавно подарилъ лошадь и Никита Ивановичъ ему на оборотъ. Брюсова лошадь на третій или четвертый день упала (пала) въ конюшнѣ и задавила было конюха. Прощай Сударикъ. Всѣ цѣлуемъ твои руки и молимъ Бога, чтобъ твое здоровье было получше“.

Графу Алексѣю Григорьевичу — сообщаетъ привезенное курьеромъ извѣстіе, что Пугачевъ, везенный къ Яицкому городку, не связанный и не скованный, встрѣченъ былъ въ 60 верстахъ отъ города Яицкимъ сотникомъ съ казаками, которые, принявъ, сковали его; также выѣхалъ изъ Яицкаго городка комендантъ и гвардейскій офицеръ Мавринъ, посланный туда по секретнымъ дѣламъ. Злодѣй сознался въ своихъ проказахъ, сказавъ, что онъ виновенъ передъ Богомъ и Государемъ. Пугачева везутъ въ Москву. Въ это же время сошлись и гнавшіеся за нимъ Михельсонъ, Суворовъ и Голицынъ. Извѣстіе о Перфильевѣ не подтверждалось: его нашли съ 25 человѣками Донскіе казаки въ степи, и когда хотѣли его взять, то онъ оборонялся, однако взятъ; и что во взятіи Пугачева онъ (Перфильевъ) участія не имѣлъ. По донесенію коменданта Яицкаго, тамъ вездѣ настала великая тишина. Пишущій поздравляетъ брата съ симъ счастливымъ событіемъ, говоря, что весь городъ этому радуется. Графъ Захаръ Григорьевичъ поѣхалъ въ свою губернію, а супруга его ѣдетъ на дняхъ въ Ярополчи. „Передайте брату поклонъ отъ Государыни. Братья возвратились съ охоты и всѣ здоровы“.

Графа Ивана Григорьевича—поздравляетъ съ праздниками прошедшими Алехановыми и сегодняшнимъ брата Григорія, у котораго былъ съ Алексашею по утру поздравить. Государыня пожаловала ему бриллiантовую табакерку,—онъ наканунѣ вступилъ въ дежурство. Повторяетъ объ отъѣздѣ Чернышевыхъ. Увѣдомляетъ о полученіи отъ Еврейнова росписи деревнямъ и сожалѣетъ,

что домъ въ Хатуни будетъ готовъ только въ маѣ, а не въ началѣ марта, какъ того желалъ.

Графу Алексѣю Григорьевичу сообщаетъ, что братъ Григорій на дняхъ подавалъ письмо Государынѣ и уволенъ на два года въ чужіе края; на дняхъ выйдетъ указъ о немъ. Онъ было крѣпко прихворнулъ, однако поправляется и снаряжается въ дорогу, но прежде декабря не успѣетъ выѣхать. Старикъ скоро пріѣдетъ сюда проститься съ нимъ. Григорію надобно устроить всѣ его домашнія дѣла, особенно въ разсужденіи долговъ, о чемъ пишущій и просилъ брата распорядиться такъ, „чтобы послѣ прорѣхи не вышло". Сообщенное прежде извѣстіе о подвигѣ Перфильева не подтвердилось: говорятъ напротивъ, что его встрѣтили съ отдѣльною шайкою и онъ защищался, однако взятъ.

Графу Ивану Григорьевичу сообщаетъ, что съ братомъ Григоріемъ опять былъ припадокъ болѣзни, но теперь ему лучше. Именной указъ объ отпускѣ его полученъ. Торопитъ старика съ пріѣздомъ. Отъ брата Алексѣя нѣтъ писемъ. Радуется, что старикъ въ Хатуни веселился и приглашаетъ его, по пріѣздѣ въ Петербургъ, остановиться у пишущаго.

Графу Алексѣю Григорьевичу.—Безпокоится, не получая отъ него писемъ, и повторяетъ о болѣзни брата Григорія. Сообщаетъ, что старикъ веселился въ Хатуни и пропасть зайцевъ натравилъ на свою свору. Изъ новостей сообщаетъ, что Степанъ Васильевичъ Перфильевъ отставленъ. Супруга должна скоро родить и никуда не выѣзжаетъ. Она писала въ Лифляндію Ре-

биндеру объ оставленной имъ у него палкѣ, и онъ отвѣчалъ, что она въ Гданскѣ(?).

Ему же.

„Домашневъ отъ тебя пріѣхалъ и обрадовалъ насъ несказанно. Мы уже 3 недѣли отъ тебя никакого извѣстія не имѣли. Боялись не занемогъ ли ты крѣпко; Федоръ ѣздилъ съ нимъ во дворецъ: и письма вручены. Я къ старику тотже часъ послалъ твои письма, чтобы и его успокоить. Онъ также очень безпокоенъ былъ. Теперь у всѣхъ твоихъ братишковъ сердце на мѣстѣ: мы привыкли отъ тебя всякую недѣлю имѣть письма, такъ пожалуй, когда тебѣ впередъ времени не будетъ, то всетаки ты вели писать хотя строчку о себѣ, съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, всякую недѣлю пишу къ тебѣ и все новое что зналъ сообщалъ. Можетъ быть братья иного не писали, Ежели впередъ также буду поступать. Тепловъ былъ очень боленъ и параличъ его убилъ: ротъ на одной сторонѣ. Онъ хотя и не умѣръ, но и не совсемъ живъ. Выѣзжаетъ рѣдко: но кажется не долго проживетъ, очень одряхлялъ“.

Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ, по его просьбѣ, уволенъ отъ Военной Коммисіи, съ дозволеніемъ жить, гдѣ признаетъ за удобное, и уѣхалъ уже въ свою губернію, а супруга его — въ Ярополецъ. Ожидаетъ пріѣзда старика. Сообщаетъ, что бѣгъ устроенъ по прежнему противъ его дома: „чтобъ молодцы веселились“, и сожалѣетъ, что „нашего молодца не будетъ, а безъ него и въ половину на бѣгу такъ весело не будетъ“. Гр. Андрей Ивановичъ Толстой смѣненъ, а на его мѣсто Президентомъ въ главный магистратъ назначенъ

Самойловъ, братъ Оберъ-Прокурора. Пугачевъ уже болѣе недѣли въ дорогѣ изъ Симбирска къ Москвѣ; на пути разставлены, чрезъ всякія 60 верстъ, войска для препровожденія. Повторяетъ слухъ о пріѣздѣ Принца Генриха Прусскаго и о припадкахъ болѣзни брата Григорія. Радуется, что онъ своимъ Алексашею доволенъ, и посылаетъ ему поклонъ. Домъ его покрытъ совсѣмъ. Предлагаетъ—что получше и подороже въ его домѣ, отвезти въ Москву, куда всѣ поѣдутъ; Филиппычъ, человѣкъ старый, можетъ и умереть, а безъ него многое легко утратится. Кареты его отъ Шлейха взяты въ домъ; онѣ хорошо исправлены.

„Алеханъ Голубчикъ Здравствуй. Нынѣшнюю недѣлю лишнее письмо получишь отъ меня: Лиза вчерась въ 7 часу родила благополучно. Муки начались часовъ за шесть, а прямыя часа за два до родинъ, только не мальчика, а дѣвочку, что ей очень досадно было. Брюхо у ней было чрезвычайно и ребенокъ очень великъ: не пѣняй ты ей и шутками, ей и такъ очень непріятно. Хотѣлось черноброваго въ тебя, ребенокъ кажется очень здоровъ и родильница въ очень хорошемъ состояніи. Братъ Григорій Григорьевичъ нынѣшніе дни сталъ лучше, только нельзя еще сказать, чтобъ болѣзнь его совсѣмъ прошла. Поздравляю тебя съ племянницею Софіею, и препоручаю новую тварь въ твою любовь и милость; береги да жалуй. Родильница ея цѣлуетъ твои руки и молимъ Бога, чтобъ все слышалъ для тебя хорошее“.

Ноября 7 дня.

„Алеханъ Голубчикъ Здравствуй. Вчерась твое письмо получили. Сожелѣемъ очень что ты не здоровъ.

Большіе Орловы...: Дни съ три я къ тебѣ писалъ, что моя жена родила. Она благодаря Бога послѣ того въ хорошемъ состояніи и никакого припадку не имѣла. Лихорадка была 3-го дни и та совсѣмъ прошла. Ребенокъ здоровъ. Государыня будетъ крестить. Старикъ къ намъ прискакалъ дни съ три изъ Москвы, здоровье его нѣсколько кажется поправилось: только не таково, чтобы можно твердо положится. Братъ Григорій Григорьевичъ эти дни опять сталъ нѣсколько похуже. Припадки у него были странные. Онъ въ постелѣ не лежитъ уже съ недѣли полторы. Старикъ посѣлился въ домѣ у него. Пугачева привезли въ Москву, и посаженъ подлѣ курятныхъ воротъ. У насъ зима стала порядочная и морозы были около 20 градусовъ. Теперь опять потеплѣе. Что ты за книгу заплатилъ 1000 р., объ ономъ имѣлъ я вчерась случай доложить и сказано что хорошо. Спрашивать же Ивана Салтыкова о книгахъ, которыя поднесены Его Высочеству, я за нужды не нашелъ, и знаю, что обыкновенно въ таковыхъ случаяхъ, подарковъ съ этой стороны не бываетъ. Вся семья кланіется и цѣлуетъ твои руки. Княз. Алек. Алек. Вяземскій говорилъ со мной недавно, что посылаетъ къ тебѣ щеты всѣхъ тѣхъ денегъ, которыя переведены отсюда на издержки флота, и говорилъ мнѣ притомъ чтобъ я тебѣ писалъ, чтобы ты постарался счеты привести въ порядокъ и очистить себя. Я ему сказалъ, что ты конечно онаго не позабудешь, и что ты въ этомъ случаѣ остороженъ; но и не хотѣлъ однако пропустить чтобы тебѣ онаго не сообщить. Со стороны же Князя другаго подвига не было какъ усердіе къ тебѣ“.

„Алеханъ Голубчикъ Здравствуй. Письмо твое отъ 17 Окт. получили. Сожалѣемъ искренно, что тебѣ не здоровится. Не видно по письму чтобъ ты хворъ былъ: шутилъ много и хорошо. Фока при чтеніи письма былъ, и хохоталъ очень тому, что на его щетъ написано: скоро ѣдитъ къ тебѣ курьеръ сказывали мнѣ завѣрное: можетъ быть и прежде сего письмо не придетъ къ тебѣ, а я къ тебѣ все по обыкновенію пишу. Уже съ недѣлю какъ всѣ 4-ро вмѣстѣ. Григорій зачалъ дни съ три выѣзжать, и кажется болѣзнь его совсѣмъ миновалася, скоро время приходитъ, что и дворъ отсюда поѣдетъ. Неизвѣстно еще и теперь прежде ли или послѣ Рождества. Зима у насъ стоитъ прежняя. Морозы таковы, хотя бы въ крещеніе 17 или 18 градусовъ.

„Государыня изволила крестить Софію и пожаловала перстень бриліянтовый и табакерку осыпанную бриліантами. Старикъ похудѣлъ гораздо, только тѣльцо еще есть и довольно, намѣренъ созвать славныхъ врачей: присовѣтуютъ ли ему ѣхать къ водамъ. Всѣ сказываютъ что онъ очень мнителенъ, я тоже примѣчаю, скукѣ и разстройкѣ тѣла способствуетъ много праздность въ которой онъ все время препроводилъ, разлучаясь съ нами. У насъ съ Дунайкою много распоряженій въ Хатунѣ твоей заводить всякую всячину. Алеханъ твой меня убаялъ чтобъ хоромъ мнѣ не строить, а жить въ твоихъ. Онъ плутандусъ великій. Лѣску у тебя нѣсколько повыведу, что ты мнѣ и позволишь, да и неоткуда взять, сверхъ же того употребляю съ бережью и съ разсмотрѣніемъ. Лѣсу столько много что и правнучатамъ достанется. Новаго у насъ ничего нѣтъ“.

Между предыдущими письмами записаны въ Графской исходящей настоятельныя предписанія управляющимъ хлопотать о выводѣ кабака изъ Ярославской деревни: „нужно очень чтобъ сіе дѣло кончено было до Генваря. Тогда вступятъ новыя откупщики и труднѣе будетъ сдѣлать".

Графу Алексѣю Григорьевичу (28 ноября) сообщаетъ, за неимѣніемъ другихъ новостей, о возвращеніи дѣтей Шкуриныхъ, которыхъ однако самъ еще не видалъ. Старикъ проживетъ вмѣстѣ вѣроятно еще мѣсяцъ, ему здѣсь веселѣе и здоровье его лучше, чѣмъ въ Москвѣ. Братъ Григорій здоровъ и на дняхъ поѣдетъ въ послѣдній разъ въ Гатчину, проститься съ нею. Супруга и новоржденная здоровы.

Къ Ростовскому воеводѣ Протасову, коллежскому совѣтнику, на котораго была подана жалоба Графу бурмистромъ, Графъ пишетъ:

„Государь мой, Петръ Григорьевичъ.

„Два письма Ваши получилъ — одно о крестьянинѣ Арбековѣ, а другое отъ 28 Августа о братѣ Вашемъ родномъ писанныя. Я не упустилъ стараться по желанію Вашему: но сожелѣю, что ничего успѣть не могъ. Замѣдлилъ Вамъ отвѣтствовать по причинѣ родинъ моей хозяйки, о дѣтяхъ Вашихъ еще брату напомню; онъ болѣе мѣсяца былъ боленъ.

„Изъ спаской деревни пишетъ ко мнѣ бурмистръ, что будто по приказанію Вашему въ лѣсъ, принадлежащій къ той деревнѣ въѣзжали по дрова нѣсколько разъ, и что вы онаго бурмистра призывали къ себѣ и

бранили за то что онъ 6 возовъ пойманныхъ съ дровами велѣлъ въ деревнѣ нашей сложить. Мнѣ оное конечно невѣроятно, но не осмѣлится же и бурмистръ меня обманывать. Я же сверхъ того и самъ Васъ просилъ о неоставленіи Ростовскихъ нашихъ деревень, и такъ прошу Васъ, что ежели то правда, что бурмистръ ко мнѣ писалъ, чтобъ оное болѣе дѣлано не было. Ежели же онъ меня оболгалъ, въ такомъ случаѣ, какъ бурмистръ ни старъ, велю его конечно строго наказать".

Графу Алексѣю: „Алеханъ Голубчикъ Здравствуй, вторнишную почту хотѣлъ было къ тебѣ писать обстоятельно о себѣ: но указъ обо мнѣ еще не подписанъ, думаю не замѣдлится. Я чрезвычайно радъ, что Государыня мое письмо милостиво приняла: конечно ничего мнѣ пріятнѣе быть не можетъ. Поѣду отсюда и чрезвычайно покоенъ и доволенъ. Какъ скоро обо мнѣ рѣшится, то не умѣдлю тебя увѣдомить. Князь хоть уже и давно получилъ указъ о увольненіи ѣхать въ чужія краи, но какъ онъ желалъ нѣкоторыя дѣла произвѣсть по мѣстамъ, которыя отъ него зависятъ, то и не объявлялъ онъ онаго. 3 дни же тому назадъ объявленъ указъ въ Сенатѣ. Старикъ проживетъ здѣсь я думаю пока Князь не поѣдитъ отсюда. Не думаю чтобы онъ прежде Генваря собрался совсѣмъ.

„Письмо твое послѣднѣе о Перфильевѣ получено. Сожалѣю, что я тебѣ напрасное удовольствіе причинилъ: не я того виною, а извѣстіе которое тогда отъ Гр. Петра Ивановича пришло. Нынѣ же я за вѣрное слышалъ, что въ допросѣ Перфильевъ признается, что по прибытіи къ Пугачеву перемѣнилъ намѣреніе его поймать: но напротивъ былъ ему совершенно преданъ.

„И теперь еще не извѣстно въ нынѣшнемъ или будущемъ мѣсяцѣ дворъ пойдетъ. Множество уже отсюда поѣхало и множество ѣдитъ. Я жительствовать буду въ твоемъ домѣ съ Дунайкою. и съ хозяйкою. Жаль мнѣ, что отъ старика буду далеко. Новостей у насъ теперь никакихъ нѣтъ. Вчерась было 4 недѣли моей дочери. Лиза почти совсѣмъ оправилась. Новорожденная здорова. Вся семья кланяется и цѣлуетъ твои руки. Благодарствуй за твое ласковое и дружеское письмо. Конечно и впередъ буду тебя увѣдомлять о всѣхъ новостяхъ, какъ скоро услышу".

„Алеханъ Голубчикъ Здравствуй; прилагаю письмо отъ брата. Послѣднее твое письмо отъ 7 Ноября получили. Слава Богу что тебѣ легче. Братъ Григорій на этихъ дняхъ посылаетъ карету дорожную въ Кенигсбергъ напередъ. Самъ же когда ѣдитъ точно еще не извѣстно, только все думаю съ начала Генваря, а можетъ быть и ранѣе. Когда узнаю то конечно отпишу. Прежде къ тебѣ писано и отъ братьевъ и отъ меня, что я просилъ въ отставку. Уволенъ дни съ три тому назадъ Генералпоручикомъ и съ жалованьемъ по смерть. Государыня милостиво согласилась и я доволенъ чрезвычайно. Брата Өедора судьба еще не рѣшилась. Письмо отъ него подано, есть надежда, что и онъ скоро уволенъ будетъ по слабости здоровья нашего. Конечно всего намъ дороже въ семъ случаѣ милость Государская. Живучи на своей волѣ надѣемся оба востановить здоровье. Поѣдимъ къ тебѣ въ Хатунь и станемъ тамъ гнѣздо вить. Дай Богъ чтобъ поскорѣе. И хозяинъ пріѣхалъ и мы его всею семьею встрѣчали, цѣловали, поздравляли съ пріѣздомъ

и въ милость себя препоручали. О Перфильевѣ я уже къ тебѣ писалъ и ты уже самъ увѣдомлялъ меня, что онъ никакого покровительства не заслуживаетъ. О походѣ двора все еще неизвѣстно, сказываютъ иные что дворецъ прежде Генваря не поспѣетъ. Старикъ проживетъ у насъ я думаю до Генваря. Его здоровье съ пріѣзду примѣтно поправилось, и мнѣ кажется, что праздность въ которой онъ время проводилъ и къ несчастію пріятели и окружающіе его расположены больше нежели надобно все къ худу толковать. Поживъ съ нами подолѣе а особливо въ деревнѣ надѣемся, что нужды ему и въ водахъ не будетъ. Повеленія твои исполнилъ, дѣтей и Лизу цѣловалъ, велѣли тебя благодарить и цѣлуютъ у тебя сами руки. Хозяйка моя почти совсѣмъ оправилась, вся семья здорова, благодаритъ тебя за частыя письма. Старикомъ мы очень довольны. Онъ всякой вечеръ съ нами бесѣдуетъ и всякую всячину калякаемъ. Новаго у насъ ничего нѣтъ, кромѣ того, что по арміи новые полки дѣлаются иные изъ старыхъ, а сказываютъ иные и вновь. Я недостаточно объ ономъ увѣдомленъ, чтобъ подробно писать“.

„Алеханъ Голубчикъ Здравствуй, уже недѣли съ двѣ писемъ отъ тебя нѣтъ, въ послѣднемъ моемъ письмѣ писалъ къ тебѣ о братѣ Ѳедорѣ: но судьба его еще не рѣшилась и легко станется, что здѣсь и не рѣшится. Теперь объ ономъ ни чего не слышно, и отзыву никакого не было, а Дунайко докучать не будетъ. Дворъ въ нынѣшній мѣсяцъ въ Москву не пойдетъ, а сказывали мнѣ, что Государыня изволила сама сказать, что поѣдитъ отсюда 8-го Генваря. О братѣ Григорьѣ твое

повеленіе стараться буду исполнить увѣдомить тебя за 2 недѣли о отъѣздѣ его ежели могу. Теперь онъ еще самъ не знаетъ, а мнѣ кажется по обстоятельствамъ, что онъ послѣ двора отсюда поѣдетъ. Сіе довольно вѣроятно. У насъ новаго ничего нѣтъ: старикъ поживаетъ съ нами и въ виски бьется; дней съ пять назадъ проиграли они Григорій и старикъ десятка съ 2 тысячь; Старикъ да Григорій 12 въ одинъ вечеръ, и Старикъ Дунайкѣ далъ слово чтобъ роберту болѣе 100 рублей не играть и ничего не парировать; а до сего игралъ онъ часто и по 1000 робертъ.

„Григорій Александровичъ Потемкинъ нѣсколько дней тому назадъ занемогъ крѣпко горячкою, сказывали мнѣ, что ему теперь лучше, хозяйка моя послѣ родовъ совсѣмъ поправилась, вся семья здорова и цѣлуетъ твои руки“.

„Алеханъ Голубчикъ Здравствуй, дни съ 2 послѣднее твое письмо получили изъ Ливорны, радуемся что ты здоровъ. Мы всѣ здоровы и брата Ивана здоровье кажется получше стало, иногда жалуется что ему не ловко. Нѣсколько мятется не ѣхать ли ему къ водамъ, сбираетъ на сихъ дняхъ врачей и хочетъ поговорить съ ними о своемъ состояніи, что будутъ говорить отпишу въ передъ. Часто я съ нимъ разговаривалъ о низѣ и всѣ 3, т. е. Федоръ, я и Лиза уговариваемъ всячески, чтобы онъ переселился жить къ намъ поближе и хотя онъ говоритъ что ему жить на низу надобно и хочется, но въ самомъ дѣлѣ очень мятется и я считаю что онъ не жилецъ на низу. Мы всякій день вмѣстѣ часовъ по 5 а иногда и по 10.

„Бѣгъ у насъ сдѣланъ противъ нашего двора на невѣ, охотники собираются, только безъ атамана Алехана и въ половину веселья нѣтъ. У Калашникова купца есть лошадь, бѣгалась недавно въ два разныя дни съ Криднеровой которую ты знаешь и криднерову обѣжала оба раза, въ чемъ онъ и самъ признается. Съ братомъ Григоріемъ ѣдитъ Александръ Зиновьевъ, Дмитрій Васильевичъ Волковъ и Генералъ Бауеръ. Еще и теперь неизвѣстно, когда онъ поѣдитъ, Дворъ, сказываютъ пойдетъ 10 Генваря. Въ прежнемъ письмѣ писалъ о болѣзни Григ. А. Потемкина: онъ выздоровѣлъ совсѣмъ. Послѣ новаго года станемъ по маленьку всякую всячину изъ дому въ Москву отпускать. Теперь намъ лошади очень дороги; не помню писалъ ли я къ тебѣ что Павелъ Обуховъ и Всеволодъ Всеволодскій отпущены на годъ. Вся семья цѣлуетъ твои руки и желаетъ тебѣ всякаго благополучія“.

„Алеханъ Голубчикъ Здравствуй. Нынѣшную почту отъ тебя писемъ нѣтъ, о чемъ сожалѣю, хотя я прежде къ тебѣ и писалъ, что дворъ пойдетъ 10 въ Москву, только оное еще прямо не извѣстно. Братнинъ отъѣздъ отсюда послѣ двора. Въ Рождество пожалованы голубыя ленты Принцу Дармштатскому, Григорію Алекс. Потемкину, вице-канцлеру и гр. Миниху. Въ Москву уѣхало уже великое множество и всякій день ѣдутъ, На этихъ дняхъ поѣхала Графиня Брюсша, а Кн. Алекс. Вяземскаго домъ недѣли двѣ какъ ускакалъ. Старикъ созывалъ совѣтъ врачей, и врачи почитаютъ его болѣзнь изъ легкихъ. Къ водамъ ѣхать большую нужду ему не почитаютъ; но и не отсовѣтываютъ: а старикъ

теперь самъ болѣе склонности имѣетъ ѣхать къ водамъ и вчерась рѣшительно сказалъ, что поѣдетъ въ маѣ мѣсяцѣ будущаго года. Не перемѣнитъ ли свое мнѣніе послѣ? Кн. Никол. Васильевичъ Репнинъ пріѣхалъ сюда, ѣдитъ въ Москву въ свитѣ съ Государынею. Нарышкинъ былъ посланъ въ Швецію, недѣли съ полторы какъ возвратился. Пугачево дѣло будетъ судиться въ Сенатѣ въ Москвѣ и сентенцію я думаю исполнятъ до прибытія двора туда. Мещериновъ дни съ три уѣхалъ въ Москву. Будетъ дожидаться старика. Я намѣренъ ѣхать нынѣшнею зимою на низъ. Къ Маю старикъ намѣренъ непремѣнно возвратиться. Еще новое — Львовъ ѣдитъ кавалеромъ посольства съ Репнинымъ въ Константинополь. Репнинъ изъ Москвы поѣдитъ я думаю не прежде Марта мѣсяца. Теперь у меня главное изъ моихъ упражненій, перестроить домъ въ Хатунѣ для меня. Планъ сдѣланъ для каменнаго въ три этажа. Я думаю около 30,000 будетъ стоить совсѣмъ. Будущій годъ стану заготовлять матеріалы, а въ другое лѣто хочется подъ крышу подвести. Вся семья здорова и всѣ цѣлуютъ у тебя руки.“.

Дек. 30. 1774.

Въ письмахъ Графа Владиміра Григорьевича къ братьямъ нѣтъ никакихъ объясненій о причинѣ послѣдовавшаго въ декабрѣ 1774 г. увольненія его отъ должности Директора Академіи Наукъ. Впрочемъ, и не было нужды въ объясненіяхъ, такъ какъ всѣ четыре брата сознавали, что они болѣе уже не нужны при Дворѣ и что историческая роль ихъ кончилась.

Графъ Владиміръ Григорьевичъ едва ли могъ бы, при удаленіи братьевъ отъ столицы, продолжать прежнія

свои занятія, сопряженныя съ необходимыми ходатайствами о покровительствѣ ученымъ и ученикамъ. Онъ подалъ прошеніе, подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья, объ увольненіи отъ должности Директора Академіи Наукъ, которой онъ предался съ неутомимымъ усердіемъ до путешествія заграницу, для возстановленія своего здоровья.

Академическая служба не могла обойтись для Графа Владиміра Григорьевича безъ непріязненныхъ столкновеній съ Академиками. Ему приходилось, вѣроятно, не одинъ разъ настаивать на соблюденіи порядка и правилъ, имъ введенныхъ при учрежденіи Академической Коммисіи. Его твердость была иногда не по вкусу Академикамъ, какъ можно замѣтить изъ ихъ интимныхъ писемъ, когда сталъ доходить до нихъ слухъ о приближающемся увольненіи Графа отъ должности.

Графъ долженъ былъ заявить о своемъ неудовольствіи по какому-то дѣлу, подробности котораго намъ не извѣстны. Онъ пишетъ какъ слѣдуетъ:

Читано Конференціи 16 Мая 1774 г.

„Протоколъ я Вамъ возвратилъ. Поступокъ г. Палласа, въ отношеніи пересланныхъ имъ въ Голландію предметовъ Естественной Исторіи, которые случайно попали въ руки Конференціи, безъ сомнѣнія достоинъ порицанія. Я того мнѣнія, что Академія должна бы изъявить ему по этому случаю свое неудовольствіе. Въ письмѣ можно также употребить мое имя. Сообщите эти мои мысли Конференціи.

„Письмо Г. Мюллера сей часъ получилъ.

„Г: В: Орловъ“.

Графъ отправилъ въ Москву свою библіотеку и собраніе естественно-историческихъ предметовъ. Г. А. Эйлеръ пишетъ 29 сентября 1774 г. исторіографу Миллеру, что обстоятельство это не могло случиться потому только, что онъ намѣревается сопровождать Дворъ въ Москву, такъ какъ ради одного года такія вещи не везутся съ собой.

(„Welches nicht wohl blos darum geschehen kann weil er mit dem Hofe nach Moscau zu reisen gedenkt. Denn um ein Jahr willen pflegt man nicht solche Dinge mit Sich zu schleppen".)

13 октября Эйлеръ пишетъ: „Графъ нашъ Владиміръ Орловъ ужь нѣсколько недѣль не ѣздитъ ко двору, потому что онъ со дня на день ожидаетъ разрѣшенія своей супруги. Странная причина!"

(„Unser Graf Wolodimir Orlov geht schon Seit einigen Wochen nicht mehr nach Hofe, weil er täglich die Niederkunft Seiner Gemahlin erwartet. Eine Sonderbare Ursache!")

Графъ Владиміръ Григорьевичъ былъ уволенъ отъ должности Директора Академіи 5-го декабря 1774 г., какъ видно изъ сообщенной ему записки изъ Канцеляріи Правительствующаго Сената въ Коммисію Академіи Наукъ.

„Въ имянномъ Ея Императорскаго Величества указѣ, данномъ Сенату въ 5 день сего мѣсяца, за подписаніемъ собственныя Ея Величества руки написано: Ея Императорское Величество, по прошенію Камергера Графа Владиміра Орлова, всемилостивѣйше увольняетъ его отъ всѣхъ дѣлъ съ чиномъ Генерала Порут-

чика, повелѣвая за вѣрную Ея Величеству его службу производить ему по смерть его изъ статсъ-конторы камергерское жалованье. О чемъ чрезъ сіе коммисіи Академіи наукъ знать дается; а въ штатсъ-контору и куда надлежало указы посланы. Декабря 9-го дня 1774 года.

„Оберъ Секретарь Іванъ Артемьевъ, Секретарь Іванъ Львовъ, Канцеляристъ Христіанъ Паулзенъ. 5-го Департамента“.

Два мѣсяца спустя по удаленіи своемъ изъ Академіи, именно 3-го февраля 1775 года, Графъ угощалъ обѣдомъ всѣхъ Академиковъ, и былъ необыкновенно привѣтливъ со всѣми. По этому случаю І. А. Эйлеръ замѣтилъ: „Отъ чего начальникъ нашъ не всегда велъ себя такимъ образомъ и почему въ то время, когда онъ еще имѣлъ власть надъ нами, приходилось намъ выносить на себѣ только всю тяжесть его желѣзнаго скипетра?“

(„Warum hatte sich doch unser ehemaliger Chef nicht immer auf diese Weise betragen, und warum musten wir nur die Schwere seines eisernen Zepters fühlen, als er uns noch zu gebieten hatte!“)

Эйлеръ разсказываетъ своему пріятелю Миллеру, отъ 15 января 1775 года слѣдующее, какъ знакъ того, что ихъ бывшій начальникъ сознавалъ свои слабости: „Когда Г. Георги былъ въ послѣдній разъ у Графа для осмотра его химическихъ печей, Графъ держалъ въ рукахъ балалайку, на которой недоставало одной струны. Шутя онъ спросилъ Г. Георги, знакомъ ли онъ съ этимъ инструментомъ? „О да! Ваше Сіятельство, какъ мнѣ не знать этой вещи, но у Вашего инструмента только одна струна“.— „Такъ вамъ, значитъ, также не безъизвѣстно, что этотъ инструментъ долженъ имѣть двѣ струны?“—„Да, конечно,—

и притомъ на этомъ свѣтѣ вѣдь всякая вещь имѣетъ двѣ струны“. Графъ засмѣялся и возразилъ, имѣетъ ли онъ (Графъ) также двѣ струны. „Безъ сомнѣнія“, отвѣчалъ Г. Георги; Графъ же смѣялся надъ этою двусмысленною фразою, понявъ ее очень хорошо безъ всякихъ болѣе обстоятельныхъ объясненій со стороны Г. Георги“.

(„Als Herr Georgi das letzte Mahl bey dem Grafen W. Orlow war um seine chemische Oefen zu untersuchen hatte der Graf eben eine Balalaike in der Hand, darauf eine Seite fehlte. Erfrug den H. Georgi im Spausse, aber wohl dieses Instrument kenne? „O ja! Ihre Exellenz, wie sollte ich das Ding nicht kennen; aber dieses hat ja nur eine Seite“. — „Also wissen sie auch, sagte darauf der Graf, dass dieses Instrument zwey Seyten haben muss?“—„Ja freylich und überdem es hat ja ein jedes Ding in dieser Welt seine zwey Seyten“. Der Graf lachte und fruy ihn darauf, ob denn er (der Graf) auch seine zwei Seiten habe? „Aller dings“ war die Antwort des H. Georgi; und der Graf, ob er gleich über diese zweydeutige Rede lachte, empfand er sie nichts destoweniger, ohne dass H. Georgi nöthig hatte sie weiter auseinander zu setzen?“)

Всякій, прочитавшій письма Графа Владиміра Григорьевича къ Академикамъ, разсудитъ—дѣйствительно ли Графъ держалъ въ рукахъ желѣзный скипетръ и не имѣлъ ли, напротивъ, постоянное и самое заботливое попеченіе о всѣхъ ему подчиненныхъ, и не обращался ли къ нимъ съ замѣчательной деликатностью. — Графъ продолжалъ имѣть дружескія сношенія съ своими бывшими товарищами по службѣ. Онъ въ особенности

часто вспоминалъ объ Эйлерѣ, читалъ самъ и заставлялъ своихъ дѣтей и внуковъ читать его сочиненія.

Здѣсь будетъ кстати сравнить отношенія къ Академикамъ Графа Владиміра Григорьевича и его преемника Домашнева. Какъ извѣстно, Коммисія, управлявшая Академіею Наукъ, существовала 17 лѣтъ, и въ это время Директорами Академіи были два лица: Графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ и за нимъ Сергѣй Герасимовичъ Домашневъ. О различіи между этими двумя лицами по отношенію ихъ къ Академіи Наукъ можно судить по слѣдующему отзыву современнаго намъ Академика М. И. Сухомлинова, въ его „Исторіи Россійской Академіи“ 1876 г., выпускъ 3-й, стр. 23—30:

„Въ дѣятельности академической Коммисіи (перваго ея періода) и во взаимныхъ отношеніяхъ ея членовъ“, замѣчаетъ Г. Сухомлиновъ, „обнаруживались начала равенства и равноправности, насколько они совмѣстимы были, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, съ общественными нравами того времени. Глава Академическаго Управленія, Графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, въ сношеніяхъ своихъ съ академиками избѣгалъ начальническаго тона, обращаясь къ Членамъ Коммисіи, какъ къ своимъ товарищамъ“, — въ доказательство чего и приводитъ два письма его изъ Москвы, относящіяся къ 1767 году *). „Но, продолжаетъ авторъ Исторіи Россійской Академіи“, времена перемѣнились.... Вмѣсто Орлова Директоромъ Академіи Наукъ назначенъ Домашневъ, — и въ академической жизни воз-

*) См. эти письма.

никаетъ непрерывный рядъ столкновеній и враждебныхъ выходокъ между Директоромъ и Членами Коммисіи. Домашневъ смотрѣлъ на Коммисію, какъ на подвластную ему канцелярію, которая обязана подчиняться его произволу и безпрекословно исполнять всѣ приказанія своего начальника. Приказы, выговоры, упреки сыпались на Академиковъ съ необыкновенною щедростью. Но Члены Коммисіи держали себя съ достоинствомъ, отстаивая свою самостоятельность и честь Академіи отъ произвола и самоуправства ея Директора. Въ противоположность съ товарищескими письмами своего предшественника, Домашневъ насылалъ Коммисіи такого рода ордеры: „Дать мнѣ увѣдомленіе, по какимъ причинамъ типографія не считана такъ давно, и котораго года счеты по оной были кончены, и по которой годъ внесены отъ типографіи въ Коммисію, и остаются безъ рѣшенія...... Подтверждается Коммисіи, какъ возможно, запущенные счеты кончить; и я съ сожалѣніемъ сказать долженъ, что если далѣе о успѣхѣ оныхъ рапорту не получу, то господамъ въ Коммисіи присутствующимъ запрещено будетъ производить жалованье.... Требую, чтобъ Коммисія сей самый день, не выходя изъ присутствія, увѣдомила меня, какихъ ради причинъ не сдѣланы до сего года счеты; а потомъ Коммисіи сбираться ежедневно поутру и послѣ обѣда для окончанія требуемыхъ счетовъ“.... Академики Штелинъ, Румовскій и Котельниковъ, въ отвѣтѣ своемъ на это грозное требованіе, выразили свои оскорбленныя чувства, между прочимъ, слѣдующими словами: „Разсуждая о полученномъ нами предложеніи, наполненномъ прискорбными на насъ, членовъ Коммисіи, нареканіями и законами запрещенными укоризнами, чтобы соблюсти не-

оцѣненное для насъ право принесть всеподданнѣйшее прошеніе о защищеніи насъ отъ напрасныхъ притѣсненій и для оправданія нашего, положили мы Господину Директору предложить слѣдующее":

. . . .

Гг. Академики пишутъ далѣе: „Но неудивительно, что Господинъ директоръ пишетъ, что онъ не видитъ, въ чемъ Коммисія упражняется, ибо отъ презрѣнія ли Коммисіи или другихъ ради причинъ, намъ неизвѣстныхъ, съ лишкомъ два года не единожды Коммисію присутствія своего не удостоивалъ"…. И затѣмъ оканчиваютъ свое посланіе новому своему Директору слѣдующимъ наставленіемъ……

„И вслѣдствіе того, его превосходительство просимъ впредь таковыми укоризнами членовъ Коммисіи, для управленія дѣлъ съ Г. Директоромъ поставленныхъ, не отягощать, но отдавать какъ мѣсту, такъ и членамъ должное уваженіе"…..

Изъ этихъ словъ Академиковъ можно заключить, что „желѣзный скипетръ", на который Г. Эйлеръ жаловался въ своемъ письмѣ исторіографу Миллеру, будучи въ мягкихъ рукахъ Директора Графа Владиміра Григорьевича Орлова, вовсе не былъ такъ тяжекъ для Академиковъ, какъ когда перешелъ въ болѣе жесткія руки его преемника С. Г. Домашнева, постоянныя притязанія котораго къ Академикамъ вызывали съ ихъ стороны справедливые протесты и неудовольствія, окончившіеся только съ удаленіемъ Домашнева отъ должности Директора и съ упраздненіемъ, по указу 24 января 1783 года, самой Коммисіи, управлявшей Академіею Наукъ.

———

Орловы и по удаленіи отъ Двора продолжали жить въ неразрывной дружбѣ между собою. Ихъ достояніе было не только достаточное, но богатое, не смотря на накопившіеся долги. Князь Григорій готовился ѣхать заграницу; Алексѣй завелъ великолѣпный конный заводъ въ небывалыхъ ни прежде, ни послѣ размѣрахъ; Ѳедоръ, беззаботный и веселый, продолжалъ вести свой прежній, не очень постоянный образъ жизни; одинъ только, склонный къ ипохондріи, Иванъ жилъ въ деревнѣ, то домосѣдомъ, то охотникомъ; Владиміръ, семьянинъ и хозяинъ, продолжалъ быть главнымъ руководителемъ и совѣтникомъ семьи, не смотря на то, что былъ младшимъ ея членомъ.

Отношенія его къ каждому отдѣльно изъ своихъ братьевъ имѣли свой особый оттѣнокъ. Онъ былъ особенно нѣженъ къ Ѳедору, возрастъ котораго подходилъ ближе къ его собственнымъ годамъ, пріобщалъ его, какъ третье лицо, къ своимъ семейнымъ распоряженіямъ, и писалъ — „мы Владиміръ, Ѳедоръ и Лиза желаемъ“ и т. д. Къ брату Григорію онъ относился безпрестанно съ ходатайствомъ по просьбѣ пріятелей, и называлъ ангельскою его готовность дѣлать добро кому только можно. Онъ чувствовалъ особенное почтеніе и благодарность къ Алексѣю, имѣя объ его способностяхъ и характерѣ то же мнѣніе, какое выражено въ извѣстной депешѣ великобританскаго посла Мальмсбери. Наконецъ, къ Ивану онъ обращался какъ къ старѣйшему изъ братьевъ, выводившему ихъ, правда, часто изъ терпѣнія, но добродушному и требовавшему особеннаго попеченія.

Младшій и старшій изъ Орловыхъ ускользнули вовсе отъ глазъ исторіи. Къ тремъ прочимъ братьямъ Орловымъ можно примѣнить замѣчаніе, что великіе

міра сего превозносятся лестію современниковъ, но что исторія караетъ ихъ также чрезъ мѣру, осуждая ихъ пороки и не вѣдая ихъ тайныхъ добродѣтелей.

Письма 1775 года адресованы всѣ къ Графу Алексѣю Григорьевичу, находившемуся въ то время за границей. Сущность ихъ можетъ быть передана въ немногихъ словахъ.

Дворъ выѣхалъ изъ Царскаго Села; Петербургъ опустѣлъ, кое-гдѣ видна карета и много жителей еще выѣзжаютъ. Наружность Пугачева вовсе не замѣчательна: малъ ростомъ и худощавъ. Здѣсь остался главнымъ фельдмаршалъ Голицынъ. Три брата Орловы ѣздили въ Гатчино, гдѣ ночевали и на другой день Григорій отправился въ путь съ Бауеромъ, Волковымъ и Зиновьевымъ; „скуки въ немъ не было замѣтно". Въ самый день отъѣзда онъ получилъ милостивое письмо отъ Государыни, которая поздравляетъ его, какъ имянинника, желаетъ ему счастливаго пути и посылаетъ въ подарокъ „épaulette". Григорій располагаетъ ѣхать чрезъ Берлинъ и Вѣну. Владиміръ получилъ уже отъ Григорія письмо о благополучномъ его путешествіи, какъ видно изъ слѣдующаго его отвѣта: „Дай Богъ, чтобъ Вы счастливо увидѣлись, чтобы онъ въ своемъ пути благополученъ былъ. Поздравляю тебя отъ искренняго сердца съ гостемъ. Я себѣ воображаю какъ Вы ради будете другъ другу и веселюся онымъ. Въ такомъ состояніи въ какомъ Вы нынѣ будете уже давно не бывали а нынѣ много будетъ похоже на давнишнее и съ онымъ тебя поздравляю. Послѣднія твои письма насъ очень веселили. Они наполнены дружескимъ чувствомъ, которое цѣннѣе намъ всего"... „Старинушка въ нынѣшній пріѣздъ доволенъ чрезвычайно братьями, то есть нами, также и отсутствующимъ. Однако онъ

усталъ, какъ собака отъ занятій дѣлами брата Григорія", и весьма недоволенъ чрезмѣрно большими расходами на его здѣшнее содержаніе, какъ напр. по 25 рублей за обѣдъ изъ 6-ти блюдъ для двоихъ или троихъ, замѣчая, „что принужденъ платить по княжески, а мошна у него дворянская". Владиміръ прилагаетъ копію съ слѣдующаго своего письма Императрицѣ:

„Всемилостивѣйшая Государыня. Разстроенное издавна мое здоровье, хотя употребленіе водъ нѣсколько и поправило, но по возвращеніи моемъ сюда часъ отъ часу хуже становится и почти въ тоже состояніе пришло, какъ и прежде было; а сверхъ того и зрѣніе такъ слабо, что едва одну страницу прочесть могу. — Не находя себя въ состояніи продолжать службу, припадаю къ священнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества и прошу о милостивѣйшемъ увольненіи отъ оной".

Графъ надѣется весело прожить въ Хатуни, чего такъ давно желалъ, и куда будетъ съ нетерпѣніемъ ожидать Алехана. Онъ одинъ обозъ уже отправилъ и другой приготовляетъ, и 20-го февраля поѣдетъ со всѣмъ домомъ. Въ заключеніе проситъ выслать къ нему разные музыкальные инструменты, также побольше хорошенькихъ арій и пѣсенокъ, „а я къ тому времени, какъ ты возвратишься, выучусь иныя пѣть и тебя стану веселить"... „Между прочими упражненіями хозяйства хочется и музыку завести".

Музыка была дѣйствительно, по мнѣнію Графа Владиміра Григорьевича, необходимымъ пополненіемъ занятій въ жизни, особенно же въ деревнѣ. Вкусъ его къ музыкѣ доказывается слѣдующею оцѣнкою сочиненій Бортнянскаго въ то время, когда они еще не пользовались всеобщею извѣстностью:

„.... Есть нѣкто Бортнянской, сочиняетъ онъ для дворцовыхъ пѣвчихъ; мнѣ хочется имѣть записку всѣмъ концертамъ его церковнымъ и другимъ сочиненіямъ, которыя онъ сдѣлалъ на разныя молитвы, что поются у насъ въ церкви. Пожалуй пошли къ нему отъ моего имени, чтобъ онъ одолжилъ меня и сдѣлалъ бы сію записку; а Вы получа оную, доставьте мнѣ не замедля. Скажите ему при томъ, что я страстной охотникъ до пѣнія и что его сочиненія мнѣ отмѣнно нравятся.

„Какія ноты сочиненія Г. Бортнянскаго находятся у меня, объ оныхъ прилагаю здѣсь извѣстіе. И такъ нужно только на сей же бумажкѣ записать, какихъ у меня еще не достаетъ, о чемъ покорно прошу постараться, Иванъ Автономовичъ".

„.... Новыя сочиненія Г. Бортнянскаго попросите, чтобъ переписаваемы были впередъ въ партитурѣ, а голосовъ особенныхъ мнѣ не надобно; разумѣю о сочиненіяхъ, которыя впередъ выйдутъ.... Какъ скоро новое сочиненіе выдетъ Бортнянскаго, то прошу таковыя немедленно доставлять мнѣ".

„.....Д. С. Бортнянскому прошу сказать, что я его письмо получилъ, казалъ оное брату Алексѣю; изъявляемыми въ немъ чувствами братъ былъ очень доволенъ и поручилъ мнѣ сообщить ему свое признаніе. Рѣчи его были такія: зналъ я Д. С. очень добрымъ человѣкомъ въ чужихъ краяхъ, да и теперь кажется онъ таковъ же, чему я искренно радуюсь. Прошу отъ меня поблагодарить Д. С. за ласковое его письмо.

„Навѣдайтесь у Д. С. и увѣдомите меня, кто сочинилъ *нынѣ силы небесныя* и концертъ *не отверзи мене*. Онъ ко мнѣ писалъ, что сіи сочиненія не его".

(Изъ писемъ къ И. А. Фурсову, 1787 г.)

Съ 1775 года Графъ Владиміръ Григорьевичъ пересталъ быть постояннымъ жителемъ петербургскимъ и въ томъ же году купилъ въ Москвѣ домъ, на Никитской улицѣ, отъ господъ Александра, Петра и Михаила Матвѣевыхъ Херасковыхъ, Князей Юрія, Николая, Александра, Василія и княжны Екатерины Никитиныхъ Трубецкихъ. — Видно по числамъ на приказахъ въ вотчины, что Графъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и прожилъ тамъ: въ 1793 г. съ 13 мая по 12 августа, съ 20-го августа 1796 г. до 1798 г., часть 1801 года. часть 1803 года, съ 1-го до 23-го января 1806 г. и отъ 17 апрѣля до 29-го іюня 1812 года; но онъ проводилъ вообще зимнее время въ Москвѣ, въ домѣ на Никитской, а лѣтнее время — въ подмосковномъ своемъ имѣніи — Отрадѣ.

Съ 1775 года письма Графа Владиміра Григорьевича къ братьямъ не вносятся болѣе въ исходящія, а письма старшихъ братьевъ къ младшему не сохранились въ Отрадинскомъ архивѣ, и можно только догадываться объ ихъ содержаніи и общемъ тонѣ по отвѣтамъ Гр. Владиміра, съ которыми читатель уже знакомъ. Какая была участь этихъ бумагъ, — не извѣстно. Извѣстно, по письму 1850 г. Мамрова, одного изъ старшихъ конторщиковъ Гр. Владиміра Григорьевича, что въ 1815 или въ 1816 году Графъ рѣшился предать пламени весь хранившійся до того времени архивъ, и тогда, вѣроятно, сгорѣли и письма четырехъ старшихъ братьевъ. Владиміръ Гри-

горьевичъ сохранилъ копіи съ собственныхъ своихъ писемъ къ братьямъ, но, можетъ быть, не считалъ себя въ правѣ предоставлять критикѣ современниковъ и потомства интимныя сообщенія своихъ братьевъ. Такимъ образомъ, пропали для исторіи документы, вѣроятно, первостепенной важности. Можно ли осуждать за подобную осторожность? Не слѣдуетъ ли, напротивъ, уважить и похвалить скромность людей, уничтожающихъ слишкомъ откровенную переписку, въ которой слѣды сердечныхъ изліяній и описаніе нѣкоторыхъ фактовъ могутъ вредить славѣ писавшихъ? Любители скандальныхъ хроникъ, конечно, въ потерѣ отъ этой сдержанности въ сообщеніи фамильныхъ документовъ; но, предавая ихъ пламени, Гр. Владиміръ Григорьевичъ только оправдалъ ту довѣренность, которая есть непремѣнное условіе безъискусственности и искренности семейныхъ отношеній.—Мы увидимъ впослѣдствіи, что Графъ Владиміръ поступилъ иначе съ письмами своихъ дѣтей и внуковъ, находившихся еще въ нѣжномъ возрастѣ, и сохранилъ также нѣкоторыя письма взрослыхъ своихъ дѣтей, которыя были ему особенно дороги.... Семейство Графа Владиміра Григорьевича увеличилась рожденіемъ въ 1777 году сына Григорія и въ 1782 году дочери Натальи.

ПРИЛОЖЕНІЯ къ I-му тому.

ПРИЛОЖЕНІЕ I-е *).

Нѣкто Левъ, «мужъ честенъ», прибывшій въ XIV столѣтіи въ Россію изъ Прусской земли, считается родоначальникомъ фамилій: Орловыхъ, Беклемишевыхъ, Зміевыхъ и Княжпиныхъ.

Въ «Родословной книгѣ Князей и Дворянъ Россійскихъ и въѣзжихъ», Исторіографа Миллера (Москва, 1787. ч. II, стр. 357), о происхожденіи рода Орловыхъ сказано, что родословная ихъ находится въ Разрядномъ Архивѣ подъ № 111-мъ; но отыскать въ бывшемъ Разрядномъ Архивѣ, теперь находящемся въ Архивѣ Министерства Юстиціи, родословную рода Орловыхъ оказалось невозможнымъ. Сохранилось всего только 163 столбца бывшаго Разряднаго Архива, въ которыхъ № 111 нѣтъ; прочіе предполагаются сгорѣвшими или пропавшими въ 1812 году. Изъ сохранившихся отъ истребленія 163 столбцовъ Разряднаго Архива составлены «Родословныя росписи Россійскаго Дворянства», 2 т. in folio, рукопись, хранящаяся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Въ ней, часть 1, листъ 210, въ родословной одной изъ боковыхъ вѣтвей рода Льва (Беклемишевыхъ)

*) Къ стр. 5, т. I.

говорится слѣдующее: «*пришелъ къ Великому Государю къ Василью Дмитріевичу* *) *всея Россіи изъ Прусскія земли мужъ честенъ Левъ, а у Льва сынъ Гаврила, а у Гаврилы дѣти Елизаръ да Дмитрій, а у Дмитрія сынъ Фролъ и отъ него Орловы*».

Потомство Льва, въ линіи внука его, Дмитрія, приняло фамилію, или прозваніе Орловыхъ, отъ Василья Орла, потомка Льва въ шестомъ колѣнѣ. Въ дѣлахъ Московскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія, 1785—1797 г., кн. 91, буква О, находится родословная Орловыхъ отъ Льва до Лукьяна Ивановича (въ XVI столѣтіи), но потомства Лукьяна не видно изъ этой родословной. Взамѣнъ оной служатъ писцовыя книги по Бѣжецкому уѣзду и множество документовъ въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, доказывающихъ послѣдовательность преемства отъ Лукьяна до отца Графовъ Орловыхъ.

Изъ этихъ документовъ видно, что сельцо Люткино, Бѣжецкаго уѣзда, по приправочнымъ книгамъ Григорія Загряжскаго да Ефима Скобѣева, 1612 г., значится, какъ *старое* помѣстье Владиміра Лукьянова Орлова; что Владиміръ Лукьяновъ Орловъ написанъ въ 1612 г., какъ владѣлецъ деревни Уейка, а въ 1620 г. —сельца Фалѣева **); что Владиміръ Орловъ былъ 1613 г. губнымъ старостою въ Бѣжецкомъ верху ***); что въ книгѣ подъ № 102 Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ, Бѣжецкаго верха, 1622 г. (стр. 62), въ числѣ недорослей значится (стр. 64) сынъ Владиміра Лукьянова Орлова, Иванъ; что *по Государевѣ Царевѣ и Вел. Князя Алексѣя Михайловича всея Россіи грамотѣ за приписью дьяка Григорья Ларіонова по Государеву указу велѣно написать въ Московскомъ Дворянскомъ спискѣ* Ивана Владимірова сына Орлова (дѣда Григорія Ивановича) ****); что въ 1675 г.,

---

*) Княжилъ съ 1389 по 1425 г.

**) Дозорная и платежная книга по г. Торжку, кн. 31, № 654 и 1090.

***) По Московскому столу столб. $\frac{\text{общій } 4.}{\text{часть } 6.}$

****) Въ книгѣ подъ № 105, 1649 г., Бѣжицкаго верха, стр. 53.

марта 26, вдова Ивана Владимірова сына Орлова, Наталья Никитишна *), съ дѣтьми Яковомъ и Иваномъ Ивановичами (отцомъ Григорія Ивановича) подавала въ Помѣстный Приказъ прошеніе объ отказѣ за ними помѣстья и вотчины послѣ смерти мужа ея Ивана Владиміровича Орлова **).

Въ Родословной книгѣ Кн. Долгорукова находится слѣдующая ошибка: Григорій Ивановичъ, отецъ Графовъ Орловыхъ, показанъ сыномъ Ивана *Никитича*, а по писцовымъ книгамъ и фамильнымъ актамъ видно, что Д. С. Совѣтникъ, бывшій Новгородскій Губернаторъ, Григорій Ивановичъ Орловъ былъ сынъ Ивана *Ивановича*.

Несомнѣнное происхожденіе Григорія Ивановича отъ Ивана Ивановича, а не отъ Ивана Никитича, какъ значится въ книгѣ Кн. Долгорукова, т. IV, стр. 437, доказывается: 1) раздѣльнымъ актомъ 31 января 1746 года между Григоріемъ Ивановичемъ (отцомъ Графовъ Орловыхъ) и племянникомъ его Григоріемъ Никитичемъ и сестрой послѣдняго Анной Никитишной. 2) Рѣшеніемъ Вотчинной Коллегіи 30 сентября 1756 г. на прошеніе Ивана, Григорія, Алексѣя, Ѳедора и «недоросля» Владиміра Григорьевыхъ дѣтей Орловыхъ (впослѣдствіи Графовъ) о выдачѣ имъ изъ Вотчинной Коллегіи выписи о недвижимыхъ имѣніяхъ покойнаго отца ихъ, Григорія Ивановича Орлова, для объявленія межевщикамъ. А изъ справки Вотчинной Коллегіи видно: 1) что разныя имѣнія отъ Владиміра Лукьянова перешли къ сыну его, Ивану Владиміровичу; отъ Ивана Владиміровича—къ сыну его, Ивану Ивановичу, и, наконецъ, отъ этого послѣдняго къ сыну его, Григорію Ивановичу; 2) что въ 1748 г., по прошенію Лукеріи Ивановны, вдовы Григорія Ивановича, дѣти ихъ были утверждены наслѣдниками имѣній, доставшихся Григорію Ивановичу послѣ отца его, Ивана Ивановича, матери Марьи Максимовны,

*) Она похоронена въ Бѣжецкомъ погостѣ, вмѣстѣ съ сыномъ Иваномъ Ивановичемъ и его женою Марьею Максимовною.

**) Столб. оклеенный по городу Торжку, 74, № 14.

двухъ умершихъ братьевъ, Игнатія и Михаила Ивановичей, по вышеупомянутому раздѣлу 1746 года.

Быть можетъ и былъ, согласно показанію Кн. П. В. Долгорукова, какой нибудь Иванъ Никитичъ Орловъ, служившій въ концѣ XVII столѣтія въ стрѣлецкихъ войскахъ; но Орловъ этотъ, во всякомъ случаѣ, не былъ предкомъ Графовъ Орловыхъ.

По другимъ писателямъ, отецъ Григорія Ивановича участвовалъ въ стрѣлецкомъ бунтѣ, но былъ помилованъ въ 1698 году Петромъ Великимъ. — Но отецъ Григорія Ивановича, Иванъ Ивановичъ, умеръ еще въ 1693 г.

Мы видимъ Орловыхъ на воеводствахъ, въ стольникахъ, дьякахъ, стряпчихъ, губныхъ старостахъ. Они бьютъ крымскихъ мурзъ, встрѣчаютъ пословъ на границахъ государства, бываютъ на разныхъ государевыхъ посылкахъ и, наконецъ, за вѣрную службу, а особенно за Московское осадное сидѣнье, получаютъ отъ Великихъ Государей жалованныя вотчинныя грамоты.

Василій Никитичъ, племянникъ Лукьяна Ивановича, при нашествіи шведовъ въ Новгородъ, 1611 года 16 іюля, мужественно противясь имъ съ нѣсколькими казаками и гражданами, палъ мертвый съ мечемъ въ рукахъ.

Григорій Никитичъ, также племянникъ Лукьяна Ивановича, былъ воеводою въ Пелымѣ 1614—1619 г.; въ Саратовѣ—1625 и 1639 г.; въ Мангазеѣ—1632 г. Въ 1631 г. былъ въ посылкѣ съ княземъ Иваномъ Михайловичемъ Барятинскимъ на Дону встрѣтить турецкаго посла, и въ 1638 г. — съ княземъ Голицынымъ для встрѣчи крымскаго посла.

Иванъ Ивановичъ Орловъ отъ Государя Михаила Ѳеодоровича получилъ въ 1623 г. жалованную вотчинную грамоту на два сельца—Захарьино и Дубровку съ деревнями, въ Дмитровскомъ уѣздѣ, въ Лутосенскомъ стану,—за Московское осадное сидѣнье и «за многую его службу и правду».

Андрей Васильевичъ былъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, 1676 года, воеводою въ Шанчуринѣ.

Ѳедоръ Григорьевичъ, стольникъ, былъ при царѣ Ѳеодорѣ

Алексѣевичѣ воеводою во Владимірѣ въ 1676 г., а въ 1673 г. получилъ жалованную грамоту на вотчины: въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, село Фешево, деревню Сметанину и проч. и въ Нижегородскомъ уѣздѣ, въ Березопольскомъ стану, село Давыдовку.

Пименъ Савельевичъ, на службѣ израненый весь, за кровь и за раны былъ пожалованъ въ воеводы въ Тотьму и получилъ жалованную грамоту на вотчины: въ Переяславскомъ уѣздѣ Залѣсскомъ, на сельцо Князщино и дер. Бурцову, на прудѣ съ пустошами, и въ Новоторжскомъ уѣздѣ, въ Прутельской волости, деревню Китовку.

Никита Андреевичъ, стольникъ 1671 г., въ 1683 и 1685 гг. былъ при Царѣ Петрѣ I, когда Государь сей, по своему обѣщанію, ходилъ къ Троицѣ.

Ѳедоръ Андреевичъ 1669 г., Ѳедоръ Григорьевичъ 1678 г., Родіонъ Пименовичъ 1682 г., Иванъ Васильевичъ 1686 г., Филимонъ Борисовичъ 1688 г., Григорій Дмитріевичъ 1692 г., Ларіонъ Ѳедоровичъ 1692 г., Иванъ Дмитріевичъ 1692 г., — были стольниками.

Писцовая книга Бѣжецкаго уѣзда съ 7135 по 7137 г., письма и мѣры Данилы Свѣчина да подъячаго Ѳедора Второва, Городецкаго стана, № 35, начинается словами: «за Владиміромъ Лукьяновымъ, сыномъ Орловымъ, *старое его помѣстье*, по его Владиміровой сказкѣ и по приправочнымъ книгамъ Григорія Загряжскаго да Ефима Скобѣева 7120 г., сельцо Фалейка, на рѣчкѣ на Петрянѣ. . . . .
деревня Люткино, а въ ней дворъ помѣщиковъ». . . . . и т. д.

Изъ этого нельзя не придти къ заключенію, что въ XVI столѣтіи Орловы уже владѣли родовой вотчиной — сельцомъ Люткинымъ, которое съ тѣхъ поръ не выходило изъ владѣнія фамиліи Орловыхъ, переходя отъ одного поколѣнія къ другому или по наслѣдству, или по полюбовнымъ актамъ, до Графа Владиміра Григорьевича:

Хотя другихъ надгробныхъ памятниковъ фамиліи Орловыхъ, кромѣ упоминаемыхъ въ текстѣ, теперь не имѣется въ виду, но извѣстно, что въ погостѣ Бѣжецахъ похоронены и другіе Орловы. Такъ, напримѣръ, когда Иванъ Степановичъ Орловъ, двоюродный братъ Ивана Ивановича, въ 1655 году былъ раненъ подъ Вильною и умеръ дорогою оттуда, тѣло его было перевезено въ Бѣжецкъ, гдѣ и погребено у церкви *).

Изъ переписныхъ книгъ Бѣжецкаго уѣзда, Городецкаго стана, 7188 (1680) года, видно, что Иванъ Ивановичъ Орловъ владѣлъ, кромѣ сельца Люткина, еще деревнями: Языковой, Большневой, Фалейкой и многими пустошами. Къ этому, уже значительному владѣнію всѣ сыновья Ивана Ивановича прикупали въ первой половинѣ XVIII столѣтія весьма многія имѣнія, а именно:

Григорій Ивановичъ купилъ:

1726 г. имѣніе Юрія Ивановича Травина, д. Котляеву съ пустошами.

1733 г. имѣніе Княгини Марѳы Михайловны Долгоруковой, сельцо Дубровку съ деревнями и пустошами.

1734 г. имѣніе Василія Павловича Головкина, Замятино и имѣніе Князя Михайлы Матвѣевича Юсупова, дер. Малую Караваеву, Романовскаго уѣзда, Ярославской губ.,

1744 г. имѣніе Марины Михайловны Батановской, дер. Вышніе Вороны, дер. Заболотье и пустошь Заборье.

Игнатій Ивановичъ купилъ:

1721 и 1727 г. имѣніе Семена Андреевича Ивачова, Погорѣлки съ пустошами Сулино, Черменно, Голохово и Климовка.

1726 г. имѣніе Василія Павловича Шершавина, дер. Васильево съ пустошами.

---

*) Дѣло Вотчинной Коллегіи по городу Торжку, оклеен. столб. 293, № 4.

1731 г. имѣніе Князя Петра Дмитріевича Щербатова, въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, сельцо Никоновское съ 39 деревнями и многими пустошами.

1736 г. имѣніе Ивана Нелидова, дер. Киселиху съ пустошами Рыбиной, Новой и друг.

Никита Ивановичъ купилъ:

1717 г. у Андрея Ѳедоровича Карякина—сельцо Конониху.

1719 г. у вдовы Ѳедосьи Секіотовой—дер. Старкову съ пустошами.

1722 г. у Князя Василія Петровича Хованскаго—имѣнія Анциферово, Аказникову и проч. (Владимірскаго уѣзда).

Михайла Ивановичъ купилъ:

1721 г. у Юрія Ивановича Травина—дер. Мануйлову, и у Семена Андреевича Ивачева—пустоши Мотовиху, Тимахину и Голадушу.

1722 г. у Юрія Ивановича Травина—пустоши Никифорову и Трифонову.

1727 г. у подполковника Петра Ивановича Ловчикова—имѣніе при дер. Заболотьѣ.

1728 г. у стольника Князя Петра Дмитріевича Щербатова—село Горки съ деревнями и пустошами, село Боженокъ съ деревнями и пустошами.

1729 г. у статскаго совѣтника Тимоѳея Тимоѳеевича Савелова—дер. Новоселье съ пустошами.

1734 г. у Аграфены Яковлевны Перской — дер. Загорье.

Изъ прошенія о раздѣлѣ имѣнія, поданнаго 31-го января 1746 года въ Вотчинную Коллегію Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Григоріемъ Ивановичемъ Орловымъ съ племянникомъ его, Григоріемъ Никитичемъ (впослѣдствіи Оберъ-Гофмаршаломъ, Дѣйствительнымъ Камергеромъ и проч.) и сестрою по-

слѣдняго, Анною Никитишною, Орловыми,—видно состояніе, которое досталось сыновьямъ Григорія Ивановича послѣ отца, скончавшагося вскорѣ послѣ раздѣла (1 апрѣля 1746 года). Изъ дѣла Герольдмейстерской Конторы 1749 г. мая 21, объ опредѣленіи недоросля Ивана Григорьевича Орлова (старшаго сына Григорія Ивановича, род. 1734 г.) въ Преображенскій полкъ, узнаемъ, что всѣмъ братьямъ Орловымъ досталось отъ отца 2000 душъ крестьянъ *).

Прошеніе Григорія Ивановича и племянника его Григорія Никитича, съ сестрою Анною Никитишною, о раздѣлѣ имѣнія, поданное Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ въ Вотчинную Коллегію, начинается слѣдующимъ образомъ: «§ 1. Въ прошлыхъ годѣхъ моего Григорьева отца, а нашего Григорьева жь и Аннина дѣда, Ивана Ивановича, также и матери моей Григорьевой, а нашей Григорьевой же и Анниной бабки родной, Марьи Максимовны, и братьевъ моихъ Григорьевыхъ, а нашихъ Григорьева жь и Аннина отца, Никиты Ивановича, и дядевъ нашихъ родныхъ Игнатія и Михайла Ивановичей Орловыхъ, не стало, а послѣ ихъ ближе насъ именованныхъ законныхъ наслѣдниковъ нынѣ никого не имѣется, а за ними, моимъ Григорьевымъ отцомъ и за матерью и за братьями, а за нашими Григорьевымъ же и Аннинымъ дѣдомъ и бабкою и за отцомъ нашимъ и за дядями было недвижимаго имѣнія въ Бѣжецкомъ и въ другихъ уѣздахъ жилое и пустое, старинное и купленное». . . . и т. д.

---

*) Другіе Орловы въ началѣ XVIII столѣтія имѣли также порядочное состояніе, какъ видно изъ слѣдующаго отрывка челобитной, поданной Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, Ириною Ивановною Орловой, вдовою Ивана Дмитріевича Орлова, рожденной Взимковой: . . . «а хотя отъ Никитиной жены Орлова духовная написана и она противно Уложенью 16 главы 16 пункта, ибо жена въ мужнихъ вотчинахъ воли никакой не имѣетъ, понеже мужъ ея Никита Орловъ многопомѣстной, да не токмо вотчины и помѣстья за окладомъ осталось многое число, а оныя вотчины старинныя наши выслуженныя фамиліи нашей Орловыхъ». . . и проч. и проч. См. книги на г. Торжокъ, дѣла старыхъ лѣтъ.

По этому раздѣлу Григорію Ивановичу досталось сельцо Люткино съ 11 деревнями и 14 пустошами въ Бѣжецкомъ уѣздѣ и 1 деревня въ Калужскомъ уѣздѣ; Григорію Никитичу съ сестрою Анною—въ Бѣжецкомъ уѣздѣ—село Горки съ 12 деревнями и въ Переяславскомъ уѣздѣ — 1 деревня. Сверхъ того, оставлено было въ общемъ владѣніи Бѣлозерское имѣніе, сельцо Никоновское съ 39 деревнями и полудеревнями, которое, спустя два года, 7-го іюля 1748 г., поступило въ единственное владѣніе Анны Никитишны.

Въ 1754 году старшій сынъ Григорія Ивановича, Иванъ Григорьевичъ, тогда только 21 года, уже начинаетъ свои, впослѣдствіи многочисленныя, покупки имѣній (покупкою въ Романовскомъ уѣздѣ, Ярославской губ., деревни Харенцовъ).

ПРИЛОЖЕНІЕ II-е *).

Переводъ «Велизарія» посвященъ Его Преосвященству Гавріилу, Епископу Тверскому, въ слѣдующихъ словахъ:

«Древніе хранили обычай приносить свои сочиненія людямъ, коихъ они искренно почитали. Мы слѣдуемъ ихъ примѣру, принося нашъ переводъ Вашему Преосвященству. Добродѣтели Ваши намъ извѣстны; а особливо кротость, смиреніе, умѣренность, просвѣщенное набожество, которыя въ Васъ обитаютъ, и которыми бы долженствовало украшаться душѣ каждаго христіанина, а паче Пастыря Вашего чина.

Нравоученіе нужно всѣмъ народамъ и во всѣхъ состояніяхъ жизни. Блаженство общества зависимо отъ добраго поведенія членовъ онаго: и такъ, полезно имъ часто напоминать о долгѣ человѣка и гражданина, и представляя примѣры добродѣтели, воспламенять сердца ихъ ревностію подражать достойнымъ мужамъ, кои прежде ихъ жили.

Велизаръ такого рода сочиненіе. Герой, гонимый Юстиніаномъ, окруженный всѣми возможными злополучіями, непоколебимое мужество и безпримѣрное великодушіе оказываетъ. Изъ устъ его исходятъ слова, столь премудры, сколь поведеніе его славно. Наставленія *Тиверію* можно именовать наставленіями всѣмъ Государямъ и всему роду человѣческому.

---

*) Къ стр. 78, т. I.

Мы чистосердечно признаемся, что *Велизаръ* обладалъ нашими сердцами, и мы увѣрены, что сіе сочиненіе Вашему Преосвященству понравится, потому что Вы мыслями, какъ добродѣтелію, съ Велизаромъ сходны».

Выбранная Императрицей для перевода глава IX относится вся къ обязанностямъ Царей. Въ ней находятся слѣдующія мѣста:

«.... Начинайте же тѣмъ, дабы узнавать, что̀ болѣе ласкаетъ желаніямъ молодаго Государя. Вѣроятно, будетъ то состоять въ томъ, чтобъ быть свободну, сильну и богату, видѣть народъ свой себѣ послушнымъ, быть въ почтеніи у своего вѣка и хвалиму будущими временами; отвѣтствуйте тогда ему, что отъ добродѣтели всѣ сіи выгоды зависятъ, и вы его въ томъ не обманете.

Тайность, которую скрываютъ отъ гордыхъ Монарховъ и которую добронравный Государь знать достоинъ, есть та, что нѣтъ самовластія, кромѣ власти законовъ, и что тотъ, которой по своей волѣ царствовать хочетъ, есть невольникъ. Законъ есть соглашеніе соединенныхъ хотѣній въ одно; слѣдовательно власть его есть содѣйствіе всѣхъ силъ государства. . . . .

. . . .

Такъ ты видишь, продолжалъ Веліазаръ, что ихъ (Царей) величество и власть основаны на правосудіи, что милосердіе оныя еще увеличиваетъ и что самовластнѣйшій Монархъ есть тотъ, которой любимѣе . . . .

. . . .

Странное дѣло, сказалъ Императоръ, что вездѣ и во всѣхъ временахъ, друзья народные были ненавидимы отъ тѣхъ, кои по состоянію своему суть отцы народа. Единственная вина сего героя была та, что онъ любилъ народъ; чрезъ то возбудилъ онъ клеветниковъ моего Двора, и можетъ быть и мою зависть. Меня заставляли его бояться, но лучше бы мнѣ было̀ ему подражать»..

ПРИЛОЖЕНІЕ III-е *).

а) По поводу прохожденія Венеры чрезъ дискъ солнца въ 1769 году, В. Делленъ, въ статьѣ своей, помѣщенной въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ, т. XVIII, кн. 1, 1870 г., между прочимъ, говоритъ: «Но быть можетъ самый замѣчательный въ этомъ отношеніи (щедрость на ученыя изслѣдованія) примѣръ представляютъ усилія, сдѣланныя со всѣхъ сторонъ по поводу появленія Венеры на солнцѣ въ 1769 году; и намъ особенно пріятно вспомнить, что при этомъ состязаніи просвѣщенныхъ народовъ Россія отличилась особеннымъ рвеніемъ. Относительно этаго послѣдняго факта мы могли бы сказать еще гораздо больше, основываясь на печатныхъ отзывахъ иностранныхъ ученыхъ; но справедливость требуетъ не утаить, что эти лестныя выраженія находятся въ письмахъ и рапортахъ на имя тогдашняго Директора нашей Академіи Наукъ, Графа Владиміра Григорьевича Орлова, и оттого, по общей человѣческой слабости, нѣсколько подозрительны въ неполномъ безпристрастіи. И такъ, удовольствуемся тѣмъ, чего никто у насъ не оспариваетъ: мы съумѣли

*) Къ стр. 163 т. I.

тогда вполнѣ оцѣнить справедливость требованій науки и исполнили долгъ свой, по общему мнѣнію всего ученаго міра, добросовѣстно и честно. Не мало къ тому способствовало живое участіе, выказанное къ этому дѣлу самою Императрицею Екатериною II. Въ собственноручномъ письмѣ на имя Графа Владиміра Григорьевича она указала на особенное значеніе ожидаемаго явленія и приказала принять всѣ мѣры для возможно-полнаго наблюденія его, щедро жалуя на то чрезвычайныя средства; а при отъѣздѣ нашихъ астрономовъ въ дальній и не безопасный путь ихъ, они были удостоены чести личнаго прощанія съ Августѣйшею Государынею. И да не упрекнутъ насъ въ хвастовствѣ, если мы тутъ съ чувствомъ глубокой признательности припомнимъ, что въ ожидаемый день Императрица сама желала быть очевидцемъ этого рѣдкаго явленія на небѣ и исполнила это желаніе не безъ труда и не безъ нарушенія своего покоя. Такъ какъ въ самомъ Петербургѣ горизонтъ видѣнъ только съ крышъ высшихъ зданій, а Академическою обсерваторіею она не хотѣла пользоваться, чтобы не мѣшать занятіямъ астрономовъ (Майеръ разсказываетъ, что даже при просьбѣ уступить ей одну какую нибудь изъ зрительныхъ трубъ, строго было предписано —никакъ не лишать астрономовъ снаряда, который могъ бы быть имъ нуженъ), то она рѣшилась выѣхать за городъ на мѣсто, которое Майеръ обозначаетъ лежащимъ на берегу рѣки Невы, въ семи верстахъ за лѣтнимъ Ораніенбаумскимъ дворцомъ. Это должно быть не что иное, какъ возвышенность села Бронны; а то, чтó тогда еще называли Невою, мы теперь уже считаемъ заливомъ

«Вечеромъ 22 мая горизонтъ былъ нечистъ, вслѣдствіе чего Императрицѣ не удалось видѣть вступленіе Венеры; но на другое утро она уже до восхожденія солнца находилась на мѣстѣ и оставалась тамъ не только до совершеннаго выступленія Венеры, но наблюдала также, съ начала до конца, частное затмѣніе солнца, случившееся въ тотъ же самый день, спустя нѣсколько часовъ послѣ прохожденія Венеры. «Благословенна страна», восклицаетъ простодушный Майеръ, «гдѣ на престолѣ сидитъ философъ!».

«Въ то время Императорская Академія Наукъ была едва ли не единственная представительница науки въ цѣлой имперіи. Изъ всѣхъ нашихъ университетовъ, теперешнихъ центровъ высшаго образованія, существовалъ одинъ только Московскій, и конечно не въ нынѣшнемъ его видѣ; астрономическая обсерваторія при немъ учреждена гораздо позже. Не смотря на то, Академія располагала въ то время такимъ значительнымъ числомъ свѣдущихъ астрономовъ и искусныхъ наблюдателей, что при менѣе обширномъ проектѣ возможно было бы и удовольствоваться ими. Назовемъ имена этихъ ученыхъ, которые, не только при этомъ случаѣ, но и другими своими трудами, пріобрѣли себѣ прочную извѣстность. Въ Колѣ, Архангельской губерніи, наблюдалъ Академикъ Румовскій, а въ Гурьевѣ, при впаденіи рѣки Яика (Урала) въ Каспійское море, несчастный Ловицъ, которому вскорѣ послѣ того суждено было поплатиться жизнью за свою любовь къ наукѣ: попавши въ руки Пугачевской шайки, онъ погибъ жестокою смертью. При нихъ состояли помощниками: Охтенскій и Иноходцевъ, а Адъюнктъ Академіи Крафтъ посланъ былъ въ Оренбургъ. Сверхъ того: поручикъ Эйлеръ, сынъ безсмертнаго Леонарда Эйлера, наблюдавшій въ крѣпости Орскѣ, и капитанъ Исленьевъ съ помощникомъ Чернымъ, отправленные даже въ Якутскъ, хотя и не состояли непосредственно при Академіи, снабжены были отъ нея какъ инструментами, такъ и инструкціями, и ей же, кромѣ того, они обязаны были своимъ астрономическимъ образованіемъ. Однако же всего этого казалось еще недостаточно для полнаго обезпеченія успѣха; въ особенности въ сѣверныхъ странахъ, въ Лапландіи, по ненадежности погоды, настоятельно требовалось сильное подкрѣпленіе, и щедрость Императрицы дала возможность пригласить къ намъ для этой цѣли извѣстныхъ женевскихъ астрономовъ Малле и Пикте. Первый изъ нихъ отправился въ Поной, а второй въ Умбу, двѣ мѣстности, лежащія обѣ за арктическимъ кругомъ, въ нынѣшней Архангельской губерніи. Наконецъ, желательно было, чтобы и въ самомъ Петербургѣ, хотя его положеніе и не было особенно выгодно, сдѣланы были по

возможности полныя наблюденія; а такъ какъ наши астрономы почти всѣ разъѣхались, то Академія рѣшила пригласить сюда еще Мангеймскаго астронома Христіана Майера, того самаго, который послѣ ознаменовалъ себя въ наукѣ предположеніемъ, для своего времени довольно смѣлымъ, о томъ, что такъ называемыя двойныя звѣзды находятся въ физической связи между собою.

«Вотъ, что столѣтіе тому назадъ было у насъ сдѣлано для содѣйствія къ рѣшенію одного чисто-ученаго вопроса! Только для содѣйствія, ибо и другія націи не отказались отъ своей обязанности. Здѣсь, на сѣверѣ Европы, трудились вмѣстѣ съ нами сосѣди наши, Шведы и Датчане; Англичане и Французы отправили своихъ астрономовъ въ Гудзонскій заливъ, въ Отаити, въ Калифорнію, въ Пекинъ, въ Батавію и т. д.—Въ извѣстномъ сочиненіи Энке о прохожденіи Венеры 1769 года находится полный списокъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ удалось получить хоть какія нибудь наблюденія; число этихъ мѣстъ простирается до 149! Позволительно конечно полюбопытствовать, чѣмъ наконецъ вознаградились такія чрезвычайныя усилія? Сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ будетъ тѣмъ болѣе умѣстно, что безъ того наши дальнѣйшія разсужденія могли бы подать поводъ къ несправедливой оцѣнкѣ этого событія, навсегда достопамятнаго въ исторіи человѣчества. Прежде всего надо замѣтить, что небо вообще не благопріятствовало стараніямъ астрономовъ. Такъ, напр., здѣсь, на сѣверѣ Европы, изъ всѣхъ пунктовъ только въ одномъ Вардегузѣ (Wardöhus) погода не помѣшала наблюденіямъ, и, къ сожалѣнію, именно противъ наблюденій на этомъ мѣстѣ впослѣдствіи возникло весьма серьезное подозрѣніе. Въ Кахнеборгѣ, Колѣ, Поноѣ и у Сѣвернаго Мыса получено лишь кое-что неполное и болѣе или менѣе ненадежное; а въ Умбѣ, Торнео и Картенъ-Ніэми—ровно ничего, такъ что предусмотрительность Академіи —разослать наблюдателей въ возможно большее число различныхъ мѣстъ—вполнѣ оправдалась. Подобная неудача, хотя и не въ такой степени, случилась и въ другихъ частяхъ свѣта». . . .

. . . «Прохожденіемъ (Венеры) 1769 г. опредѣлилось разстоя-

ніе (земли отъ солнца) равнымъ 144 милл. верстъ, или параллаксъ въ 8°, 6; — и если теперь, спустя цѣлое столѣтіе, мы можемъ что нибудь возразить противъ этого результата, такъ развѣ только то, что его считали нѣсколько болѣе точнымъ, чѣмъ слѣдовало при вѣрной оцѣнкѣ всѣхъ обстоятельствъ». . . . .

б) Въ сочиненіи Курфальцскаго Астронома Христіана Мейера, на латинскомъ языкѣ, изд. Императорской Академіи Наукъ, 1769 г.: «*Изъясненіе прохожденію Венеры по солнцу, бывшему Маія 23 дня 1769 года*» (переведенномъ также на русскій языкъ), въ подлинникѣ, въ концѣ книги, § 249, говорится слѣдующее:

«Quam igitur erit gloriosum, sub huius Augustissimae Imperatricis Catharinae II Alexiewnae, cui Deus Vitam et Imperium prorogare velit, Gloriosissimis Auspiciis, eiusque Augusta sobole, Maternae Virtutis et Throni Haerede, Magno Duce totius Russiae, Paulo Petrowitsch his expeditionibus fauncte, tum Ill. ac toto orbe celeberrimae huitatis Academiae Scientiarum dispositione, labore, studius, et summorum Virorum ingenio, eiusque Illustrissimi ac Excellentissimi D. Directoris, D. Wolodimeri Comitis ab Orlow virtute, prudentia et singulari sapientia eam rem anno 1769, die 23 Maii vet. styl definitam esse, sine qua neque Astronomia veram mundani systematis rationem, neque Phisica occultorum phaenomenon terrestrium cognitionem, neque Geographia genuinam terrarum mariumque descriptionem, neque Chronologia, neque Historia exactam temporum notitiam, neque Ars nautica insularum, litorum sinuumque oceani mariumque notitiam veram perspectam haberet. In perennem tantae rei memoriam honoribus Augustissimae Imperatricis erigenda erit ingens pyramis Aegypti acmula ex Pario marmore cum hac inscriptione:

CATHARINAE II ALEXIEWNAE

Piae, Felici, Gloriosae

Russiarum omnium

Augustissimae Imperatrici et Autocratrici,

quod

Communi scientriarum ac humani generis bono,

fauente

EIUSDEM AUGUSTA SOBOLE

Dignissimo maximi Imperii Haerede

Magno Russiae Duce

PAULO PETROWITSCH,

Constitutis Petropoli, Kolae, Orskae, Orenburgi, in Gurieff, Ponoi, Umbae, Jakuzki

ASTRONOMIS

Per Illust. suam scientiarum Academiam,

Eiusque Directorem

Illustrissimum et Excellentiss. Dominum

D. Comitem

Wolodimerum ab Orlow

Parallaxin horisontalem solis,

Atque Adeo veram solis ceterorumque planetarum

a tellure et a se mutuo distantiam,

Totiusque Mundani Systematis ordinem

EX

Transitu Veneris ante discum solis

ix. calendas iunii st. v. an. MDCCLXIX.

definiuit».

Переводъ, изд. Академіи Наукъ:

«§ 249. И такъ столь будетъ сіе славно, что посредствомъ оныхъ эспедицій, учрежденныхъ съ знатнымъ иждивеніемъ по Высочайшему и достохвальнѣйшему повелѣнію Самодержавнѣйшія Государыни, Императрицы Екатерины Алексѣевны II, которыя жизнь и государствованіе да продолжитъ Всемогущій Творецъ, при дражайшемъ Ея Сынѣ, Наслѣдникѣ Матернія добродѣтели и престола, Его Императорскомъ Высочествѣ, Государѣ Цесаревичѣ и Великомъ Князѣ Всероссійскомъ Павлѣ Петровичѣ, и приведенныхъ къ желаемому концу распоряженіемъ, трудами и стараніемъ преславныя здѣшнія Академіи, остроуміемъ составляющихъ оную великихъ мужей, попеченіемъ, мудростію и отмѣнною прозорливостію директора ея, Сіятельнѣйшаго Графа Владиміра Григорьевича Орлова, въ 1769 году Маія 23-го дня по стар. стил. совершено такое дѣло, безъ котораго не имѣла бы ни Астрономія точнаго порядка въ системѣ свѣта, ни Фисика о сокровенныхъ земныхъ феноменахъ познанія, ни Географія справедливаго земель и морей описанія, ни Хронологія и Исторія истиннаго временъ показанія, ни кораблеплавательная наука обстоятельнаго объ островахъ, берегахъ и заливахъ океана и морей свѣденія. И по тому для вѣчной памяти толикаго дѣла долженствуетъ въ честь Самодержавнѣйшія Императрицы воздвигнута быть изъ чистѣйшаго Паросскаго мрамора Египетскимъ подобная пирамида съ сею надписью:

ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ II

Благочестивой, Благополучной, Славной

всея Россіи

Всеавгустѣйшей Императрицѣ

и Самодержицѣ,

которая

къ общему наукъ и всего человѣческаго рода благу,

при

ЛЮБЕЗНѢЙШЕМЪ ЕЯ СЫНѢ

достойнѣйшемъ наипространнѣйшаго сего Государства

НАСЛѢДНИКѢ,

Его Императорскомъ Высочествѣ

ГОСУДАРѢ ЦЕСАРЕВИЧѢ

и Великомъ Князѣ Всероссійскомъ

ПАВЛѢ ПЕТРОВИЧѢ,

учрежденными въ Санктпетербургѣ, Колѣ, Орскѣ, Оренбургѣ,

Гурьевѣ, Понoѣ, Умбѣ и Якуцкѣ

АСТРОНОМАМИ

чрезъ славнѣйшую свою

Академію Наукъ

и оныя директора

сіятельнѣйшаго графа

ВЛАДИМИРА ОРЛОВА

опредѣлила

Горизонтальной солнца параллаксисъ, и по тому подлинное солнца

и протчихъ планетъ отъ земли и между собою расстояніе и

порядокъ всея системы свѣта

изъ

прохожденія Венеры по Солнцу

въ 1769 годѣ, Маія 23 дня».

ПРИЛОЖЕНІЕ IV-е *).

Основаніемъ автономическаго городскаго права въ Германіи послужили Императорскія привиллегіи, даваемыя городамъ для огражденія ихъ правъ. Изъ этихъ привиллегій развилось право для городскихъ корпорацій. Съ XII вѣка установляются и получаютъ распространеніе слѣдующія права городовъ:

1) самоуправленіе, т. е. управленіе посредствомъ собственныхъ выборныхъ должностныхъ лицъ;

2) право постановлять для города обязательныя правила, имѣющія силу закона и обыкновенно называемыя *plebiscita*;

3) право установлять городскіе налоги и

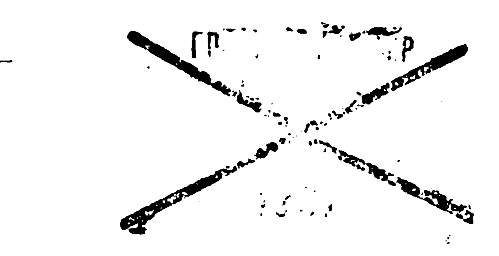
4) полное пользованіе торговлею и промыслами (exercitio jurium commercii civici).

Въ этомъ состоитъ все существо тѣхъ правъ и привиллегій, которыми пользовались города въ средневѣковой Германіи, и которыя съ особенною полнотою, опредѣлительностію и какъ наиболѣе предоставляющія самостоятельности городскому управленію и суду, — собраны были въ *статутѣ города Магдебурга.* Вслѣд-

*) Къ стр. 204, Т. I.

ствіе этого жители селенія, образуемаго въ городъ, или при основаніи новаго города, обыкновенно просили дать имъ тѣ права, которыми пользуется городъ Магдебургъ и которыя изложены въ статутѣ онаго; то же самое обѣщали владѣльцы имѣній, желающіе основать у себя городъ, т. е. обѣщали даровать поселенцамъ права города Магдебурга. Отсюда происхожденіе, такъ называемаго, *Магдебургскаго права.*

Въ статутѣ Магдебургскомъ заключается, кромѣ постановленій, опредѣляющихъ собственно городское устройство и корпоративныя права горожанъ, также и постановленія, касающіяся гражданскаго права, заимствованныя преимущественно изъ «Саксонскаго Зеркала» и обычаевъ (въ особенности отношеній между супругами и наслѣдственнаго права), а равно судопроизводства. Въ Польшѣ и Литвѣ Магдебургское право нерѣдко даровалось и *сельскимъ поселеніямъ*, изъ коихъ впослѣдствіи образовались города. Такъ какъ Магдебургское право, въ Польшѣ распространяемое, заимствовалось изъ вторыхъ рукъ, т. е. не прямо изъ Магдебурга, а изъ Кульма (Chelmno), то его обыкновенно и называли правомъ *Хельминскимъ* (Кульмскимъ).

ОГЛАВЛЕНІЕ I-го ТОМА.

СТРАН.

ВВЕДЕНІЕ . . . . I—IV

Глава I. Родословная фамиліи Орловыхъ. — Свѣдѣнія о дѣдѣ и отцѣ Графа Владиміра Григорьевича. — Свѣдѣнія о братьяхъ Графахъ Орловыхъ: о Графѣ Иванѣ, Князѣ Григорьѣ, Графѣ Алексѣѣ Чесменскомъ и Графѣ Өедорѣ. 5

Глава II. Дѣтство Графа Владиміра Григорьевича. — Студенческіе годы въ Лейпцигѣ. — Письмо Князя Орлова къ Ж. Ж. Руссо.— Отвѣтъ Ж. Ж. Руссо 14

Глава III. Придворная жизнь. — Путешествіе по Волгѣ въ свитѣ Императрицы. — Продолженіе путешествія, отдѣльно совершеннаго Графомъ Владиміромъ Григорьевичемъ до Астрахани и обратно до Москвы. — Переводъ французскаго романа «Велизарій» Императрицей и ея свитой 21

Глава IV. Обмѣнъ верховыхъ вотчинъ Графовъ Орловыхъ на Приволжскія имѣнія, Высочайше пожалованныя въ Симбирской и Самарской губерніяхъ, и описаніе этихъ имѣній. — Переходъ сихъ имѣній изъ рукъ въ руки съ 1632 года. — Указъ о пожалованіи Орловымъ Усольской волости. — Вновь пожалованное имѣніе дѣлается предметомъ особаго вниманія Графа Владиміра Григорьевича. 79

Глава V. Назначеніе Графа Владиміра Григорьевича Директоромъ Академіи Наукъ. — Опредѣленіе его должности. — Первые акты новаго Директора. — Рѣшеніе вести протоколы на нѣмецкомъ, вмѣсто латинскаго, языкѣ. — Именной Указъ объ учрежденіи Академической Коммисіи. — Эйлеръ. — Назначеніе ревизіи и учета иностранной книжной лавки. — Приготовленія къ ученымъ экспедиціямъ для наблюденія за прохожденіемъ Венеры. — Отправка молодыхъ студентовъ въ заграничные университеты. —

СТРАН.

Наблюденіе за прохожденіемъ Венеры. — Переписка объ отправленіи молодыхъ людей за границу и о другихъ предметахъ.— Письмо Императрицы къ Графу Владиміру Григорьевичу о порядкѣ наблюденія за прохожденіемъ Венеры въ 1769 году. — Переписка съ Академиками. — Донесенія о прохожденіи Венеры. — Переписка съ Палласомъ и др. учеными о путешествіи по Россіи.—Замѣчательное письмо Эйлера.—Письмо Линнея. — Письмо Архіепископа Казанскаго. — Письмо Митрополита Платона. — Письмо Графа Румянцева 85

Глава VI. Вступленіе въ общее съ братьями владѣніе имѣніями.— Женитьба Графа Владиміра Григорьевича. — Рожденіе перваго сына. — Продолженіе переписки съ разными учеными и губернаторами.—Переписка Графа Владиміра Григорьевича съ братьями Алексѣемъ и Θедоромъ 182

Глава VII. Дневникъ путешествія, въ 1770 г., въ Кіевъ и въ свои вотчины. 201

Глава VIII. Два письма въ Академію Наукъ по возвращеніи изъ путешествія.— Первая депеша объ истребленіи турецкаго флота при Чесмѣ. — Письма къ разнымъ лицамъ о Чесменской побѣдѣ.—Письма къ братьямъ за границу.—Приглашеніе въ Россію іерарха Евгенія Булгариса. — Письма въ Коммисію Академіи. . 214

Глава IX. Моровая язва въ Москвѣ. — Дневникъ путешествія за границу для поправленія здоровья. 246

Глава X. Письма Графа къ разнымъ лицамъ, по возвращеніи въ Россію. — Циркуляры въ вотчины. — Письма къ братьямъ и къ другимъ лицамъ. — Увольненіе Графа отъ должности Директора Академіи. — Отношенія къ Академикамъ Графа и его преемника Домашнева. — Выдержки изъ писемъ Графа къ брату Графу Алексѣю Григорьевичу и др. 265

Приложеніе I-е. III

» II-е XII

» III-е. XIV

» IV-е. XXII

ОПЕЧАТКИ и ПОПРАВКИ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

						Напечатано:	*Читай:*
II	страница	26	строка	(сверху).		Волги.	Волги.
18	»	2	»	(снизу).		desennuyer	désennuyer
19	»	3	»	»		assurement	assurément
20	»	9	»	(сверху).		refusé	refusée
29	»	7	»	»		сдѣлала	сдѣлалась
32	»	26	»	»		посмотра	посмотри
45	»	3	»	»		лажащихъ	лежащихъ
—	»	18	»	»		людей	ладей
87	»	18	»	»		tam	tum
88	»	9	»	»		lapsas	lapsus
—	»	15	»	»		quacnam	quaenam
104	»	5	»	»		и слышелъ	я слышалъ
105	»	13	»	»		ligné	ligué
110	»	4	»	(снизу).		Тверы	Твери
112	»	14	»	(сверху).		химиковъ	химикахъ
113	»	15	»	»		не принимали *).	не принимали.
114	»	20	»	»		тумянь	туманъ
115	»	6	»	»		тумяновъ	тумановъ
116	»	16	»	»		экономическои	экономическіе
117	»	4	»	»		мыслы	мысли
119	»	20	»	»		его щастливымъ	его съ щастливымъ
—	»	22	»	»		ня	на
120	»	3	»	(снизу).		§ 15	§ 5.
126	»	8	»	(сверху).		хорошу	хорошо
—	»	21	»	»		всѣ	все
127	»	7	»	(снизу).		ничего объ предпринять	ничего предпринять
129	»	1	»	»		наказу	наказъ
133	»	11	»	(сверху).		студентовъ	студентахъ
136	»	11	»	»		егдва	едва
—	»	23	»	»		она	они
—	»	1	»	(снизу).		стргости	строгости
138	»	2	»	(сверху).		столъ	столь
—	»	20	»	»		насъ	намъ
139	»	2—3	»	»		при нихъ знающіе	при ней знающихъ
—	»	13	»	»		у насъ самихъ	у самихъ

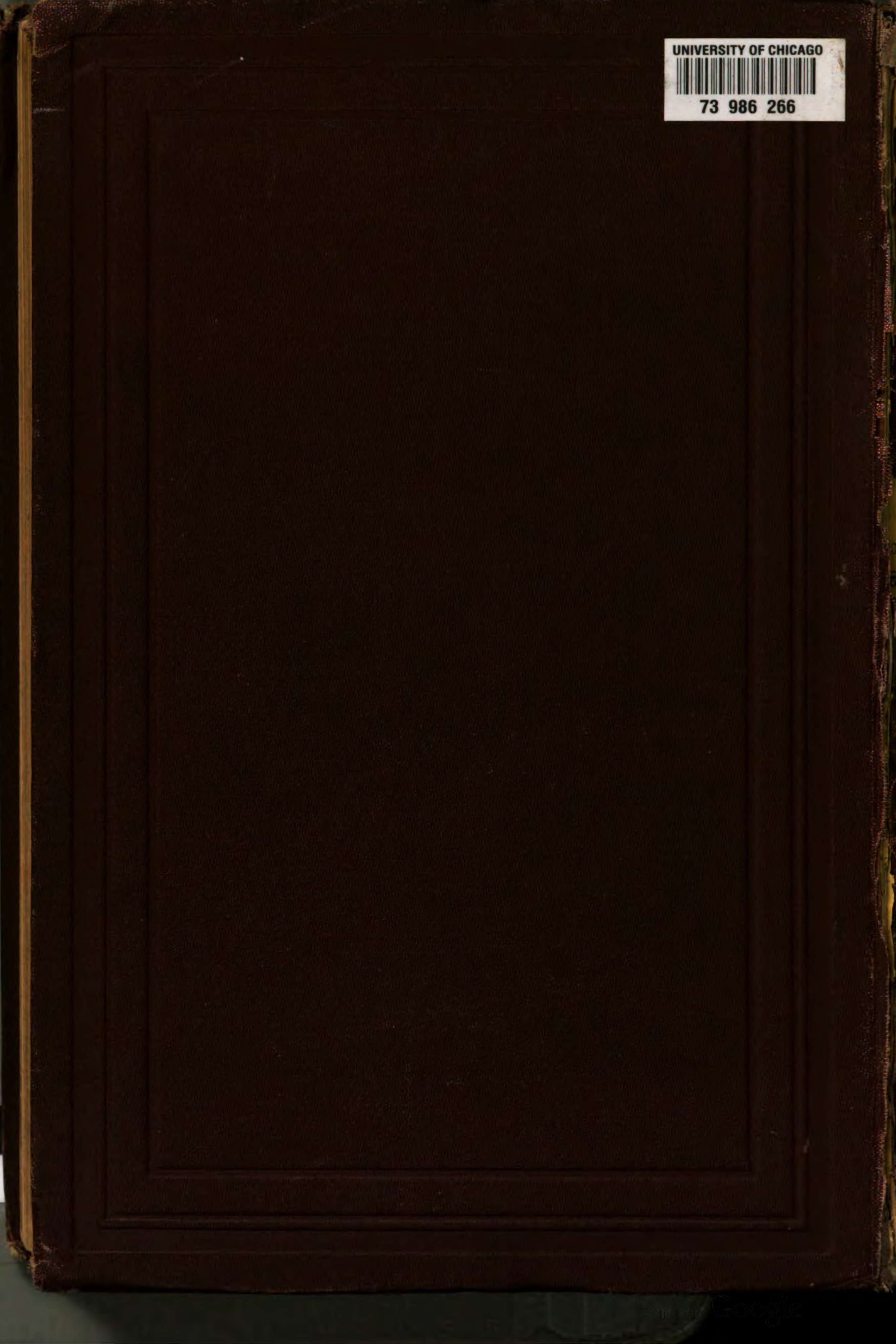
	Напечатано:	Читай:
140 страница 17 строка (сверху).	вспомнуть	вспомнить
— » 19 » »	Величеству	Величества
141 » 19 » »	обвертѣ а со всею	обвертѣ со всею
142 » 11 » »	Копія	Копію
— » 13 » »	но	на
— » 15 » »	упомянтомъ	упомянутомъ
147 » 17 » »	недавномъ	недавно
149 » 2 » »	выѣзды	выѣзду
165 » 4 » »	ученики	ученые
168 » 15 » »	l'in oculation	l'inoculation
170 » 1 » »	Немогжи	Немогши
177 » 15 » »	о семъ	О семъ
181 » 14 » »	сія	сію
187 » 5 » »	Гмелину — объ	Гмелину сообщаетъ объ
188 » 23 » »	взаключеніе	въ заключеніе
190 » 4 » »	отчего	отъ чего
191 » 7 » »	При этомъ хвалитъ	При этомъ Графъ хвалитъ
238 » 15—16 » »	не не видались	не видались
239 » 1 » (снизу).	вашъ	нашъ
240 » 16 » (сверху).	faire	fera
241 » 13 » »	Impériale et	Impériale. A
253 » 11 » »	Беве	Веве
260 » 13 » »	ораторовъ	ораторовъ
261 » 9 » (снизу).	Гонъ	Гопъ
274 » 6 » (сверху)	и	я
283 » 14 » »	задержку	задержу
284 » 10 » »	упрямость	упрямство
287 » 5 » »	Брилу	Брила
289 » 3 » »	en	eu
298 » 4 » »	предъидущему письму	предъидущаго письма
305 » 16 » »	Ежели	Я же
318 » 1, 3, 6 » (снизу). 319 » 6 » (сверху).	струны	стороны
— » 11 » »	Spansse	Spasse
— » 17 » »	fruy	frug

ПРИЛОЖЕНІЕ III-е къ I-му тому.

	Напечатано:	Читай:
XVIII страница 17 строка (сверху).	faunctc, tum III	favente, tum Jli
— » — » »	huitatis	hujus
— » 18 » »	studius	studiis

CT 1218 .072 0721 v.1 Orlov-Davydov Biograficheskii ocherk grafa Vladimira Grigor'evicha Orlova
OCT 17 1969 RECENT ACQUISITIONS
CT 1218 .072 0721 v.1 Orlov-Davydov Biograficheskii ocherk grafa Vladimira Grigor'evicha Orlova
THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

UNIVERSITY OF CHICAGO
73 986 266